литературно-художественный альманах 2020

АКАДЕМИЯ
РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК

КОВЧЕГ

2020

10

ЧЛЕНЫ СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ:

Союза писателей России, Союза российских писателей и Российского союза писателей

Вячеслав Алтунин

Ольга Артемова

Наталья Артемова

Ляман Багирова

Любовь Бондаренко

Ольга Борисова

Елизавета Весина (Баранова)

Елена Гаденова

Эдуард Георгиевский

Галина Зеленкина

Ольга Карагодина

Сергей Крестьянкин

Петр Любестовский

Галина Лялина

Николай Макаров

Олеся Маматкулова

Аркадий Мар

Геннадий Маркин

Антонина Маркова

Валерий Маслов

Алла Новикова-Строганова

Людмила Пенькова

Ольга Пономарева-Шаховская

Нина Попова

Валерий Савостьянов

Любовь Самойленко

Олег Севрюков

Лариса Семенищенкова

Евгений Скоблов

Галина Солонова

Николай Тимохин

Виктория Ткач

Евгений Трещев

Вадимир Трусов

Елена Хафизова

Валерий Ходулин

Яков Шафран

Алексей Яшин

Валерий Акимов

Людмила Алтунина

Ольга Андреева

Рудольф Артамонов

Виктор Афоничев

Марианна Бор-Паздникова

Евгений Варламов

Юлия Воеводина

Валентина Волчкова

Станислав Воронцов

Нина Гаврикова

Владимир Герасимов

Магдалина Гросс

Анастасия Демидова

Сергей Жигалин

Игорь Карлов

Анна Карлова

Галина Клинкова

Юлия Колобкова

Ирина Коновалова

Кира Крестьянкина

Наталья Лазарева

Сергей Лебедев

Лариса Лебедева

Светлана Люкшина

Ирина Мацнева

Анна Микаева

Вячеслав Михайлов

Рагим Мусаев

Виктор Мызников

Ирина Никольская

Сергей Никулов

Сергей Носов

Сергей Одиноков

Павел Подзоров

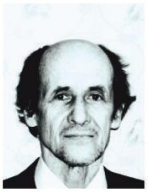
Ольга Приступенко

Татьяна Рогожина

Тамара Самохина

Наталия Силаева

Михаил Смирнов



Василий Тараканов

Ирина Татарникова

Анфиса Третьякова

Сергей Филиппов

Тамара Харитонова

Евгений Шепеленко

Наталья Шестакова

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ВСЕРОССИЙСКОГО ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЮБИЛЕЙНЫЙ 10-Й ВЫПУСК

«НОВЫЕ ВИТРАЖИ»
2020

УДК 882
ББК 84 2
К 25

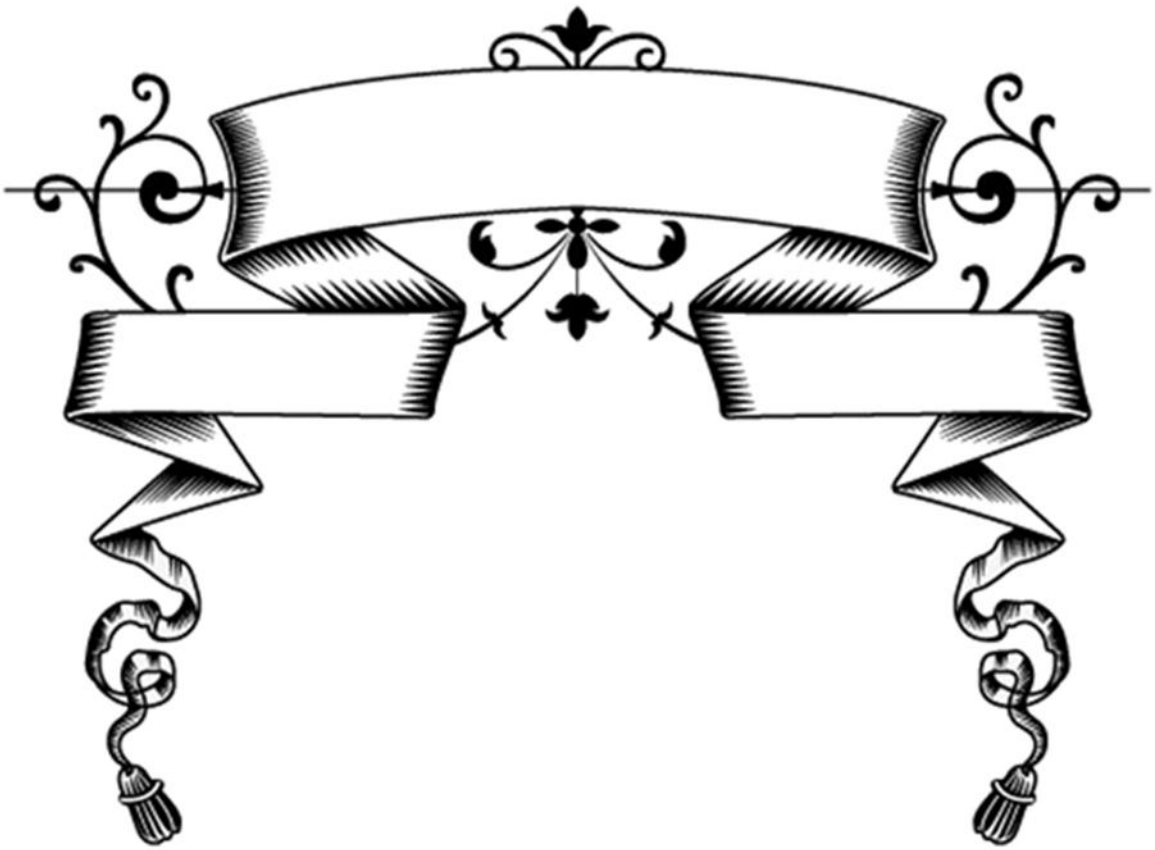
Альманах «Ковчег»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей. Выпуск 10-й.— М: «Новые Витражи», 2020.— 236 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В альманах «Ковчег», выходящий под девизом «Православие в наших душах», вошли духовные произведения, рассказы и стихотворения, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, литературоведческие работы и рецензии, а также произведения о детях и для детей для чтения им родителями. Многие из них посвящены 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Участники альманаха — это и самодеятельные писатели, и профессионалы — члены Союза писателей России, Российского союза писателей, Союза российских писателей и других писательских союзов. Широк и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. В «Ковчеге» представлены авторы из Нью-Йорка (США), Эль-Кувейта (Государство Кувейт), Москвы и Серпухова Московской обл., Санкт-Петербурга, Мончегорска Мурманской обл., Сокола Вологодской обл., Бобруйска (Беларусь), Свердловска (ЛНР), Крыма, Брянска и Сельца Брянской обл., Азова Ростовской обл., Тулы и Алексина, Архангельского, Донского, Ефремова, Шекино и Яблонево Тульской обл., Орла, Медвенки Курской обл., Баку (Азербайджан), Салавата (Башкортостан), Истомино Нижегородской обл., Самары, Отрадного и Тольятти Самарской обл., Волжского Волгоградской обл., Тюмени и Нижневартовска Ханты-Мансийского АО Тюменской обл., Семипалатинска (Казахстан), Искитима Новосибирской обл. и Кодинска Красноярского края. Объединяет же всех — любовь к России, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и народа, будущим наших детей.

Мнение редакционного совета не всегда совпадает с мнениями авторов.
За публикуемые в альманахе произведения ответственность несут авторы.

ISBN 978-5-6044594-0-9

© Шафран Яков Наумович, идея, составление, 2020
© Авторы, 2020
© Шафран Яков Наумович, оригинал-макет, 2020
© Шафран Яков Наумович, Радько Виктория Владимировна, оформление, 2020
© Издательство «Новые Витражи», 2020



ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

НАСТАВЛЕНИЯ СВЯТОГО МАКАРИЯ ВЕЛИКОГО*

… **5.** Как богатая девица, сговоренная замуж, какие бы ни получала подарки до брака, не успокаивается тем, пока не совершится брачный союз, так и душа ничем не успокаивается, пока не достигнет совершенного общения с Господом. Или как младенец, когда голоден, ни во что вменяет и жемчуг, и дорогие одежды, все же внимание обращает на питательные сосцы, чтобы вкусить молока, так рассуждай и о душе (то есть, что, все минуя, ищет она вкусить Бога — и тогда только покойною становится) (с. 74).

… **8.** Как муж тщательно собирает в дом свой всякие блага, так и Господь в доме Своем — душе и теле — собирает и полагает небесное богатство Духа (с. 74).

… **48.** Источник изливает чистую воду, но на дне его лежит тина. Если возмутит кто тину, весь источник делается мутным. Так и душа, когда бывает возмущена, срастворяется с пороком (с. 79).

… **49.** Мір уподобляется человеку богатому, который владеет великолепными и огромными домами, изобилует серебром и золотом, различными стяжаниями и всякой прислугой, но внезапно объят болезнями и немощами, все родство стоит пред ним и, при всем богатстве, не может избавить его от болезни. Так никакая житейская рачительность, ни богатство, ни другое что душу, погруженную в грех, не избавит от греха (с. 80).

… **63.** Земледелец всюду бросает семена и желает, чтобы все они принесли плод, а потом приходит с серпом и печалится, если не находит плода. Так и Господь хочет, чтобы слово Его посеяно было в сердцах человеческих. Но как земледелец печалится о скудной ниве, так и Господь скорбит о скудном и не приносящем плода сердце… (с. 81).

… **70.** Хотя младенец ничего не в силах делать или не может на своих ногах идти к матери, однако же он, ища мать, движется, кричит, плачет. И мать сжаливается над ним, она рада, что дитя с усилием и воплем ищет ее. И поскольку младенец не может идти к ней, то сама мать, преодолеваемая любовью к младенцу за долгое его искание, подходит к нему и с великой нежностью берет, ласкает и кормит его. То же делает и человеколюбивый Бог с душой, которая приходит и взыскует Его. Но гораздо еще более побуждаемый свойственной Ему любовью и собственной Своей благостью, прилепляется Он к разумной душе (с. 82).

… **112.** Для того-то и лежат на пути искушения, многие испытания, скорби, борение и пролитие пота, чтобы явными сделались те, которые действительно от всего произволения и всеми силами даже до смерти любили Единого Господа и при такой любви к Нему не имели уже ничего иного для себя вожделенного. Посему-то, по правде, входят они в небесное царство… (с. 92).

… **147.** Кто хочет … жизнь с великой точностью вести в совершенстве, тот обязан всеми силами позаботиться прежде всего о смысле и о рассудке души, чтобы, приобретши способность в точности различать доброе и худое, и во всяком случае распознавая, что в чистую природу привзошло несвойственного ей, жить … правильно и непреткновенно и чтобы, пользуясь рассудком, как глазом, быть … в состоянии не сдружаться и не входить в согласие с внушениями порока, а чрез это, сподобившись божественного дара, сделаться достойными Господа (с. 99).

… **148.** Тело имеет своим путеводителем глаз, и он видит и все тело ведет надлежащим путем. Представь же, что идет кто-нибудь местами лесистыми, заросшими тернием и тинистыми, где и огонь заграждает путь и мечи вонзены, есть там и стремнины и множество вод. Если путник оборотлив, осторожен и неустрашим, то, имея путеводителем глаз, с великой внимательностью проходит трудные эти места, и руками и ногами всячески сдерживает хитон свой, чтобы не изорвать между деревьями и в терниях, не замарать грязью, не изрезать мечами, и глаз, служа светом для целого тела, указывает ему путь, чтобы не сокрушилось оно на стремнинах или не потонуло в водах, или не потерпело вреда в каком-нибудь затруднительном месте. Так оборотливый и смышленый путник, со всей осторожностью подобрав хитон свой, идя прямо по указанью глаза, и себя сохраняет невредимым, и надетый хитон сберегает несожженным и неразодранным. Если же подобными местами проходит человек нерадивый, ленивый, беспечный, неповоротливый, недеятельный, то хитон его, развеваясь туда и сюда, потому что у путника недостает твердости всячески подбирать свою одежду, рвется об сучки и тернии или загорается от огня, или изрезывается вонзенными мечами, или грязнится в тине, одним словом, прекрасный и новый хитон его в скором времени портится от его невнимательности, недеятельности и лености. А если путник не будет обращать полного и должного внимания на указание глаза, то и сам упадет в ров или потонет в водах (с. 99).

149. Подобным образом и душа, нося на себе как бы прекрасный хитон, одежду тела, и имея у себя рассудок, который дает направление всей душе с телом, когда проходит она по лесистым и тернистым стезям жизни, среди тины, огня, стремнин, то есть, вожделений и удовольствий и прочих несообразностей века сего, должна с трезвением, мужеством, рачительностью и внимательностью везде сдерживать и оберегать себя. А чтобы телесный хитон на лесистых и тернистых стезях міра сего не разодрался где-либо от забот, недосугов и земных развлечений и не сгорел от огня вожделения, то облеченная в оный душа отвращает око, чтобы не

* Наставления Святого Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед. «Добротолюбие» в русском переводе святителя Феофана, Затворника Вышенского. Текст приводится по изданию Сретенского монастыря М. 2004, с корректировкой по изданию: Санкт-Петербург, 1877.

видеть лукавства, а также отвращает слух, чтобы не слышать пересудов, удерживает язык от суетных разговоров, руки и ноги от худых занятий, потому что душе дана воля отвращать телесные члены и не допускать их до худых зрелищ, до слышания чего-либо лукавого и срамного, до непристойных слов, до занятий … лукавых (с. 99).

УРОКИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО*

... Как нам не потерять, не утратить самих себя? Кто и что может нам помочь сохранить собственную душу, собственную землю, наш Русский мир? Как нам правильно сделать очередной исторический выбор? Как всегда, в самый трудный час ответы на подобные вопросы дают наши предки. А к кому же нам еще обращаться? У России, как известно, нет иных союзников, кроме армии, флота и… русских святых. И первый наш советчик на все времена — преподобный Сергий Радонежский (1314—1392), который во все века считался небесным покровителем и главным небесным молитвенником за Русь и народ. И не случайно на протяжении вот уже почти семисот лет преподобный Сергий — это самый любимый и почитаемый святой. … Так какие уроки дарит нам преподобный Сергий из далекого XIV века и из нынешней своей небесной Вечности?

УРОК ПЕРВЫЙ. «Ничего нет, если Правды нет…»,— написал когда-то один средневековый русский книжник [6]. Правда, как ее понимали наши пращуры,— это, прежде всего, справедливость, установленная человеку Самим Господом. Так вот: именно Троицкий монастырь, основанный преподобным Сергием, уже в XIV столетии стал символом такой Правды …

Если мы начнем читать «Житие преподобного Сергия», то в первую очередь увидим подвижника, *живущего по Правде*: скромного, терпеливого, неприхотливого. … Сергий основой жизни считал труд и только собственным трудом добывал себе пропитание. Житие сообщает: как-то в голодный год пришел Сергий к некому монаху Даниилу и предложил соорудить сени перед его кельей, а в качестве платы за труды попросил гнилого хлеба. Даниил тут же вынес Сергию целое решето хлеба, и был готов отдать его даром, но преподобный ответил: «Прибереги хлеб до девяти часов, потому что я прежде, чем руки мои не потрудились, и до работы платы не беру» [8]. И вообще, рассказывает житие, Сергий «братии как купленный раб служил: и дрова для всех… колол, и толок зерно, и жерновами молол, и хлеб пек, и еду варил, и остальную пищу, нужную братии, готовил; обувь и одежду он кроил и шил; и из источника, бывшего там, воду в двух ведрах черпал и на своих плечах в гору носил и каждому у кельи ставил» [9].

Не сразу, но пережив множество испытаний, братия Троицкого монастыря все же приняла принципы жизни своего игумена: «Монахи,— сообщает житие,— привыкли больше не роптать в печали и в лишениях, если когда-нибудь случались лишения, или скудость, или недостаток в необходимых вещах. Но все терпели с усердием и с верой, надеясь на Господа Бога, залогом имея преподобного отца нашего Сергия» [10]. Еще более строгой, но справедливой стала жизнь в монастыре после того, как Троицкая обитель приняла общежительный устав, в основе которого лежало несколько главных принципов — *равенство всей братии (включая игумена), запрет на частную собственность, совместный стол и молитва, послушание и четкое распределение обязанностей, наконец, ежедневный неустанный труд.*

… Иноки в этих обителях жили так же, как и окрестные крестьяне — в труде и скромности, а правила монастырского бытия оказались схожи с принципами жизни сельской общины. И крестьяне увидели в этих монахах сами себя — таких же тружеников, живущих столь же скудно и скромно. И в этом крестьяне узнали столь чаемую русским сердцем Правду…

УРОК ВТОРОЙ. Но Правда общежительных монастырей состояла не только в том, что иноки жили как соседние с ними крестьяне, а, прежде всего, в том, что они умели хранить и хранили *«чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную»* [11], т.е. *нравственную чистоту*. Иноческое трудолюбие, скромность и воздержание не были вынужденными, не были вызваны, как у большинства современников, лишь жестокими условиями окружающей жизни, но стали результатом *свободного выбора каждого из монашествующих*. Поэтому монахи общежительных обителей трудились втройне — и физически, и нравственно, и духовно. И снова первым здесь был преподобный Сергий. …

А потом, уже став игуменом, преподобный Сергий заботился о братии своего монастыря, не только о теле их думал, но и о душах их пекся. Потому в час вечерний обходил он братские кельи: «Если слышал он, что кто-то молится или поклоны совершает, или работой своей в безмолвии с молитвой занимается, или святые книги читает, или о грехах своих плачется и сетует, за этих монахов он радовался и Бога благодарил, и молился за них Богу, чтобы они до конца довели добрые свои начинания …» [13]

---

* Перевезенцев С. В. «И будет нам чудо… Уроки преподобного Сергия Радонежского». Образовательный портал «Слово». История. https://www.portal-slovo.ru/history/48399.php

УРОК ТРЕТИЙ. «Христос есть истинная Правда…»,— писал все тот же средневековый русский книжник [14]. Вот в чем было главное чудо общежительных монастырей: монахи трудились и жили похожим на крестьян образом, но по-другому — в чистоте души и *с верой во Христа*. Именно уподобление Самому Спасителю Христу придавало монастырским насельникам физические и нравственные силы, которые они направляли не столько на преодоление каких-то внешних трудностей, но главное — *на внутреннее духовное преображение*.

… Благодаря преподобному Сергию … в русскую жизнь пришла *идея и практика «высокого жития»* как реальный пример возможности достижения в обычных жизненных обстоятельствах *духовного совершенства*. Прежде всего, преподобный Сергий призывал иноческую братию *отказаться от мирских соблазнов — богатства, власти, ненависти, насилия*, но хранить *чистоту души, смирение и любовь*. Тогда братия сможет обрести *внутреннюю, духовную свободу* и *единомыслие*, без которых невозможна жизнь, будь то одного человека или всего человеческого сообщества. … Для русского общества — это духовное единство всего народа как основополагающий принцип идеи единства Руси, благодаря которому Русь только и может спастись.

ЧЕТВЕРТЫЙ УРОК преподобного Сергия — он не только проповедовал духовное единство, но и *много потрудился во славу единства Русской земли*. Ведь это именно он не раз в наиболее драматичные моменты истории убеждал князей прекратить кровопролитные усобицы и помогал им услышать друг друга, соединить силы: ходил мирить князей в Нижний Новгород и Рязань, в 1374 г. участвовал в съезде князей, на котором был составлен княжеский союз, подготовивший победу на Куликовом поле, а в канун Куликовского сражения, по свидетельству «Сказания о Мамаевом побоище», благословил московского великого князя Дмитрия Ивановича и все русское воинство на битву с полчищами Мамая и отправил на поле сражения двух монахов — Александра Пересвета и Андрея Ослябю, предварительно посвятив их в схиму [16]. На Куликовом поле именно Александр Пересвет положил почин великой победе, встретившись в поединке со «злым печенегом»…

Наконец, вспомним и *тот урок преподобного*, без которого наша история, а значит, и наше настоящее, наверное, были бы невозможны — чудеса, связанные с именем Сергия Радонежского … *«всея России чудотворца»*.

Как свидетельствует «Житие Сергия Радонежского», в жизни троицкого игумена было множество чудес. Наиболее яркое и значимое из них — явление Божией Матери, которая, в ответ на молитву преподобного Сергия, обещала Свое покровительство устроенной им обители [17]. Важно, что сам факт видения Сергию Божией Матери — это первое свидетельство явления Богородицы русскому иноку, живущему в московских землях. Позднее в этом видели явный знак того, что Господь стал уделять Московской Руси свое особое покровительство. Важно в данном случае и то, что явление Богородицы было уникальным в монашеской практике той поры. Кроме того, житие настаивает на том, что преподобному Сергию было дано и другое чудесное знание — исцеление больных, изгнание бесов …

Но самое главное состоит в том, что Сергий Радонежский продолжал оказывать важнейшее влияние на ход русской истории… уже после своей кончины. Если вспомнить посмертные чудеса, связанные с именем преподобного, то сразу же видно — он приходил на помощь своему народу в самые трудные, кардинальные, переломные моменты отечественной истории. … Сергий Радонежский — один из важнейших участников Смутного времени: именно он, если верить «Сказанию» Авраамия Палицына, становится основным вдохновителем обороны Троице-Сергиева монастыря во время его осады в сентябре 1608 — январе 1610 гг., неоднократно являясь в чудесных видениях игумену и защитникам обители [20]; именно преподобный Сергий, по уверениям самого Кузьмы Минина, воодушевил нижегородского земского старосту на собирание народного ополчения для спасения Москвы [21].

Такого рода примеров можно найти еще немало. Причем в данном случае совершенно неважно, происходили ли все эти чудеса на самом деле, главное в другом — современники и потомки искренне верили и продолжают верить в реальность чудес преподобного Сергия, в то, что по молитвенному обращению к нему они смогут получить не только духовную, но и вполне осязаемую помощь, а значит, выстраивают свое реальное поведение так, чтобы стать достойными тех чудес, в которые они верят. Таким образом, чудеса, связанные с именем Сергия Радонежского, оказываются действенным катализатором, немаловажным фактором развития истории России…

Сегодня, когда мы должны сделать очередной исторический выбор, а значит, найти ответы на какие-то сложные вопросы и укрепиться в собственных духовных силах, на помощь вновь приходит преподобный Сергий Радонежский, всея России чудотворец, и говорит нам: жить надо в правде, в чистоте душевной и телесной, в любви нелицемерной, в духовном единстве и в непрестанных трудах во имя Христа, ближних своих и своей Родины. А преподобный Сергий Радонежский, видя с небес наше сердечное усердие, будет молить Господа о нас, как молил все эти семьсот лет. И будет нам чудо…

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О КУЛЬТУРЕ И НРАВСТВЕННОСТИ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН*

Каждое слово Пушкина драгоценно. Д. Мережковский

• Мы почитаем всех нулями, / А единицами — себя («Евгений Онегин»).

• Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание («Метель»).

• Беда стране, где раб и льстец / Одни приближены к престолу, / А небом избранный певец / Молчит, потупя очи долу («Друзьям»).

• Описывать слабости, заблуждения и страсти человеческие не есть безнравственность, так как анатомия не есть убийство («Les consolations. Poesies par Sainte Beuve». — «Утешения. Стихотворения Сент-Бева»).

• Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая — от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения («Отрывки из писем, мысли и замечания»).

• Блажен, кто смолоду был молод, / Блажен, кто вовремя созрел, / Кто постепенно жизни холод / С летами вытерпеть умел («Евгений Онегин»).

• Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных («Отрывки из писем, мысли и замечания»).

• Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии («Возражение на статьи Кюхельбекера в “Мнемозине”»).

• Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности («Отрывки из писем, мысли и замечания»).

• На свете счастья нет, но есть покой и воля («Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»).

• Люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения («История села Горюхина»).

• Слишком жестокое воспитание делает из них [воспитанников] палачей («О народном воспитании»).

• Что за аристократическая гордость, дозволять всякому негодяю швырять в вас грязью («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений»).

• Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи («Заметки и афоризмы разных годов»).

• Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от драматического писателя («О народной драме и о "Марфе Посаднице" М. П. Погодина»).

• Главное достоинство искусства есть польза (Там же).

• Нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви («Александр Радищев»).

• Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости («Наброски статьи о русской литературе»).

• Где нет любви к искусству, там нет и критики («О критике»).

• Это уж не ново, это было уж сказано — вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов («Об обязанностях человека»).

• Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная («Арап Петра Великого»).

• Что же и составляет величие человека, как не мысль («Путешествие из Москвы в Петербург»).

• Зачем кусать нам груди кормилицы нашей; потому что зубки прорезались? («Письмо К. Ф. Рылееву, 25 января 1825 г.»).

• Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, хотя, может быть, и глубокомысленного («Отрывки из писем, мысли и замечания»).

• Откровенные, оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха, между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы общую улыбку («О новейших блюстителях нравственности»).

• Мой друг, Отчизне посвятим / Души прекрасные порывы! («К Чаадаеву»).

---

* Анатолий Бесперстых. Мудрые мысли Пушкина. Словарь. ПРОЗА.РУ https://www.proza.ru/2013/05/22/823 К 175-летию со дня смерти А. С. Пушкина

• Поэзия … по своему высшему, свободному свойству не должна иметь никакой цели, кроме самой себя («Les consolations. Poesies par Sainte Beuve» — «Утешения. Стихотворения Сент-Бева»).

• Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие («Отрывки из писем, мысли и замечания»).

• Неуважение к предкам есть первый признак дикости <и> безнравственности («Гости съезжались на дачу»).

• Я далек от того, чтобы восхищаться всем, что вижу вокруг себя; как писатель я огорчен … многое мне претит, но клянусь вам моей честью — ни за что в мире я не хотел бы переменить Родину или иметь иную историю, чем история наших предков, как ее нам дал Бог («Письмо П. Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 г.»).

• Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного («История русского народа»).

• Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастие общественное или человеческое достоинство («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений»).

• Быть славным — хорошо, / Спокойным — лучше вдвое («К другу стихотворцу»).

• Не надобно все высказывать — это есть тайна занимательности («Письмо П. А. Вяземскому, 6 февраля 1823 г.»).

• Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат («О прозе»).

• Первый признак умного человека — с первого взгляда знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера… («Письмо А. А. Бестужеву, январь 1825 г.»).

• Шутка, вдохновенная сердечной веселостию и минутной игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений»).

• Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благоразумен. Однако есть люди, которые любят себя с такой нежностью, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет смешную сторону энтузиазма и чувствительности («Отрывки из писем, мысли и замечания»).

• Прекрасное должно быть величаво («19 октября». «Роняет лес багряный свой убор…»).

• Прекрасное есть подражание изящной природе («О народной драме и о "Марфе Посаднице" М. П. Погодина»).

• Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова»).

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ*

• Лучше знать немного истинно хорошего и нужного, чем очень много посредственного и ненужного («Круг чтения»).

• Мысль только тогда движет жизнью, когда она добыта своим умом или хотя отвечает на вопрос, возникший уже в душе. Мысль же чужая, воспринятая умом и памятью, не влияет на жизнь и уживается с противными ей поступками (Там же).

• Ученый — тот, кто много знает из книг; образованный — тот, кто усвоил себе все самые распространенные в его время знания и приемы; просвещенный — тот, кто понимает смысл своей жизни (Там же).

• Вера суть понимание смысла жизни и признание вытекающих из этого понимания обязанностей (Там же).

• Люди живы любовью; любовь к себе — начало смерти, любовь к Богу и людям — … жизни (Там же).

• Я был бы несчастливейшим из людей, ежели бы я не нашел цели для моей жизни — цели общей и полезной… («Дневник». 17 апреля 1847).

• … Я нашел простую, старую вещь, я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что жить надо для другого, для того, чтобы быть счастливым вечно… («Письмо А. А. Толстой. Апрель-май 1859»).

• Если нет сил гореть и разливать свет, то хоть не засти его («Круг чтения»).

• … Жизнь есть служение тому, кто послал тебя в мир, и жизнь становится постоянной радостью (Там же).

• Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на служение людям… («Дневник». 8 апреля 1901).

• … Деятельность нравственная… составляет высшее призвание человека… («О том, что называют искусством». 1896).

---

* Сайт «Лев Толстой». Цитаты. http://tolstoy.ru/

• Для того чтобы воспитать человека, годного для будущего, надо воспитывать его, имея в виду вполне совершенного Человека,— только тогда воспитанник будет достойным членом того поколения, в котором ему придется жить («Круг чтения»).

• И воспитание, и образование нераздельны. Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое же знание действует воспитательно («О воспитании»).

• … Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель («Азбука. Общие замечания для учителя»).

• … Если же поймем, что воспитывать других мы можем только через себя, воспитывая себя, то упраздняется вопрос о воспитании и остается один вопрос жизни: как надо самому жить? … («Письмо к Ф. А. Желтову. 18 декабря 1895»).

• То, что называют цивилизацией, есть рост человечества. Рост необходим, нельзя про него говорить, хорошо ли это или дурно. Это есть, в нем — жизнь. Как рост дерева. Но сук, или силы жизни, растущие в суку, неправы, вредны, если они поглощают всю силу роста. Это с нашей лжецивилизацией («Дневник». 6 июля 1905).

• Искусство — одно из средств различения доброго от злого, одно из средств узнавания хорошего («Дневник». 20 октября 1896).

• Чтобы произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль. Так в «Анне Карениной» я любил мысль семейную… (Запись в «Дневнике С.А. Толстой». 3 марта 1877).

• Главная цель искусства… та, чтобы проявить, высказать правду о душе человека… Искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям («Дневник». 17 июня 1896).

• … Нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем («Дневник». 14 июня 1894).

• Дело жизни, назначение ее радость … Нарушается эта радость, значит, ты ошибся где-нибудь — ищи эту ошибку и исправляй. Нарушается эта радость чаще всего корыстию, честолюбием… Будьте как дети — радуйтесь всегда («Дневник». 15 сентября 1889).

• Любить — значит жить жизнью того, кого любишь («Круг чтения»).

• Любовь уничтожает смерть и превращает ее в пустой призрак; она же обращает жизнь из бессмыслицы в нечто осмысленное и из несчастия делает счастие (Там же).

• Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться. (С. А. Толстая. «Дневники». 1873 г.).

• Люди учатся, как говорить, а главная наука — как и когда молчать («Путь жизни»).

• Говори только о том, что для тебя ясно, иначе молчи («На каждый день»).

• Если один раз пожалеешь, что не сказал, то сто раз пожалеешь о том, что не смолчал («Круг чтения»).

• Правда, что там, где есть золото, есть и много песку; но это никак не может быть поводом к тому, чтобы говорить много глупостей для того, чтобы сказать что-нибудь умное («Что такое искусство?»).

• Больше всех говорит тот, кому нечего сказать («Круг чтения»).

• Часто молчание лучший из ответов («Путь жизни»).

• Злословие так нравится людям, что очень трудно удержаться от того, чтобы не сделать приятное своим собеседникам: не осудить человека («Круг чтения»).

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ*

• Уважения заслуживают те люди, которые независимо от ситуации, времени и места, остаются такими же, какие они есть на самом деле.

• Человек, которому Вы нужны, всегда найдет способ быть рядом.

• Люди друг к другу зависть питают; я же, напротив, только завидую звездам прекрасным.

• Обида такая пилюля, которую не всякий с покойным лицом проглотить может; некоторые глотают, разжевав наперед; тут пилюля еще горче.

• Как бы ловко ни был сшит плащ тщеславия, он никогда не прикрывает совершенно ничтожности.

• На мысли, дышащие силой, / Как жемчуг, нижутся слова.

• Не унижай себя. / Стыдися торговать / То гневом, то тоской послушной.

• Перед идолами света / Не гну колени я мои.

• Кто близ небес, тот не сражен земным.

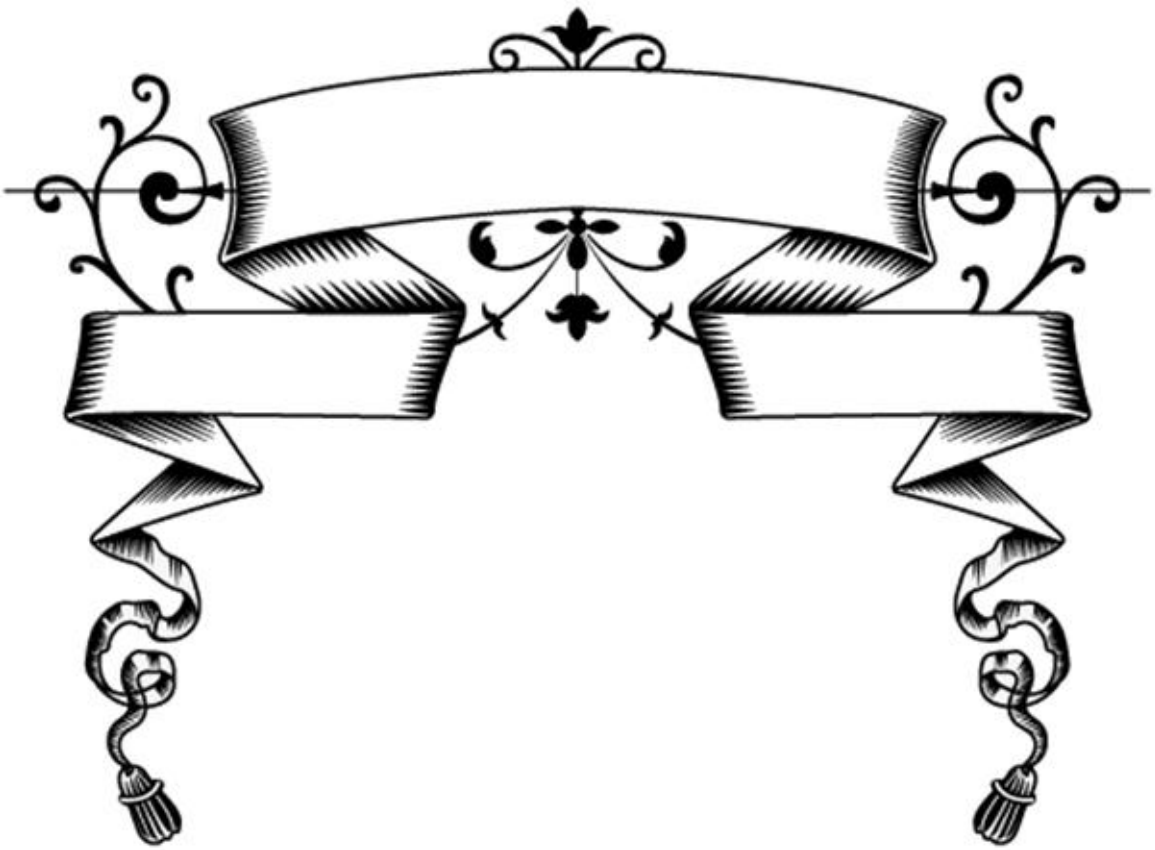
• Есть сила благодатная / В созвучьи слов живых, / И дышит непонятная, / Святая прелесть в них.

• В минуту жизни трудную, / Теснится ль в сердце грусть, / Одну молитву чудную / Твержу я наизусть.

• Тому ль пускаться в бесконечность, / Кого измучил краткий путь?

---

* Цитаты из книг автора Михаил Юрьевич Лермонтов https://citaty.info/man/mihail-yurevich-lermontov



К 500-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ

Валерий ХОДУЛИН

г. Тула

Родился в 1937 г. С пятнадцати лет на Оружейном заводе. Воинскую службу проходил в 1956—1958 гг. на крейсере «Аврора». Тогда же появились ранние публикации. Первая книга стихов «Гравюра» вышла в 1965 г. на пятом курсе Литинститута им А. М. Горького, который окончил с отличием. Много лет работал старшим редактором Приокского книжного изд-ва, председателем Тулоблотделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Автор многих поэтических и публицистических сборников. С 1972 г. член СП СССР, член СПР с 1995 г. Заслуженный работник культуры России, Почетный гражданин города-героя Тулы. Лауреат многих литературных премий. Лауреат Всероссийского отраслевого фестиваля авторской песни. Членкор Петровской академии наук и искусств. Награжден многими медалями. Член Союза десантников России, Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ИЗ ЦИКЛА «МОЙ ТУЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ»

***

… Когда пришлось, Россия-мать,
Тебе вступать в бои,
Вновь начал кремль припоминать
Традиции свои.
Никто из недругов-врагов,
Как ни хитрил-мудрил,
На протяжении веков
Его не покорил.
Ни перед кем он не упал
И не склонил главы.
И враг надменный не топтал
Внутри его травы.
Не знал он страха никогда.
Но вот пришла беда.
— Мужайся, кремль!
В пяти верстах
Фашистская орда.
Прошедший через много стран,
Мечтавший взять Москву,
Готовился Гудериан
К последнему броску.
Никто ему победный туш
Под Тулой не сыграл.
Зарницы грозные «катюш»
Увидел генерал.
Вставала, дыбилась земля,
Был ад со всех сторон.
То вел огонь от стен кремля
«Катюш» дивизион.
И чтобы враг не разгадал,
Откуда этот гром,
Мой кремль «катюши» прикрывал
Своим седым крылом.
И здесь у крепостной стены,
В шуршанье мирных шин,
Мне сквозь асфальт
Следы видны
Тех боевых машин.
И ударяет кровь в висок,
Когда сквозь толщу лет
Увижу старенький «зисок»,
Закутанный в брезент.
А под брезентом —
К ряду ряд,
Чтоб не были видны,
Снаряд, снаряд, еще снаряд —
Большой секрет войны.
Минуло время,
Снят запрет,
И тишина кругом,
Но свято кремль хранит секрет
Победы над врагом.

Валерий САВОСТЬЯНОВ

г. Тула

Род. 02.09.1949 в д. Сергиевское Болоховского (ныне Киреевского) р-на Тульской обл. Член СПР и Международной гильдии писателей. Автор двенадцати книг и многих публикаций в российских и зарубежных изданиях. Лауреат многих литературных премий, фестивалей, конкурсов. «Русский крест» — в списке лучших произведений русской литературы (2014) (дипломы 2-х международных конкурсов, Берлин и Лейпциг, 2015 и диплом Южно-Уральской литературной премии «За глубокое осмысление памяти Победы», Челябинск, 2015). Наш постоянный автор.

КРЕМЛЬ — БОГАТЫРЬ

Пять веков над милою сторонкой
Огненные сполохи зари —
То сошлись померяться силенкой
Над рекой Упой богатыри.
И один, в насмешке рот ощеря,
Молвил, опираясь на копье:
«Мальчик, я бессмертнее Кощея,
Ибо Время — имечко мое!..»
Но второй ответил:
«Верю в Чудо:

Не склонится Чудо пред копьем!
Тульский щит я,
Тульская кольчуга,
Тула-мать зовет меня Кремлем.
Отчей славе, подвигом добытой,
Пусть же в храме ставится свеча!
Даже по колено в землю вбитый —
И теперь не опущу меча.
Ибо нужно Богу, чтоб не пленной
Над родным нетленным очагом
Хоть одна склонялась во Вселенной
Мать, не оскверненная врагом!..»

Яков ШАФРАН

г. Тула

Член Академии российской литературы, РСП, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Автор десяти книг прозы и стихов. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов ряда альманахов.

НАШ КРЕМЛЬ
(песня)

1.
Кремль наш древний, кремль старинный,
Я иду к тебе опять.
Вижу давние картины,
Словно время мчится вспять:
Как Гирей, что шел с войною,
Был дружиною разбит,
Как над речкой, над Упою
Стал тогда ты знаменит.

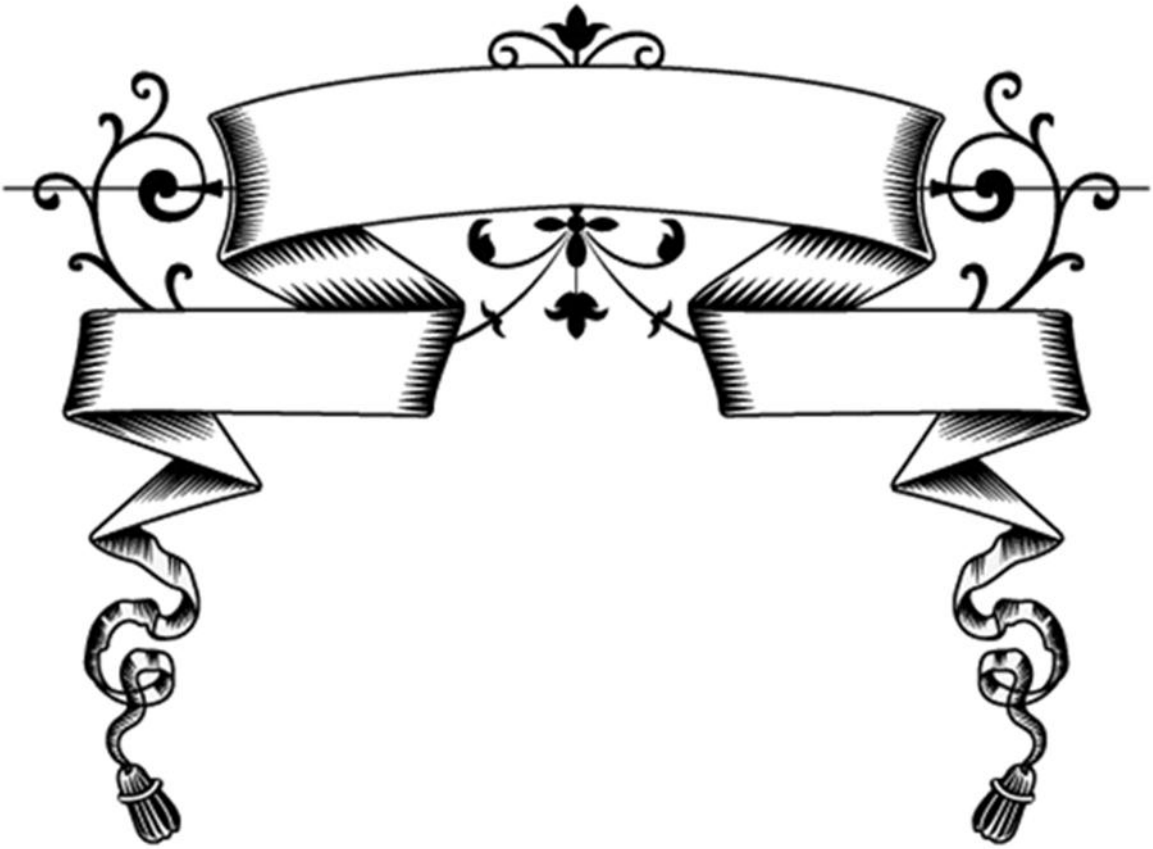
Припев:
Наш кремль в веках
Прославил город.
Он жив в сердцах,
Как прежде молод.
Наш кремль — герой.
Он — гордость наша.
Наш кремль родной,
Его нет краше.

2.
Полк рабочий, полк наш тульский
Шел от стен твоих на бой.
Это был ответ наш русский,
Был ответ наш боевой.
Вновь щитом России стала
Тула в грозные года.
Вновь столицу отстояла
Долгу верная всегда.

Припев.

3.
Хоть уже и в землю врос ты,
Гордо высится глава.
Невысокого ты роста,
Но высокого родства.
И когда с тобою рядом,
Ощущаю строгий взор,
Будто слышу: «Сын мой, надо
Вместе нам нести дозор!»

Припев.



ПРОЗА

ЛЯМАН БАГИРОВА
ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ
ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
ПЕТР ЛЮБЕСТОВСКИЙ
ВЛАДИМИР ГЕРАСИМОВ
ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВ
ОЛЕГ СЕВРЮКОВ
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
НИНА ГАВРИКОВА
ОЛЬГА КАРАГОДИНА
ГАЛИНА КЛИНКОВА
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН
АРКАДИЙ МАР
МИХАИЛ СМИРНОВ
ЕВГЕНИЙ ВАРЛАМОВ
ГАЛИНА СОЛОНОВА
ПАВЕЛ ПОДЗОРОВ
ВИКТОР АФОНИЧЕВ
ИГОРЬ КАРЛОВ
НАТАЛЬЯ ЛАЗАРЕВА
ТАМАРА ХАРИТОНОВА
НИКОЛАЙ МАКАРОВ
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ

Ляман БАГИРОВА

г. Баку, Азербайджан

Багирова Ляман Сархадовна родилась 6.08.1969 г. в Баку. Филолог-русист. Заведующая сектором новых книг в отделе национальной библиографии Национальной библиотеки Азербайджана. Член СП Азербайджана и РСП. Издано четыре книги рассказов. Публикуется в журналах, альманахах и газетах. Лауреат, дипломант и финалист ряда известных конкурсов. Постоянный автор нашего альманаха.

Ищи света и свободы и не погрязай слишком глубоко в болоте жизни
Винсент Ван Гог

СВОБОДНЫЙ

«Вильгельм-Дроня»… Его давно уже называли так. И за глаза, а порою и в глаза. По имени-отчеству его величали только гардеробщица тетя Вера, да редактор переводческого отдела Лев Зусьевич — оба люди пожилые, хранящие верность церемонным обращениям. Иногда ему казался странным звук собственного имени — он вздрагивал и подслеповато моргал бесцветными глазами. Гораздо привычнее, чем выспреннее Артемий Константинович было обращение по фамилии — Сорокин, а еще привычнее эта странная кличка «Вильгельм-Дроня». Он не обижался: казалось порог обиды, унижения, насмешки не существовал для него. Да и как можно унизить человека, не стеснявшегося ходить на работу в измятой донельзя рубашке, заляпанном пиджаке с вечно болтающимися пуговицами и побелевших от времени брюках? Когда ему намекали на несоответствие внешнего облика высокой должности корректора в крупном журнале и пеняли на неэстетичную одежду, он лишь пожимал плечами, и некое подобие улыбки появлялось на серых губах.

Сорокин не то чтобы пренебрегал материальными ценностями — ему нравилась и добротная одежда, и хорошая еда, но он не считал нужным самому добиваться их. Есть — хорошо, нет — тоже славно. Он не выпрашивал ни путевок в санаторий, ни интересных командировок, не требовал прибавки к зарплате, ни даже отпуска в летние месяцы. Но и витающим в облаках переростком его тоже нельзя было назвать. Он как бы существовал в двух параллельных мирах, причем материальный, плотный и зримый был где-то внизу, и в нем Сорокин оставлял лишь свою оболочку, действительно неэстетичную. Душа же парила в поднебесье, беседовала с Пушкиным, восторгалась Державиным, спорила с Ахматовой и Шелли и упоенно замирала перед небесно-золотым чертогом своего кумира — Вильгельма Кюхельбекера.

Незадачливый поэт, имя которого в основном упоминалось в общем списке «Поэты пушкинской поры», друг Пушкина и Баратынского, декабрист и коллежский асессор — был всем для Сорокина. Стоило ему завалиться на диван с потрепанной книжкой стихов Кюхельбекера, как время замирало, и жизнь казалась одним большим праздником. Он искренне полагал, что только переменчивая фортуна оставила Кюхлю в вечной тени его великого лицейского товарища, и если бы не роковая цепь случайностей, то именно Кюхельбекер, а не кто-то другой блистал на литературном небосклоне той поры. Сорокин знал о Кюхельбекере все, книгу Тынянова «Кюхля» цитировал чуть ли не наизусть, и так надоел сослуживцам, что кличка «Вильгельм» пристала к нему всерьез и надолго.

Семьи у него, конечно, не было. Как-то не задерживались жены рядом с человеком, с которым даже Обломов со своей любовью к дивану и халату казался сгустком энергии.

Впрочем, дамским вниманием Сорокин не был обделен. Трудно сказать, что манило их в нем — нелепом, неряшливом, не вписывающимся ни в один из стандартов, привычных человеческому сознанию. Не человек, а одно сплошное «не». Несовременный, непрактичный, незаземленный. Очевидно, это «не» и притягивало к нему женщин. Брутальность, или то, что выдается за нее — нагловатость, резкость, властность прискучивали им, и они припадали к старомодности Сорокина как к живительному роднику, бессознательно ища в нем ласки и тепла. До Сорокина в конце концов доходило, что дамы ждут от него не только интеллектуальных бесед, и он, как ни странно, оказывался страстным любовником. И женщины, пораженные этими новыми талантами Сорокина, сохраняли по нему трогательную и благодарную память. Но ни одной из них не удалось задержаться надолго — для этого нужна не только удивленная нежность, но и бег в одной упряжке по дороге жизни, а впрягаться и тем более бегать Сорокин решительно не умел. И женщины оставляли его, кто со слезами, кто с криком, кто с упреками, и Сорокину было тяжко от их боли, но изменить что-то в себе он не мог. Все облеченное в плоть и кровь существовало для него словно за стеной невидимого бассейна. За его пределами шумела жизнь — не всегда понятная, тяжелая, добрая, жестокая, милосердная — она неслась, мчалась, рвалась и создавала связи, но Сорокин существовал в своем плотно замкнутом бассейне и немеркнущим светом для него был образ Вильгельма Кюхельбекера.

Вторая, более ранящая часть клички — «Дроня» расшифровывалась просто. Вильгельм Кюхельбекер, будучи на поселении в городке Баргузин Иркутской области, умудрился жениться там на дочери местного почтмейстера Дросиде Ивановне Артеновой, миловидной, но почти неграмотной и очень раздражительной

бурятской девице. Она не могла выговорить и фамилии своего мужа, называя его «Клухербрехером». Но он звал ее ласково «Дронюшка», ей он читал свои сентиментальные стихи, и во всем потакал. В ее облике заключались для него уют и обаяние, нежность и женственность. Впрочем, милый поэт был не оригинален. Разве за несколько веков до него странствующий рыцарь из Ламанчи не обожествил крестьянскую девушку Альдонсу Лоренцо и не нарек ее Дульсинеей Тобосской? Что нам стоит дом построить — нарисуем, будем жить!

Нелепый, долговязый, глухой на одно ухо, (а к старости и вовсе ослеп) Кюхельбекер — драчун и дуэлянт, добряк и умница, человек, в жизни которого было больше безудержной пылкости и недоразумений, чем здравого смысла, был близок Сорокину и недосягаем для него. Донкихотство Кюхельбекера было несвойственно Сорокину — для этого он был слишком пассивен. Но — безумству храбрых поем мы песню! Само очарование подвигом, отвагой, куражом уже зажигало золотой свет счастья в сердце скромного корректора литературного журнала. Имена Вильгельм, Дросида, Дроня не сходили с его уст. О Кюхельбекере он мог говорить бесконечно, мечтал съездить в Тобольск и поклониться его могиле. Сослуживцы, заметив издалека в коридоре долговязую, сутулую фигуру, под любым благовидным предлогом бросались врассыпную. Взволнованный шепот «Вильгельм-Дроня» отскакивал от стен как клич SOS. Сорокин не слышал этого. Снисходительный к окружающему миру, он не доверял ему и стремился в собственную обитель радости — вожделенному неистовому романтику Вильгельму и его ненаглядной Дросиде. Только с ними он испытывал чувство неомраченного счастья — такое состояние он пережил только раз, когда в девять лет впервые увидел море с высокого утеса. Необъятность двух стихий — небесной и морской так потрясла его, что ночью он долго не мог уснуть, и мать выговаривала отцу, что нельзя сразу обрушивать на мальчика столь яркие впечатления. Никогда более это состояние не повторялось — даже самым радостным моментам жизни всегда сопутствовали неуверенность, тревога, подозрительность. Они легкой тенью заволакивали счастье и мешали ощутить его сполна. Но, слава Богу, никуда не денутся бескрайность и широта двух лазурных стихий, потому что они вечны, и, слава Богу, никуда не денутся Вильгельм и Дросида, потому что они уже в вечности, а значит незыблемы. А если так, что значат все насмешки и подтрунивания, все намеки и жалостливые взоры? Он, Сорокин, маленький ничтожный человек, жалкий корректоришка, возмущающий и даже оскорбляющий своим видом более успешных сослуживцев — на самом деле богаче их всех. У него есть бескрайность моря и неба, есть Вильгельм и Дросида, есть изумительная легкость отказа от всего заземленного, материального, вещного. Он, нелепый «Вильгельм-Дроня», счастливее их. Он…

После очередного отпуска сотрудники журнала не сразу заметили отсутствие «Вильгельма-Дрони». Затем по отделам дружно прошелестело радостно-удивленное: «Да вы что?! Взял расчет? Неужели уехал? В Тобольск? О, Боже! Ну, туда ему и дорога! С милым сердцу Вильгельмом остаток жизни проведет. А квартира как же? Дурак он и есть дурак. Дальним родственникам оставил? Повезло им. Хорошо еще, что не чужим людям. С такого бы сталось. А кем? Школьным библиотекарем?! Фи-у-у! Да что с такого возьмешь? Блаженный и есть. Ну, хоть позорить отдел своим драным видом не будет. Все к лучшему!»

— Хороший человек Артемий Константинович, умница. Дай ему Бог. Скучно без него будет,— задумчиво протянула гардеробщица тетя Вера.

— Да уж,— неопределенно пробормотал неповоротливый, похожий на встрепанную птицу, редактор переводческого отдела. И вздохнул полузавистливо:

— Свободный.

Сергей КРЕСТЬЯНКИН

г. Тула

Крестьянкин Сергей Олегович — член Союза писателей России. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого и «Левша» им. Н. С. Лескова. Член редакционного совета и зав. отделом прозы альманаха «Ковчег».

ГАРМОНЬ

РАССКАЗ

75-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается

Иван Степанович Жуков плакал.

Нет, он не рыдал и плечи его не сотрясались от нахлынувших эмоций. Он не хлюпал носом, не промакивал глаза платком. Иван Степанович тихо сидел в подземном переходе, плотно сжав губы. И лишь только две мокрые дорожки на щеках выдавали его внутреннее состояние.

Жуков плакал молча.

Так плакать он привык на фронте, когда провожали своих боевых товарищей в последний путь. Эмоции, силы и всю накопившуюся злость выплескивали во время очередной атаки, сметая фашистов с их позиций на Украине, в Польше и прогоняя тех все дальше и дальше на Запад в их логово — Германию.

Иван Степанович сидел на маленьком раскладном походном стульчике и смотрел на свою гармошку, которую держал на коленях. Гармонь, как гармонь — самая обычная. Старая, потертая, с облупившейся в нескольких местах краской и поломанной одной кнопкой с левой стороны. С правой стороны несколько кнопок казались запавшими — провалившимися или стершимися от долгого использования. Отделан инструмент был зелеными перламутровыми панелями, когда-то явно сверкавшими на солнце и радовавшими глаза всех прохожих, а нынче потемневшими, потерявшими свой первозданный цвет и растрескавшимися от времени. Металлическая табличка вверху с наименованием фабрики и годом выпуска была какой-то искореженной. Название сбоку читалось тяжело, так как несколько первых букв отвалились, и мы видели лишь часть слова: «…жанка». Оставалось только догадываться, что полное название — «Волжанка». По всему было видно, что хорошо, наверное, поработала эта гармонь за всю свою музыкальную жизнь. Почему в прошедшем времени? Да потому что сейчас она лежала на коленях мужчины, и меха ее оказались разорванными.

А ведь Жуков с этим инструментом всю войну прошел и на ступеньках Рейхстага играл русские и украинские народные песни, а потом исполнял грузинские и молдавские танцевальные мелодии и «Цыганочку» с выходом по просьбе какого-то сержанта, и много еще чего, что успел разучить по слуху за время службы с однополчанами, которые были разных национальностей.

В какие только передряги не попадал гвардии старший сержант Жуков. И под бомбежку, когда их утюжили немецкие самолеты. Он думал, что попал в ад и живым отсюда уже не выйдет. Наверное, поэтому от страха рванул молодой, необстрелянный парень меха своей «подружки», и над окопами зазвенели саратовские переборы. Как жив остался — не помнит. Самолеты улетели, и пока образовалась передышка, а у него в ушах все грохотало и грохотало, и он продолжал наяривать что-то из классики, кажется «Полет шмеля». И неизвестно, сколько бы еще играл, если бы его не остановил старшина Самойленко:

— А ты, рядовой, молодец,— похвалил он его.— Здорово придумал. И сам не испугался, и другим дух поднимал.

Жуков поднялся и ответил:

— Если честно, струхнул я. Это, наверное, от испуга так получилось. Думал, что живым не останусь.

— Ну, ничего. Все равно молодец. Не в землю вжался, а наоборот.

И под завалом дома оказывался в каком-то польском городке, название которого теперь уже не помнил, когда перешли в наступление и проверяли каждый этаж и подвал, а немцы стали взрывать дома. Товарищи думали, что все — погиб. Ан, нет. Вот она гармонь, звучит откуда-то из-под земли. Начали разгребать завал, нашли лазейку — ход в подвал, а там сержант Жуков изо всех сил перебирает кнопки инструмента, доказывая, что он жив, и еще повоюет. Мало того, что сам спасся, да к тому же и четверых сослуживцев спас. За проявленное мужество наградили медалью. Гармонь оказалась вся поцарапана, одна кнопка сломалась, но продолжала звучать «подружка» в перерывах между боями.

Однажды попал Иван Степанович со своим взводом в переделку. Было это уже в Германии. Заняли они с бойцами стратегически важную возвышенность, только окопались, а немец в наступление пошел. Взвод их таял на глазах, боеприпасы заканчивались, а подкрепления не было. И когда большинство товарищей погибли, несколько человек лежали раненные, а оставшиеся в живых продолжали вяло отстреливаться, экономя патроны, Жуков понял — это конец.

Прозвучал последний выстрел со стороны удерживающих оборону, и наступила тишина. Сержант окинул взглядом своих товарищей. Два ближайших бойца с чумазыми лицами, один с перебинтованной рукой и окровавленным ухом, сидели в углублении окопа, прислонившись спинами друг к другу, курили папиросы и сжимали в руках по штык-ножу, всем своим видом говоря, что просто так они не сдадутся.

Иван Степанович раскрыл чехол, достал свою гармонь-подружку, накинул ремни на плечи и, закричав:

— За Родину! За Сталина! За нашу победу! Погибать, так с музыкой, назло врагам! — Заиграл и запел «Вставай страна огромная», присев на край окопа. Потом встал во весь рост, и зазвучала плясовая. После чего выскочил вперед и стал ожесточенно выделывать такие «кренделя» ногами под музыку, что сам удивился своему умению так плясать.

Странное дело, но противник перестал стрелять и не спешил идти в атаку. Наверное, немцы опешили от случившегося и пытались понять, что это за ситуация такая сложилась. Одинокий сумасшедший русский пляшет перед своими позициями. Такого они еще не видели. Пусть попляшет, хоть какое-то развлечение. Наверное, все погибли — выстрелов больше не слышно, а он — контуженный или, правда, сошел с ума. Хотя, может быть, русские придумали какой-то коварный план, а это — отвлекающий маневр.

Сколько бы это еще продолжалось никто не знает, но тут неожиданно «ухнул» снаряд, за ним грохнул другой, и пошло, и поехало. К обороняющимся подоспело подкрепление, и начался артобстрел. Немцы также возобновили стрельбу из автоматов и гранатометов.

Плясуна взрывной волной отбросило обратно в окоп, и он потерял сознание. Когда Жуков пришел в себя, то увидел — противника погнали дальше, и очень удивился, что остался жив после всего случившегося.

Хотя при близком рассмотрении, заметил рваную рану на плече — пуля прошла навылет. Чехол от гармони оказался разбит вдребезги. Уголок самой гармони расщеплен, и еще одна пуля попала в металличес-

кую табличку на инструменте и застряла там. А это значит, что его музыкальная «боевая подруга» в очередной раз спасла ему жизнь.

Несколько раз Иван Степанович был ранен и контужен, но всегда, после лечения в госпитале, возвращался в свою часть к боевым товарищам, которые с радостью встречали того с его «подругой гармонью».

Войну гвардии старший сержант закончил в двадцать два года. Потом — тяжелое, но радостное время восстановления своей страны.

Незаметно и как-то быстро жизнь пролетела.

Наступил 1993 год. Ему исполнилось семьдесят лет. Государство развалили. Пенсия небольшая. Решил тряхнуть стариной — в переходе стал играть на своей гармони. И людей радовал, и копеечку на прожитье зарабатывал.

Многие слышали и саратовские переборы, и костромские заливистые веселые, и тульские серьезные мелодии, чеканные, словно куют оружие умельцы-оружейники.

Иллюстрация к рассказу художницы Е. Рамсдорф (Германия)

И это, хоть немного скрашивало серые будни людей, радовало и отвлекало от проблем: инфляции, безработицы, роста цен на продукты, которых и так не хватало…

Радовало, но не всех. Появилось много бандитов, жаждущих легкой наживы, то есть занимающихся грабежом народа, который хоть как-то пытался выжить. Они делили между собой города на территории подконтрольные той или иной группировке молодых, накаченных ребят в малиновых пиджаках или спортивных костюмах.

Когда Иван Степанович отказался платить за свои выступления в подземном переходе, то ему покалечили инструмент — разорвали меха.

Его размышления прервал мужской голос:

— Отец, ты что плачешь? Кто тебя обидел?

Жуков посмотрел на спрашивающего. Перед ним стоял молодой мужчина лет тридцати. Одет он был в синий костюм, белую рубашку и галстук. На носу примостились очки в тонкой металлической оправе. По верхней губе тянулись тонкие изящные усики, края которых слегка закручивались вверх, как у барона Мюнхгаузена. Рядом с ним стояло несколько парней помоложе, кто в пиджаках, а кто в джинсах и куртках.

— Да вот… — Ветеран показал на гармонь и махнул рукой.

Тот, кто спросил, немного нагнулся, во что-то всматриваясь.

— Дед, в тебя, что, стреляли? — удивился мужчина, показывая на пулю, застрявшую в инструменте.

— Это давно было — еще на фронте.

— Так вы воевали и награды, значит, боевые имеете? — почтительно осведомился «синий костюм», кивнув на орденские планки, прикрепленные к пиджаку пенсионера и переходя на «вы».

— Да, воевал,— грустно покачал головой Жуков.

— У меня тоже дед и дядя воевали — оба не вернулись с войны,— вздохнул мужчина в очках.— Мать рассказывала. Вас как зовут?

— Иван Степанович.

Немного подумав, молодой человек переменил тему разговора:

— А что, на гармони играть умеете?

— Умею. Да что толку — порвали ее — мою «старушку».

— Кто? — Строго спросил усатый.

— Да вон, молодежь та оголтелая.— Фронтовик кивнул в противоположный конец перехода, где кучковалась группа молодых ребят, обступив пожилую женщину и громко разговаривая при этом.

Все, стоящие перед Жуковым, посмотрели в том направлении, куда он указал, и парень справа от главного произнес:

— Француз, это — Кирпич со своими шкетами дань собирает.

— Тащи его сюда,— был ответ.

Когда тот подошел в джинсовом костюме, обе руки в карманах, жуя жвачку, то нарвался на тихий, но железный баритон Француза:

— Ты что же, сволочь, делаешь?

Кирпич, опешивший от такого неожиданного натиска, даже не заметил, как жвачку проглотил.

— Да я… это, как его… ну, ну, как обычно… собираем.

— У тебя мозги есть?! — Голос Француза становился громче. — Или только две извилины — одна, чтобы пожрать, а другая — наоборот?!

— Но ведь я же… — попытался оправдаться провинившийся, но его даже не стали слушать.

— Мы же не бандиты какие-то, просто государство разрушается. Ситуация сложная и пытаемся удержать и поддержать порядок на нашей территории. Да, работа у нас такая, и за это люди платят. Но ты же смотри с кого деньги требуешь. Если предприниматель, который богатеет, ставит вторую, третью палатку, покупает

машину — это одно. А старушка, которая связала носки и пытается их продать, потому что ей есть нечего, или разные старые чашки и тарелки из старых сервизов предлагает — это совершенно другое.

Перед тобой — Иван Степанович — ветеран войны. Защищал нашу страну и нас с тобой еще не родившихся от фашистской нечисти. Мало того, его гармонь прошла вместе с ним военными дорогами. Посмотри, какая она вся побитая и поцарапанная от осколков. Согни, Кирпич, свою спину и присмотрись внимательнее. Видишь — в ней пуля торчит. Со времен войны осталась. С ней немцы не смогли справиться — не удалось заглушить голос, а ты такое с этим знаменитым инструментом сотворил и обидел великого человека. Это ты ему, а не он тебе, должен платить, за то, что живешь сейчас и жиреешь. Неужели, Кирпич, ты такой тупой, что ничего не понимаешь?

— Павел Викторович, я все понял,— затараторил громила, пытаясь исправить ситуацию.— Я просто не знал, что Иван Степанович ваш знакомый.

— Ни черта ты не понял, да и вряд ли поймешь,— отвернувшись в сторону, вполголоса произнес мужчина в синем костюме и, уже обращаясь к виноватому, добавил громко:

— Гармонь ветерану купишь на свои деньги, самую лучшую, и извинись перед человеком.

— Иван Степанович, извините, ошибка вышла. Все сделаю в лучшем виде. Можете не сомневаться.

Жуков, до этого момента сидевший и слушавший разговор, поднялся со своего стульчика:

— Вы знаете, ребята, гармонь — моя «подружка боевая» и «спутница».— Участник войны погладил бок инструмента.— В каких только передрягах мы с ней не побывали… А сейчас вот как вышло… Значит, время ее пришло… Да и мое, видать, тоже…

— Иван Степанович, не дрейфить и не раскисать! — подбодрил старика Француз.— Русские не сдаются! Починим!

Кирпич лишь кивал, со всем соглашаясь.

И починили.

Нашли специалиста на гармонной фабрике, который заменил меха, подобрал новый кожаный ремень, взамен старого, в двух местах зашитого, обновил кнопки. Лишь пулю оставил в искореженной табличке, как воспоминание о былых заслугах.

Через две недели зазвучали в переходе залихватские мелодии знаменитой гармони, с богатой биографией.

— Играй, отец,— сказал Павел Викторович, появившись опять в переходе со своей свитой в момент возвращения ветерану его инструмента.— Никто тебя не тронет. А будет кто приставать, скажи Паша Француз — твой знакомый.

— А почему именно Француз? — поинтересовался Жуков.

— Так фамилия у меня Французов. Хотя французский не знаю, но изучаю — начал брать уроки. Думаю, пригодиться может, если с иностранными партнерами дела вести будем, да и фамилию оправдывать нужно,— улыбаясь, сказал мужчина.— А гармони, баяны и балалайки мне с детства нравятся. Я хоть и городской, но на лето в детстве уезжал в деревню к дедушке и бабушке. А там сосед — дядя Вася — ну, просто мастер играть на гармошке. Образования не было, но слух — музыкальный. Мог сыграть все, что ни попросят. Мечтаю организовать фестиваль народных инструментов, а пока вот решил попытаться баллотироваться в Думу депутатом.

— Пенсию нам, ветеранам, добавили,— неожиданно сказал Иван Степанович,— на хлеб хватает. Может и не играть уже?..

— Играйте, играйте,— стал убеждать Француз.— Радуйте всех. А кто денежку даст — берите, не стесняйтесь.

Через год Павел Викторович Французов стал депутатом. И, как и обещал, организовал фестиваль народных инструментов и о Жукове не забыл — пригласил того выступить со своей боевой «подругой гармонью».

г. Кельн, Германия 27.7.19

Валерий МАСЛОВ

г. Тула

Валерий Яковлевич Маслов имеет три высших образования. Майор запаса ракетных войск. Работал в Тульской области. Создатель и бессменный руководитель Дома творчества и Фонда поддержки творческой интеллигенции. Член Союза писателей СССР с мая 1991 г. Член Союза журналистов СССР с 1976 г. Заместитель председателя Правления Тульского регионального отделения СПР. Председатель Межрегионального союза писателей, член Международного литфонда. Заслуженный работник культуры РФ, награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» и многими государственными медалями. Отмечен и многими литературными премиями и медалями. Имя В. Маслова занесено в Тульский биографический словарь. Является автором более тридцати книг, которые вышли тиражом свыше миллиона экземпляров в России и за рубежом, переведены на иностранные языки. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ПРИТЧИ

ГОЛОС С НЕБА

Я находился в том сладком состоянии между бодрствованием и засыпанием, когда сознание замутняется, настроение становится ровным и спокойным, тело расслабляется, а мозг готовится к отдыху. Жизнь и сновидения — это страницы одной и той же книги. И потому порой бывает сложно провести между ними грань, которая определенно сказала бы, в каком состоянии ты сейчас находишься.

Так и я, лежа в удобной позе на диване, дремал, полностью предавшись состоянию неги и сладкого покоя. И вдруг вкрадчивый голос, раздавшийся откуда-то сверху, спросил меня:

— А скажи, раб Божий, какой цвет ты больше всего любишь?

Я боялся обидеть Господа Бога, выбрав любой цвет из той обоймы небесной радуги, которую Он создал: ведь, все они одинаково хороши и необходимы для жизни. Конечно, у меня был любимый цвет, но я сомневался, одобрит ли Он мой выбор?

— Лиловый,— мысленно проговорил я, ожидая реакции Голоса с неба.

— Вот и прекрасно,— раздалось мне в ответ.— Этот выбор говорит о твоей неординарности и творческой направленности мышления. Когда ты проснешься, не беспокойся о том, что неправильно ответил. Страшен не сон, а его толкование. Живи с миром!

ЧУДО

Я долго не решался сесть за руль автомашины, боясь, что сразу попаду в аварию. Но, наконец, что называется, «созрел» и купил автомобиль. Машина с автоматической коробкой передач оказалась настолько простой и удобной в управлении, что скоро я почти ежедневно ездил на дачу кормить трех собак, прижившихся у меня.

Зимним январским днем я вновь отправился на дачу. Несмотря на нечищеную дорогу, поехал прямо к калитке. Накормил собак, кошку, которая осталась зимовать на соседнем участке, и поехал домой. Но снежный наст сбил меня с пути, и машина съехала в кювет. Здесь уже не могли помочь ни шипованная резина, ни лопата, которой я откапывал колеса.

Целый час я пытался выбраться из снежной ловушки. Смеркалось — зимой темнеет быстро. Вокруг, в радиусе нескольких километров не было ни души: кроме меня в наш дачный кооператив в это время не ходил и не ездил никто. И только верные друзья — собаки расселись вокруг меня и машины, ожидая, что же я буду делать дальше: останусь с ними в морозной ночи или все же уеду, как обычно. И хотя сейчас я понял, что лучшее, что есть у человека — это собака, легче от этой истины мне не становилось.

Я сунул руку в карман куртки: мобильного телефона не было, забыл его дома. Значит, и позвонить, чтобы позвать на помощь, не удастся. В отчаянии я сел в машину, чтобы хоть немного согреться. И вдруг увидел иконку Святого Николая Чудотворца, которую постоянно держу в автомобиле. Взял ее, поцеловал и попросил:

— Святитель Николай, помоги. Одна надежда только на тебя и чудо.

Вылез из машины, взял лопату в руку и склонился над колесом, чтобы откапывать его дальше. И вдруг с небес раздался голос:

— Вам помочь?

Я поднял голову: надо мной стояли два парня и девушка. Откуда они появились в этой глуши без дорог и тропинок? Как я не увидел и не услышал их раньше?

Дальше события развивались, как в сказке. Сначала они подтолкнули машину, а затем один из них сел за руль и быстро вывел ее на твердую дорогу.

— Откуда вы? — спросил я.— Как здесь очутились?

— Мы из Иерусалима,— ответили парни.— Приехали в гости к местным священникам. А сюда пришли фотографировать виды зимнего леса.

Расстались мы как друзья. А я, ведя автомашину по зимнему городу, еще долго вспоминал эту необыкновенную помощь, пришедшую ко мне в самый критический момент, и иначе, как чудо, объяснить ее не мог. И, хотя сказано в Писании, чудеса — там, где в них верят, поверить в свое счастье и удачу никак не мог.

СТОЯТЬ НА СВОЕМ!

Стоит столб — никому не нужен.
Стоит холм — никому не нужен.
Стою я — никому не нужен.
Что же делать?
Стоять на своем!

ПОРОК СЕРДЦА

Человек любит говорить о своих болезнях, хотя это самое неинтересное в его жизни. Вот и я поступил также, когда внезапное грозное известие о проблемах со здоровьем посетило меня. При очередном диагностическом обследовании врач буквально пригвоздил к креслу, сообщив, что у меня врожденный порок: дырка в сердце размером в десять миллиметров. И что при каждом ударе сердца дополнительный ток крови поступает в правое предсердие, расширяя его и приводя к катастрофе.

И, хотя один юморист заметил, что одна из самых распространенных болезней — это ставить диагноз, мне уже было не до шуток. После этого как-то само собой стало случаться, что сердце начало давать сбои. Результаты обследований становились один страшнее другого. И, наконец, кардиолог решил: надо делать операцию на сердце, чтобы зашить эту самую «дырку». Меня стали готовить к поездке в Москву, поставили на очередь для получения квоты.

Я уже смирился с неизбежным: с судьбой не поспоришь. Почти год прожил я с этой страшной новостью. Во всех медицинских картах у меня появилась запись: «Дефект предсердной перегородки. Врожденный порок сердца с дилятацией правых отделов». А один знакомый писатель утешил, сказав: «Мы не знаем, для чего живем, а врачи не знают, от чего мы умираем».

И вот, когда было решено отправить в Москву на операцию, я зашел в мой любимый храм: Церковь Николы на Ржавце. Там есть удивительно мощная по энергетике и силе воздействия тульская икона Святителя Николая Чудотворца, моего самого любимого святого. Помню, как я совершил паломническую поездку на его родину в местечко Мирр Ликийский, которое находится на территории современной Турции. К счастью, в церкви, где служил Святой Николай, его мраморная усыпальница, в которой он был похоронен, оказалась доступна каждому. Я подошел к ней, положил на холодный мрамор руки и преклонил голову, закрыв глаза. Так я постоял несколько минут, и вдруг ощутил такую силу, исходящую от гробницы, что у меня невольно закружилась голова. С тех пор я всегда помню об этом чудодейственном знаке, ниспосланном мне Святителем Николаем.

И в тульском храме я помолился и рассказал Святому о предстоящей операции, даже не помышляя о просьбе в решении данной проблемы. Из церкви уходил просветленным и ободренным. Словно следуя совету свыше, на приеме у кардиолога вдруг поинтересовался, кто в диагностическом центре считается хорошим врачом-диагностом. Мне назвали фамилию. Пришел на повторную эхокардиографию.

И вдруг случилось чудо! В то, что услышал от врача, поверить не мог: нет никакого порока сердца! У меня обычный прямой кровоток, предсердие не увеличено, операции не нужно!

В голове все смешалось: как же так — врачи в течение года в один голос утверждали: у вас порок сердца, нужна операция. Я и сам уже в этом нисколько не сомневался. И вдруг — невероятное! Сходил в церковь, поговорил с любимым Святым, и он совершил Чудо!

Потом, когда пришло избавление от страшного недуга, я и сам начал шутить: мол, диагностика достигла таких успехов, что здоровых людей практически не осталось, что легче бывает поставить больного на ноги, чем поставить диагноз и так далее. Но тогда я понял одно: если в сердце есть Вера, Господь Бог всегда придет на помощь.

ПЕРЧАТКИ

19 декабря, в день памяти Святителя Николая Чудотворца, я отправился в аптеку покупать лекарство. Вышел из дома и удивился: весь декабрь днем стояла мрачная, промозглая пелена, а тут утро внезапно расцветилось ярким солнечным светом. Но не придал этому особого значения, и вошел в аптеку.

Положил на столик перчатки, которые мне мешали, быстро купил лекарство и вышел из помещения. Прошел буквально несколько шагов и вспомнил о забытых перчатках. Возвратился: их на столике уже не было. В зале находились кассир и два посетителя: средних лет мужчина и женщина.

Спросил о пропаже у кассира. Та ничего не знала, и мне ничего не оставалось, как с печальным видом покинуть злополучную аптеку. Я направился к своей автомашине, чтобы открыть дверцу, и тут ко мне подошел мужчина, который находился в аптеке.

— Извини, брат, вот твои перчатки,— сказал он.— Не держи зла — зря я тебя обидел.

Он подал мне пропажу, и я заметил татуировки на его руке: видно, человек недавно освободился из мест заключения.

Мужчина еще раз извинился и поспешил уйти: ему было неудобно из-за того, что украл чужую вещь.

Я растерянно посмотрел ему вслед: молодой еще человек быстро удалялся по залитому ярким солнечным светом тротуару. И тут я вспомнил: ведь сегодня день памяти очень почитаемого на Руси чудотворца — Святителя Николая Чудотворца! И внезапное появление солнца в промозглый зимний день, и такое же неожиданное раскаяние вора уже не показались совпадением: всем правит случай, а случаем правит Господь Бог. И то, что произошло все это именно в день поминания Человека, посвятившего жизнь служению Богу и людям, стало понятным и закономерным. Видимо, Кто-то свыше шепнул неудачливому вору перчаток: не греши в такой день, раскайся!

Кстати, на следующий день погода вновь стала зимней: мрачной, холодной и невеселой. Больше я в этом декабре солнца не видел.

ГОСПОДЬ НАС СЛЫШИТ!

Нас привязывают к жизни те, кого мы любим. Это я понял, когда умерла моя любимая собака Джуля. С ней мы прожили пятнадцать лет, и горе потери любимого, верного, преданного существа было очень тяжело. Я давно собирался посетить Святую землю, и здесь понял: пора. Сборы были недолгими, и вот я уже в Израиле. Но, словно испытывая меня, судьба препятствовала встрече с Богом.

Началось с того, что турфирма поселила меня в далекой Нетании — в ста тридцати километрах от Иерусалима. Затем местный гид, сказав, что у нас мало времени, не пустил никого во время экскурсии ни к Гробу Господнему, ни к Кресту на Голгофе.

И тогда я решил пропустить следующую бесплатную экскурсию и самостоятельно поехать в Старый город. Поездка на автобусе по великолепным дорогам Израиля была быстрой и недорогой. Но несколько километров, отделяющих меня от автостанции Иерусалима до Старого города, вновь стали непреодолимой преградой. Таксисты требовали заплатить столько, что дешевле было доехать сюда из Нетании и вернуться обратно. Пришлось уступить вымогателям.

Но вот я у ворот Старого города. И опять препятствие — не могу найти Храм Гроба Господнего: плутаю по узким улочкам, ухожу в сторону, волнуюсь и нервничаю. Наконец, словно с Божьей помощью, сворачиваю за угол шумной улочки и оказываюсь на площади перед входом в Храм. И здесь начинается везение! В длинной очереди к Гробу Иисуса Христа меня пропускают какие-то буддисты. Так же, почти беспрепятственно, попадаю на Голгофу к месту Распятия.

Покупаю традиционный пучок свечек, который надо сначала зажечь, а потом погасить о металлический купол, находящийся у Гроба Господа. И тут случается невероятное: загашенные свечи вдруг внезапно вспыхивают вновь и начинают гореть благостным, теплым, неземным светом! Сразу вспоминается, что именно здесь, в день Пасхи, сам собою зажигается Благодатный огонь! Что в день, когда этого не произойдет, настанет конец Света. Значит, Господь услышал меня, увидел, что я не отступил перед препятствиями, и пришел к Нему.

Как же хорошо и радостно было гулять по Старому городу после! Меня бесплатно, как всякого русского туриста и паломника, пустили в музей Русской православной миссии. Я увидел несколько хорошо сохранившихся каменных ступеней у стены города, о которых доподлинно известно, что по ним ходил Иисус Христос. А когда смотрел на вечный город со смотровой площадки, то увидел, что по его склонам, как и две тысячи лет назад, стайкой спускается отара овец. И показалось, что сейчас, из-за поворота, по древней земле Палестины, опираясь на посох, пройдет босоногий Учитель в сопровождении толпы учеников. Он войдет в Старый город, остановится у Храма и начнет изгонять из него фарисеев и менял, которые и сейчас, в виде тех же жадных таксистов, есть в этом городе. Но, как сказано в Писании, не бывает мрачных времен, бывают только мрачные люди. А я уезжал из Святой земли радостным и просветленным. Жизнь, после смерти Джулии, уже не казалось такой мрачной, плохой и тоскливой.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ НАСМЕШИТЬ ГОСПОДА БОГА…

Как-то на выставке картин ко мне подошел знакомый художник. Ему было уже за восемьдесят, он с трудом передвигался и, чтобы не стоять, тяжело опустился на скамейку. Достав из портфеля визитку, он протянул ее мне со словами:

— Приглашаю вас на мою персональную выставку в галерее «Ясная Поляна». Она состоится через два года, и я приглашаю всех заранее.

Я думал, он пошутил — такой срок мне показался чересчур далеким,— но художник и не думал смеяться.

— Надо все хорошо подготовить,— пояснил он.— Да и новые картины я за эти два года нарисую.

Мне почему-то на ум пришли вещие слова поэта Тютчева: «Кто смеет молвить “До свиданья”, чрез бездну двух или трех дней…» Два дня — уже неизвестная бездна, которую самонадеянный человек может и не прожить, а тут целых два года! Да и возраст у художника был почтенный, не говоря уже о состоянии здоровья. Но я не стал ему ничего говорить. Только вспомнил еще одно меткое изречение: «Если хочешь рассмешить Господа Бога, расскажи ему о своих планах…»

Аркадий МАР

г. Нью-Йорк, США

Писатель и журналист, автор четырнадцати книг повестей и рассказов, изданных в Москве, Ташкенте, Монреале (Канада). Член Союза писателей СССР, России, Москвы, Узбекистана. Член Международного ПЕН-клуба. Издатель и главный редактор газеты «Русскоязычная Америка NY». Лауреат четырех литературных премий: «Лучшая детская книга России», «Артиады народов России», «Серебряная Литера». Лауреат международной литературной премии им. В. П. Крапивина.

ЭТЮД СКРЯБИНА

РАССКАЗ

Я закрываю глаза и представляю себе эту тяжелую дорогу: сначала нужно подняться на три ступеньки, перешагнуть через высокий порог, открыть скрипучую дверь — в глаза брызнет стена яркого света, сотни голов повернутся в мою сторону, и под пулеметным обстрелом взглядов, в ослепительной тишине я подойду к роялю.

Я буду очень волноваться — сразу появится слабость в ногах, вспотеют руки и в совершенно пустой голове останется только одна мысль — не забыть наизусть.

Чтобы обрести уверенность, прикоснусь рукой к полированному боку рояля, на счастье, тихонечко, ребром ладони нажму ля бемоль второй октавы, усядусь поудобнее, увижу, как в зеркале, отражение своих дрожащих рук и положу их на клавиши.

Мой хороший товарищ — рояль — узнает меня, холодком клавиш остудит горящие пальцы, и я, наконец, начну.

Я брошу руки на клавиатуру, рояль вздрогнет, проснется, и яростно вызвенят октавы — начало 12 этюда Скрябина...

Профессор Яблоновский остановил меня в коридоре, крепко взял за рукав и сказал:

— Молодой человек, завтра вы играете на концерте этюд Скрябина, опус 8 № 12.

— Но профессор,— попытался отказаться я.— Я совсем не готов. И...потом у меня палец болит.

— Какой палец, покажите?

Сначала я выставил вперед указательный палец левой руки, потом добавил еще мизинец.

— Нет, нет, голубчик, никаких возражений,— убыбнувшись произнес профессор.— Мы вас уже и в программу включили. Значит, завтра, в семь часов вечера, готовьтесь...

Со стен консерваторского коридора на меня гордо смотрели портреты великих пианистов и композиторов. И мне показалось, они улыбаются, предчувствуя мой завтрашний позор.

Я взял в деканате разрешение порепетировать в Большом зале и уныло побрел на второй этаж...

Лакированный, словно начищенный сапожной ваксой, рояль мирно дремал в углу сцены и был похож на старичка, задремавшего за газетой.

— Ничего,— подумал я. — Сейчас проснешься.

Я выдвинул рояль на середину сцены. Он, как ребенок, не хотел просыпаться, упирался колесами в пол. Но я поднял крышку, удобно сел, попробовал педали и вдруг почувствовал, как рояль вздрогнул, насторо-

жился, заглянул мне в лицо всеми своими черно-белыми клавишами и попытался угадать, что сейчас заиграю. Тихо, правой рукой, я нажал ноту ми, затем ре диез,— звуки рождались из самого сердца рояля,— и мелодия Бетховенской «Элизы», изящная, как севрский фарфор, засветилась и поплыла в темный, пустой зал.

Я закрыл глаза — музыка вдруг обрела тело, превратилась в грациозную девочку, я позвал ее к себе. Она появилась откуда-то из-за рояля, церемонно присела в книксене и, не касаясь пола, поплыла в зал. Я заглянул в ее широко раскрытые глаза — в них жили старинные канделябры, менуэты и парики, обсыпанные мукой...

Заскрипела дверь, из-за нее показался рыжий парик, и я узнал однокурсницу Светку.

— Слушай, маэстро,— сказала она.— Так ты на концерте играешь? Я уже и афишу видела. Спешите — единственная гастроль! Маэстро Воронцов проездом из Парижа в Ташкент.

— Не издевайся, не напоминай о будущих минутах позора.

— Сыграй, послушаю,— заявила Светка, удобно устраиваясь в кресле.

Я выдохнул весь оставшийся в легких воздух и взял предельный темп. Потом закрыл глаза, но ничего не приходило, в голове путались какие-то посторонние мысли: в кинотеатре «Пионер» опять пустили «Зеркало» Тарковского, нужно, наконец-то, отдать четыре рубля, взятые в долг у Сережи Оздоева.

— Слушай, маэстро,— сказала Светка,— что ты паникуешь, да все нормально. Темпик высший, и октавки чистенькие. Только, наверное, не представляешь, о чем эта музыка. Влюбился, похоже, Скрябин, в какую-то роковую женщину. Давай, начни сначала.

Я начал снова и честно попробовал представить себе эту женщину. Она явилась мне цыганкой в широченной красной юбке, плечи были укутаны в оренбургский пуховый платок и почему-то она говорила: «Дай погадаю, красавчик».

— Да ну, бред какой-то,— сказал я и остановился.— Никакой любви тут нет.

— Конечно, здесь одна любовь,— не согласилась со мной Светка,— сейчас докажу, только Валеру приведу, он рядом, в столовой. Он тебе тоже в два счета объяснит, что это любовная музыка.

Светка вышла из зала, я закрыл крышку рояля, на прощанье погладил его лакированный бок и пожелал спокойной ночи.

У дверей столовой я наткнулся на валторниста Валеру.

— Ну что ты, старик,— сказал он, хлопнув меня по плечу.— Это же элементарно. Двенадцатый этюд Скрябина — это море. Летом я плавал по Черному морю на теплоходе, штормяга была — ужас. Вот представь себе...

— Ладно,— перебил я,— спасибо. Попробую представить.

Я снял плащ с вешалки в раздевалке и вышел на улицу.

Наша консерватория, наверное, единственная в мире носит корсет. После землятресения рабочие крепко-накрепко обтянули ее рельсами, и консерватория стала напоминать старую даму, затянувшую грузное тело в корсет и вдруг застывшую в неподвижности, не успев надеть модное платье.

Я поднял воротник плаща, глубоко засунул руки в карманы и пошел на автобусную остановку. С рекламной тумбы в лицо заглянули красные буквы: «Михаил Воронцов». Ведь это же обо мне, вдруг понял я.

Я подошел к афише вплотную и зачем-то начал водить пальцем вдоль каждой строчки.

КОНЦЕРТ

28 октября в Большом зале Консерватории состоится концерт, посвященный годовщине Великого Октября.

В программе: Бетховен — 3-я симфония, исполняет симфонический оркестр.

Хачатурян — Танец с саблями — Унисон скрипачей.

Скрябин — Этюд оп. 8 №12, исполняет Михаил Воронцов.

Неожиданно набежала черная мохнатая, вся в оранжевых прожилках туча, вмиг затянула еще недавно голубое небо, и вот уже медленно и лениво упали первые капли, разведчики дождя. Дождь-пианист давал городу осенний концерт, разыгрывая на клавиатуре домов и мостовых свою водную сонату. И, словно боясь опоздать к началу концерта, люди торопились занять места в подъездах домов, под раскидистыми кронами деревьев. А потом молча стояли и слушали...

К остановке подкатил автобус, я вскочил на подножку — двери закрылись, буквы на афише стали удаляться, потом расплылись в одно красное пятно и исчезли совсем. Завернув за угол, автобус набрал скорость. Скоро потянулись одноэтажные дома, появились заборы, все как один окрашенные в зеленый цвет. Дождь пошел сильнее, непрозрачной тканью занавесил толстые автобусные стекла, и как ни вглядывался я сквозь них, за окном висела тусклая серая пелена.

Наконец автобус остановился, водитель громко произнес:

— Приехали, товарищи, конечная.

И я, стараясь не попасть в лужу, спрыгнул с подножки.

В этом районе я не был уже черт знает сколько времени и теперь озирался по сторонам, стараясь узнать что-нибудь знакомое.

Может быть здесь? Я подошел поближе. Да, это был тот самый дом. Я поднялся на приступку, увидел знакомую дверь. Как и раньше, она была обита черным дерматином. Когда-то блестящий, лоснящийся дер-

матин потускнел от времени, покрылся глубокими паутинками морщинок, и лишь аккуратный квадратик медной пластинки тускло выделялся на его темном фоне.

Мария Ивановна ВЕРБА.
Учитель музыки.

Я покрутил стариный звонок, за дверью послышались медленные неуверенные шаги, дверь приоткрылась, и я увидел Марьиванну.

— Постой, постой, кто же это ко мне пришел? Неужели Воронцов,— сильно щурясь, сказала она.

— Простите, Мария Ивановна, давно собирался зайти, да все некогда.

— Ладно-ладно, не оправдывайся. Проходи, только помнишь, небось, что ботинки снимать нужно?

Она прошла вперед, в комнату, и лишь сейчас, на свету я заметил, как она постарела. Совершенно седые ее волосы поредели, но, как и раньше, были аккуратно уложены и заколоты большим гребнем.

— Ну-ка сядь, я на тебя смотреть буду,— сказала Марьиванна.— Вырос-то как, возмужал. А помнишь, когда в первый класс ко мне пришел, совсем маленького росточка был. Ну, рассказывай!

— У меня все нормально, Марьиванна, лучше скажите, как вы.

— Да вот, уже три года как на пенсии... Но все равно, не могу без детей, ведь всю жизнь вас учила. Затащу к себе соседских ребятишек и играю им Шопена и Рахманинова. Сначала ерзают на стульях, шумят, а потом, слышу, затихают, значит, думать начинают... Да ты, наверное, замерз? Давай чай пить.

Марьиванна постелила на стол старенькую пеструю скатерть, расставила чашки, достала из массивного буфета варенье, и мы сели пить чай...

— Ну-ка, покажи ладони,— вдруг попросила Марьиванна.

Я протянул ей руки ладонями вверх. Своими сухими, покрытые старческой гречкой пальцами она легонько ощупала мои подушечки.

— Мозолей нет,— покачала она головой,— совсем не занимаешься. Ну, хватит чаи гонять. Садись за инструмент, порадуй старуху.

Я сел за фортепиано, — это был старый знакомый «Красный Октябрь», научивший меня играть. Обернувшись к Марьиванне, я улыбнулся ей и начал «Василек, василек, мой любимый цветок» — мой самый первый номер. Как и в глубоком детстве, на ноте соль третьей октавы не хватало белой костяной пластинки.

— Ну, хватит воспоминаний,— сказала Марьиванна,— над чем сейчас работаешь?

— Завтра концерт в Большом зале. Буду играть этюд Скрябина.

— Опус 8 номер 12? — быстро спросила она.

Я кивнул и приготовился начать.

— Погоди, погоди.

Марьиванна почему-то закрыла глаза, откинулась на спинку стула, и мне показалось, что она ушла куда-то далеко-далеко из этой комнаты.

— Играй,— вдруг тихо сказала она...

... Я взял последний аккорд, обернулся. Марьиванна все сидела с закрытыми глазами, потом резко встала, подошла к буфету, выдвинула ящики, достала бережно завернутый в бумагу пакет, вернулась к столу, сдвинула в сторону чашки и развернула бумагу. Я увидел альбом в красной сафьяновой обложке, к которой была прикреплена пластинка с гравировкой:

«Революционному бойцу МАРИИ ВЕРБЕ
от командования 6-ой Кавбригады».

— Что, не ожидал? — улыбнулась Мирьиванна.— Не всегда же я старухой была.

Она перевернула обложку. С пожелтевшей от времени фотографии с оторванными краями на меня смотрела молодая Марьиванна. Одетая в красноармейскую форму, она сидела на коне, грозно сдвинув брови под буденовским шлемом. Видно было, как трудно давалась ей эта серьезность, казалось, еще секунда — и она весело рассмеется.

— А вот наш эскадрон,— сказала Марьиванна и перевернула следующий лист.

Шестеро ребят, моих ровестников, напряженно и внимательно вглядывались с фотографии в мое лицо.

— Это Вадим Авдющенко,— произнесла Марьиванна,— сочинял прекрасные стихи. Погиб под Каховкой. А вот Сережа Чернавский, мечтал стать скрипачом. Погиб уже позже, под Варшавой, в двадцатом... Ваня Репин — очень любил лес, хорошо рисовал. Его унесла Отечественная, похоронен в Сталинграде. Фархад Усманов, мечтал выучиться на геолога. Басмачи убили. Жорик Удовиченко, наш фотограф. Погиб на Халкин-Голе. А это Саша Воронин, хотел стать летчиком и стал им. Не вернулся из Испании.

Я смотрел на их юные лица и думал: а я смог бы умереть под Каховкой в восемнадцать, в тридцать шесть не вернуться из Испании, в сорок два погибнуть в Сталинграде?

Марьиванна перевернула еще один лист, и я увидел... афишу. Этот маленький лист темной шершавой оберточной бумаги трудно было назвать афишей, но на нем от руки красной тушью было написано:

КОНЦЕРТ
Завтра (28 октября) в казармах 6-ой Кавбригады на реквизированном у буржуев рояле наш товарищ красный боец МАРИЯ ВЕРБА исполнит революционные сочинения: этюд Скрябина, этюд Шопена и песню «Интернационал».
СМЕРТЬ МИРОВОЙ БУРЖУАЗИИ!

— Но концерт не состоялся,— сказала Марьиванна.— Нашу бригаду подняли по тревоге, белые прорвали фронт... Времени-то сколько? — она посмотрела на часы.— Поздно уже. Иди Миша, иди милый. Тебе нужно как следует выспаться. Завтра же играешь.

— Марьиванна,— сказал я.— Можно вам руку поцелую...

Я вышел на улицу и оглянулся. На темном фоне едва заметно выделялась медная пластинка. Я вернулся, подышал на медный квадратик и несколько раз провел по нему рукавом. И медь, согретая моим дыханием, вдруг заблестела, высветила буквы:

Мария Ивановна ВЕРБА.
Учитель музыки...

…Я поднялся на три ступеньки, перешагнул через высокий порог, открыл тяжелую скрипучую дверь — в глаза брызнула стена яркого света. Сотни голов повернулись в мою сторону, и под пулеметным обстрелом взглядов, в ослепительной тишине подошел к роялю.

Чтобы обрести уверенность, прикоснулся рукой к его полированному боку, на счастье, тихонечко, ребром ладони нажал ля бемоль второй октавы, уселся поудобнее, увидел, как в зеркале, отражение своих рук и положил их на клавиши.

Мой хороший товарищ — рояль — узнал меня, холодком клавиш остудил мои горящие пальцы, и я наконец начал.

Я бросил руки на клавиатуру, рояль вздрогнул, проснулся, и яростно зазвенели октавы — начало 12 этюда Скрябина.

Евгений СКОБЛОВ
г. Москва

Прозаик, член МГО СПР. Заместитель президента Академии российской литературы. Автор восьми книг прозы. Участник многих периодических литературных изданий, сборников и альманахов. Три книги Евгения Скоблова включены в действующий фонд ФГУ Российская государственная библиотека. Лауреат литературных премий, дипломант конкурсов МГО СПР. Наш постоянный автор.

ТАЛИСМАН

Олег Чупринок с удовольствием позавтракал. Жена приготовила ему изумительную яичницу с беконом. Неплохо пошли тосты с джемом под апельсиновый сок и кофе. Пора на работу. Отличное настроение: за окном начало июня, радует солнце, зелень и девушки в летних нарядах.

Олег вышел из подъезда и направился к метро. Пятница, короткий день, важных дел не намечается (время летних отпусков уже настало), а незначительные он переделает за пару-тройку часов, и, поблукав по кабинетам фирмы, по друзьям-товарищам еще пару часиков (чай-кофе-анекдотка), скажет: «Я говорю вам до свиданья, расставанье не для нас…», до понедельника.

Кстати, а где часы?

Он посмотрел сначала на левую руку, потом на правую, часов не было. Он, конечно, забыл их в ванной, на стиральной машине, когда умывался. Ну что за дела! Как же теперь без часов на работе? Нет, конечно, на работе очень много всяких часов: на стенах, экранах компьютеров, а так же настольных, напольных и даже больших песочных (на восемьдесят шесть минут, специально засекали), в кабинете Павла Робертовича. Но его, наручные часы «Командирские» фирмы «Восток» (двигают без остановки и ремонтов, вот уже двадцать лет), это ж ведь не просто часы. Это принцип, одно из основных условий его существования, как сотрудника планового отдела. И как же без этого принципа целый день? Рабочий день, хоть и пятница, все равно по минутам расписан, несмотря на то, есть у него часы, нет ли…

И… кроме всего прочего (а может быть и в первую очередь), старинные часы выполняют функцию талисмана, который оберегает его от разного рода неожиданностей, вроде несправедливого выговора, подставы со стороны коллег или еще хуже — перевода в другое управление… с понижением. В магических свой-

ствах своего талисмана Чупринок убеждался не раз. Проверял и перепроверял, сопоставлял факты и события. И давно пришел к выводу, что от всех бед и невзгод на работе его оберегают именно эти часы «Командирские». Короче, надо возвращаться за часами, и никаких гвоздей. Без часов нельзя, а то день пропал.

Но возвращаться тоже нельзя, хуже приметы не бывает, может только за исключением черной кошки вечером и пустого ведра с утра. Можно позвонить с мобильного жене и попросить, чтобы она быстренько принесла их к метро. Ерунда, подождет минут десять-пятнадцать, пусть даже опоздает, но зато с часами и, следовательно, защищенный. Но жена этого делать не станет, она еще не успела «привести себя в порядок», что означало: за двери квартиры она и шагу не сделает, не то чтобы второпях бежать к метро.

Минуты летели, и даже без часов он физически ощущал их стремительный полет из прошлого в будущее и никак не мог принять решения, идти дальше, или вернуться назад, за часами. Нарастающее напряжение постепенно переходило в головную боль и спазмы в области груди. Надо было срочно решать трудноразрешимый вопрос, чем пожертвовать: спокойствием с часами или временем, потраченным на то, чтобы вернуться за ними. Потом, подумав о том, что в вопросах, которые перед нами постоянно ставит время, не последнюю роль играют именно часы, он все же решил, что надо вернуться за ними.

Но не сразу.

Сейчас он приедет на работу, помелькает везде, где надо помелькать, потом, выждав, чтобы поблизости было как можно больше народа, сделает контрольный звонок по мобильному из общего кабинета. На его лице появится озабоченное выражение. Может быть, даже выражение недоумения, смешанного с возмущением, негодованием и крайней раздосадованностью. Все, надо отпрашиваться у Павла Робертовича, смотаться часика на три домой. Что ты будешь делать, захлопнулась входная железная дверь, и жена не может попасть в квартиру!

Его, конечно, отпустят. Он поедет, заберет часы, заодно пообедает, и, возможно, удастся разок лизнуть жену за ушком (раз уж он впустит ее в квартиру).

И, выполнив то, что запланировал, а главное, грамотно разрешив возникшую проблему, он со спокойной душой и чистой совестью вернется на работу.

С часами.

Михаил СМИРНОВ

г. Салават, Башкирия

Смирнов Михаил Иванович, родился в г. Салавате 27.09.1958 г. Печатался в «Литературной газете» и «Литературной России», во многих центральных и региональных литературных журналах. Автор нескольких книг. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и ряда других литературных премий и конкурсов. Постоянный автор нашего альманаха.

«О ВРЕМЯ, ПОГОДИ...»

Поднявшись на крыльцо, я остановился, глубоко вздохнул и невольно присел на верхнюю ступеньку — шутка ли: отмахал почти дюжину километров под дождем по раскисшему проселку; сто раз, наверное, вспомнил гоголевское: дороги в России расползаются, как раки. Пару раз, утомившись, я попытался передвигаться по травяной обочине, боясь зачерпнуть голенищами пудовых от налипшей грязи сапог коричневой жижи колеи. Но трава обочины, залитая водой, была скользкая словно лед и совершенно непроходима. Пришлось вернуться на фарватер.

Нелегко дался мне этот марш-бросок. И когда на пригорке показалась деревня, запела душа моя. А на крыльце — сморило. И я сидел на сырой дощечке и осматривал скудный пейзаж осеннего сада. Редко краснели ранетки; рябины было много — к суровой зиме; между пышных кистей цвиркали синицы. Вдоль стены дома — поленница; к сожалению, ольхи да осины много, бедноватый у нас в округе лес. Поверх высокой поленницы уложены куски рубероида, на фоне их аспидной черноты стекающие витые струйки кажутся хрустальными. Случайный лучик солнца коснулся одной — золото потекло с рубероида. Но уже вечереет. Над туманными купами дальнего леса черные стаи птиц, скоро они будут жить в теплых краях… Пора и мне; сыро, зябко, холодно.

Я толкнул тяжелую дверь, глаз не сразу привык к тьме. Но запахи! Терпко — вязанки чеснока и лука, на противоположной стенке — сухое разнотравье: душица, малина, иван-чай пучками да вязанками, разве все упомнишь? Уже и предметы проявились, а я вдыхал и вдыхал; у родины много запахов, но главные — в доме…

На здоровенных гвоздях висит все та же пара фуфаек (я прислонился к ним щекой), что-то вроде попоны,

солдатская плащ-накидка с огромным капюшоном (как ты попала сюда, многострадальная?) Сапоги, фэзэушные ботинки, у-у-у какие большие. Но я знаю их — до чего же удобные! Толстые носки-то всегда на ноге — попадешь в обувку эту не глядя и — на двор…

Я вышел наружу, вымыл свои резиновые, поставил их в модельный ряд. Споткнулся о лестницу — там, под крышей, наверное, есть сундук со старыми вещами. А скорее всего, он давно пуст — я же сам когда еще все там разворошил…

Я шагнул в избу, сбросил рюкзак и верхнее прямо на пол.

Баба Груня сидела на высокой лавке около печки и помешивала деревянной ложкой в чугунке.

— Здрасьте, баб Грунь! Наконец-то добрел… Опять печку ободрали? Завтра подмажу…

— Да я как заношу дрова, так цепляюсь. Говорила Кольке-печнику, чтобы чуток поменьше сделал, ан нет, не послушал. Наворотил. Дров не напасешься. А ты скидывай одежку, скидывай. Проходи, Санько. Как же ты добрался в такую непогодь? — словно не удивившись моему приезду, спросила баба Груня.— Хе-х, снова приехал осень провожать? Что в ней нашел-то? Грязища на улице, и дожди хлещут да хлещут. А говоришь, красивше осени ничего нет. Хе-х,— она мелко, дробно засмеялась и прикрыла рот ладошкой.

— Да, баб Грунь, к осени приехал. К ней, родимой.

Поздоровались, разговорились.

Всю жизнь меня удивляла эта особенность деревенских встреч — приедешь спустя хоть пять лет после последнего посещения, а беседа о человеке или событии словно и не прерывалась.

И однажды я почувствовал неизъяснимую прелесть этой странности — время мое и чувства словно восстанавливались, меня не утомляли не раз слышанные истории, да и сам со странным удовольствием я повторял уже не раз сказанное. В городской жизни подобное невозможно…

На бабе Груне старенькая линялая кофтенка, застиранная длинная юбка, на пояснице завязана шаль. На ногах топтыши, так она называла обрезанные валенки. На голове платок, из-под него выбились прядки седых волос. Она смотрела на меня блекло-голубоватыми глазами. Выдвинула из печи небольшой чугунок. Обхватила его серым, с пятнами сажи, полотенцем и поставила чугунок на стол. Достала каравай и начала отрезать от него толстые ломти:

— Как чуяла, что появишься. Точно! Глянула в окошко. Дождь хлещет, а ты вдоль забора идешь. Весь в Нюрку, в мамку, уродился. Она приезжала осень провожать, и ты взялся. Твою мамку многие с малых лет считали малохольной. Утром встанешь, чтобы коровку подоить, взглянешь, а она мелькает в платьишке возле воды — рассвет встречает! Мамка-то ее рано померла. Некому было за Нюркой приглядывать. Так и росла дичком. Думали, пройдет, когда замуж за залетного выскочила. Ан нет, просчитались! Каждую осень приезжала. У меня останавливалась. Вещички оставит и на речку мчится. А я на крылечко выйду и поглядываю. Она, бывало, сядет на берегу, уставится на воду или на лес и не шевельнется. Тепло ли, слякотно ли, снег сыплет, а ей все одно. Это она осень провожает! Вернется, а взгляд чистый-чистый, словно в церкви побывала. Господи, прости мою душу грешную! Переночует. Выйдет на двор. Прижмется к рябине, словно прощается. Обнимет меня и бежит на тракт, торопится в город поспеть… Хе-х, и соседи на тебя посматривают! Чать, и ты будешь сынка сюда привозить, а, Санько?

— Да, баб Грунь, буду,— сказал я и засмеялся.— Мы же все малохольные…

— Тьфу ты, прости, Господи! Слышь, а что твоя Танька такая худющая? — взглянула баба Груня.— Плохо живете, да?

— А если хорошо живем, значит, Танюха должна быть толстой? — Склонившись над рукомойником, я засмеялся.— Она похудела, когда Сережку родила. Второго огольца родит, тогда поправится.

— Танька на сносях? — взглянула баба Груня.— А по ней не скажешь. Доска доской. Ну, дай Бог, дай Бог! — она взглянула в передний угол и быстро перекрестилась.

Я вытер руки и лицо застиранным полотенцем. Повесил его на вбитый толстый гвоздь. Потянулся. Прижался спиной к печи:

— Хорошо-то как! Ух, натопила!

— Пришлось. Покуда поросяткам приготовила. Щец наварила и в печи потомила, как тебе нравится. Митяй, сын Вьюрихи, вчера свинку заколол. Кусище приволок. Ты, Санька, присаживайся. Хе-х, снова гостинцев понавез из городу? Да куда мне одной столько-то? Ну, ежели подружки зайдут… Угощу, побалую девчонок. Бери хлеб, бери. Свежий. Позавчера токмо испекла. Погодь-ка чуток, мы еще по рюмашке опрокинем.

Было заметно, как она обрадовалась моему приезду.

Я сидел на лавке и наблюдал, как баба Груня суетилась возле стола. Она достала из старого буфета большие тарелки. Фартуком протерла ложки и положила рядышком. Напластала розоватое сало с прослойками. Вынула из банки пару соленых огурцов с прилипшими семенами укропа и с какими-то листочками. Не очистив, разрезала крупную луковицу. Вытащила литровую бутылку с мутноватой жидкостью и две граненые стопки. Села напротив меня. Налила самогон вровень с краями и подняла рюмку:

— Ну, Санько, за приезд,— медленно выпила, замерла на мгновение и резко выдохнула.— Хороша, зараза! Выпей, Санько, для сугрева. Выпей, чтобы не захворать.

Я осторожно взял стопку. Поднял. Не решаясь, посмотрел на белесую жидкость.

— Что застыл, аки столб, Санько? — шепеляво спросила баба Груня, норовя откусить беззубыми деснами кусочек сала.— Не бойся. Пей. Чистая! Не то, что ваша химия. На пшенице ставила. Ох, хороша! Я теперь

три стопочки, и хватит. Организм не позволяет. Старая стала.

— Баб Грунь, сколько тебе лет, если три стопки выпиваешь? — спросил я и засмеялся.— Сижу, не знаю, как одну-то осилить, а ты…

— Хе-х! — дробно раскатился смешок, и она шлепнула по бутылке.— Раньше, бывало, соберемся с подружками, так этой посудины маловато было. Выпьем, сметем со стола, что приготовили. Песен напоемся. Душеньку отведем в разговорах, и вставали трезвые, будто не пригубляли. Годков-то скока? Почитай, восьмой десяток доживаю. Многих уже нет на свете, а я небо еще копчу. Видать, рановато. Срок мой не подошел, Санько. Пей, не томи душу. Щи стынут.

Задержав дыхание, я опрокинул стаканчик и сразу закашлялся, внутри полыхнуло от крепкого самогона.

Баба Груня протянула кругляш огурца:

— Накось, закуси. Что слезы потекли? Крепка, зараза? Но хороша, хороша! Всю хворобу из тела выгонит. Погрызи огурчик. Скусный!

Вытирая выступившие слезы, я захрустел огурцом. Отмахнулся от второй стопки. Принялся за щи. В большой тарелке кусок разварившегося мяса с торчащей костью, крупная фасоль, картошка, капуста. Сверху, под золотистой пленочкой жира, кругляши морковки и венчик укропа. Вперемешку откусывал сало, хрустящие огурцы, подсоленный репчатый лук, перемалывал крепкими зубами, заедал вкусными щами...

Я облизнул ложку. Положил ее в пустую тарелку. Откинулся к стене и взглянул на бабу Груню.

— Ух, вкусняцкие щи! — пробормотал я, вздохнул и посмотрел на чугунок.— Умять бы еще тарелочку, да не уместится.

— Хе-х! А мой старик, бывало, вернется, стакан опрокинет, донышком вверх перевернет — это была его норма. Ни разу за всю жизнюшку не видела, чтобы еще выпивал. Ложку возьмет, и давай наворачивать! Не успевала подливать да подкладывать. Пот в три ручья течет, а он еще самовар вздует, напьется чаю. Сядет возле печи. Засмолит козью ножку. Так и не приучился к папиросам. А потом выйдет на улицу и начинает то дрова пилить, то навоз убирать. Ох, жаден был до работы! Царствие ему небесное! — баба Груня мелко перекрестилась и посмотрела на темную икону.— Вижу, Санько, спать потянуло? Погоди чуток. Чайку еще попьем с баранками и уляжешься.

— Нет, баб Грунь, хватит.— Я направился в горницу. — Утром встану пораньше. Хочу на речку сходить да в ельничке прогуляться.

— Не знаю, не знаю,— сказала баба Груня, держась за поясницу.— Косточки ломит. Чую, к утру разведрится. Кабы мороз не ударил.

Оставшись в трико и футболке, я улегся на старый диван. В полутьме были заметны висевшие в рамках старые фотографии. Отсвечивало зеркало, засиженное мухами. Возле голландки, за занавеской, виднелась баб Грунина кровать — старая, с облезлыми шариками на спинках. Я в детстве старался их открутить. На половицах лежали самотканые цветные дорожки. В красном углу мерцал огонек лампадки перед образами, напротив двери стоял большой комод с разнокалиберными флакончиками, с пузырьками из-под лекарств и прочей мелочью. Возле окна, над столом висели старые ходики. Так было всегда в горнице, сколько себя помню. Сквозь полудрему я слушал шелест дождя за окном, как баба Груня что-то тихо говорила и звякала посудой, убирая ее в шкафчик. Потом она прикрыла меня ватным одеялом, и я заснул.

Очнулся от странной тишины за окном. Казалось, баба Груня продолжала позвякивать чугунками. Она шаркала топтышами да бормотала по-старушечьи, по привычке. И в то же время, что-то изменилось, чего-то не хватало в привычных звуках. Я прислушался. Скрипнул пружинами старого дивана, поднялся и, потянувшись за свитером, взглянул на окно. Здесь-то до меня дошло, что не слышно звуков дождя, лившего несколько дней подряд. Я раздвинул занавески. Всмотрелся в предутренние сумерки.

— Чего соскочил в такую рань? — донесся неторопливый говорок бабы Груни, и она заглянула в темную горницу.— Говорила, что разведрит, так и случилося. В сараюшку пошла, Зорьке сена надергать, дык еле спустилась с крыльца. Шла по двору, аж хрустело под ногами. Морозцем прихватило землю да лужи. Куда ни глянь — все покрылось ледяной коркой. А ты собрался осень провожать. Хе-х! — Она дробно засмеялась и махнула рукой.— Сиди дома, Санька, грейся. Нечего по морозу шляться.

— Нет, баб Грунь, схожу, пройдусь вдоль берега. Может, зацеплю щучку. Поджарим на обед. Потом проведаю ельник и вернусь,— сказал я и снял с гвоздя старую фуфайку.

— Погоди, Санько. Побежал, не завтракавши, как и мамка твоя.— Засуетилась баба Груня.— Горячего чайку попей с баранками. Душеньку согреешь.

Я налил чай и стал отхлебывать. Поставил кружку на стол. Надел сапоги. Взял рюкзачок, в котором лежала коробка с блеснами. Едва открыл дверь, как баба Груня протянула старую шапку:

— Надень. Голову застудишь. Санько, пока ходишь, я свежатинки нажарю. Вчера-то не угостила. Да чугунок со щами подогрею. Долго не шлендай. Обед простынет. Ну, беги, провожай свою осень, провожай. Эть, краса… Хе-х!

Я взял спиннинг. Спустился с крылечка, держась за холодные шаткие перильца, отполированные ладонями за долгие годы. Ледяная корочка хрустнула, когда наступил на землю.

Взглянул на розовеющее небо. Не та погода установилась для щуки, не та. Ну и ладно. На берегу посижу, погляжу на речку, на воду…

Стараясь не наступать в колею, покрытую тонким слоем льда, я прошел вдоль заборов. Кое-где виднелся

свет в домах или мелькал багровый огонек лампадки. Выбрался за околицу. В низине, укрывшись кустарником, протекала неширокая речушка. Я каждую осень приезжал в деревню. Уходил на речку. Иногда ловил щучку, а чаще — просто сидел на берегу и наблюдал за водой, за деревьями. Прогуливался по лесу и навещал ельник, что разросся неподалеку от деревни.

Похрустывала под ногами пожухлая трава. Репейник, будылья крапивы, заросли чилиги стояли припорошенные колким инеем. Проваливались ноги, ломая ледяную корку. Чавкала грязь, и почти сразу же ее прихватывало крепким морозом. Но пройдет немного времени, и под солнечными лучами снова предстанет взору неприглядная для постороннего, но любимая мною краса осенней природы.

Я спустился с небольшого обрыва на прибрежную полосу речушки, которой и название-то давно забыли. Любой житель или прохожий называли ее всяко, как вздумается, в зависимости от настроения. Одним словом — безымянная. Остановился возле кромки. Сквозь прозрачные закраины видны полегшие водоросли. Испугавшись меня, сверкнула серебром рыбья мелочь и исчезла в глубине. Во льду застыл желтый березовый лист. А там, на открытой воде, разошлись небольшие круги. Нет, это не щука. Так… Верховка балует. Резвится. Куда же вы несетесь, мелочь? Не думаете, что под любой корягой или валуном вас ожидают щучка или судак. Эх, молодь, сеголетки…

Присел на холодный валун. Странное, слегка тревожное, но и восторженное чувство охватывало меня, когда я оказывался возле реки. Хотелось вдыхать и вдыхать тонкие ароматы воды, жухлых трав, опавших листьев. В такие моменты я чувствовал горечь неизбежности расставания со всей простой прелестью осенней природы. Но наполнялась душа благодарностью к скромным, но драгоценным дарам ее. Долго наблюдал за речкой, несшей воды куда-то в даль. В ту даль, где я еще не был. И буду ли? Пока не знал... Потом взобрался на небольшой обрыв. Осмотрелся. Я же решил навестить ельник, он зеленел неподалеку от деревни.

Казалось, я недолго находился возле речки, а вокруг уже нет той утренней морозной красы, когда шел сюда. На открытых местах сиротливо торчали нагие кустики репейника. Под ногами реже похрустывало. Опять зачавкала грязь. С трудом перебрался на взгорок, где начинался ельник. Раздвигая ветви, я направился в сторону деревни. Посматривал на яркий зеленый наряд, на желтовато-коричневый слой опавшей хвои с вкраплениями старых шишек и белую морозную бахрому, она сохранилась под нижними лапами ельника. Слушал цвирканье синичек. Вскоре вышел на маленькую поляну, окруженную высокими елями. И здесь мне показалось, будто под лапой, в теньке, что-то мелькнуло. Остановился. Приподнял колючую ветвь и удивленно присвистнул. Передо мной, с прилипшими к шляпкам иголками, приютилась небольшая семейка рыжиков. Откуда же вы, родимые? Ваше время давно закончилось! Долго я смотрел на них. Любовался в углублениях шляпок замерзшими капельками воды, которые превратились в тонкие ледяные снежинки и словно паутинкой затянули донышко. Но по краешкам шляпок уже была черноватая полоска от первого заморозка. Опасаясь дотронуться до льдистых снежинок, я достал нож и срезал рыжики. Снял шапку. Уложил туда грибы. Опрометью бросился к дому, чтобы показать бабе Груне необычные, сверкающие снежинки и сами рыжики, что не ко времени появились на свет, украсив ярким цветом осенний унылый наряд.

— Баб Грунь, баб Грунь,— крикнул я, ввалившись в избу,— иди сюда быстрее! Глянь, краса-то какая!

Подслеповато щурясь, баба Груня вышла из горницы.

— Эть, малохольный,— она проворчала и нахмурилась.— Шлендаешь по морозу. Что в дом притащил? Точно, в мамку уродился, в мамку!

— Глянь, баб…

Она подошла, шаркая топтышами. Заглянула в шапку, откуда торчали рыжие головенки грибов с льдистыми коронками, и недоверчиво посмотрела на меня.

— Не может быть, Санько! — И снова склонилась над шапкой.— Откель такое чудо взял? Хе-х! Зима на носу, а ты грибы разыскал. Эть невидаль-то! Осень долгой была, поэтому они появились. Времечко свое спутали.

Прошло несколько минут. Снежинки превратились в чистые прозрачные капельки осеннего дождя и ртутью перекатывались по донышкам запоздалых грибов.

— Раздевайся, Санька. Заждалась тебя. Чугунок да сковородку не вынимала из печи. А с ними что делать? Поджарим? — сказала баба Груня и положила рыжики на стол.

Я посмотрел на грибы. Пахнуло горьковатым запахом свежих рыжиков. Словно время вернуло нас в прошедшее лето, приготовив гостинец перед долгой и суровой зимой. И не удержался, ткнул пальцем:

— Последний подарок… Баб Грунь, посмотри, краса-то какая!

Людмила АЛТУНИНА

г. Тула

Людмила Дмитриевна Алтунина (урожд. Егуекова), журналист и прозаик, член Союза журналистов России и Академии российской литературы, родилась и выросла в Горном Алтае. Окончила факультет журналистики КазГУ. Около сорока лет проработала в СМИ. Более двадцати лет была редактором вузовской многотиражки ТулГУ. Печатается в региональных и российских журналах и альманахах, автор и соавтор более десятка книг. Награждена многими почетными грамотами и благодарностями, нагрудным знаком «За заслуги перед университетом». Ее имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность», в биографический словарь «Писатели земли тульской», в энциклопедию ТулГУ и тульской журналистики. Ветеран труда. Член редсовета и зав. отделом литературно-художественного альманаха «Ковчег».

ТАМ, ГДЕ РЕКИ ДЕТСТВА*

МИНИАТЮРЫ

БАБАЙКА

Середина лета. Вечереет. Грустные сумерки неспешно опускаются на горячую землю сгущающейся синевой. В природе всегда сквозит какая-то необъяснимая, едва уловимая грусть в предвечерье, когда день переходит в вечер. Говорят, именно на исходе дня природа вступает в самый тесный контакт и наивысшую гармонию с человеком и приоткрывает ему свои тайны. Все обволакивают умиротворение, тишина, покой, нарушаемые только пронзительным монотонным стрекотанием кузнечиков в росистой траве да ленивым лаем собак. С небес, с гор, с катунских островов, от реки веет прохладой, а от земли идет тепло с тем незабываемым запахом самой земли, который можно уловить только в это время суток или после теплого дождя. Но после дождя примешивается еще и запах воды, и свежесть озона, витающего в воздухе, а в предвечерье, без дождя, земля пахнет по-особому, первозданно самой собой — землей и травой.

Мы, еще дошколята, сидим с братом Володей на крылечке нашего деревянного дома или за оградой, под черемухой, на бревнышках, тесно прижавшись к теплому маминому боку. Она обхватывает нас руками и притискивает к себе, стараясь прикрыть тонкой вязаной шалью, накинутой на ее плечах. Темнота вокруг сгущается. Страшновато! Какие-то шорохи, попискивания и тихая возня в кустах; видимо, какие-то бессонные пташки всплескивают крылышками и шебуршатся там, но нам чудится, что кто-то неведомый тайком пробирается в густых зарослях малины и смородины в саду, за спиной. Но мы возле мамы — в полной защищенности и безопасности и ничего плохого не может с нами случиться, потому что она, такая родная, любимая,— рядом. Мы — под ее теплым крылышком. Даже ночуя на покосе, на высоком стогу сена, среди бесконечной цепи гор, под огромными звездами, Млечным путем и небесной бездонностью, или, когда нас, поздно возвращающихся с покоса верхом на лошадях, — брат на одной лошади с отцом, я — на другой, с мамой, — темнота застает в пути, на горной дороге, под маминым крылышком мы ничего не боимся. Мама же — рядом. Рядом — и папа. О! Это несравненное чувство защищенности от всего и от вся под родительским крылом! Оно сохраняется в памяти, генах навсегда и в невзгодах взрослой жизни спасает и помогает сохранять точку опоры .

Как благодарна я родителям, особенно маме, за то, что столь щедро напитала она меня этим ощущением невидимой защищенности, до сих пор спасающим меня в трудностях!

…Далеко в горах, на самой верхушке вытянувшейся вдоль горизонта горы Становой, как называли ее местные жители и мои родители, виден одинокий огонек. Мы с братом знаем, что это «Бабайка варит травяной чай»,— так говорит мама. Мистический Бабайка в нашем восприятии был не злым и страшным, а добрым, таинственным дедушкой, одиноко живущем в горах. Мы жалели его. «Одному ему среди гор плохо. Некому ему помочь, полечить, если заболеет»,— думали мы. Нам очень хотелось его однажды встретить и угостить чем-нибудь вкусным: сдобными, сладкими маминими треугольными пирожками с клубникой или ревенем. Мы считали, что Бабайка очень любит сладкое, но очень редко его получает. А я еще мечтала подарить ему букет самых красивых полевых цветов. Хотелось посидеть вместе с ним у его вечернего костерка и попить его ароматный лечебный чай из трав, пахнущий душицей, из которой мы тоже любили заваривать чай на покосе; послушать его рассказы о горах, зверюшках разных. Мы были уверены, что он знает много

* Из авторского литпроекта Л. Алтуниной «Лики России». Цикл «Золотой корень». «Моя малая родина — Горный Алтай». Из «Хан-Алтай — Сердце земли».

разных интересных историй и сказок, ведь он — хозяин и хранитель гор, их сторож в ночи. Он всюду бывает: в горах и в тайге, все видит, всех обитателей встречает, все про всех знает.

«Вот бы хоть раз встретить нам Бабайку»,— загадывали мы,— ведь у нас там, под Становой, покос, вдруг однажды да и встретим его. А это возможно, мама?»

— Возможно,— тихо и серьезно отвечает мама, еще теснее прижимая нас к себе, обнимая руками под старенькой шалью, как крыльями.— Но Бабайка показывается только добрым людям, никому не причиняющим вреда, ни человеку, ни зверью, ни деревьям и травам; помогает заблудившимся в горах, припозднившимся в ночи, а днем он отдыхает, увидеть его непросто.

Но в нас с братом почему-то упорно жила надежда на то, что однажды непременно встретим Бабайку. Должно быть, мы его и встречали в своей жизни, и не однажды, правда, в других обстоятельствах и не в горах, но он незримо помогал нам. Это — точно. И, знаю, будет помогать еще много раз наш добрый, славный Бабайка из столь прекрасного детства, так щедро согретого милой мамой, оставившей на всю жизнь в наших с братом душах эти памятные чудесные «зарубки».

ЗА ЦВЕТАМИ

…Среди других картин моего алтайского детства мне видится такая: теплое раннее солнечное утро. Конец мая — начало июня, вовсю цветет в саду, возле дома сирень, черемуха, ранет, изливая тонкий аромат, осыпая бело-розовые лепестки, как снежные хлопья, напевают скворцы. Мама печет блины в летней дощатой кухоньке, примостившейся в саду, под черемухой. Едва проснувшись, бегу босиком на крылечко. Нагретые солнцем крашеные его доски приятным теплом щекочут подошвы ступней. Как радостно умываться в солнечных лучах, скользящих по лицу, заглядывающих в глаза, из умывальника, вынесенного на весну-лето на крылечко и вытираться чистым льняным полотенцем, тоже пахнущим солнцем и цветущей весной! В душе моей — ощущение праздника!

Мамой была заведена семейная традиция: ходить весной поутру на гору, в березняк, за цветами, которых в Горном Алтае — великая пропасть. Мама одевает нас с братом во все светлое; белые же панамки — на голову и сама в белом льняном платье, вышитом крестиком голубыми незабудками с зелеными, узкими листочками; в легких парусиновых туфлях, на голове — голубая косынка. Мы готовы: в руках корзинка с едой, прикрытой белым вафельным полотенцем, и пустой литровый алюминиевый бидончик. Воды мы наберем по дороге, в роднике, что в овражке, под скальным выступом.

Нередко мама брала вместе с нами за цветами и моих подружек. В нашем доме, вообще, всегда крутилось многом детворы — всех привечали, кормили-поили. А мои подружки из необеспеченных семей и из семей, как сейчас сказали бы, социально неблагополучных, так и жили у нас: ночевали, питались, мылись в бане, носили мои платья, которых у меня было много. Мама же портняжила и из остатков тканей комбинировала мне красивые, нарядные платья, или, бывало, купит яркие отрезы ситца, сатина или штапеля в цветочек и нашьет платьев и мне, и моим подружкам, красивых: юбочка-солнце, рукав-фонарик или с крылышками, по кокетке — рюши или кружавчики, широкий пояс бантом завязывается.

…Неспешно поднимаемся в гору не по пыльной дороге, а напрямик, через заросли разных трав и цветов, рассматривая каждую травинку, цветочки, разных букашек, оборачиваясь на извилистые ленты рукавов реки Катуни, открывающиеся за островами, и на дальнюю, в голубовато-сиреневом мареве бесконечную гряду высоких остроконечных гор за лесами и Катунью. Смотрим с горы на родное огромное село Майму и отыскиваем наш дом. Ориентир — высокие, густые, зеленые кедры в школьном дворе, а школа, начальная, «Зеленая», — так все ее называли то ли потому, что находилась она на улице Зеленой, то ли потому, что утопала она в зелени кедров и большого сада,— рядом с нашим домом. Говорили, что эти кедры более ста лет назад посадили «попы», то есть первые христианские миссионеры, прибывшие в Горный Алтай просвещать, приобщать к православию коренной народ — алтайцев, язычников, поклонявшихся священным тотемам из мира природы: горам, деревьям, животным, птицам, солнцу, ветру и шаманам. Ныне многие алтайцы крещены в православие и носят русские имена.

Школу ту, где мы учились в начальных классах, снесли, место застроили, а из могучих красавцев-кедров сейчас остался только один кедр, совсем захудалый.

Скоро и он погибнет.

…Собираем цветы. Мама учит нас названиям этих цветов: саранки, незабудки, марьины коренья, ландыши, гвоздика, кандык, венерин башмачок, огоньки — жарки зовут их еще в Сибири,— кукушкины слезки, фиалки. Показывает, как составлять букеты, а в середину такого букетика из горных и луговых цветов неизменно воткнет березовую веточку и какую-нибудь красивую, ветвистую зелень. Огоньки — особые цветы для меня, да, думаю, для всех, кто вырос в Горном Алтае, как и марьины коренья. С ними связано все наше детство. По весне огоньками сплошь покрыты горы, долины — цветочный пожар! Став постарше, мы, девчонки, бегали за ними и приносили их целыми охапками. Они и похожи на огоньки: яркие, как розочки — фонарики, которые и светят мне всю жизнь.

…Когда мы с букетами цветов усаживаемся возле мамы и разворачиваем на траве полотенце с едой, она

рассказывает нам всякие легенды и истории о цветах, о лечебных свойствах трав; о жизни людей в горах, коренного его населения — алтайцев, их обычаях, ведь наш папа — тоже алтаец. И в наших с братом жилах течет наполовину алтайская кровь, наполовину русская: мы — метисы. Вспоминает мама и свое детство, тоже прошедшее в Горном Алтае. О том, как любила она вместе со своей мамой, нашей бабушкой Марфой Сазоновной Леонтьевой, урожденной Пупышевой; с тетками — сестрами бабушки — Клавой и Груней петь песни на вечерней зорьке, сидя на крутом берегу бурлящей Катуни, в Инегене. Инегень — высокогорное село, в живописнейшем месте, за Катунью. Природа там, как, впрочем, и во всем Горном Алтае, просто райски дивная. Мама нам часто рассказывала про Инегень, про свою семью и родню, вспоминая свою юность. Ныне в Инегене открыт музей снежного барса, единственный в России. И так хочется мне там побывать, в местах, столь тесно связанных с мамой и моей родней.

— Мама, а спой какую-нибудь из тех ваших песен,— прошу ее.

И мама вполголоса начинала иногда с очень горестной песни, поражавшей наше воображение; «песня алтайских партизан времен Гражданской войны», как говорила она: *«Отец мой был природный пахарь, а я работал вместе с ним. На нас напало злое племя. Село родное подожгли. Отца убили в первой схватке, а мать живьем в костре сожгли. Сестру родную в плен забрали, а я остался сиротой. Три дня три ноченьки старался, сестру из плена выручал… …Взойду ль я на гору круту-у-ю и посмотрю-смотрю-у-у-у круго-о-о-ом: горит-горит село родное, горит вся родина моя…»* Песни чаще были грустные, «жизненные», как характеризовала их мама.

«Ой, да ты, кали-и-и-нушка, ой, да размали-и-и-нушка. Ой, да ты не сто-о-о-о-й, не стой. Ой, да на горе-е-е-е крутой, ой, да не спускай-а-а-а-й листье во сине-е-е море...»,— выводила она красивым, сильным голосом. Или: *«Скатилось колечко со правой руки, забилось сердечко о милом дружке…»*; или: *«Глухой неведомой тайгою, сибирской дальней стороной бежал да бродяга с Сахалина звериной узкою тропой…»*; или: *«Скакал казак через долину, через Маньчжурские поля…»* и многие другие.

Песни эти, протяжные, грустные, сибирский народ любит, видно, в своих душах и нелегких судьбах находит созвучие с ними. Эти песни всегда пели и в больших компаниях, собиравшихся по праздникам в нашем доме. Папа запевал, мама подхватывала, потом включалась вся компания. Голоса у родителей были сильные, чистые, мелодичные. Пели компанией слаженно, мощно, красиво. Сибиряки, вообще, любят петь и как поют! Все их песни, и впрямь «жизненные», до сих пор звучат в моем сердце. Услышу их или сама запою, и в памяти ясно встают те давние картины из далекого детства. Словно вчера были эти наши желанные походы в горы, за цветами, с мамой, которой уже более сорока лет нет на этом свете, но «зарубки», сделанные ею в наших сердцах и памяти, живы…

«ТЫРЛО» НА ЧУЙСКОМ ТРАКТЕ

«Я сидела и мечтала у приоткрытого окна, Чернобровая, в лохмотьях, ко мне цыганка подошла. Подошла и просит руку, просит руку погадать: “Все, что было, все, что будет, я могу тебе сказать. Да у тебя на сердце тайна: ты любишь парня одного, ты хочешь стать его женою, Но тебе не суждено. Он любит девушек богатых, он любит карты и вино. Он тебя в могилу сгонит. Ему, бродяге, все равно…”»,— откуда и как у нас, старшеклассников из десятого «В», из «Белой школы», как все называли и до сих пор называют Майминскую среднюю школу номер один, наверное, потому что выкрашена она белым цветом, взялась эта песня, я не припомню, да, наверное, никто из нас, бывших однокашников, этого даже и не знает. Откуда к нам приходят песни?! Приходят — и все. Но именно этой песней чаще всего мы начинали наши вечера. Взявшись под руки, кто-то из наших девчонок с «Чернобровой цыганочкой» первыми выходили на Чуйский тракт вечерами, зная, что, заслышав ее, одноклассники, как по некому сигналу, выйдут на Чуйский тракт, на «тырло» — потусоваться, как сказали бы сейчас.

Под словом «тырло» у каждого сельского жителя перед глазами встает такая картина: огороженный жердями загон для телят, именуемый именно «тырло». Городскому жителю, не специалисту-словеснику, думаю, это слово вообще малоизвестно. Для нас же, как и для всей тогдашней майминской молодежи, «тырло» — ежедневные вечерние встречи с друзьями на Чуйском тракте. Это — волнующие гуляния, взявшись под руки и выстроившись длинной шеренгой во всю ширину Чуйского тракта по его остывающей, но еще теплой от летнего солнца асфальтовой ленте, туда-сюда, разговоры на самые разные темы и, конечно же, первые наши влюбленности, тщательно скрываемые от предмета своего увлечения. Мы не просто прогуливались, спорили, смеялись, мы — пели. Пели самые разные песни, от наших коронных «зазывалок» и русских народных до популярных в ту пору эстрадных: «Лучший город земли», «Калина красная», «Песня остается с человеком», «Палуба», про бумажный кораблик из фильма «Еще раз про любовь» и другие.

Собирались мы обычно на мостике, обнесенном черными и белыми столбиками — перилами и потому напоминающем полосатую зебру. Усаживались, как оживленные, чирикающие воробьи, на эти перила,— «оседлали зебру»,— и «чирикали» обо всем на свете, смеялись и пели. Мостик этот был на повороте, недалеко от въезда в наше громадное село Майму, одно из самых больших в России, со стороны Бийска и от плантаций хмеля Кировского совхоза, на сбор которого нас, школьников, «кидали» в сентябре. С другой стороны,

в направлении к городу Горно-Алтайску, ныне столице Республики Алтай, у Чуйского тракта, пролегающего через всю Майму, был Сталинский совхоз, как, по-старому, именовали тогда местные жители Майминское опытно-показательное хозяйство. Эти названия употреблялись и нами для географической ориентации на местности: где именно, в какой точке, кто находится и где, кого искать из наших общих многочисленных знакомых. Сотовых-то телефонов тогда и в помине не было. На «тырло» собирался не только наш класс, а приходило много разной молодежи и совхозной — тоже, то есть тех, кто относился к тому или иному совхозу, — их родители работали именно в совхозах, а не были служащими, как, скажем, мои. Все друг друга знали, никаких стычек между нами не было. Дружно и весело жила тогда молодежь.

Другой коронной песней-«зазывалкой» была у нас наша отрядная, классная, песня «Глобус» на стихи Михаила Светлова :

Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой,
Глобус крутится-вертится,
Словно шар голубой...
И мелькают города и страны,
Параллели и меридианы,
Но таких еще пунктиров нету,
По которым нам бродить по свету.
Знаю: есть неизвестная
Широта из широт,
Где нас дружба чудесная
Непременно сведет...
И узнаем мы тогда, что смело
Каждый брался за большое дело,
А места, где мы с тобой бывали,
Люди в картах мира отмечали…
……..

Мы тогда и не знали, что эта песня — студенческий гимн, но как-то и к нам он пришел и прочно приклеился, сопровождая нас не только в школьные годы, но и всю жизнь. Встречаясь с бывшими одноклассниками, мы с удовольствием и ностальгией поем его, вспоминая нашу чудесную юность.

В то время только что вышел на экраны художественный фильм «Еще раз про любовь» с Татьяной Дорониной и Александром Лазаревым-старшим в главных ролях. Помню, с каким жаром, гуляя по Чуйскому тракту, мы его обсуждали, наверное, потому что каждый из нас находился в ожидании и предчувствии этой большой, светлой и всепоглощающей любви.

В десятом классе встречи на Чуйском тракте нам назначал наш учитель физики и астрономии Василий Степанович Юрин в темные августовские вечера, когда звезды на небе очень хорошо видны. Его жена, Римма Николаевна Юрина, математик, была у нас и классным руководителем, столь сильно сплотившим нас (до сих пор с одноклассниками связей не теряем). Василий Степанович был классным руководителем у моего старшего брата. Под его же руководством их класс ходил летом в пешие турпоходы по Горному Алтаю, что тоже очень сдружило и сплотило ребят. Замечательная пара — настоящие Учителя с большой буквы, которых мы всю жизнь вспоминаем с любовью и благодарностью.

С Василием Степановичем на Чуйском тракте мы изучали созвездия на практике. Чтобы получить «отлично» по этой астрономической теме, надо было найти и указать на небе двадцать пять созвездий. Василий Степанович показывал нам их в ночном небе, сплошь усыпанном звездами, с помощью простого приспособления — двух параллельных деревянных реек, накрепко соединенных между собой. Василий Степанович наводил конец одной рейки на какую-нибудь звезду, а кто-то из учеников смотрел вдоль второй, параллельной, рейки и видел ту же звезду. Так мы узнали, что параллельные прямые в бесконечности пересекаются и на практике в этом убедились. До сих пор я не забыла многие из тех, сданных на отлично, созвездий: Большая и Малая Медведицы (Ковши), между ними — Дракон; Кассиопея, Северная Корона, Волопас, Лебедь, Лира, Стожары… Конечная звезда в ручке Малого Ковша — Полярная. Она всегда — на севере. Всякий раз отыскиваю их, глядя в ночное небо, и вспоминаю нашего Учителя и те незабываемые вечера с ним на Чуйском тракте.

Примеч. авт. *Чуйский тракт — Федеральная автомобильная дорога «Чуйский тракт». Проходит по территории Новосибирской области, Алтайского края и Республики Алтай. Протяженность автомагистрали — девятсот шестьдесят два километра. Является частью азиатского маршрута (Новосибирск — Бийск — Ярантай (Монголия); Урумчи — Исламабад — Карачи). Исторический Чуйский тракт, от которого получила свое наименование автодорога «Чуйский тракт», является частью современной дороги от Бийска до пограничного райцентра Кош-Агач (Республика Алтай) и до границы с Монголией протяженностью около 630 км (Википедия).*

P.S. *В Кош-Агаче, уникальном по своему климату и ландшафту, я и родилась. Это — зона вечной мерзлоты, приравненная к Крайнему Северу. Днем — жара до сорока градусов и выше, вечером — шубу надевай. Находится он в Чуйской долине, в преддверии пустыни Гоби, в кольце высоких разноцветных гор: от голубоватых со снежными вершинами до темных, «марсианских». Здесь Россия граничит с тремя государствами: Монголией, Китаем и Казахстаном. Здесь протекает прекрасная горная река Чуя, впадающая в Катунь; много озер, родников с чистейшей и холоднющей водой. С гор ниспадают водопады, поистине хрустальные. Здесь можно встретить не только стада коров, овец, табуны лошадей, но и яков, сарлыков и верблюдов. Дивный край — самый южный и удаленный в Республике Алтай и самый солнечный во всей Сибири.*

МЕДВЕЖИЙ КОГОТЬ

Отец по роду своей деятельности, большую часть времени проводил в разъездах. Он исходил вдоль и поперек Восточный Казахстан и Горный Алтай, прекрасно знал тайгу, все горные хребты и перевалы, реки и озера. Собственноручно составлял карты Горного Алтая. На горных вершинах Горного Алтая, наверное, до сих пор стоят тригонометрические вышки, установленные отцом с отметкой высоты над уровнем моря. Во всяком случае, в конце восьмидесятых годов такая вышка стояла на горе Сугаш. Тетя Дуся, сестра отца, поднявшись на эту гору, случайно на нее наткнулась и прочла надпись: «Дмитрий Егуеков. 1936 год. Томск». Отец тогда учился в Томске на землеустроителя. Он по натуре был вообще человек непоседливый; заядлый, умелый охотник и рыбак, как, впрочем, большинство мужчин — сибиряков того времени, живущих среди гор, тайги и рек. Еще с ранней весны начинал точить блесны для рыбалки на нельму, тайменя, хариуса, форель. Вырезал их из старого тульского медного самовара в медалях, надраивал до ослепительного блеска.

— Своя блесна,— говорил он,— лучше, чем магазинная, на нее охотнее рыба пойдет...

И рыба шла. Каких, бывало, он нельм привозил, длинною с обеденный стол! А тайменей каких! Однажды он привез одну огромную нельму, а от второй — половину.

— Вы что,— спрашиваю,— из нее уху варили?

— А как же! — варили. Какая ж рыбалка без ухи! Но на уху мы таймешка пустили, а половину нельмы я напарнику отдал: он нынче ничего не поймал. У нас такой рыбацкий закон: часть улова отдавать ничего не поймавшему напарнику, иначе удача отвернется. Да и не с пустыми же руками было возвращаться ему домой...

Так же строго соблюдал отец и охотничьи законы, законы гор и тайги: уходя из охотничьей избушки, оставлял сухие дрова, спички, соль, сухари, вяленое мясо для того, кто нечаянно набредет на избушку. Делился добытым мясом с товарищами по охоте, если у тех не было удачи. А шкура, голова, ноги, требуха и часть мяса убитого зверя, по закону гор и тайги,— тому, кто застрелил его. Но медвежьи шкуры, по правилам охоты, полагалось сдавать в заготконтору, а вот медвежью лапу с когтями он привозил. По древнему алтайскому поверью, медвежий коготь хранит от бед и болезней, и я до сих пор храню его как талисман. Алтайские шаманы и целители используют медвежий коготь, наряду с когтями других «священных», тотемных, диких животных гор и тайги, в своих целительных обрядах. Алтайцы же были язычниками, исповедовали шаманизм, поклонялись матушке-природе.

Православную веру в Горный Алтай принесли первые христианские миссионеры в девятнадцатом веке, два святых Макария (апостолы Алтая) — Глухарев и Парвицкий-Невский, сменившие один другого на этом многотрудном поприще и отдавшие в общей сложности Горному Алтаю более полвека. Они основали здесь Алтайскую Духовную миссию, считавшуюся лучшей в России, хотя и основанной намного позже других миссий. Они и их последователи заложили здесь крепкие основы православия. Ныне в Чемале, где был когда-то их миссионерский стан, бывшими москвичами супругами Виктором и Гаяне Павловыми, поменявшими столицу на Горный Алтай, основан храм в честь святителя Макария (Невского). Ими же в Чемале, на острове Патмос, что стоит на утесе посередине быстротечной Катуни, заново отстроен красивый деревянный храм, разрушенный когда-то советскими богоборцами. Виктора не стало, но его дело по восстановлению храмов и укреплению православия продолжает Гаяне. Со всего света едут туристы в эти святые места, окруженные дивной, райски красивой природой. Сегодня большинство алтайцев крещенные, как и мой отец и все его дети,— автор этих строк — в том числе. И родители моего отца были крещенными. Но как-то так уж повелось во многих алтайских семьях, что православие мирно уживается с древними алтайскими обычаями: генная память — великая вещь, видно, от нее не уйти, да и надо ли?!

Вот и я, давным-давно живущая в Центральной России, храню медвежий коготь, как память об отце, как память о моих предках-алтайцах, праотцов многих тюркских народов.

Примеч. авт.: *Первая книга авторского литпроекта «Лики России» — «Чайка с того света: рассказы, новеллы, очерки, эссе» вышла в 2019 году (М.: Бит-Принт, 2019.— 424 с.— (Библиотека журнала «Приокские зори»). Повести и рассказы об Алтае войдут в три — четыре книги этого проекта.*

Евгений ВАРЛАМОВ

г. Тула

Евгений Степанович Варламов — военный пенсионер. Родился в 1953 г. в Ульяновской области. После отставки живет в г. Туле. Писать начал в 2007 г. Писал короткие рассказы, которые были опубликованы в нескольких журналах и альманахах. Изданы три сборника рассказов, один приключенческий роман и один сборник стихов, которыми автор начал увлекаться в 2012 г.

ПЕТУХ

У старенькой бабушки Тихоновой сдох петух. Почему сдох, непонятно. То ли объелся чего, то ли дал ему по голове какой-то злыдень палкой, кто его знает. Только пришла Тихонова в курятник, а петух лежит, крылья раскинул. Потыкала бабушка в петуха батогом — не встает. Как есть — неживой.

А на улице-то весна! Значит, надо кур на яйца сажать, чтобы они цыплят высиживали. Только какие же цыплята без петуха? Яйца-то будут неоплодотворенные! Ничего не получится. Петух тут нужон!

Пригорюнилась бабушка Тихонова, побрела домой, батогом по дорожке постукивает. Зашла в дом, открыла старенький сервант, вынула из сахарницы туго завязанные в синенький платочек деньги. Посчитала — ан, маловато денежек-то. На прожитье надо? Надо. За свет платить надо? Надо. Да потратилась уже. Галоши себе новые купила да зерна курочкам. А на петуха и не остается. И до пенсии далеко. Вздохнула Тихонова, завязала деньги в платочек да и уложила их обратно в сахарницу. Что делать, как быть?

Деревенька-то у них маленькая, десять дворов, да и в тех не во всех живут. Большинство только на лето приезжают. Дачники, вишь! Да и остальные-то хозяйство держать не хотят. Почитай одни пенсионеры и остались. Кому дети помогают, кто самогонку гонит да продает, кто зиму кое-как перебивается, а на лето к дачникам нанимается — копать, полоть, косить...

А куры-то только у Тихоновой да у Верки с того конца. Кур у ней много, штук тридцать. И петух у ней есть. Хороший петух, весь из себя цветной, с широким гребнем набекрень, прям щеголь! Только Верка петуха не даст, самой нужон. Мало того, скандальная эта Верка, просто жуть. Чуть что не по ее, так орет, что хоть святых выноси! Ей еще и шестидесяти нет, крепкая, здоровая. Мужиком своим командует, как командир какой. Тот только успевает поворачиваться. Опасная она, эта Верка. Свяжись-ка с ней! Только надо же что-то делать.

Пошла бабушка на петуха посмотреть. Словно невзначай пошла по деревне, поглядывая по сторонам. Весна в разгаре, тепло, травка зеленая лезет, самое время кур на гнезда сажать. Две уж заквохтали, невтерпеж им. А петуха нет.

Глядь, а петух-то тут как тут, совсем рядышком со своими курами гуляет. Прохаживается важно, оглядывая глазом улицу, а то опустит одно крыло да начинает его кончиком чертить круги вокруг курицы, ухаживает, значит. Увидел бабушку Тихонову, насторожился, спросил строго: — Ко-ко-ко? Кто, мол, такая, почему здесь шастаешь? Ничего не ответила ему бабушка, прошла мимо, будто не заметила. А в голове у нее уже план!

Решила она подманить этого петуха… на время, чтобы сделал он свое петушиное дело в бабушкином курятнике, а потом Тихонова его отпустит. От петуха-то не убудет? Правда же? Может ему только в радость?

Насыпала бабушка ячменя в мешочек и пошла приманивать петуха. Снова, как бы невзначай, прошла мимо Веркиных кур да сыпанула горсточку ячменя им под ноги. Петух подбежал, осмотрел внимательно подношение и дал добро курам. Налетели тут куры, толкаясь и переругиваясь, стали клевать зерно. Тогда бабушка вернулась и стала сыпать ячмень тоненькой дорожкой к своему курятнику. Ну и пошел по ней петух, удовлетворенно бормоча что-то, по вкусной по дорожке. Хорошо идет! Да вот только кур своих зовет за собой! А куры-дуры все за ним. Куры-то чужие бабушке ни к чему. Морока одна с ними! Как тут быть?

Надо как-то кур от петуха отрезать. А как? Пошла Тихонова на кур, батожком помахивает, птиц отгоняет. А петух насторожился, перестал клевать, стоит, смотрит. Повернулась бабушка к нему, взмахнула своей палочкой, да кричит:

— А ну, пошел домой, пошатущий!

Ну, как будто это ее петух, если соседи увидят. Гаркнул петух недовольно что-то неразборчивое да боком, боком подался к бабушкиному сараю. А сам так и косит опасливо янтарным глазом.

— Иди, иди домой,— приговаривает Тихонова.— Куры тебя заждались.

Да только подняла голову бабушка Тихонова, а Верка-то, вот она, стоит у бабушкиного сарая, хмурится. Быть беде!

Отвернулась Тихонова, будто Верку не заметила, и пошла прочь. Только Верка-то тоже не дура. Как закричит она, ажно петух подпрыгнул:

— Тихонова, етит твою мать, ты что ж это творишь? Ты почто мово петуха к себе гонишь? Я тебя щас прям на месте разможжу!

— Дык рази это твой? Ой, дура я старая, ниче не вижу! Я ж мыслила, мой это!

— Ты мне дурочку-то не строй, мой петух-то цветной, а твой черный. Али не видать? Почто тебе мой петух, говори! Щас в милицию позвоню!

Потупилась бабушка Тихонова, не знает, сказать Верке или соврать? Да что уж там. Надо каяться. А то и правда в милицию позвонит. С нее станется. Грех-то какой!

— Бес попутал меня, Вера, извини. Мой-то кочет сдох. Прям не знаю, что и делать. Куры клохчут, а я без петуха.

— Так ты моим попользоваться хотела? Ну и дурища же ты, Тихонова! Поделом тебе! Помнишь, о прошлом годе ты мою молодку к себе загнала? Вот Бог-то тебя и покарал! А не воруй!

— Дак, Вера, ни сном, ни духом... Не видала я твоей молодки... Христом-богом клянусь!

— Опять врешь! Что ж ты за человек такой? И врет, и врет, и врет! Дак еще и клянется! Тьфу на тебя! Дай пройти!

И Верка, чуть не задев Тихонову нарочно выставленным локтем, подобрала с земли хворостину и погнала своего пернатого красавца домой, приговаривая:

— Шагай, идол, своих кур мало ему, он к чужим прется!

Утром бабушка Тихонова решила навести порядок в курятнике. Нашла старенький веник и принялась обметать паутину по углам. Беда с этой паутиной. Только уберешь, глядь, а ее уже вдвое больше. Мух-то еще нет, чего же пауки там ловят?..

За этим занятием ее и застала Верка. Она вошла в низенькую дверь пригнувшись и, протягивая бабушке розовое пластмассовое ведро, громогласно распорядилась.

— Так, Тихонова! Давай, раскладывай яйца по гнездам да сажай своих курушек. Я тебе три десятка принесла. Свежие совсем. Вчерашние и позавчерашние. Авось будут цыплятки.

— Ой, Вера, да как же? Да что ты? Я вить...

— Давай, давай, не спорь! Не пропадать же курам, если петуха нету. Живы будем, сочтемся! А вчерашнее я уж и забыла. Что ж мы, не люди?

Взяла бабушка ведро из Веркиных рук и вдруг заплакала. Негромко так, вроде как облегченно. Текут слезы по морщинистым щекам и капают прямо в ведро, на свежие куриные яйца. Ну, да это не беда. Будут у бабушки Тихоновой к лету цыплята.

Будут!

Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ

г. Сельцо Брянской области

Петр Любестовский (Кузнецов) родился в 1947 г. на Смоленщине, в д. Любестово. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский ГУ. По образованию юрист. Служил в ВС и МЧС. Подполковник в отставке. Работает учителем истории и права в школе-интернате. Публикуется в «Литературной России», «Дне литературы» и в ведущих журналах. Лауреат и дипломант ряда всероссийских и международных литконкурсов. Автор девяти книг прозы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Руководитель литобъединения «Парус» (г. Сельцо). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

ОБЕЛИСК

По всей России обелиски,
Как души, рвутся из земли.
Римма Казакова

На всю жизнь запомнился мне обелиск у обочины лесной дороги, ведущей из деревушки Несоново в поселок Загорье.

По этой извилистой лесной дороге мне пришлось ходить с друзьями целых одиннадцать лет в поселковую школу. И все эти годы у тихой лесной речушки Навли, в оградке из штакетника, сверкал серебром на солнце стройный обелиск, на вершине которого алым огоньком горела небольшая пятиконечная звезда. У подножия обелиска в летнее время лежали пестрые полевые цветы, а зимой к нему вела расчищенная от снега тропин-

ка. На темной металлической пластине в центре обелиска была выбита надпись: Трофимов Павел Алексеевич (1924—1942).

Мы с ребятами долго не знали, кто так заботливо ухаживает за лесным памятником, пока однажды весной, поутру шагая в школу, не увидели в оградке свою любимую учительницу Марию Константиновну с букетиком скромных ландышей в руках, на листьях которых еще блестели капли росы. Мы подбежали к учительнице и заметили, что на ее щеках в лучах утреннего солнца блестят такие же капли. С той поры мы тоже стали собирать в березовом лесочке яркие цветы с белыми, синими, розовыми, желтыми венчиками, которыми были залиты лесные поляны, и носить их к памятнику. Застав нас однажды за этим занятием, Мария Константиновна сказала:

— Спасибо вам, ребята, за память о Павлуше.

— А кто он, Павел Трофимов? — заинтересованно спросил один из нас.

— Партизан-разведчик, отважный парень и мой друг,— взволнованно ответила Мария Константиновна.— Павел погиб в юном возрасте незадолго до освобождения нашей области от фашистов…

— Расскажите о нем,— попросили мы учительницу.

Она грустно улыбнулась и слегка кивнула головой.

…В глухую лесную деревушку Несоново фашисты нагрянули на рассвете, в синеватой темноте, когда жители еще спали.

Суматошные крики людей, гвалт домашней птицы, визг поросят, лай собак неслись от края до края деревни, пронзая утреннюю тишину и эхом отзываясь в густом лесу. Вскоре вся деревня была уже на ногах. Кто-то бросился спасать свой скарб, кто-то скотину, а кто-то свою жизнь, решив укрыться в лесу. Но деревня была уже полностью оцеплена. Прозвучали первые выстрелы, и люди вынуждены были вернуться назад.

Жителей собрали в центре деревни на зеленой полянке у сельского совета. Выставили охрану. На крыльцо поднялся высокий худой офицер. Рядом прыгал маленький плюгавый мужичишка — переводчик из русских.

Офицер через переводчика сообщил, что в соседнем селе Сергеевка прошедшей ночью партизаны напали на ночной санаторий для немецких пилотов с Сещинского аэродрома. Погибли опытные асы, крылатые любимцы фюрера. Сожжено здание санатория, уничтожено имущество. «Нам стало известно, что бандитам помогали жители вашей деревни. Партизаны изучили подступы к санаторию, охрану и вооружение, расположение постов, размещение помещений, наличие отдыхающих. Это значит, что они долгое время вели наблюдение за объектом, а пособниками у них были местные жители»,— заключил офицер. И предложил выдать тех, кто поддерживал связь с партизанами, их родственников, а также коммунистов и комсомольцев. За достоверную информацию офицер пообещал большую премию от немецкого командования и хороший паек.

— Даю на размышление не более пяти минут. Если не будут выданы сообщники бандитов, все жители будут расстреляны, а деревня сожжена.

— Как же, так и выдали тебе, чертов хлыщ, сообщников. Мы все сообщники в борьбе против вас, оккупантов,— пробурчал в толпе старик Артем Трофимов.

Но тут из передней шеренги шагнул вперед горбун Егор Шугуров, бухгалтер сельсовета:

— Здесь, среди нас, учительница Машка Елизарова,— кивнул он на толпу.— Ее отец, Константин Елизаров — партизанский комиссар. Вот и пусть она отвечает…

Толпа зашикала на предателя. Офицер вытащил пистолет из кобуры, выстрелил в воздух и нервно крикнул:

— Ахтунг! Кто есть Машка Елизарова?

Горбун показал в середину толпы, где, втянув голову в худенькие плечи, стояла стройная русоволосая девушка с косой до пояса. Солдаты бросились к ней и вытолкнули вперед прикладами автоматов.

— Ты есть дочь комиссара? — ткнул пальцем в грудь девушки офицер.

— Я не знаю, где мой отец. Возможно, он воюет на фронте,— робко ответила Маша.— В деревню он не приходил…

— Арестовать и отправить в комендатуру! — дал команду офицер.

В это время из шеренги вышел дед Артем. Он пристально вгляделся в своих земляков. На их лицах была печаль страданий и горя.

— Отпустите учительницу. Партизаны приходили ко мне.— Он с ненавистью глянул на Горбуна и сквозь зубы произнес: — Как же ты теперь жить думаешь, иуда?

Два рослых эсэсовца подхватили старика под руки, потащили к машине. Туда же направился офицер. Следом бросились солдаты. Они быстро заполнили грузовики и колонна из трех грузовиков, грозно урча, двинулась в сторону Загорья.

А наутро следующего дня эсэсовцы вновь нагрянули в деревню. Вновь стоял шум, визг, звучали выстрелы, слышались тревожные крики, раздавался плач детей и женщин. На той же полянке у сельсовета офицер-хлыщ через переводчика объявил поникшим людям:

— Вчера вечером был убит Егор Шугуров, который верно служил новой власти. Это дело рук тех, кто связан с партизанами. Мы намерены уничтожить деревню, если не будут выданы их сообщники.

Люди замерли. Притихли даже малые дети. Вокруг стояла тревожная, настороженная тишина. И только

могучие сосны чуть слышно шептались меж собой о том, что не в силах помочь людям, защитить их, спасти от беды. Неожиданно из толпы решительно шагнул вперед крепкий парень в стеганке, перепоясанной широким ремнем, и громко сказал:

— Это я его убил. Таким не место среди людей.

Это был внук деда Артема и друг Маши Елизаровой Павел Трофимов. Вечером он возвращался с товарищами из разведки и заглянул в Несоново. Узнав о том, что его подругу и деда схватили гитлеровцы по доносу Горбуна, Павел решил наказать предателя. Павел вытащил его из погреба, где он спрятался на ночь и предложил следовать в партизанский отряд. Горбун упирался. И тогда Павел отвел его в лог за околицу и дал по нему очередь. Жители деревни, узнав об этом, в один голос заявили: «Собаке — собачья смерть». Павел заночевал в деревне. Он не знал, что сын Горбуна Сенька тайком сбежал к немцам и сообщил им, что отец расстрелян партизанами.

К Павлу бросились гитлеровцы, заломили руки, прикладами автоматов затолкали в кузов машины.

— Он будет казнен на виду у всей деревни, но только после того, как назовет сообщников и тех, кто помогает партизанам. И такая участь постигнет каждого, кто выступит против нового порядка, против преданных нам людей,— выкрикнул Хлыщ. Переводчик едва успевал переводить, непрестанно вытирая платком пот с одутловатого лица.

Когда колонна двинулась в путь, кто-то в толпе тяжело вздохнул:

— Жаль партизаны не знают, что фашисты повадились в лес. Они бы встретили их и проводили с почестями.

Но вскоре жители деревни услышали выстрелы. Надеждой и радостью засветились их лица. Это шел бой у реки Навли, на полпути к Загорью.

Командир партизанского отряда, обеспокоенный тем, что разведчик Трофимов не вернулся с боевого задания, ломал голову: «Что случилось?» На рассвете он послал связного в Несоново. Тот возвратился и сообщил о последних событиях в лесной деревне. И тогда командование отряда приняло решение устроить засаду на колонну гитлеровцев у моста через Навлю.

Бой был недолгим. Пользуясь внезапностью, партизаны окружили и уничтожили небольшой отряд противника, захватили вооружение и технику. Воодушевленный успехом командир предложил продолжить операцию: напасть на комендатуру в Загорье и освободить заложников. Партизаны переоделись в немецкую форму, пересели на немецкие автомашины и мотоциклы и двинулись в поселок.

Операция прошла удачно. Гарнизон гитлеровцев в Загорье был практически полностью уничтожен. Но и партизаны понесли потери. Несколько человек погибли. При штурме комендатуры получил тяжелое ранение разведчик Павел Трофимов. На обратном пути он скончался и был похоронен у лесной дороги, неподалеку от Навли.

Марию Елизарову враги расстрелять не успели. Но пытки, избиения и издевательства не прошли для нее даром. А главное, она потеряла любимого человека, который сделал все, чтобы спасти ее. И это явилось для нее глубокой, незаживающей душевной раной на всю жизнь.

Молодость и время вернули ей силы. После войны она вновь занялась любимым делом — продолжила учить грамоте деревенских ребятишек. Эта женщина светлой красоты и пленительного нрава замуж так и не вышла. Одни считали, что Мария не встретила парня, похожего на Павла, другие — что она хранила ему верность.

Прожила Мария Константиновна не долгую, но содержательную жизнь, воспитала немало замечательных учеников. И всю жизнь она была верна любимому, свято хранила память о нем, ухаживала за его могилой и, умирая, завещала похоронить ее рядом с Павлом, у лесной дороги.

Благодарные ученики выполнили ее наказ. И теперь на обелиске их имена рядом: Трофимов Павел Алексеевич и Елизарова Мария Константиновна.

СНЕГИРИ

...Я знаю, ты рядом со мною
Сто раз свою грудь подставлял.
К. Симонов. Безыменное поле.

Каждую зиму в Мареевку, лесную деревушку в одну улицу, прилетала стайка снегирей.

Едва проселок укрывался белым покрывалом — птицы тут как тут, на деревенском пустыре, напротив хаты Листратовых. В эту пору Павел Максимович Листратов оставлял все дела и устраивался у подслеповатого окна своей состарившейся, довоенной постройки избы и пристально наблюдал, как красавцы-птицы в красных галстуках кормились на сухих репейниках, сплошь укрывших опустевшую усадьбу.

На этой усадьбе жил фронтовик Егор Мирошин, друг детства Павла Листратова. Несколько лет назад Егора не стало. Он ушел ночью, не успев проститься ни с женой, ни с другом. Фронтовик умер от ран, полученных в бою под Чаусами — нестерпимую боль не выдержало сердце. Вскоре после смерти Егора покину-

ла этот мир и его жена Мария Николаевна. Родственники, живущие в соседнем селе, разобрали постройки на дрова и усадьба фронтовика опустела.

С уходом Егора Мирошина в Мареевке остался единственный фронтовик Павел Листратов. Старик выглядел статным, худощавым, подтянутым, только седые волосы да борозды-морщины на смуглом лице, словно кора на старом дереве, выдавали его года и пережитые испытания.

Дождавшись снегирей, Павел Максимович изо дня в день с замиранием сердца следил за птицами, пребывая в глубоком раздумье. Его сухонькая, миловидная жена Анна Петровна или Анюта, как ласково называет ее Павел Максимович, в такие минуты старалась не тревожить старика и даже не напоминать о своем присутствии. Кому, как не ей знать, что снегири для Павла это отдельная, судьбоносная история. Впрочем, как и для нее…

Суровой зимой 41-го их стрелковый батальон вел тяжелые бои под Можайском. Между боями командир батальона капитан Онуфриеев, бывший начальник одной из западных пограничных застав, седовласый, широкоплечий сибиряк с крупным волевым лицом, которого бойцы меж собой уважительно называли отец Онуфрий, всячески стремился организовать разведку, чтобы четко представлять силы и средства противника на передовых рубежах.

В тот декабрьский день был тяжелый бой за хутор Вьюнки, приютившийся у подножья небольшой высотки. Немцы, уверенные в своем превосходстве, как оголтелые бросались в лобовую атаку, но батальон Онуфриева выстоял, не отступил, хотя понес немалые потери. Во второй половине дня наступило затишье. Похоже, немцы, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление со стороны русских, решили перегруппировать свои силы и обойти высотку с флангов.

Получив небольшую передышку, наши бойцы старались успеть залечить раны, согреться, запастись боеприпасами и похоронить боевых товарищей. Тем временем комбат через политрука вызвал посыльного в штабную землянку и отдал команду:

— Листратова и Назаревича ко мне!

Через пару минут разведчики стояли перед комбатом навытяжку.

— Присаживайтесь,— жестом показал Онуфриев на широкую лавку,— и угощайтесь. Вот для вас горячий чай…— Капитан поставил на грубо сколоченный стол две потускневшие алюминиевые кружки, рядом положил несколько тоненьких черных сухарей.— А заодно — о деле. Надо срочно выяснить обстановку на передовой у немцев. Нам необходимо знать, что они затевают. Не скрою, риск велик, придется идти белым днем, но ждать нельзя. В любую минуту наступление немцев может возобновиться. Очень рассчитываю на вас. Старшим назначаю сержанта Листратова.

— Слушаюсь,— вскочил со скамьи и вытянулся в струнку Павел.

— Если задача ясна — облачайтесь в маскхалаты и с Богом.

Комбат встал из-за стола, поочередно пожал руки разведчикам.

Проходя мимо окопа, где находился полевой лазарет, Сергей Назаревич, худенький, невысокий боец, похожий на мальчишку, до войны успевший окончить педагогический техникум, будто советуясь с Павлом, сказал:

— Хочу на минутку к Анюте забежать.

— Жду тебя у обгорелой березы,— кивнул за бруствер окопа Павел.

— Я мигом,— крикнул на ходу Сергей.

Он догнал Павла, когда тот, укрывшись за стволом старой, почерневшей от копоти березы, намечал дальнейший маршрут передвижения.

— С Анютой не увиделись,— с сожалением сказал Сергей.— Работы у нее невпроворот — в дальнем окопе перевязывает тяжелораненых. И с горечью добавил:

— Впервые иду в разведку без ее благословения.

— Ничего, даст Бог, увидитесь после,— успокоил друга Павел.— Давно хотел тебе сказать, но все было не к месту — замечательная девушка твоя Аня. Даже не думал, что она такая нежная и хрупкая на вид, может выдержать трудности фронтовой жизни, да еще на передовой. Никогда не слышал от нее жалоб. Раненых почти безнадежных выхаживает, видать, каждому из них часть своего сердца отдает. Не зря бойцы ее так любят. Завидую тебе по-доброму, Серега. И жена будет верная, и хозяйка что надо…

Сергей слегка смутился, кивнул в знак согласия головой.

— Ранение у меня под Могилевом было очень серьезное, я тебе рассказывал,— напомнил другу Сергей.— Шансов выжить не было. Но Аня спасла меня, вытащила с поля боя под пулями и выходила. Я тогда поклялся себе: если выживу, то непременно женюсь на ней. Но побаивался, что она меня отвергнет — ведь красавица редкая, я нечета ей. К счастью, приглянулись друг другу… Закончится война, увезу Анютку в свое родное село, с красивым названием Серебряный Ручей, что под Кричевом, сыграем свадьбу. Всех фронтовых друзей на свадьбу приглашу, а тебя, Павел, как земляка,— первым.— Назаревич дружески взглянул на сержанта.— Построим новый дом. Анютка нарожает мне крепких красивых детей. И зазвенят голоса в нашей светлой просторной избе. Посадим сад, заведем скот и птицу. Я буду деревенских детишек грамоте учить, а Анюта будет в сельском медпункте работать, людям помогать.

По снежной целине разведчики по-пластунски медленно продвигались в сторону опустевшей деревни Понизовье, где на окраине окопались немцы. Благополучно добравшись до небольшой балки, друзья затаи-

лись на одном из склонов, среди покрытых инеем зарослей черемушника и крушины, и пару часов наблюдали за скрытым перемещением противника на фланги, вели счет технике, вооружению и живой силе.

Ближе к вечеру, когда за балкой заалел закат и горизонт вспыхнул ярко-кровавым заревом, разведчики, продрогшие до костей, спустились на дно оврага и стали пробираться к своим позициям.

Преодолев овраг, они поднялись по склону вверх и решили немного передохнуть, прежде чем пересечь большую поляну, занесенную сугробами. И здесь, на вершине склона, укрытого торчащим из снега репейником, Назаревич увидел стайку красногрудых снегирей, повисших на заиндевелом былье, словно волшебные фонарики.

— Павел, посмотри, какая красота,— прошептал Сергей.— Будто и нет войны. Живут, кормятся, щебечут. В детстве снегири часто гостили в моей деревне. Мне так хотелось подержать этих красавцев в руках. С закадычным другом Юркой Ковалем мы соорудили ловушку — к доске прикрепили петли из конского волоса, насыпали на доску мякины, установили ловушку на пустыре, где чаще всего обитали снегири, стали издали наблюдать за ними. Как же мы радовались, когда в петлю угодил пухлый красногрудый снегирь! Но когда я освобождал его лапу, то почувствовал, как трепещет от страха птичье сердечко. И мне стало жаль красавца-снегиря. Я погладил его перышки, дал погладить Юрке, потом не удержался от искушения — прикоснулся щекой к розовому брюшку и отпустил снегиря на волю…

Разведчики всячески старались не потревожить птиц, чтобы не обнаружить себя. Однако снегири заметили бойцов и тотчас взметнулись стайкой, стряхнув с былья легкое облачко белого инея. Разведчики выдержали паузу и ползком поднялись на вершину склона. И тут Павел услышал треск, будто кто-то неподалеку сломал сухой сучок. Он посмотрел на Сергея и увидел, что тот лежит рядом, уткнувшись головой в снег.

Сержант тихо позвал друга, но тот не ответил. Павел дотянулся до него рукой и слегка тронул за плечо. Сергей с трудом приподнял голову, прошептал: «Сбереги Анюту… и ребенка…» Листратов повернул тело разведчика на бок. На маскхалате Назаревича и на снегу алели пятна крови. «Серега спас меня. Принял мою пулю на себя»,— пронеслось в голове у Павла.

Укрывшись в овраге, Листратов окоченевшими руками перевязал тяжелораненого друга. Тем временем стало темнеть. Не теряя ни минуты, сержант уложил Сергея на плащ-палатку и осторожно потащил за собой.

В пути пытался приободрить истекающего кровью земляка:

— Ничего, Серега, сдюжим! На Буйничском поле под Могилевом было тяжелее. Но выстояли, вырвались из окружения. Потерпи, брат, скоро доберемся до своих. А там твоя Анюта сделает все, чтобы вновь поставить тебя на ноги. Со своей задачей мы справились — выяснили обстановку. Комбат был прав — немцы хотят обойти нас с флангов, взять в кольцо, но у них ничего не выйдет. Хутор и высотка им не по зубам…

Сумеречные тени густо укутали снег, когда Павел подтащил к старой березе закоченевшее тело друга. Здесь его встретили бойцы и комбат.

— Как это случилось? — сурово спросил Онуфриев, стягивая с головы шапку.— Неужто снайпер обнаружил?

— Похоже, что так. Это моя вина — надо было возвращаться под покровом темноты,— упавшим голосом произнес Павел.— Торопились доложить о выполнении задания, да и продрогли до костей…

— Жаль, такого разведчика потеряли,— с горечью произнес комбат.

Павел видел, как подбежала к Сергею Анюта, как упала на снег, зарыдала.

Листратов отошел в сторонку, закурил и жадно тянул сигарету, искоса наблюдая, как Анюта, уткнувшись головой в окоченевшее тело Назаревича, плакала и что-то шептала. Не выдержал и Павел…

…В последнюю зиму снегири в Мареевку не прилетели. Анна Петровна заметила, как после долгих ожиданий, Павел Максимович затосковал, поник. Фронтовик днем не находил себе места, а ночью нередко вставал, сидел у темного окна, прошитого стежками снегопада и тяжело вздыхал.

Анна Петровна встревожилась, позвонила старшему сыну Сергею, рассказала о захворавшем отце, о том, что он потерял всякий интерес к жизни и большую часть времени проводит в кровати.

Вскоре приехал Сергей. Он долго беседовал о чем-то с отцом. Потом достал из сумки небольшой магнитофон, поставил его у изголовья постели отца и нажал на клавишу. Приятный мужской голос сообщил: «А теперь по заявке Сергея Листратова, проживающего в областном центре, для его отца, фронтового разведчика Павла Максимовича Листратова, из деревни Мареевка, исполняется песня Юрия Антонова «Снегири». Нежно зазвучала гитара, и артист проникновенным голосом запел:

Эта память опять от зари до зари
Беспокойно листает страницы,
И мне снятся всю ночь на снегу снегири,
В белом инее красные птицы…

Павел Максимович разволновался. На глазах фронтовика выступили слезы. Он встал, крепко обнял сына, похлопал ладонью по спине…

И теперь, каждый раз, как только сгущаются ранние зимние сумерки, Павел Максимович включает магнитофон и слушает песню, будто написанную для него и о нем:

Мне все снятся военный поры пустыри,
Где судьба нашей юности спета.
И летят снегири, и летят снегири
Через память мою до рассвета…

Рядом устраивается Анна Петровна и, слегка прислонив седую голову к плечу мужа, слушает волнительную песню, вспоминает далекие фронтовые годы, друзей-однополчан и не может сдержать предательские слезы.

Павел ПОДЗОРОВ

г. Бобруйск, Беларусь

Родился в 1975 г. в Белоруссии, в г. Бобруйске. Образование высшее. С детства увлекается научной фантастикой. Рассказы переведены и изданы на белорусском, украинском и немецком языках. Победитель и лауреат международных конкурсов. Имеет Сертификат творческого работника Министерства культуры Республики Беларусь.

РАССКАЗЫ

ФАНТАСТИКА

ВЕТКА СИРЕНИ

… Кульков лежал на своей кровати. Белые льняные простыни, высокая подушка. Весеннее солнце заливало комнату, оставляя причудливые тени. За окном, прижимаясь к стеклу, покачивалась ветка сирени. Ее запах проникал в комнату и наполнял ее ощущением, что жизнь продолжается…

Кульков прожил долгую жизнь. Хватало в ней и горя и радости. Всего хватало.

И вот теперь он в весьма преклонном возрасте в окружении детей, внуков и даже правнуков готовится покинуть этот мир… Он свыкся с этой мыслью и воспринимал грядущий приход старухи с косой спокойно…

Кульков в последний раз осмотрел всех, улыбнулся и закрыл глаза… Последний вздох, и Кульков умер…

Он открыл глаза (все шесть) и непонимающе осмотрелся… Ах, да… Сон… Он зашевелился, приходя в себя и, наконец, проснулся полностью. Фиолетовый свет двух солнц заливал хлюпающую равнину. Из сиренево-розового тумана выступали дрожащие ветви хвощей…

— Доброе утро, дорогой! — Телепатема незаметно вползшей в нору жены заставила его повернуть к ней половину глаз…

— Доброе,— ответил он так же мысленно.

Изящно шевеля ложноножками, жена переползла поближе:

— Опять смотрел гипносны про двуногих?.. Пора бы уже угомониться. Они так выбивают из колеи. И придумал же какой-то умелец таких невозможных существ… Собирайся — опоздаешь на плантацию.

Уложив все двенадцать щупалец в узел за спиной, она заскользила к выходу… Он плавно потек за ней.

Впереди левее маячила его плантация… Тело легко скользило по мягкой жиже. «Прочь всякие сны! Привидится же такое…» — Он окончательно проснулся и настроился на работу. Его мир самый лучший. В этом нет никаких сомнений.

…А перед мысленным взором, наполняя все ароматом, покачивалась ветка сирени….

СЧАСТЬЕ — В КОСМОСЕ

Ему было очень тяжело.

Сверху практически монолитная скала. Приходится искать, нащупывать едва заметные трещинки. На попытки расширить их уходят все силы. Да, силенок бы побольше. Вода есть. Не много, но пока хватит. Потом выпадет росса. Часть, конечно, испарится, но хоть малая доля, да пробьется, проникнет сквозь толщу грунта и камня.

А вот света нет. А без света — нет силы. Пробиваться… Пробиваться к свету, несмотря ни на что. Свет

— это сила. Свет — жизнь!

Уже немного, осталось чуть-чуть. Последние усилия. Он нащупал трещину достаточной толщины и устремился туда. Осталась последняя преграда в виде плотного грунта.

Только бы добраться до поверхности. Свет поможет окрепнуть. Дать новые крепкие корни, из них — новые сильные побеги. Тогда и вода будет проникать беспрепятственно, досыта насыщая влагой.

Как удачно! Узкая щель между двух непробиваемых плит. Вот и свет впереди. Свет!

Блеклый слабый Росток устремился туда.

На космодроме было многолюдно. Посреди серой безжизненной равнины стояли провожающие. Звездолет был готов к взлету и, стоящий на площадке перед люком экипаж, слушал последние напутствия.

Если бы Росток мог понимать человеческую речь, то он бы услышал:

— Братья! Много лет мы жили, не думая о судьбе планеты. Мы черпали ее природные ресурсы, не задумываясь о будущем. Но час расплаты наступил. На всей планете не осталось и одного растения. Ни одного! Как радовались бы мы, увидев самое неказистое деревце. Да что там деревце — листок! Травинку!..

Выступающий помолчал. Смахнув скупую мужскую слезу, он продолжил:

— К сожалению, процесс необратим. Чтобы не погибнуть мы вынуждены посылать наши корабли к иным звездам. Одних — в слабой надежде найти новый мир, готовый принять нас. Других — доставить хотя бы какие-то растения, способные выжить и оживить планету.

Удачи вам, братья! Как бы это высокопарно не звучало, но именно вам искать наше счастье в далеком космосе!..

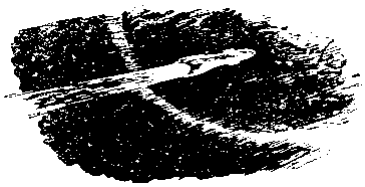
Космонавты вошли в звездолет. Люк закрылся.

Ничего этого Росток не знал. Увидев долгожданный свет, он изо всех сил рванулся и … пробился на поверхность…

Именно в этот момент из дюз звездолета, располагавшихся прямо над ним, вырвалось всепожирающее пламя…

Ростка не стало…

Люди отправились искать свое счастье в космосе….



ЗОЛОТАЯ ВОДА

«Вода дороже золота, малая капля воды высекает из песка зеленую искру — былинку».
Антуан де Сент-Экзюпери

В городе N-ске произошло непредвиденное.

В этот день из крана пошла золотая вода. Точнее сперва она была обычной, но, вытекая из крана, до того, как успевала набраться в любую емкость, становилась золотой. Мало того, через некоторое время, она затвердевала и превращалась в кусок золота.

Первым это открытие сделал дворник ЖЭСа. Встав в четыре утра, он решил умыться. Не открывая глаз, прополоскал руки водой из под крана и умылся. Через несколько секунд он почувствовал неприятные стягивающие ощущения. Глянув на руки, дворник с изумлением увидел, что они покрыты золотой фольгой. В зеркале он увидел такое же золотое лицо, на котором особенно резко выделялись усы.

Благо, эта золотая корка легко отделялась, подобно засохшему на руках клею ПВА…

К девяти часам утра, когда проснулось большинство жителей, о том, что случилось, знал весь город. Городские власти, создав экстренную комиссию с привлечением местных специалистов по водоснабжению и гражданской обороне, а так же местных ученых, пытались разобраться в происходящем.

Научному объяснению это явление не поддавалось. Но граждане, быстро смекнув, что к чему, не замедлили воспользоваться ситуацией. Еще никогда ни в одном месте земли, включая легендарный Клондайк, не было собрано сразу столько золотообладателей. У некоторых золотом были заполнены все имеющиеся дома емкости. Наиболее расторопные наполняли ванны и поливочные бочки.

Проблемы начались уже через несколько часов. Люди хотели пить, однако утолить жажду было не чем. Даже минеральная вода, прозрачная в бутылке, после открытия превращалась в золото. Заварить чай в золотой воде было невозможно. Лимонады и соки после открытия так же меняли свои свойства, становясь непри-

годными для употребления внутрь.

Надо сказать, что было лето, день выдался жаркий. Люди и животные хотели пить, растения требовали полива.

А пока жители, кто с интересом, а кто с испугом, на все лады обсуждали новость и следили за событиями. Этому явлению сразу же нашлось применение у местных модниц. Волосы, смоченные золотой водой, позволяли создать поистине фантастические прически. Ногти, покрашенные ей, становились золотыми. Зубы, почищенные золотой водой, сверкали в лучах солнца. Улицы наводнили «золотые» модницы и златозубые красавцы.

Но все это было внешнее… А жажда все больше давала о себе знать.

Присланные из района машины с питьевой водой оказались бесполезны. Как только вода начинала литься из крана, она тут же становилась золотой.

Единственные пригодные для питья жидкости, которые не превращались в золото, были кефир и простокваша. Очевидно, реакция молочнокислого брожения вырабатывала какой-то иммунитет против «озолачивания» жидкости. Молочные отделы магазинов мгновенно опустели. Граждане запасались кефиром.

Не обошлось и без несчастных случаев. Несколько граждан, кто по недомыслию, а кто не разобравшись, имели неосторожность попить воды из крана…Некоторые даже умудрились опохмелиться золотой водкой и пивом. Сейчас в реанимации принимали экстренные меры, пытаясь спасти пострадавших.

Жажда…

Руководство района и области всерьез задумались об эвакуации города. Тем более было установлено, что загадочное явление распространяется только до пределов пяти — шести километров от городской черты. В округе появилась масса золотых прудов, озер и бывших речушек. В остальных, близлежащих населенных пунктах района все было в порядке.

О чрезвычайном происшествии было доложено в столицу. Группа ученых Академии наук срочно вылетела в город N-ск.

И вдруг, спустя двенадцать часов, все нормализовалось… Из крана пошла обыкновенная вода. А все золото превратилось в обычную воду.

Больше всего пострадали наиболее ушлые граждане. Одна группа весь день занималась тем, что разливала золотую воду в формы, потом оттуда извлекались золотые слитки и складывались в штабеля.

Сейчас эти горе-старатели стояли по колено в воде и крыли на чем свет золото, науку и заодно — правительство (хотя, причем тут правительство — не ясно).

Ученым оставалось только строить догадки и выдвигать гипотезы — одну фантастичнее другой. Но ни один из них ни на шаг так и не смог приблизиться к разгадке.

В 15 часов 57 минут исследовательский беспилотный зонд из далекой галактики A1689-zD1 свернул программу изучения выбранного объекта. Жители третьей от светила планеты оказались вполне разумны, что позволяло внести их в потенциальные кандидаты на членство в Межгалактическом союзе миров.

Зонд, висевший над городом N-ском в режиме «инкогнито» на высоте трех километров, не видимый ни в одном диапазоне, набирая скорость, устремился ввысь. Никем не замеченный, он покинул атмосферу и скрылся в безбрежных далях космоса.

А вместе с ним исчезло Au-излучение*, делавшее его невидимым и ставшее причиной удивительных событий сегодняшнего дня.

НЕ ШУТИТЕ С ПРИРОДОЙ

На одной из планет обитало Существо.

Планета была относительно молодая — ее возраст составлял около пяти миллиардов оборотов вокруг центрального светила. Существо выбрало эту — третью от центрального желтого карлика планету — за наиболее благоприятные условия. Наличие влаги, отсутствие резких перепадов температур, умеренное излучение давало возможность для жизни и развития. Как давно это было…

Существо начало активно развиваться, делая условия более комфортными, и постепенно заполнило всю планету, проникнув в ее глубины и вознесясь над поверхностью. Создав атмосферу, оно стало наслаждаться Жизнью и копить силы. Ему предстоял очередной, качественно иной этап развития…

Василий Петрович вышел из дачного домика и бодро направился в сторону станции. Летом, спасаясь от духоты и загазованности города, вся семья переезжала на дачу. Благо, рядом проходила железнодорожная ветка, и электропоезд за какие-то пол часа доставлял любителей загородной жизни в каменный мегаполис.

В пути Василий Петрович обычно не скучал. Он всегда прихватывал с собой книгу и с удовольствием по-

* От латинского Aurum — золото.

свящал время чтению, со смешком поглядывая на соседей, уткнувшихся в новомодные гаджеты. Читал он с упоением, и время в пути пролетало незаметно.

Сегодня, шагая по поросшей сочной травой луговой тропинке, Василий Петрович подсознательно ощутил какое-то смутное беспокойство. Что-то было не так. Но что именно, он понять не мог. Вроде бы обычное утро, те же дорога и луг, деревья возле дома, кусты… Стоп! Точно. Кусты!

Только сейчас он понял, что вызвало беспокойство. Недалеко от тропинки росло несколько кустов роз. Еще вчера он точно их видел, поскольку возле кустов какой-то заезжий мыл машину, и Василий Петрович сделал ему замечание, видя как струи грязной воды стекают прямо под кустарник.

А сегодня роз не было. Может их срезал все тот же чужак? Василий Петрович, рискуя опоздать на электричку, повернул назад и трусцой преодолел несколько десятков метров, отделявших его от места, где росли розы.

Вопреки его ожиданиям, никаких срезов и обрубков не было. Как и следов копки. Ровный ковер травы. Словно в этом месте розы никогда и не росли….

Василий Петрович все-таки успел на поезд и сейчас, сидя в вагоне и рассеяно глядя на проносившиеся мимо деревья, думал. Не читалось. Его пытливому уму не давала покоя мысль о загадочном исчезновении трех больших кустов.

По роду своей деятельности Василий Петрович занимался проблемами экологии, биологического равновесия и другими вопросами взаимоотношений Человека и Природы. Он прекрасно знал обо все ускоряющем ход процессе уничтожения человеком биосферы.

Однако утреннее событие было непонятным. Василий Петрович вспомнил струи грязной воды с моющим средством, подбирающиеся к благоухающим розам. Бррр…

Выйдя на станции, он, помимо своей воли, пристально оглядывался по сторонам, надеясь и боясь обнаружить в окружающем новые изменения.

Вот. На выходе на привокзальную площадь не хватает одного из больших кустов сирени.

Однако, подойдя поближе, он увидел, что старый куст просто спилили, оставив уродливый пенек. Причем сделали это по варварски — задев ножовкой несколько молодых и крепких кустов.

Василий Петрович вздохнул и направился в сторону работы. Постепенно он успокоился, решив, что куст, по видимому, все-таки выкопали, но сделали это очень аккуратно.

«Причудится спросонку такое» — подумал он усмехнувшись. Но когда он повернул на проспект, то усмешка сошла с его лица. Василий Петрович остановился.

Кустарники, растущие вдоль дороги и отделяющие пешеходную зону от газона, исчезли. На всем протяжении вправо и влево, насколько хватало взгляда, они отсутствовали. Кусты высадили только весной. Они активно принялись, зазеленели, и удалять их не было никакого смысла. Да и никаких следов столь масштабной работы не было. Как и в случае с розами на месте посадок был ровный сплошной газон.

Василий Петрович почти бегом направился к своему НИИ. Попутно он фиксировал взглядом все произошедшие изменения. Вот на клумбе на пересечении улиц Механизаторов и Университетской полностью исчезли карликовые туи и кипарисы. Малых ландшафтных форм лишился и газон у входа в Центральную библиотеку. В сквере Энергетиков фигурно подстриженный кустарник вдоль аллей, всегда радовавший глаз, отсутствовал напрочь. Пропали и колючие кусты декоративного шиповника на улице Бобруйской.

Вспотевший то ли от жары, то ли от нервного напряжения Василий Петрович уже не удивлялся. Отмечая взглядом все новые и новые следы непонятного происшествия, он добрался до дверей своего Института.

Родное учреждение встретило большим прохладным холлом. Предъявив дежурному красную книжечку служебного удостоверения, он направился к лифтам. Через несколько минут, миновав еще два поста охраны, Василий Петрович входил в свой кабинет.

Оперативный дежурный по отделу — молодой лаборант Алексей Кленов оторвался от мониторов и встал, приветствуя своего руководителя:

— Доброе утро, Василий Петрович,— улыбнулся он. — Что там, в мире делается? Погодка вижу — что надо.

— Доброе утро, Алексей! Погода замечательная. А вот что в мире за минувшие сутки произошло, ты лучше меня должен знать. Докладывай.

Алексей взял кипу распечатанных листов и стал кратко зачитывать сводку:

— Сутки, прямо скажу, для экологии не радужные… В Бразилии вырубка лесов увеличилась почти вдвое — за счет активизации вновь созданного консорциума «Древолюкс и К°». Такими темпами через двадцать лет там останется пустыня. Далее. Из-за мощного землетрясения в Восточной части Тихого океана в США произошли аварийные остановы сразу на двух АЭС. По нашей части — утечка радиации с выбросом в атмосферу и океан с трудно прогнозируемыми последствиями. По словам очевидцев, сосны на побережье в радиусе десяти километров полностью порыжели. Данные пока непроверенны, но похоже ситуация скверная.

— А сами американцы?

— Пока молчат. Мы уже направили официальный запрос…Так… Что еще?.. Опять массовое самоубийство китов.. Выбросились на берег в Новой Зеландии…В США очередное испытание сверхмощной нановодородной бомбы. 16 июля, день в день, как и первое испытание атомной бомбы в 1945-м в пустыне под Аламогордо… Отголоски сегодняшнего взрыва фиксируются метеоприборами даже у нас.

Василий Петрович тяжело вздохнул.

— Такое ощущение, будто за эти сутки люди решили Природу добить,— невесело усмехнулся он, подходя к большому — во всю стену — окну.

За окном был обычный солнечный день, обещавший быть очень жарким. Василий Петрович грустно смотрел на чудом уцелевшие средь каменных джунглей редкие островки зелени.

И вдруг на его глазах тополь, росший напротив входа в НИИ, поднял ветви вверх, сложил их и прямо на глазах втянулся под землю. Алексей, проследивший за взглядом начальника, открыл рот. Он успел заметить исчезновение дерева. Но это было только начало. В немом изумлении они наблюдали, как растения — деревья и кустарники — исчезают одно за другим. На улице происходило что-то непонятное. Через приоткрытое окно доносились крики, шум, гудки автомобилей. А по всему городу с разной скоростью деревья втягивались под землю. После кустов настал черед травы. Недавно радовавшие взгляд газоны превратились в темные куски голой земли…

А еще через несколько минут тонкие зеленоватые нити протянулись от земли вверх, в небо. Их были сотни тысяч. Миллионы! Словно необычный зеленый дождь, вопреки всем законам гравитации пошел снизу вверх.

Высоко в небе из зеленых нитей стали формироваться такие же по цвету сгустки. Достигнув определенного размера, сгустки, подобно шарикам ртути, сливались в один, который, быстро увеличиваясь, накрыл тенью мегаполис и стал медленно удаляться вверх.

Аналогичное явление наблюдали все жители Земли. Исчезновение растений было настолько шокирующим, что на фоне его не сразу заметили исчезновение фауны. Животные, птицы, рыбы, насекомые — все исчезло, не оставив следа. Земля опустела. Единственными живыми существами на ней остались люди. Василий Петрович все понял. Утреннее событие было лишь первым действием, звоночком надвигающейся беды. Он опустился прямо на пол, провожая взглядом зеленое облако, еще заметное в голубом небе.

— Вот и все, Алеша,— устало сказал он.— Человечество превысило все допустимые пределы, бесконтрольно уничтожая Природу. Бездумно черпая ее ресурсы, мы забыли, что она Живая… Она долго сносила все наши издевательства, но чаша терпения, похоже, переполнилась. И Она… покинула нас…

Существо, отторгнув от себя заболевшие разрушительные клетки и собрав себя воедино, отправилось на поиски нового мира.

КРИОБУДУЩЕЕ

«Чернобы́ль, Чернобыльник — вид многолетних травянистых растений рода Полынь семейства Астровые»
(Энциклопедия лекарственных растений)

Стеклянная дверь Криоцентра бесшумно закрылась за спиной, словно разделив два мира: навсегда оставленного прошлого и неведомого будущего…

Отступать поздно. Джек Сэлтон, на ставшими вдруг ватными ногах, направился к стойке администратора, где предъявил личный жетон клиента с выбитым на нем номером и датой, после чего был направлен в кабинет профессора.

— Итак, ваше решение не изменилось, мистер Сэлтон? — Профессор смотрел на клиента, не пытаясь скрыть равнодушия.— Вы хотите подвергнуться консервации в криокамере бессрочно, пока не изобретут лекарство полностью излечивающее лучевую болезнь? Верно?

Сэлтон кивнул, пытаясь унять предательскую дрожь в руках.

Чертова болезнь! Ведь его уверяли, что специальный костюм компании «Космолимитэд и К°» надежно защитит от радиации. Три миллиона долларов! И все — коту под хвост. Правда защита все-таки работала. Иначе бы он свалился с ног через трое суток, как эта краснокожая голытьба, нанимаемая им через специальных агентов в трущобах для тех, кому уже нечего терять.

Самые крепкие из них выхаживали четверо суток. Потом у них носом, ртом и даже из ушей начинала идти кровь, они слабели и наконец падали, чтобы больше уже не подняться.

Сэлтон усмехнулся. Все равно единовременное мизерное пособие их семьям выходило в разы дешевле каких-либо защитных костюмов.

Да и навалом этого сброда, как грязи. А их страдания Сэлтона не интересовали. Он бизнесмен. И деньги — превыше всего. А за демонтаж отслуживших реакторов правительство платило очень щедро, закрывая глаза на то, что замечать и не стремилось.

И это не считая того, что часть радиоактивного мусора он сбывал налево. Были ли это террористы, использующие его для «грязных бомб», или кто-то еще — ему безразлично.

И вот теперь, имея капитал с множеством нулей, он, как эти краснокожие оборванцы, подхватил болезнь,

которая, как оказалось, неизлечима.

Но Сэлтон был не таков, чтобы безропотно сдаться. Узнав о Криохранилище, он перевел все свободные деньги в золото и драгоценные камни, разместил их в Швейцарском банке под хороший процент и, оплатив баснословный взнос, удостоился чести быть замороженным на века. Сэлтон не сомневался — рано или поздно эти башковитые парни — ученые — изобретут способ лечить и эту болезнь.

А жить в мире будущего, да еще с кругленькой суммой, весьма заманчиво.

Агент, правда, настаивал на выплате дополнительных пенсий всем вдовам и детям, потерявших кормильцев на разборке реакторов. Но что ему до этих нищих, которые все равно скоро передохнут от голода и болезней в своих резервациях?

Особенно теперь, когда перед ним — Будущее…

Саркофаг медленно закрывался. Сэлтон, под завязку накачанный препаратами, был на удивление спокоен. Сейчас закроется крышка и он уснет. Возможно навсегда. Последнее, что он услышал, это гудение непонятных аппаратов и голос профессора:

— Прощайте, мистер Сэлтон. Передавайте привет будущему …

И все поглотила темнота.

— С пробуждением, эээ… мистер Сэлтон.— Голос, принадлежащий мужчине средних лет, был ровен и сух.— Вы меня слышите?

Сэлтон открыл глаза. Похоже палата криоцентра. Только окна не видно.

«Неужели ничего не вышло?» — подумал он.

Человек в желто-оранжевом комбинезоне, внимательно за ним наблюдавший, холодно кивнул:

— Не сомневайтесь. Ваша авантюра удалась. Сейчас на Земле XXIV век. И вы полностью здоровы.

Горячая волна радости охватила Сэлтона. Он здоров! В будущем. Впереди новая жизнь. Конечно, он пока не знает устоев этого общества, но нет и тени сомнения, что и здесь он найдет способ заработать звонкую монету.

— Я в больнице? А мой капитал? Надеюсь, проценты за эти годы начислялись исправно? — Он ухмыльнулся.— Итак, благодарю вас. Когда я могу выйти отсюда и забрать свои сбережения?

— Боюсь все не так просто, мистер Сэлтон,— проговорил собеседник.— У вас больше нет никакого капитала.

— Нет?!! — взревел Сэлтон, пытаясь сесть.— Как?.. По какому праву?.. Да я вас всех засужу! Не думайте, что если я из прошлого и не имею тут знакомств, то меня можно легко облапошить.

— Успокойтесь. В мире больше нет денег! Необходимость в них отпала еще в начале XXII века. Но еще до того, решением Комиссии по социально-этическим вопросам, ваш капитал был изъят и направлен на оказание помощи семьям всех тех, кого вы погубили в своей погоне за наживой.

Сэлтон нахмурился. «Чертовы слюнтяи! Лишили его всего ради кучки отбросов общества». Его разум отказывался принять мысль, что денег больше нет вообще!

«Тем лучше,— думал Сэлтон.— Я найду им равнозначную замену и смогу добраться до вершин этого мирка, войти в его Элиту». В том, что эта Элита существует, он ничуть не сомневался.

— Однако, это еще не все, ммм… мистер Сэлтон.— Было видно, что слово «мистер» дается собеседнику с трудом.— Из соображений гуманности мы излечили вас. Но…

— Что еще за «но»?! Я не могу больше оставаться здесь. Я желаю уйти.

— Вы правы. Задерживать вас здесь дальше я не имею права…Но и уйти вы не сможете.

Молодой человек встал. Его тон стал строго официальным:

— Согласно решению суда, по ходатайству Комиссии по социально-этическим вопросам при Всемирном Координационном Совете, вы признаны виновным в бесчеловечном отношении к людям! Что квалифицируется, как преступление против Человека! В соответствии с Кодексом «О преступлении» и пунктом 5/16 всемирного Меморандума «О воздаянии», вы приговариваетесь к отправке в прошлое. Место и время искупления выбраны с учетом совершенных вами злодеяний…

Сэлтон хотел вскочить и вцепиться в горло этому наглецу с приговором, но внезапная слабость овладела им, и он потерял сознание.

Местность внизу выглядела вполне безобидно. Появился и быстро промелькнул зеленый ковер леса, небольшой городок, поле… Впереди вырисовывались очертания станции, которая быстро приближалась…

«Летающая тарелка» автоматического времеатрона зависла на небольшой высоте. Сэлтон тоскливо огляделся. Попыток убежать он больше не предпринимал. Интелком*, управлявший всеми системами летательного аппарата, без труда пресекал предыдущие попытки, при этом весьма чувствительно «наказывая» беглеца ударами электротока. Разряд был рассчитан так, чтобы не причинить вреда его здоровью, но достаточно чувствителен, чтобы отбить охоту повторять такие попытки.

Вокруг было непривычно тихо. Даже птиц не было слышно. Но это была тяжелая тишина. Казалось она сама вибрирует, издавая гул.

---

* Интеллект-компьютер. Автопилот нового поколения с широким диапазоном функций.

— Заключенный МСл-18, приготовиться к работе.— Металлический голос Интелкома бросил Сэлтона в дрожь.— Вы будете сброшены на крышу здания. Ваша задача: собирать наиболее зараженные обломки (наручный счетчик-указатель поможет определить какие именно) и складывать их в контейнер — до заполнения. После будет произведена утилизация. Это должно быть сделано до приезда людей…

Людей… Эти молодые здоровые парни, которые уже ехали сюда, рисковали своим здоровьем, жизнью — по велению сердца. Защищая и спасая других людей. А он…

Сэлтон уныло посмотрел вниз. Если бы он понимал русский язык, то прочел бы надпись из крупных букв, стоящих неподалеку: «ЧАЭС им. В.И. Ленина»*

А впереди его ждала Фукусима…

«Выражаю благодарность за помощь в работе над рассказом моему боевому другу и соратнику Анне Шабес»

Вячеслав МИХАЙЛОВ

г. Москва

Родился и вырос в г. Термезе (СССР). Окончил Московский гидромелиоративный институт. К.э.н. Ph.DinEconomics. Печатался в «Литературной газете», газете «День литературы», сборнике «Иван-озеро», журнале «Приокские зори», альманахе «Ковчег». Автор сборника малой прозы «Вызов». Наш постоянный автор.

УЛИЦА ДЕМОНСТРАЦИИ, УЛИЦА РЕВОЛЮЦИИ

Маршрутка приближалась к улице Демонстрации, а следом за ней пересекала улицу Революции. Водитель спросил заранее, нет ли сходящих на «Демонстрации». Пассажиры молчали, и он поинтересовался опять: «А на "Революции"?» И опять желающих сходить не оказалось. Но из сумеречной глубины тесного салона какой-то мужчина хмыкнул: «Была бы улица Демонстрации мини-бикини — другое дело. И на "Революции сексуальной" выскочил бы».

Девчата, сидящие рядом с водителем, захихикали.

Бабуля, разместившаяся с большой сумкой в первом ряду, у двери, осуждающе обронила: «Одно на уме. Неясно, что ли, какой революции, какой демонстрации?»

Девчата захихикали еще громче, заулыбалась и пара средних лет — похоже, супруги, бабкины соседи по первому ряду.

Мужчина, довольный, что его реплику оценила часть попутчиков, продолжил:

— Откуда ж ясность? Сколько их было — революций всяких: и февральская русская, и Великая Октябрьская — наша же, и французская Великая, а научно-техническая… Демонстраций — тех и не счесть — каких только нет.

Бабуля молчала, насупившись: нечем было возразить.

* Чернобыльская атомная электростанция.

— И правда — странно,— поддержала мужчину моложавая женщина в каракулевой шубке.— Едешь или идешь, а на домах таблички: улица революции безымянной какой-то, улица демонстрации непонятной. Но изначально не могли же быть такие названия. Недавно здесь живу, не интересовалась как-то.

— Даю точную справку для любопытствующих,— уверенным голосом заявил рослый мужчина в стильной объемной фуражке из нерпы, стоявший в середине салона.— Можете не сомневаться, информация надежная — сталкивался с этим по работе. Улица Демонстрации — это до недавнего времени улица Политической демонстрации 1903 года; названа в память первой протестной демонстрации горожан. А улица Революции опять же недавно еще — это улица Революции 1905 года; в честь первой русской революции, как понимаете.

— Здорово,— хлопнул в ладони мужчина — зачинатель дорожного разговора.— Может, знаете, почему названия усекли? Не по идейным соображениям?

— Вряд ли. Полагаю — для простоты употребления.

— Правильно сделали. Запаришься выговаривать эти длиннющие названия,— вставил слово водитель.

— Логично,— весело согласился первый мужчина.— Меня вот для простоты Санычем зовут вместо Игоря Александровича. Стало быть, надо еще и в паспорте, и в иных документах Санычем записывать! И фамилию побоку — чтоб совсем просто.

— Вот разошелся, шалопутный,— с укором опять сказала бабуля.— Лишь бы побалагурить.

— Разошелся?! Я только начал, мамаша. А ты думаешь, мимо тебя эта практика пройдет? Как же, жди. И тебя везде запишут… Матвевной заместо… Антонины Матвеевны Сорокиной, если тебя так именуют, предположим.

Девчата впереди снова прыснули. Засмеялась теперь и бабуля: «Выдумал еще: Сорокина… Матвевна… Шалопутный и есть».

— Да-да, главное, не останавливаться,— продолжал выступать «шалопутный».— Будет уже всяких сложностей. Упростили школьную программу,— мало, еще короче надо, еще проще. Нафиг детей грузить в школе — и так у них от компьютерных игр, от Интернета «крыша едет». Писать, читать чтоб умели, еще таблицу умножения — и баста… Самолеты, суда перестали почти делать — понятно, непростой процесс. И конкуренция — тот еще геморрой. Проще импортировать — ясно, пока нефть, газ, металлы хорошо «идут». Но их тоже нелегко извлекать, доставлять. Еще проще можно деньгу добыть: землю продавать побойчей за кордон, речки, озера «толкать» — в стране этого навалом. Опять же инженерам, ученым последним голову не ломать — не мучиться; пойдут вон в дилеры или в мерчендайзеры… Конфискация добра взяточников — морока, конечно. Правильно сообразили: штрафовать проще. А еще лучше: выговор ввести, с записью в трудовой книжке — совсем без затей… Борцы за справедливость докопались: подавай им прогрессивную шкалу подоходного налога — пусть богатые платят бóльший процент; новые детсады можно будет построить, медицину поддержать и прочее такое для всех. Глупцы. Это ж заковыристая какая штука! А другие страны нам не указ. Хотят себе усложнять — пусть усложняют. Мы идем простым путем. Ударим, так сказать, по сложности жизни простотой.

— Ну, артист! — восхитилась бабуля.— Разговорного жанра.

А сведущий мужчина в нерпе спросил с раздражением:

— Вам представляется все это смешным?

— Ага, смешно — до слез,— кивнул хмуро «шалопутный».— «…Он звонко хохотал, души рыдание укрыв».

Тут встрепенулась, завертелась испуганно бабуля:

— Ой, батюшки ты мои, Красноармейскую не проехали?

— Проехали, конечно,— фыркнул недовольный водитель и маршрутка, резко притормозив, остановилась на обочине.— Немного, хорошо спохватилась. Следить надо за дорогой.

— А ты что ж молчишь? — огрызнулась бабуля, открывая дверь.— То объявляешь остановки, то молчишь.

— Ладно, мамаша, не ворчи, я тоже прозевал,— сказал, поднимаясь и застегивая верхние пуговицы на дубленке, «шалопутный».— И мне на Красноармейской. Вот это наше во всех смыслах название, ясное, надежное. Я бы сказал — обнадеживающее.

Закрывая дверь, он громко запел:

Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней…

Галина СОЛОНОВА

г. Сельцо Брянской области

Родилась 8.03.1948 г. в д. Добрунь Брянской обл. Окончила пединститут. Работала в системе народного образования. Писать начала в зрелом возрасте. Пишет для взрослых и детей. Член СПР, член международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств». Постоянный автор нашего альманаха.

75-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается

ЛЕВЫЙ

— Дед, почему тебя в деревне все называют Левым? — спросил десятилетний Мишка, глядя, как его прадед расправляется левой рукой с березовыми чурками.— И почему твоя правая рука не гнется в локте?

— И не только Левым меня называют, еще и Седым,— усаживаясь рядом на скамейке с правнуком, ответил дед.

— Расскажи.

— Расскажу. Слушай.— Дед, задумавшись, немного помолчал, вздохнул и начал свой рассказ:

— Шла Великая Отечественная война. Было мне в ту пору примерно столько, сколько тебе сейчас…

***

— Маруся! Шнель, шнель! Закуска: курочка, яйки, огуреки,— торопил немецкий офицер, войдя во двор дома со своим сослуживцем.— Сегодня майн кнабе цеен лет. Праздник!

В доме, который построили Мария с Николаем незадолго до войны, теперь проживал этот проклятый оккупант Ганс. На кухне нового дома он разрешил готовить только для себя и своих гостей.

«Хорошо, что не успели снести старую хату,— думала Мария, вспоминая умелые руки и голубые глаза своего Коленьки.— Как он там на фронте? Господи, спаси и сохрани его для нас»,— продолжала мысленно разговаривать сама с собой.

Сегодня утром по приказу Ганса Мария ощипала последнюю курицу. Сварив, разрезала ее на кусочки специально, чтобы хоть малюсенькую долю отнести детям: десятилетнему Гриньке, восьмилетнему Петюшке да шестилетней Танюшке. «Ох, беда, беда! Хорошо, что хоть лето — на огороде огурцы пошли, картошку уже можно подкапывать,— думала Мария, продолжая вертеть в руках курицу.— Крысиным ядом посыпать ее, что ли? Да детей жалко — истребят же нас всех». Она вспомнила Нюру, которая жила через три дома. За малое неповиновение ее с грудным ребенком расстреляли возле бывшего сельского Совета на глазах у всей деревни…

«Жрите, сволочи»,— чуть не вырвалось из уст Марии.

— Бите, господа офицеры,— вовремя опомнившись, произнесла женщина, поставив на стол яичницу, уложенные аккуратно на тарелке кусочки курицы, порезанные ломтиками огурцы.

«Эх, полоснуть бы сейчас из автомата этих фрицев!» — думала Мария, глядя, как Ганс достает из нагрудного кармана фотографию.

— Карл, это мой сын,— с гордостью сказал Ганс и подал фотографию своему гостю.

«Как жаль, что связной партизанского отряда не разрешил мне уйти к ним в лес,— продолжала свой мысленный монолог женщина.— Ну что ж, буду смотреть, все видеть и знать, что происходит в деревне, как просил Степан».

— Что-то еще, господа офицеры? — спросила Мария.

— Найн. Найн,— махнул рукой Ганс, продолжив рассказывать своему гостю о сыне. Но едва Мария перешагнула порог, услышала вдогонку: — Морген корову на пастбище не гнать!

Знойный июльский день близился к своему завершению. Мария поспешила через двор в хату, услышав немецкую автоматную очередь где-то на краю деревни.

Закрыв дверь на засов, она поставила на стол миску с кусочком курицы. «Как этот кусочек поделить на троих»,— думала Мария, снимая с головы черный платок, в котором ей было очень душно. Когда немцы вошли в их деревню, свекровь, которую за добрый нрав все звали Пелагеюшкой, достала из своего сундука этот платок и подала невестке:

— Покройся пониже: нечего чужакам созерцать твою красоту!

Пелагеюшка, сложив на коленях познавшие все виды крестьянского труда руки, сидела на лавке у печи и печально наблюдала, как дети, усевшись за стол, жадно вдыхают аромат, идущий от кусочка курицы.

— Мама, фриц сказал, чтобы корову завтра со двора не выгоняли. К чему бы это? — сказала Мария, деля кусочек на три части.

— Соседке нашей Танехе тоже приказали теленка держать во дворе. Видно, погонят наш скот в Германию

— Ох, ох, ох! — прослезилась Мария.— Как в зиму оставаться без кормилицы?

— Как вообще не сгинуть при этих басурманах? — шепотом ответила свекровь.

«Успею ли сообщить Степану о готовящейся немцами операции по угону нашего скота?» — озабоченно подумала Мария.

— Дети, всем спать. Лампу не зажигать: керосину почти не осталось,— сказала Мария, повязывая до бровей свой черный платок.— Через час я приду,— добавила она, обращаясь к свекрови.

— Будь осторожна, дочка,— прошептала Пелагеюшка.

— Знаю, не впервой,— ответила Мария и выскользнула из хаты.

Прежде, чем отправиться к деду Степану, семидесятилетнему старику, который с завидным постоянством ходил через день в лес и приносил новым хозяевам гостинцев: то землянички, то чернички, то малинки, Мария зашла в дом, чтобы убрать грязную посуду после пиршества фрицев.

Ганс был уже один. Он лежал на диване навзничь, подложив левую руку под запрокинутую голову. Правая рука свисала до пола. Рядом лежала фотография.

Едва дыша, Мария подняла ее. «Ишь ты! Немчуренок! Такой же белобрысенький, как и мой Гришунька. Неужели и этот захочет воевать?» Положив фото вниз лицевой стороной на белоснежную скатерть стола, забрав посуду, заторопилась прочь…

Гринька, голубоглазый мальчуган, очень похожий на отца, долго не мог уснуть. Он слушал, как посапывает рядом братишка, как сестренка почему-то обиженно всхлипывает во сне, как бабушка тихонько шепчет свою молитву.

Сам же Гринька думал о Зорьке, которую завтра придется отдать «этим басурманам», как выразилась бабушка. Он тяжело вздохнул, вспомнив слова матери: «Как в зиму оставаться без кормилицы?» «А что, если спрятать Зорьку? — соображал Гринька, ковыряя в носу.— Чуть только забрезжит рассвет, вывести ее через огород, перевести через большак, а там и ров»…

Дверь тихонько скрипнула. Мария торопливо проскользнула к кровати, где спала Танюшка.

— Мамань, а что, правда, могут забрать Зорьку? — тихо спросил Гринька.

— Ты еще не спишь? — прошептала Мария.— Спи, сынок. Утро вечера мудренее. Посмотрим.

«Спасу Зорьку!» — окончательно решил Гринька…

— Идем, идем, Зорька: уже светает.— Гринька легонько толкает свою кормилицу в бок. Пройдя благополучно огород, опять шепчет: — Стой, Зорька, смирно: погляжу, чист ли большак. «Цок-цок», раздается цокот коровьих копыт по укатанной пустой дороге.— Быстрее, Зорька! — командует мальчишка, преодолевая вместе с коровой последние шаги через большак.— Молодец, молодец, Зорька. Теперь можно и не торопиться,— успокаивал Гринька коровушку, спускаясь по склону оврага. Преодолев еще метров пятьдесят, остановились за кустами орешника.— Ешь, Зорька, трава здесь сочная,— сказал и растянулся рядом во весь свой мальчишечий рост, ощутив свежесть земли.

Гринька задремал…

Солнце пробудилось от сна, посылая на грешную землю свои лучи. Один из них коснулся Гринькиного лица. Он открыл глаза и увидел, как солнечные зайчики играют листвой, капельками росы на траве. Тихо. Будто и нет никакой войны.

Мальчик дотянулся до пучка дикого щавеля, сорвал и, встав на четвереньки, начал его жевать, подражая Зорьке. Кислый вкус возбудил еще больший аппетит. Вспомнился вчерашний кусочек курицы…

Неожиданно вдалеке раздалась автоматная очередь. Топот лошадиных копыт и громыхание дрожек становились все слышнее. Наконец все стихло.

Гринька выглянул из-за куста. На большаке, напротив оврага, дрожки остановились. На них сидели четверо: двое в немецкой и двое в полицейской форме. Оба полицая сошли с дрожек и направились к оврагу, пуская очередь из автоматов. Один из них стал спускаться вниз, продолжая стрелять.

Зорька испугалась, замычала и стала метаться по оврагу. «Беда!» — с ужасом подумал Гринька, но побежал вслед за коровой.

— Стой, стрелять буду! — закричал полицай, догоняя беглецов.

Мальчик остановился. Его маленькое сердечко стучало как бешеное, и душа разрывалась от обиды и ненависти.

— Зорька, Зорька, ко мне,— позвал он корову, опасаясь за ее жизнь.

Схватив Гриньку за шиворот рубахи, полицай зашипел в самое ухо, задыхаясь от быстрого бега:

— Прячешь корову!? Хочешь, чтобы всю твою семью расстреляли, дурья твоя башка! Поднимайся наверх!..

Гриньке стало невыносимо страшно: представилось, как немцы, зайдя во двор и не обнаружив Зорьку на месте, выстроили вряд вдоль забора маму, бабушку, Танюшку, Петьку и целятся в них из автоматов…

— Господин офицер,— обратился человек в полицейской форме к одному из немцев,— мальчишка заблудился. Пусть ведет корову к себе во двор.

Немецкий офицер махнул рукой. Все уселись в повозку, и она опять загрохотала по твердому, как асфальт, грунту.

«Дурья моя башка, дурья моя башка!» — корил себя Гринька, спеша домой и вытирая слезы грязной ладошкой…

Проснувшись, Мария прислушалась. В районе большака где-то застрекотала автоматная очередь. Встав с постели, женщина поправила одеяльце, под которым спала дочурка, прислушалась к тяжелому дыханию свекрови, подошла к полатям, где спали сыновья. Вдруг сердце забилось в тревоге: Гришуньки не было на месте. Мария выбежала во двор, огляделась. Страшная догадка осенила ее. Она подбежала к сараю — щеколда откинута, заглянула внутрь — Зорьки нет. «Так вот что за шорох слышала я на рассвете! Усталость свалила с ног — не укараулила сына и корову! Что же делать? Что же делать?» — лихорадочно перебирала мысли Мария…

— Маруся, дойчер зольдат приходить за коровой через фюнфцейн минут. Выводи во двор! — сказал немец-постоялец, подходя к рукомойнику.

Мария вздрогнула. Забежав в хату, велела свекрови закрыться и не выпускать детей. В надежде, что сынишка с Зорькой в огороде, побежала туда. Никого не было. В висках стучало, будто мина отсчитывала последние секунды перед взрывом.

Обессиленная, женщина медленно подошла к сараю и встала у дверей.

— Корова? Где корова?! — громко спрашивал пришедший немецкий солдат.

Он подошел к Марии, оттолкнул ее и заглянул в сарай. Увидев, что сарай пуст, направился к офицеру, вытиравшемуся рушником, и начал что-то быстро говорить. Тот побагровел, скрутил рушник жгутом, подошел к Марии.

— Ты прятать му-у?! — Мария молчала, опустив голову. Ее руки безжизненно повисли вдоль туловища как плети.— Вер прятать корова?! — в гневе кричал немецкий офицер, намереваясь ударить женщину скрученным полотенцем.

— Му-у-у,— послышалось Зорькино мычание.

Гринька с Зорькой успели вовремя.

Офицер, схватив Гриньку за ухо, подвел его к березе, которая росла у забора.

— Стоять! Тьебя надо наказать! — строго сказал офицер и быстрым шагом направился в дом.

Немецкий солдат, довольный превосходством своего положения, играючи, наводил дуло автомата то на Марию, то на Гриньку. Через минуту вышел офицер в полном обмундировании, держа в руке браунинг.

Мария, опираясь о стену сарая, от бессилия сползла вниз, не в силах сдвинуться с места. Гринька шмыгнул носом, размазал порванным рукавом рубахи слезы по лицу, поправил отцовский картуз, сползший на глаза, встал по «стойке смирно», прижавшись к еще прохладному стволу березы.

Немецкий офицер прицелился, выпуская из браунинга одну за другой пули, которые свистели вокруг Гриньки, врезаясь в забор и верхнюю часть ствола березы.

Потрясенная происходящим, Мария вскочила с земли, вихрем пронеслась в дом и тут же — обратно.

— Господин офицер! Вы забыли фото! Ваш кнабе! — кричала она, протягивая дрожащей рукой фотографию.

Рука офицера дрогнула, выпустив последнюю пулю. Жгучая боль пронзила локоть Гриньки. Он вскрикнул. Горячая липкая струйка потекла от локтя вниз.

— Геен вир,— сказал офицер солдату, бережно пряча фотографию сына в нагрудный карман…

Двор опустел. Мария, сорвав с головы платок, бросилась к сыну. Опустившись перед ним на колени, она замотала платком рану.

— Сыночек мой, Гришунька, родненький,— шептала мать, прижимая сына к груди.

— Маманя, что ты? Я же жив,— хлюпая носом, сказал Гринька.

Отцовский картуз опять свалился ему на глаза. Мария сняла его с головы сына и… окаменела: давно не стриженые волосы ее Гришуньки были белы от седины…

***

Прадед закончил свой рассказ, а правнук Мишка, задумавшись, еще долго молчал, поглаживая простреленный дедов локоть.

Владимир ГЕРАСИМОВ

г. Тюмень

Коренной сибиряк. Родился 7.11.1955 г. в Омской обл. Окончил филологический факультет пединститута им. П. П. Ершова и Омский университет марксизма-ленинизма. Более четверти века трудился в родной области. Учительствовал, был директором сельских школ, был на партийной работе и в структурах потребительской кооперации. Пишет стихи и прозу. Издано несколько сборников. Печатался в журналах и периодической печати. Победитель и лауреат литературных конкурсов. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

75-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается

ЧЕРНЫШ

В пятницу Виктор Матвеевич выехал на дачу позже обычного. Как старый и опытный дачник и водитель, он прекрасно знал, что если тронуться раньше шести вечера, то дороги из города во всех направлениях будут стоять в пробках. Даже сейчас движение на федеральной трассе было оживленное. Отъехав от города больше десятка километров, по ходу движения с правой стороны, он увидел на обочине дороги несколько стоящих машин и скопление людей. На аварию это не было похоже. На трассе не было разбитых машин, не было и других признаков аварии.

Припарковавшись за последней машиной, Виктор Матвеевич торопливым шагом подошел к стоящим на обочине людям. В центре стоящих водителей на земле лежала собака. Это была стареющая овчарка, серо-дикого выраженного окраса. Крови большой ни на собаке, ни вокруг не было видно. Но овчарка дышала очень тяжело. Из разговора водителей он понял, что собаку сбили совсем недавно, причем прямо на обочине. Звучали слова сожаления и крепкие выражения в адрес лихачей, что сбили ее. Конкретных действий и предложений ни от кого не поступало. Так продолжалось несколько минут.

— Ладно, мужики, хватит смотреть, не в цирке. Надо что-то делать, пока не поздно,— заговорил стоящий почти в центре молодой мужчина. Он снял с себя легкую ветровку синего цвета и расстелил ее рядом с овчаркой. Потом опустился перед ней на колени и стал осматривать. Через минуту поднял голову и спросил у водителей:

— Кто поможет, ребята?

Откликнулось сразу несколько человек. Собаку осторожно переложили на ветровку, подняли и понесли к машине, на которую указал мужчина.

Торопясь, задние дверки машины открыл мальчик, лет семи-восьми, вероятно сын водителя. Он ласково смотрел на собаку, осторожно к ней прикасался, пытался погладить овчарку.

— Ну что, мужики? Я назад в город. Попробую в ветлечебницу, может что-нибудь сделают,— сказал всем тихо мужчина. Он развернул машину, и она быстро стала удаляться в сторону города. Водители еще какое-то время не отходили от места, где только что лежала собака. Кто-то опять закурил, люди продолжали говорить о случившемся. И Гордееву показалось, что произошедшее событие объединило на короткое время людей, сплотило. Постепенно люди уходили к своим машинам и стали разъезжаться. Поехал и Виктор Матвеевич.

Заехав на дачу, он поставил машину под легкий летний навес.

Сразу прошел к скважине, включил насос, чтобы набрать воды в емкости для полива на утро. Были и еще планы на вечер. Но работа не заладилась сразу. Из головы все не выходила сбитая у дороги собака.

Он ходил в подавленном состоянии, к тому же становилось уже темно. Отключив насос, Виктор Матвеевич пошел в домик.

— Надо бы перекусить,— подумал он. Хотя и на это, если честно, у него тоже не было особого настроения. Он достал из прикроватной тумбочки початую бутылку водки, нарезал сыра. Уже потемну пошел и вырвал с гряды несколько головок лука вместе с пером. Помыв головки лука в свежей воде, пошел в домик. Налил полстакана водки, выпил, закусил сыром. Немного посидел, настроение не улучшалось.

Он вышел на участок, сел на скамейку у бани, закурил. Картина, увиденная там, на дороге, не уходила из памяти. Виктор Матвеевич курил и смотрел на звездное небо. Он и не заметил, как стал прикуривать уже вторую сигарету. Ему сейчас стало вспоминаться далекое детство и его любимая собака. Было это давно, был он тогда просто Витькой и сопливым пацаном.

Отец его, Матвей Гордеев, пришел с войны только осенью сорок шестого. Вернее не с войны, она-то закончилась. Вернулся из госпиталя, что в Иваново.

В своем последнем бою в марте 1945 года под озером Балатон, что в Венгрии, он получил несколько ранений и был контужен. Одно ранение очень серьезное — пуля прошла прямо под сердцем навылет и серьезно разворотила спину. С этими ранениями он и провалялся в госпиталях Подмосковья, во Владимире, Иванове. В родную Сибирь вернулся еще слабым, но на своих ногах, и это было огромным счастьем для исстрадавшейся семьи. Бабы на селе по-хорошему открыто завидовали Ольге.

Как же, вернулся муженек, все при нем, а остальное поправимо — подлечится, поправится.

Воздух-то родной обязательно пойдет на пользу. Понимала это Ольга, радовалась, иногда плакала. В тайне от Матвея часто молилась за мужа у иконки, что осталась от бабушки. И, правда, поправляться стал Матвей, лицом свежеть. Через какое-то время о работе стал поговаривать.

— Ну, что я, как развалюха какая, сидеть буду дома, да у тебя на шее,— говаривал он вечерами жене, которая к тому времени уже заметно «округлилась».

— Тем более, ты в таком положении. Старших поднимать надо, смотри, вон поизносились все. Да и растут ведь. Женихи-невесты скоро у ворот топтаться начнут.

Пыталась отговорить его жена,— что, мол, рано, слабый еще, ночами вон стонешь, мечешься. Раны не зажили, на спине и груди свищи открываются.

Но Матвей был непреклонен. Обнимая жену, улыбался и, шутя, говорил:

— Эх, мать, руки ноги целы, прорвемся! К тому же сама знаешь, кое-что могу и неплохо,— говорил Матвей и гладил Ольгу по выступающему животу.

На что улыбающаяся жена отвечала Матвею:

— Это дело нехитрое. А на работе-то как, сдюжишь? Ведь в полсилы не сможешь, характер не тот. А где ее найти работу-то таку, по твоему состоянию чтобы, где, скажи?

—Ладно, мать. Думать буду. Вон весна все же на подходе, воробьи и те копошатся, что-то делают, заботы у них. А что я-то клушкой старой сидеть буду со стариками по завалинкам. Не пойдет, не к лицу солдату, ведь сама все понимаешь!

И однажды апрельским утром Матвей ушел в колхозную контору к председателю и секретарю партийной организации. Те были в прокуренном небольшом кабинете председателя и что-то бурно обсуждали.

После крепких мужских рукопожатий Матвей Степанович сразу начал с дела.

— Негоже мне, мужики, с дедами самосад-то переводить, как-то уже все в тягость стало. Надо что-то подумать про меня. Найдите что-нибудь сподручное, по силам моим сегодняшним,— торопясь говорил Гордеев.— Да, рубаху на груди еще не рвану, не все ладно со здоровьем. Но что-то и смогу!

И он обратился к секретарю парторганизации Василию Дмитриевичу:

— Понимашь, Митрич, стыдно перед бабами, что всю войну тут за нас тянули. Стыдно как коммунисту без дела сидеть, когда кругом проблем столько. Твердо вот решил,— хватит жирок нагуливать. Тем более, сам знашь, с Ольгой прибавления ждем.

— Только вот что, мужики. Бумажки мусолить и в кладовщики не сватайте, не пойду. Пусть там бабенки в интересном положении отсиживаются.

На что секретарь, немного помолчав, ответил:

— Все верно говоришь, Матвей Степанович, верно и правильно. И нам твоя помощь ой как сгодилась бы. Сам видишь, задыхаемся, народу-то нет. Ведь больше половины не возвернулись друзей-то наших. Четверо уже дома от ран тяжелых прибрались.— Секретарь помолчал, потом вздохнув, продолжил: — А бабы-то за войну, ты прав, без нас тут все жилы вытянули. А молодежь-то, сам знаешь, не втянулась еще, слабовата. Прокорму-то шибко нет. Хотя, что ни говори — горят на работе, горят! — эмоционально закончил секретарь.

Тут в разговор вступил председатель Алексей Назарович, тоже фронтовик, с войны вернулся без левой руки.

— Матвей, Василий прав. Ты нам очень даже нужен. Ведь посевная на носу. Давай попробуем помощником бригадира по полеводству в первую бригаду на период сева. Лошаденку дадим. Будешь воду да харчишки подбрасывать. Контроль опять же, учет и так далее.

Председатель немного помолчал, потом сказал:

— Стыдно будет плохо-то работать, когда такой герой рядом будет да на пригляд встанет. Уважают тебя земляки. А уж молодняк-то и подавно. Не каждый приходит с войны при полной Славе. Что сказать, герой! Все мы тобой гордимся,— искренне и тепло закончил председатель. На что Гордеев, махнув рукой, воскликнул:

— Да ладно, мужики! Все мы герои, раз гадину ту раздавили. Особливо те, кто до гнезда того проклятого кровью своей землицу и свою и чужую полил!

Ничего не сказали в ответ Матвею, как-то погрустневшие и сразу закурившие фронтовики.

На том с общего согласия и порешили. Домой Гордеев вернулся в приподнятом настроении, немного даже возбужденный.

В работу включился сразу с первых дней посевной. Вставал рано, приезжал поздно. Было видно, что нелегко ему даются эти ежедневные мотания по полям, пусть и в кошевке. Витька слышал сквозь сон иногда, как отец стонал, как мать уговаривала его отказаться от этой работы или хотя бы отлежаться день-два дома. На что Матвей тихо говорил:

— Неужто, мать, ты не видишь. Всем тяжело. И утром он снова уезжал на работу.

Однажды в конце июня, объехав некоторые участки озимой ржи, посмотрев в каком состоянии находятся поля, Матвей под вечер возвращался на лошади домой. Лошадь тоже притомилась за день, бежала не спеша. Впереди на проселочной дороге он заметил старушку. Она шла с ведром ягод. Поравнявшись, он узнал в старой женщине Елизавету Григорьевну, что во время войны прибыла в деревню с группой эвакуированных из под Гатчины, что в Ленинградской области. Говорят, что все ее родные погибли: сыновья, зять и муж на фронтах. А дочь с внуками потерялась где-то на просторах страны во время эвакуации из Белоруссии.

Матвей Степанович уважительно поприветствовал женщину:

— Что-то припозднилась, мать! Давно идешь, Григорьевна? Садись, подвезу.

На что женщина устало ответила:

— Спасибо, солдат. С превеликим удовольствием. А припозднилась, потому как сердце что-то сегодня подвело меня. В лес пошла вроде ничего было, а обратно иду — подводить стало.

В дороге они разговорилась. Старая женщина поведала с большой радостью Матвею Степановичу о том, что нашлись ее дочь и внуки, все живы, здоровы. Живут теперь в Ярославле, куда во время войны, после долгих скитаний, попали. И вот теперь она уезжает к ним на Волгу.

Матвей искренне порадовался счастью этой, повидавшей много горя на своем веку женщины. За разговорами не заметили, как доехали до деревни. Когда Матвей подвез Елизавету Григорьевну к старенькому домику, в который ее поселили во время войны, женщина, как бы извиняясь, сказала:

— Спасибо тебе, солдат. К сожалению, отблагодарить тебя нечем, скромно, очень скромно живу.— Она помолчала, и было видно, что хочет еще сказать что-то.

— Но вот подарок хочу тебе сделать. Я через неделю уезжаю. Возьми моего щенка себе. Накладно мне прокормить его да и в дорогу брать боюсь. А собачка хорошая. Прибилась ко мне месяц назад в райцентре, когда в военкомат да в исполком ездила за вестями о солдатах своих да о дочери. Вот так пешком и пришли сюда вдвоем. Мне с ней хорошо было, она ласковая. Вернее он. Кобелек это. Черный с бабочкой на груди. Такой франт. Гамлетом назвала. Возьми, солдат, не пожалеешь,— тепло закончила она.

Заслышав у дома голоса, за ограду выбежал щенок. Было ему на вид месяца четыре, но порода была видна сразу. Это была хорошая помесь дворняжки с овчаркой. Уже высокий на ногах, широкая грудь, украшенная белой бабочкой, стоящие уши и умный взгляд. Щенок смотрел на мужчину ласково, но гордо.

Матвею он сразу понравился. Подойдя, он погладил его.

— Ну что, дружок, пойдешь ко мне жить? Щенок поднял голову и посмотрел на Елизавету Григорьевну, как бы спрашивая женщину: «О чем это он?»

Григорьевна наклонилась к щенку и ласково погладила его по голове:

— Ступай, милый! Тебе у солдата будет хорошо. Там ребята, семья. А я одна. Да и поеду я, так что прощай! — И женщина отвернулась, стала вытирать набежавшие слезы. Ее одинокое сердце уже привыкло к этому ласковому существу.

Матвей Степанович тихо проговорил:

— Ну что ты, мать. Не рви себя. Все будет хорошо. А за щенка спасибо.

— Спасибо тебе и за слово доброе!

— Как соберешься, дай знать. Поможем, чем можем. — Он некоторое время помолчал. Потом весело скомандовал щенку:

— Ну что, друг, по коням!

Подойдя к кошевке, он сказал:

— Прошу! — И указал щенку, куда следует сесть.

Тот отошел от Елизаветы Григорьевны, оглянулся на нее, словно ждал и ее команды. Постоял некоторое время, потом резко с разбегу прыгнул в кошевку. Матвей, попрощавшись с женщиной, зашел с обратной стороны, чтобы не тревожить щенка, сел на свое место и весело обратился к нему:

— Ну что, домой, парень!

Виктор Матвеевич и сейчас помнит, сколько тогда было радости у всех в семье, когда они увидели в кошевке у отца, заехавшего за ограду, этого красивого щенка. Во двор высыпала вся ребятня, вышла и Ольга. Дети стали, перебивая друг друга, спрашивать:

— Папа, это теперь наша собачка? Ты ее привез насовсем? Где ты взял такого песика?

С вопросом обратилась и Ольга:

— Правда, Матвей, не томи детей, откуда щенок?

Отец тогда коротко объяснил всем домашним, откуда взял щенка. Сказал, что Елизавета Григорьевна уже кличет его Гамлетом.

Щенок все это время сидел в кошевке, как будто ждал своей участи. Ольга безбоязненно подошла и ласково погладила щенка:

— Гамлет! Слово какое-то не наше,— сказала, потом тихо продолжила: — Красивый. Черный, как грач весенний. Ну и пусть у нас Чернышом будет.

На что Матвей весело отозвался:

— А что, соответствует. Как, ребята, согласны? Давайте Чернышом и будем звать. Он подошел к щенку, взял его на руки и передал Витьке, который стоял рядом.

Прошло уже столько времени, а Виктор Матвеевич помнит, как билось тогда сердце щенка, когда парнишка прижимал его к себе. Вот так и появился в их семье Черныш, который стал всеобщим любимцем.

С первых дней Черныш не расставался с отцом, всюду был с ним. Отец днями ездил по бригадам, полям. Иногда отец брал ребятишек и собаку, и они ехали на озеро ставить сети. Пока отец плавал, они с Чернышом вдоволь резвились в воде. Он становился видным, красивым и сильным.

Незаметно и лето стало скатываться за желтеющие леса. Потом наступила зима. Сколько радости было у Черныша при виде первого снега. Он резвился вместе с ребятами, азартно бегал за сороками, что зачастили из лесу в деревню и все ближе и ближе подлетали к жилью, чтобы чем-нибудь поживиться. К весне Черныша было не узнать. За зиму он возмужал и стал чем-то походить на сильного матерого волка. А вот сердце оставалось добрым, как у того ласкового щенка.

После праздника Победы у отца сильно разболелись раны, и он на две недели слег в районную больницу. Как без него скучал Черныш, он практически ничего не ел, мог подолгу сидеть за оградой и смотреть в ту сторону, куда по дороге увезли отца на председательской машине.

Проблемы с сердцем и ранами оказались гораздо серьезнее, чем предполагали врачи.

К тому же обнаружили затемнение на легком, поэтому лечили и это заболевание.

Так что повалялся солдат снова на больничных койках. Нанес урон бюджету райбольницы, как он сам с грустинкой говорил, аппетит-то был у него завидным, несмотря на болезнь.

Дома Матвей Степанович планировал побыть недельку, покахаться с младшенькой дочкой, которую не видел долгое время, в которой души не чаял, просто дышал ею. Черныш в отсутствие отца был постоянно с Витькой, теперь же парнишку словно и не замечал. От отца не отходил ни на шаг. Ольга по рецепту соседки сделала для мужа какую-то мазь и два-три раза в сутки смазывала ею раны Матвея. Было тепло, и Ольга часто проделывала эту процедуру во дворе. Матвей снимал рубашку, жена обрабатывала раны, и муж потом сидел и подолгу наслаждался теплом.

Однажды, после очередной такой процедуры, Матвей, разморившись на солнышке, уснул на крылечке, приклонив голову к пристрою. Как рассказывала потом всем Ольга, что случайно все это увидела, Черныш, подойдя к спящему мужу, стал слизывать с раны выделяющуюся прозрачную жидкость. Слизывал, тряс и крутил головой, фыркал и снова энергично слизывал. Продолжалось это минут пять. Потом он выбежал вон из ограды. Ольга поведала о том, что видела, мужу и соседу деду Трофиму, что подошел покурить с Матвеем. Дед выслушал Ольгу и сказал:

— Ты, девка, давай-ка мажь раны не мазью этой, а попервости сметанкой али еще чем скусненьким. Пусть псина-то почаще лижет раны. А уже опосля можно и снадобьем твоим. На языке-то у собак много пользительного. Ведь они сами себя врачуют. Вспомните, какие раны были у мово Верного, после драки с кобелями. Ить выходил сам себя, все зализал, как заштопал. Помолчав, дед продолжал:

— А сейчас Черныш бегает травку искать, каку ему надо. Найдет, пожует и сам очистится к тому же. Ольга с Матвеем вроде как с недоверием отнеслись к словам соседа, но согласились все исполнить в точности.

Черныш вскоре прибежал домой, был он необычно спокоен и виновато смотрел на Матвея, лежал у его ног, иногда склонял голову на его колени.

На следующий день Ольга все сделала по совету старика. Матвей снова вышел и сел на крыльцо. Ольга смазала места вокруг ран свежей сметаной. Матвей, шутя дал команду Чернышу:

— Ну что, друг, лечи солдата.— А сам откинулся немного на стенку.

Черныш смело подошел к хозяину и стал слизывать не сметану, а стал лизать раны. Он старательно вылизывал основную рану под сердцем и делал это с усердием.

Так продолжалось несколько дней. После каждой такой процедуры Черныш убегал из дому. Возвращался всегда неожиданно, был всегда тихим, подавленным.

Что помогло тогда Матвею? Уход и мази жены или «врачевания» четвероногого друга? Один бог знает. Но раны перестали кровить, отцу заметно полегчало. Вскоре он снова вышел на работу. И, как прежде, Черныш был всегда и везде с ним.

Ушли они из жизни практически одновременно. Произошло это года через три после собачьего врачевания.

Был разгар сенокосной страды. За неделю перед этим отец стал жаловаться на сердце, ему постоянно не хватало воздуха, в груди давило. Его увезли в больницу, там провели обследование, поставили уколы. Но помещать на стационарное лечение не стали, так как в корпусе делали ремонт, везде пахло краской. Предложили Матвею подлечиться с недельку в области в кардиологическом отделении, но отец тогда наотрез отказался, сказав, что вроде как стало получше. Ему выписали лекарства и отправили домой с условием, что через неделю он непременно приедет на полное обследование и лечение.

Утрами, по холодку, он старался что-то делать: отбивал литовки, насаживал новые вилы, ремонтировал деревянные грабли для покоса, одним словом занимал себя, старался быть полезным. А днем в самый жар уходил в пристрой к бане, где у него был топчан, и подолгу лежал, закрыв глаза, или иногда читал.

В тот трагический день все с утра поехали на покос, надо было закончить копнить подсохшее сено. Работы артелью было немного, к обеду домашние обещали вернуться. Младшую Дашеньку завезли к бабушке, что жила на берегу озера на другом конце села. Матвея оставили одного на хозяйстве, с условием, что ника-

кой работы он до приезда делать не будет, единственное — к обеду подтопить баньку. На этот раз и Черныш увязался со всеми.

Работа на покосе спорилась, все трудились с охотой, часто слышен был смех, ребята отпускали шутки. Ольга иногда поругивала старших и своего брата, чтобы не торопились и делали работу на совесть. Погода стояла замечательная, обдувал легкий ветерок, и копны на их покосе росли как грибы. Черныш иногда срывался за сороками, с веселым лаем бегал за бабочками и стрекозами. Вволю набегавшись, лежал в тени. Работы уже оставалось немного, у молодежи было хорошее настроение — скоро домой, а там на озеро. Вдруг Черныш залаял, потом подбежал к Ольге и стал лаять еще сильнее и громче. Он несколько раз отбегал от нее, потом снова возвращался и продолжал лаять. Потом сорвался с места и стремительно побежал с покоса в сторону села. Ольга сердцем почувствовала, что дома неладно. Она опустилась на сено и выдохнула:

— Матвей! Ребята, что-то с отцом!

Виктор Матвеевич хорошо помнит, как старшие торопливо стали запрягать лошадь, побросав весь инструмент под кусты. Как гнали лошадь, как быстро доехали до села, благо оно было недалеко. Мать и Витька тогда спрыгнули с телеги, не доезжая дома и побежали. Уже приближаясь к дому, они услышали вой Черныша, и Витьке стало не по себе. Вбежав за ограду, они увидели на крыльце отца, он сидел на своем любимом месте, прислонившись к дощатой стенке нового пристроя-навеса. Рядом сидел Черныш. Увидев Ольгу с Витькой, он жалобно заскулил, из его собачьих глаз текли слезы. Это были слезы настоящего друга, который уже ни чем не мог помочь своему хозяину. Ольга поняла, Матвей мертв. Не выдержало сердце солдата.

Хоронили отца со всеми почестями. Прибыло много военных из района и области. С районным военным комиссаром приехало несколько солдат с автоматами. Были речи, были прощальные залпы на кладбище. И прощальный вой Черныша, этот вой давил всем на сердце.

После похорон Черныша посадили на привязь. Но он своим жалобным воем разрывал сердца и домашним и соседям. И Ольга попросила Виктора, чтобы он отпустил пса на время. Почувствовав свободу, Черныш стремглав выбежал из ограды. Всем было понятно, собака убежала на кладбище. Вернулся пес дня через два-три. Он вошел в ограду, пошатываясь. Черныш стал худым, сразу лег у крылечка, где обычно сидел Матвей. Пес ни к чему не притрагивался, что бы ему не предлагали. Однажды утром его снова не стало на привычном месте у крыльца, не было и в будке. Но он приходил, а утрами снова убегал.

А потом Черныш не пришел совсем. Нашли его тогда на могиле отца. Пес был мертв. С тяжелым чувством еще одной утраты похоронили они любимого Черныша в лесочке, что рядом с кладбищем. Сильно плакали тогда все родные над его холмиком. Оборвалась нить, что связывала их с отцом и мужем.

Занемело тогда сердце у парнишки — сразу две потери, два горя. Долго не отходило, осталось все это в памяти на всю его жизнь. С той поры Виктор Матвеевич никогда не держал собак. Не может. Страшно трудно терять настоящих и преданных друзей, таких, каким был для их семьи Черныш.

Виктор АФОНИЧЕВ

г. Искитим Новосибирской области

Родился в г. Искитиме Новосибирской области. После школы окончил Новосибирский электротехнический институт. Два года служил в армии офицером в войсках ПВО. В настоящее время работает на заводе. Юмористические миниатюры и большие рассказы публиковались в ряде российских журналов.

СЧЕТ

1.

Каждое воскресенье ближе к обеду Николай Александрович Парфенов ходил в церковь, расположенную в глубине соснового парка. Парк был разбит в советское время на пустыре между рекой и строящимся новым микрорайоном к очередному дню рождения вождя пролетариата.

Храм возвели значительно позже, когда уже была другая страна и не отмечали именины организатора революции. Парфенов, будучи пионером, с одноклассниками принимал непосредственное участие в закладке парка. Директор школы вместе с учителем биологии определяли место посадки, их решения до школьников, столбя пальцем, доводил физрук, громко выкрикивая: «Садить здесь!» Девочки подносили молодые деревца, привезенные с лесхоза, а они с мальчишками готовили ямки и закапывали. Обстановка была торжественная, никто не сомневался в грандиозности и нужности происходящего. Для полноты гармонии только не хватало патриотичной музыки, зовущей на трудовые подвиги. Не захватившие советский период жизни сути этого события не поймут. «Посадили деревья, сделали хорошее дело. И все»,— скажут представители нынешнего молодого поколения. Для того времени соль была не в закладке парка, а в проведении мероприятия в честь

очередной годовщины вождя пролетариата. Это уже совсем другой коленкор.

Сосенки прижились, и за эти десятки лет выросли на много метров в высоту. Перемены произошли не только с посаженными деревцами. Как-то Николай Александрович, будучи в гостях у дочери, смотрел телевизор, с ним в комнате находилась внучка — четырнадцатилетняя девочка. Шла передача о первых годах Советской власти. Показывали немое кино. Ленин и его соратники позировали внутри Кремля. Новые хозяева страны двигались из стороны в сторону и перекидывались репликами. На экране это выглядело гротескно, как и все киносъемки того времени. Парфенов, ожидая получить непременно правильный ответ, спросил у внучки: «Знаешь, кто это?» Та, оторвавшись от смартфона, внимательно взглянув в сторону телевизора, немного задумалась и произнесла: «Чарли Чаплин». Николай Александрович окинув взором сверху донизу знатока истории, понял, что родное чадо не шутит. Чуть больше двадцати лет назад узнаваемость Владимира Ульянова (Ленина) в данной стране среди всех категорий жителей была стопроцентная. Все происходит тихо, незаметно, мы ловим только моменты. Бац! — присмотрелись и деревья большие. Бац! — выражаясь современным языком — и общество переформатировалось.

Выше сосен возвышались позолоченные купола храма, ярко горящие в любую погоду. Специально проложенных тропинок в парке не было, кроме центральной заасфальтированной дороги к церкви. Народ направление движения между сосен выбирал — куда глаза глядят. Николай Александрович ориентировался на излучающий свет маковки куполов. Деревья стали большие, и корни выступили из-под земли, как вены на натруженных руках. Парфенову казалось, что корни — живые, чувствуют поступь и толкают его вперед. Особенно он с удовольствием шел по парку после дождя, когда испарения поднимались от земли, и пахло перепревшими иголками и сырым песком.

В городке действовало пять православных и одна католическая церковь, еще несколько молитвенных домов, где приверженцы Христа, поклонялись одному и тому же Богу, но каждый по своим канонам. Парфенов проторил дорогу в православный храм в сосновом парке, не самый большой и не самый раскрученный. Поэтому немодный среди местных прихожан, если такое определение приемлемо для культовых заведений. Около паперти он снимал головной убор, читал «Отче наш», крестился троекратно, кланялся и поднимался по ступеням к дверям. В это время дня в церкви почти не было посетителей — три-пять человек не более. В основном заказывали службу по усопшим, подробно расспрашивая у женщины, на входе торгующей церковной утварью, как себя вести в церкви. Парфенов покупал пять свечей среднего размера, по количеству круглых подсвечников в храме, на которые полагалось ставить свечи с просьбами о живых; раз в сорок дней заказывал за здравие себе, жене, внучке, дочери, отцу и матери. Слава Богу! Они все были живы. Подавал тысячу рублей, а сдачу жертвовал на храм. Потом неспешно молился перед образами каждого святого, читая молитвы, тексты которых для удобства прихожан располагались рядом с иконами. Просил здоровья себе и близким, а также огородить от неприятностей и преждевременной смерти. Если подводило зрение и не удавалось разглядеть текст молитвы, то обращался своими словами и был уверен, что он услышан. Перед тем, как уйти, на выходе молился в сторону иконостаса, читая про себя «Отче наш». На улице, спустившись вниз по ступенькам, опять читал «Отче наш», троекратно крестился, кланялся, надевал головной убор и шел восвояси.

Такого распорядка он придерживался уже три года. А все началось перед днем рождения. Накануне того, как Парфенову исполнилось пятьдесят пять лет, он побывал у хирурга и удалил неожиданно потемневшую родинку на плече. Он и забыл про это, справил юбилей и даже просрочил несколько дней позвонить насчет анализа. Хотя ему загодя было предзнаменование, но он не придал ему никакого значения. За две недели до операции приснился сон, в котором он, отец и мать находятся где-то, вокруг нет никаких предметов, и кто-то, кого они не видят, сообщает, что ему вскоре придется умереть. Все так явно. Николая Александровича во сне охватывает отчаяние. Он умоляет, но не словами, а мыслями, чтобы ему дали еще пожить. Тот неведомый после небольшой паузы соглашается и сообщает свой вердикт: Парфенов проживет восемьдесят два года. Если бы ничего не случилось, то этот сон со временем стерся из памяти, как множество других сновидений, не отразившихся на реальной жизни.

Когда Николай Александрович набирал телефон больницы, то был уверен, что все хорошо, и относился к звонку, как к простой формальности. В трубке услышал: «Подъезжайте, вам надо переговорить с доктором». В больницу летел, поняв, что у него самое страшное — рак. Врач объявил диагноз:

— Меланома. Мы вам часть вырезали, но, судя по анализу, не полностью захватили пораженный участок. Необходима повторная операция и возможно дальнейшее лечение. Все зависит от того, как глубоко болезнь проникла в организм.

— У меня есть шансы выжить? — спросил Парфенов.

Хирург пожал плечами, что совсем не придало оптимизма Николаю Александровичу. Врач выписал направление в областной онкологический диспансер со словами, наверно полагая, что это как-то успокоит больного: «Вас много таких», и проводил сочувствующим взглядом.

2.

Жизнь в один миг резко разделилась на до и после этого дня. Планы на будущее рухнули. Земные блага утратили смысл. Теперь все помыслы были направлены, чтобы только выжить. Николай Александрович в Интернете прочитал: «Средний срок жизни больных при меланоме восемь месяцев». Будучи школьником, он смотрел телевизионный спектакль, где герои обсуждали, чтобы они делали, если бы им остался год жизни.

События происходили в капиталистической стране, так как ни одному драматургу не могло прийти в голову вложить такие речи в уста советских граждан. Может быть, Парфенов не до конца уловил зерно действия, но в памяти отложились намерения героев сбросить с себя все табу.

Один из персонажей планировал ограбить банк и с деньгами уехать на Лазурный берег, и год не вылезать из воды. Николай хорошо представлял такое блаженство — теплое море и никто не требует немедленно выйти на берег, ни мама, ни пионервожатая, это как без спроса пойти купаться на речку. Родители на работе и думают, что сын читает книжки из списка для обязательного летнего чтения, а он плескается до посинения в местном водоеме. Когда совсем замерзнет, вылезет из воды, ляжет на песок, закроет глаза и будет отогреваться на солнышке. Ни мама, ни папа не позвонят с проверкой, еще тогда не было сотовой связи. Да и обычные телефоны в то время редко у кого встречались в квартирах. А вечером его, опрятного, чуть ли не с повязанным пионерским галстуком, увидят родители за письменным столом, читающим книгу. Подойдет мама и потреплет его выгоревший от солнца чуб, и скажет: «Молодец ты у меня». Зачем только этот господин планировал грабить банк? Николай так и не понял.

Другой персонаж собирался остаток жизни провести в баре, не думая ни о чем, употребляя виски. Виски Николаю представлялось божественным нектаром, ассоциирующимся одновременно с персиковым соком, ситро и крем-содой, лишь значительно вкуснее. Через много лет, когда в наших магазинах кроме водки «Русской», трехзвездочного коньяка и «Агдама» появится другой алкоголь, Николай Александрович попробует виски. Данный напиток окажется похожим на закрашенный самогон, с божественным нектаром его объединяла только цена. Вот этому господину надо было планировать грабить банк, а не любителю водных процедур.

Третья героиня в полете фантазии решит отказаться от диеты и неограниченно кушать пирожное, мороженное, жаренную и жирную пищу до самой смерти. Парфеновы жарили картошку на сале почти каждый день, мороженое Николай ел по выходным, а пирожные по праздникам. Он не мог понять, что мешает героям спектакля начать все это делать сейчас, не дожидаясь смертного приговора. На уроках литературы им рассказывали по каким канонам и для чего создаются художественные произведения. Поэтому это все воспринималось несерьезно, как игра.

Другая постановка, увиденная Николаем Александровичем в зрелые годы, будучи в командировке в Москве, в одном из модных театров. Физик-ядерщик в ходе эксперимента получает большую дозу облучения и, узнав, что ему осталось жить меньше года, имея возможность пройти лечение и прожить еще, как минимум полтора десятка лет, при условии оставить свою работу, выбирает закончить изыскания ценою своей жизни. И эта история не была особо серьезно воспринята Парфеновым. В его голове не укладывалось, для чего такая жертва? Своим научным трудом он не спас Мир или даже одного человека. А преждевременным уходом из жизни он причинил боль и страдания своим близким.

На историю, оказавшую действительно впечатление насчет долга и самопожертвования, Николай Александрович наткнулся в Интернете. Хотя, может быть, она тоже выдумана, но рассказ тронул. У маленького мальчика заболела сестра, которая была еще младше его, и ей срочно необходимо было сделать прямое переливание крови. Мальчику задали вопрос, может ли он дать свою кровь сестренке. Тот не колеблясь, согласился и, зажмурив глаза, лег на кушетку рядом с ней. После окончания процедуры мальчик, застыв в напряжении, продолжал лежать с закрытыми глазами. Когда его растолкали и сказали, что все закончилось, он с удивлением спросил: «Я не умер?»

Будучи зрителем или читателем можно сколько угодно с умным видом рассуждать о происходящем с другими. Это просто тебя не касается. Свой сценарий жизни рисуется безоблачным, успешным во всем и всегда с продолжением. Конец очень далеко. В любом возрасте физическая форма отличная, с небольшими перерывами на простуду, если женщина, то еще и красива. Так свое будущее видел и Парфенов. И предпосылки на это имелись. Родители еще живы и в преклонном возрасте, что говорило о благоприятном генном факторе. Бережет здоровье, не курит, выпивает редко и в небольших дозах, питается правильно. Целенаправленно загорал лишь в детстве и юности, солярием никогда не пользовался. Профессиональная деятельность не связана с вредными условиями. Всю жизнь отработал в городской администрации в отделе капитального строительства, последние двадцать пять лет возглавляя его. Получается, жилья не рвал, самое большое нервное потрясение в жизни — это когда ему на третьем курсе института девушка, с которой он до этого общался минут сорок, сообщила, что она беременна от него. То есть все, что сейчас с ним произошло, было за то, что этого не должно произойти.

3.

На третьем курсе Новый год Парфенов отмечал в общежитии. Обычно на выходные дни и праздники он уезжал домой. Дорога была недолгой, всего час двадцать езды на электричке. 31 декабря они не учились, он с утра еще был дома, а вечером специально приехал в альма-матер на торжество. Гуляли в комнате у одного из однокурсников сугубо мужской компанией. После боя курантов все высыпали в коридор, туда хлынули празднующие из других номеров. Организовались танцы. Музыка, девочки, конфетти, бенгальские огни, хлопушки. Было весело.

Комната Парфенова находилась в конце коридора. Сожители Николая все разъехались по домам. В голове у него созрел план. Он открыл замок и прикрыл дверь, а сам пошел танцевать. В кружении танца с парт-

нершей он докрутился до двери своей каморки, шаг в сторону, и они оказались внутри. «Ух, ты!» — удивленно произнесла она. Николай, крепче прижав ее к себе, пояснил: «Здесь я живу». Парфенов полез целоваться, она не сопротивлялась, даже проявляла при этом больше страсти, чем он. Девочка оказалась пришлой, кто-то из местных пригласил ее в гости. Повалились на койку. Для него все было впервые, для нее, по косвенным признакам, это было уже не в диковинку. Койка стала издавать сильный скрип, но его заглушала звучащая отовсюду музыка и радостные крики встречающих Новый год. Движения Николая походили на действия дилетанта, собирающего по инструкции новую мебель, много ненужной суеты, а источник знаний — это рассказы старших товарищей и прочитанный самиздат на эту тему. Он не получал удовольствие, а мучился, стараясь не оплошать и как можно дольше растягивая процесс. Николай слышал, чем больше времени продлиться это дело, тем лучше. Интернета не было, информация скудная, все по наитию. По окончании всего он отвалился в сторону, наслаждаясь, что получилось, а не от того, как было. Что дальше делать — об этом Николай нигде не читал и никто ему не рассказывал. Воцарилась пауза. Он ничего лучшего не смог придумать, как сказать:

— Что, будем одеваться?

— Ага,— ответила она.

После этого они вернулись каждый в свою компанию.

Миновали короткие зимние каникулы. В начале нового семестра Парфенов, возвращаясь из института, встретил ее. Она стояла недалеко от входа в общежитие. На ней было драповое пальто с воротником из лисы и вязаная шапочка, лицо бледное и почти без косметики. Схожесть этой девушки и той, с Нового года, была не более чем людей с одинаковыми чертами лица. Та выглядела ярко, уверенная в себе, эта с внешностью серой мышки, кроткая, переминаясь с ноги на ногу, ожидала его около студенческого пристанища. Он так бы и прошел мимо, если она не окликнула.

— Я беременна,— сходу сообщила она.

— От кого? — спросил он.

— От Пола Маккартни. В Англию на этот Новый год летала, вот и залетела.

— И что надо делать? — совсем уже нелепый вопрос задал он.

— Под венец идти нам с тобой или мне делать аборт.

Кровь прихлынула к голове Николая, лицо покраснело и превратилось в застывшую маску.

— Чувствую, ты сейчас упадешь в обморок,— прервав, сложившуюся паузу, произнесла она. Порывшись в своей сумочке, она достала ручку и, вырвав листок из блокнота, стала писать и одновременно говорить:

— Это мой домашний телефон и адрес. Захочешь, найдешь.

Она, не попрощавшись, пошла прочь. Он остался стоять, сжимая в кулаке ее записку.

В ближайший выходной, будучи дома, Николай поделился произошедшим с матерью. На его удивление, она не стала его ругать, во всем обвинив беременную девушку. «Тебе надо думать, как институт закончить. А этой шалаве замуж невтерпеж. Ты уверен, что это твой ребенок?» — не дав ему ответить, мать продолжила: «Она может за последний месяц у десятка парней в постели побывала». Парфенов не был ни в чем уверен, он чувствовал за собой вину, и ему показалось, что она — неплохой человек. На этом все и закончилось.

Через некоторое время Николаю приснился сон. Плачет маленький мальчик, похоже, только недавно научившийся стоять, так как его покачивало из стороны в сторону. Ребенка уже кто-то успокаивал, но безуспешно. Подошел Николай, погладил мальчика по голове, тот перестал плакать, что оказалось для Николая неожиданным. Ребенок прижался к его ноге, обхватив ее двумя ручками, рост мальчика был чуть выше коленки. Николай догадался, что это его ребенок. Проснувшись, он понял, что она сделала аборт, что был мальчик, его душа страдала, он виноват перед ним, но ребенок простил его. Парфенов долго переживал о загубленной жизни, даже плакал. В двадцать лет все видится в крайнем свете, одни вещи, думаешь, будут многократно повторяться, хотя это выпадает один раз в жизни, другие события расцениваешь, как единственную возможность, а это всего лишь один из вариантов.

Николай окончил строительный институт, отслужил в армии, вернулся домой, устроился работать. Встречался с девушками. Проживающих с родителями, как и он, водил в кино на последний сеанс, в завершении вечера обнимал в парке в самом темном месте. У одной из девушек по имени Оля была своя квартира, доставшаяся от мамы с папой, те в свою очередь переехали в частный дом, бывшее жилье родителей матери. У нее он часто оставался ночевать, шел к ней, даже до этого побывав в кино совершенно с другой девицей. Такая ситуация его заводила. Энергии было много, и расходовал он ее самозабвенно на женский пол. Хотелось попробовать худенькую и пышечку, светлую и чернявую, невысокого роста и размером с каланчу. Чтобы, как в институте, не попасть в неловкую ситуацию, он применял меры предосторожности. Но в отношениях с Олей он где-то не рассчитал или она хорошо спланировала.

До беседы с дедушкой своего намечающегося ребенка Николай морально не был готов стать папой, тот его переубедил. Будущий тесть на заводе плел стальные канаты, руки — бревна, а пальцы натурально — анкерные болты. Еще на согласие оказала действие ранее рассказанная Олей семейная тайна, как ее прадедушка по линии отца со своим братом лишил жизни мужа родной сестры за то, что он увел у них лошадь цыганам. Дело было до революции. Сибирь, времена тяжелые, люди суровые и мораль соответствующая. Кругом бескрайние просторы, край нелюдимый, лесов и водоемов много, под какой сосной закопали или в какой с камнем на шее омут опустили родственника, иди, ищи — свищи. Тело, конечно, не нашли, да и никто особо

и не искал, до ближайшего полицейского участка более ста верст, братья пустили слух, мол, пошел родственничек собирать клюкву и утоп в болоте. Приехавший следователь подхватил эту версию, с такой формулировкой дело и закрыл. Дитя, оставшееся без отца, братья подняли на ноги, так во всяком случаи сообщает семейная сага. Узнал ли ребенок правду, и что с ним дальше произошло, история умалчивает.

Намеченная свадьба так и не состоялась, накануне празднования у папы невесты случился инсульт. Врачи не дали умереть, он даже через год вернулся на завод, но уже троса не плел, а выполнял только нетяжелую слесарную работу. Николай перебрался к Ольге, через девять месяцев у них родилась дочь. Он теперь с нетерпением ждал окончания рабочего дня и буквально бежал домой. Готов был зацеловать дочурку, жадно вдыхая аромат ее тела. Где-то он прочитал, что дети пахнут раем. Запах был ни с чем несравнимый, им нельзя было надышаться, от него наступало умиротворение и спокойствие. В жизни нежданно-негаданно все упорядочилось. Николай не мыслил другой себе судьбы, каждую свободную минуту уделяя ребенку, тряс погремушки перед ней и разговаривал, болтая всякую несуразицу. Ему казалось, что дочь, вылитая он, потом вроде больше похожа на Ольгу, иногда и тещины черты угадывались. Вот с характером он сразу определился — копия его мамы, громкоголосая и настойчивая в своих желаниях. В любом случае она — частичка его плоти и духа.

Прошли годы, у Николая Александровича была уже внучка, мать завела с ним неожиданно разговор:

— Коля, мне последнее время сны снятся, все к тому, что у меня есть внук.

— Откуда ему взяться, мама?

— А та девочка, когда ты учился в институте, она родила?

— Не думаю.

— А ты узнай. А то ночью одно и то же повторяется, я маленького мальчика за руку веду, и он меня бабушкой называет.

Парфенов и сам мечтал о мальчике. Со вторым ребенком не получилось, у Ольги возникли проблемы со здоровьем. Думал, у дочери будет сын, а ему внук. Судьба уготовила внучку. Далее семейная жизнь у дочери не сложилась. Он, конечно, был рад ребенку, но хотелось внука. Николай Александрович представлял, как он с мальчуганом будет играть летом в футбол, а зимой поставит его на коньки и сделает это, как только тот научиться ходить, а потом отдаст в хоккейную секцию. Еще будут они вместе с ним удить рыбу, и он посвятит его во все премудрости рыбацкого дела. То есть свои мечты, не исполненные в детстве, и нынешние пристрастия, Парфенов собирался воплотить в своем продолжении. Не девочке же удить рыбу и гонять шайбу! Мамин сон? Может, действительно та девочка из прошлого не стала делать аборт и у него есть сын. Но тот листок с адресом давно утерян, и он уже никогда не узнает правды. А может, срок земной жизни матери истекает, и душа мальчика приходила за своей бабушкой?

4.

Теперь все мысли — неужели это случилось со мной? Отчаяние и страх. Страх до такой степени, что всего потряхивает. Чтобы как-то заглушить переживания, помогает только деятельность. Примерно так же, как пловец оказался далеко от берега, и поднялась волна, чтобы выплыть, надо просто плыть и бороться со стихией, надеясь, что силы преждевременно не покинут тебя. А если не будешь сопротивляться, то страх моментально скует волю, и ты пойдешь ко дну.

День проходил в заботах. Парфенов суетился, барахтался в проблемах, все, предпринимая, чтобы найти путь к выздоровлению. Время работало против него, каждая минута ничегонеделания приближала его к смерти. Днем он пытался убежать от старухи с косой и от своих мрачных мыслей. К ночи мрачные мысли настигали его и наваливались невыносимым грузом. Спать ложился, инстинктивно съежившись и свернувшись калачиком, тем самым пытаясь оказаться в защитном панцире. Все тело знобило от страха, погружался в сон только после того, как сознание было полностью измочалено и не было больше сил бодрствовать. О его диагнозе знала только жена, и ей было строго настрого наказано об этом никому не рассказывать. Не хотелось лишних пересудов.

Ольга лежала рядом, тоже не могла уснуть, думая о своем. Парфенов чувствовал, что она хочет завести разговор, но не находит слов. Ему была знакома такая ситуация. При беседе с людьми, чей век предрешен неизлечимой болезнью, Николай Александрович сам всегда испытывал неудобства. Он вообще старался избегать с ними разговоров. Как помочь человеку — неизвестно, о чем говорить — непонятно. А бывает, кто-то из обреченных озлобляется, виня во всех своих несчастьях окружающих, сжигая последние жизненные силы в костре ненависти, тем самым лишая себя пусть маленького, но шанса на выздоровление, таким и никакая поддержка уже не поможет.

— Коля, завтра воскресенье, может, сходим в церковь, отстоим службу, и ты исповедуешься? — наконец начала разговор Ольга.

— Хорошо,— согласился Парфенов.

Чаще всего мы обращаемся к Богу, когда жизнь берет за горло. В такую передрягу попал и Николай Александрович. Правда, это не первый его поход в храм, до этого он ходил в церковь, когда привозили мощи святого, имя которого он уже и забыл, в другой раз была выставлена чудодейственная икона, все шли, и он пошел, потом привозили мощи другого святого, он тоже отметился в церкви. Крестился в храме как-то украдкой, понимая, что надо, и боялся показаться перед окружающими неестественным.

Церковь выбрали самую большую и наиболее популярную среди жителей города. Она располагалась на холме, и видно ее было почти из любого места в округе. Николай с Ольгой опоздали к началу богослужения. На первом этаже было несколько посетителей, они самостоятельно молились около икон. Служба шла на втором этаже. Парфенов с Ольгой поднялись наверх и заняли свободное место. Для Николая все было в диковинку: и громкоголосое чтение молитв священником, и церковное пение, и сами люди, органично дополняющие обстановку в храме. Лица прихожан были простые, без всякой затаенной задней мысли. Не про всех людей в рясах он мог такое сказать, некоторые служители церкви вели себя с нарочитой чопорностью. Парфенов это расценил, что одни здесь находятся по долгу службы, а другие по духовному зову. Он следил за окружающими и повторял за ними все их действия. Теперь ему уже не казалось, что он крестится неестественно.

Недалеко от них стояла Надя Сизова, он не сразу признал ее в платке. Она никак не отреагировала на его присутствие. Еще два года назад она была его любовницей. Как-то Парфенов проездом зашел в маленький магазин на окраине города, таких заведений за последнее время расплодилось множество, торгующих самым необходимым от хлеба с солью до пива и спиртосодержащих напитков сомнительного качества. Продавщица была невысокого роста где-то лет на десять-пятнадцать младше его с девчачьей фигурой. Как она себя держала: взгляд, ужимки, внешний вид; Парфенов сделал вывод, что она не прочь на флирт. Лето, жара, хотелось пить, настроение несерьезное. Он сально пошутил, она в том же духе ответила. Николай Александрович приобрел бутылку воды и плитку шоколада. Шоколадку оставил ей и, снисходительно улыбнувшись, покинул торговый павильон. Через несколько дней заехал что-то купить, потом явился с цветами. Так у него завязались отношения с Надей.

Надя призналась, что она замужем, муж старше ее на двадцать три года, они давно не спят в одной постели. Где-то раз в две недели, иногда чаще, Парфенов подъезжал перед закрытием магазина, оставлял автомобиль в сторонке и заходил внутрь. После того, как выходил последний покупатель, Надя запирала двери, и они вдвоем оставались там еще некоторое время. Николай около трех лет регулярно посещал этот магазин. Отношения были удобные, ему не нужна была огласка, и она не афишировала их связь, пока в один из вечеров ее не оказалось в магазине. Николай спросил:

— Сегодня смена Нади, где она?

— У Нади горе, умер муж,— ответила напарница.

Парфенов около месяца не наведывался в магазин. Когда он приехал, то не узнал Надю. Она сильно исхудала, лицо было серое и совсем другой взгляд. Разговора не получилось. Он еще раз приехал через несколько дней, теперь она могла говорить: «Понимаешь, я только после его смерти поняла, как он ко мне относился, как он меня сильно любил. Он исполнял все мои прихоти. Был на пенсии, но продолжал работать, по вечерам еще таксовал на своей машине. Когда сынишка был маленький и болел, мог всю ночь просидеть около его постели, а утром шел на работу. Последнее время он плохо себя чувствовал, я все не могла отправить его в больницу. Тут пришел с работы, поужинал, собрался ехать таксовать и упал в прихожей, обширный инфаркт. Дурой я была!» Парфенов пытался произнести слова утешения, но получилось нескладно. Он понял, что прежних отношений уже никогда не будет.

До Нади у Парфенова были еще три романа разные по сроку продолжительности. Дочь повзрослела, уже больше нуждалась в папиных деньгах, чем в папином внимании. Николай Александрович свои освободившиеся чувства стал тратить почему-то не на Оль-гу, а на других женщин. В отличие от Нади те дамы были незамужние и абсолютно не соблюдали правил конспирации. Все пытались выставить отношения напоказ. Одна требовала обязательно ночевать у нее. Другая пассия устраивала истерики: «Почему я иду пешком, а ты в это время везешь Олю на автомобиле?» И он не знал, что сказать. Потом эта истеричка установила твердую таксу за каждую встречу. И он платил, но все равно расстались плохо. Парфенов был уверен, ни одна из его любовниц не всплакнет о нем, хотя он всем помогал материально и решал их проблемы. Дело в том, что Николай Александрович не исполнил их надежды. У него с ними не совпали цели. Он нужен был им в постоянное пользование, а они ему — во временное.

Любил ли он этих женщин? Однозначно — нет. И даже к Ольге у него всего лишь была привязанность и чувство долга, и эти обязательства перед матерью своего ребенка он навряд ли разменял бы даже на любовь. Виноват ли он перед этими женщинами? Однозначно — да. А влюблен Парфенов был по уши на пятом курсе в девушку со швейной фабрики. Познакомился он с ней в электричке. Конец сентября, пятница, Парфенов поздно вечером возвращался с института домой. По субботам на пятом курсе они не учились. На перроне почти не было народу, мимо него прошла яркая девушка, одетая по тем временам в очень модный плащ и полусапожки на высоком каблуке. Такие экземпляры красоток встречаются очень редко, она была не то что красивая, она была обворожительная. За всю свою жизнь Парфенов натыкался еще на двух таких чаровниц и не более.

Одну видел в баре после защиты дипломного проекта. Они пили пиво с однокурсниками, и девушка была занята тем же делом в компании двух молодых людей. Пиво пенилось в кружках высокой шапкой, при питье, оставаясь белой полосой между губами и носом. Парни вытирали пену рукой, она это делала мило язычком. Товарищи Парфенова так же обратили на нее внимание, один из них произнес: «Такая баба и с такими уродами!» Николаю ее спутники тоже не очень приглянулись — надменные и одетые или с барахолки, или из-под полы. Он ушел через час, уехав домой. Сокурсники остались дальше поглощать пенный напиток. Позже

один из них свои слова повторил в глаза друзьям красавицы, они не отреагировали, он все равно устроил драку. Через три месяца он женился на ней. Еще одну чаровницу Парфенов встретил на вокзале в Бологое. Он был проездом, пересаживался на московский поезд, она сидела в зале ожидания. Он ее видел не больше пятнадцати минут. Поезд его увез в Москву, она осталась сидеть на вокзале. И больше Парфенова никто сильно не очаровывал.

Красавица прошла мимо Николая метров тридцать, вернулась обратно и встала недалече, ожидая электричку. Парфенов воспринял это как сигнал. Поздно, девушка одна, он — высокий и большой, и самое главное — выглядит прилично. Зашли они в одну дверь, вагон был пустой, он неожиданно для самого себя сел рядом с ней. К тому времени он еще не был смел в поступках, но уже был отчаянный в речах. Николай всю дорогу блистал красноречием, она отвечала короткими предложениями. Девушка, оказалась, с ним с одного города, но теперь она работала на швейной фабрике в областном центре и жила в общежитии. Каждые выходные она наведывалась к родителям. По приезду Парфенов проводил ее до самого дома. Договориться о свидании ему не удалось. С этого времени Николай по пятницам встречал вечерние электрички, иногда удачно, но отношения не клеились. Удавалось максимум проводить девушку до дома. Узнав от нее, что она любит клубнику, он принес ей клубничное варенье. Дарил духи «Тет-а-тет», которые доставал через знакомых, по тем временам — шик советской парфюмерии. В такие минуты он был похож на верного пса, но хозяйке было не до него. Совсем грубо не отталкивала, но и не приближала, держала на почтительном расстоянии. Так продолжалось до осени. Николай окончил институт и ушел служить в армию. Со службы написал пару писем на адрес ее родителей, ответ так и не получил. После армии, как приехал, на второй день зашел к ним домой, дверь открыли другие люди. Он извинился, объяснил, что ошибся адресом. Больше Парфенов с ней так и не встретился. Он всю жизнь в толпе искал знакомый образ и, если встречал женщину, хотя бы отдаленно похожую на нее, у него щемило в груди.

После окончания службы прихожане подходили к батюшке и беседовали с ним. Самым последним подошел Парфенов.

— Я хочу исповедоваться,— сказал он. Батюшка пристально посмотрел на Парфенова. Николай Александрович добавил: — У меня рак. Я готовился, утром ничего не ел.

— Сейчас подойдет другой батюшка, он с вами поговорит.

К другому священнику сначала обратилась Ольга, он отказал ей в исповеди. Парфенова он выслушал, задав единственный вопрос:

— Венчались?

— Нет. Живем в гражданском браке.

— В грехе живете,— изрек священник.

Николай Александрович и не думал, что его причислят к лику святых. Грешен. А кто не грешен? Всю жизнь старался никому не вредить, чем мог, помогал ближним, не требуя от них взаимности. У частных лиц ничего не украл, даже если что-то находил, то пытался вернуть обратно. Правда, на работе и приписывал, и списывал, бывало, и в свой карман. Насколько от этого страдали люди? Однозначно ответить невозможно. В те времена, когда стройматериалы почти нельзя было купить, а легче украсть, к нему обратился молодой человек с просьбой о двух поддонах кирпича. Парень оказался отцом троих детей и глубоко верующим человеком. Без оплаты он отказался забирать кирпич, тогда Парфенов придумал историю, мол, по заявлению многодетным семьям могут решить выдать кирпич бесплатно. Многодетный отец под диктовку написал заявление. Два поддона кирпича молодой человек увез к себе домой, написанная бумага была отправлена в урну.

Николай Александрович, несмотря на свое крепкое сложение, никого никогда не ударил, правда, в мыслях случалось, что желал людям неприятностей и даже смерти. Сейчас ему было страшно за свои такие помыслы, и он в этом искренне каялся. Случай выпал, мог убить человека, но Бог уберег его от такого греха. После окончания института Парфенова призвали в армию, а так как у него было высшее образование, то он служил один год сержантом. Служба шла к концу, Николай в ту ночь был в наряде начальником караула. Один из часовых по связи доложил, что слышит шаги на охраняемой территории. Николай, согласно уставу, сообщил дежурному по части, а сам с двумя караульными отбыл на пост. Выслушав еще раз доклад часового, он с подчиненными пошел обходить территорию. Николай шел в центре, светя фонариком влево и вправо, а два солдата по бокам. Свет от фонарика скользил по кустам, в один момент оттуда, как заяц, которого спугнули, сиганул широкоплечий человек в бушлате. Парфенов крикнул: «Стоять! Стрелять буду!» Убегающий не остановился. Тогда он скомандовал подчиненным: «Стрелять вверх!» Те выстрелили, но человек в бушлате опять не остановился. После этого он приказал: «Стрелять на поражение!» Один из солдат опустил карабин вниз, так и не пальнув, другой отвернув голову в сторону, выпустил пулю куда попало. Николай сам не мог стрелять, у него пистолет был на предохранителе, а передернуть не давала рука с фонариком. Если бы патрон был в патроннике, он точно бы застрелил нарушителя. Утром, когда закончились все разбирательства, лежа на топчане в караульном помещении, Николай кайфовал. Пришло осознание, что он не взял грех на душу, не лишил жизни человека. Ему не было никогда так хорошо.

Николай Александрович не понял, произошла исповедь или нет, но домой возвращался уже не с таким тяжелым сердцем. Следующий раз он пойдет уже в другую церковь и будет посещать ее постоянно. На один день Парфенов вышел на работу. Уничтожил все лишние бумаги и дал указания по незаконченным делам.

5.

Середина декабря. На носу Новый год, народ уже начинает праздновать, все питейные заведения страны забиты людьми. Проходят корпоративные вечера, и так будет каждый день до первого января. Далее каникулы, и не только у школьников. Получалось, никто не собирался работать в ближайшие полтора месяца. А для Николая Александровича был каждый час дорог. В онкологическом диспансере его могли прооперировать в лучшем случаи только в середине января. Через знакомых он договорился на платной основе о проведении срочной операции в одном из институтов областного центра, в котором одновременно и лечили, и занимались научными изысканиями. Еще, оказалось, брали «левую» работенку.

На красивой деревянной двери доктора было написано: «Врач онколог-маммолог, к.м.н. Трунькин Николай Дмитриевич». Рядом с дверью стояли две девушки неопределенного возраста. Парфенов спросил: «Вы к Трунькину?» Они с гордостью хором ответили: «Да». Дождавшись своей очереди, Николай Александрович зашел к врачу, тот, изучив его анализы, произнес:

— Операция будет стоить тысячу долларов, оплатить можно в рублях.

— Хорошо. Деньги у меня с собой. Я сегодня готов лечь.

Забрав оговоренную сумму, Николай Дмитриевич, как бы извиняясь, пояснил:

— Рынок пластики груди на данный момент просел, вот перед вами последние две опоздавшие пташки залетали. Два месяца назад наплыв таких пациенток был, сейчас они привыкают к своим новым формам и одновременно в местных бутиках платья с глубоким декольте выбирают. Новый год, все ждут чудо, дети подарка под елкой, мужчины денежную и непыльную работу, а женщины большую и светлую любовь. Теперь ближе к лету планируем новую партию жаждущих радикальных перемен в жизни. А сейчас у нас ставка на онкологических больных.

Операцию назначили на следующий день, а до этого он сдавал анализы. До пятидесяти пяти лет Николай Александрович избегал хирургического вмешательства в свой организм, теперь эта участь настигла его. Накануне вечером ему сделали клизму, а утром оставили без завтрака. Около десяти часов за ним пришла медсестра и повела его в операционную. На входе он разделся догола и лег на стол. Вокруг него суетились люди в белых халатах, одна медсестра пыталась неподвижно зафиксировать больную руку для операции, другую руку готовили, чтобы ввести в нее наркоз. С этого момента Николай Александрович уже ничего не помнил. Очнулся он в палате, когда его перекладывали с каталки на койку. Сознание и речь были нечеткие, но он первым делом позвонил Ольге и заплетающимся языком сообщил, что все закончилось. Через некоторое время пришел Трунькин, Парфенов более-менее связанно мог уже говорить.

— Как у меня дела? — задал он вопрос.

— Все хорошо. Я по максимуму вырезал, болячка, похоже, никуда еще не пошла.

— Большое спасибо, большое спасибо,— несколько раз повторил Николай Александрович.

— Швы вам снимать не надо, нитки специальные, сами рассосутся. Полежите пару дней, и мы вас выпишем из больницы. После праздников подъедете к нам, там будут готовы анализы и будет ясно, что с вами дальше делать,— вынес свой вердикт Трунькин, после чего дружески пожал Парфенову здоровую руку и удалился.

Новый год Николай Александрович встречал дома. В эти дни приходила дочь с внучкой, с женой он ходил к родителям, обменялись подарками. На душе немного отлегло, он уже мог радоваться. Дочь пришла с выпеченным тортом, внучка преподнесла коллаж, оформленный на компьютере и распечатанный на цветном принтере на новогоднюю тему со своей фотографией. Дедушка с бабушкой подарили внучке новый смартфон, та счастливая сразу подбежала к матери, хвастаясь телефоном. Николай Александрович впервые за последнее время улыбался. Ему было приятно, когда Ольга отдавала дочери деньги со словами: «Это от нас с папой». А та, смутившись, спросила: «Вы себе хоть оставили?» «Оставили, оставили»,— заверила Ольга. Старикам они подарили большие махровые полотенца, завернутые в цветную бумагу и обвязанные красивой лентой. Мать с отцом растрогались и пустили слезу. «Мы до следующего Нового года наверно не доживем»,— сказала мать. «Что ты, мама! — произнес Парфенов.— Обязательно доживете». Николай Александрович не мог им сказать, что, может, для него, а не для них этот Новый год последний, и он пытается остаться в памяти любящим, нежным, чутким.

После праздников Парфенов переступал порог института с тревогой и надеждой. Около дверей Трунькина в этот раз не толпились девицы без возраста. Сидел мужчина чуть за шестьдесят с серого цвета лицом и отрешенным взглядом в сопровождении молодой женщины, по всей видимости, его дочери. Дверь приоткрылась, на пороге показалась дама, из глубины кабинета вылетел обрывок фразы Трунькина: «Десять лет было все хорошо. Не знаю, почему так получилось». Дама побрела восвояси. Мужчина с серым лицом остался сидеть, к врачу зашла его дочь. Дверь была плохо закрыта, женщину не было слышно, по всей видимости, из-за тихого голоса, доносились только отдельные фразы доктора: «Вы хотите ехать в Израиль? ... Знаете, сколько их возвращается оттуда сюда умирать? … У вас есть лишняя однокомнатная квартира? … Да, да, это столько стоит у нас, у них еще дороже!.. А как вы хотели!» Вышла женщина. «Папа, пойдем»,— обратилась она к мужчине с серого цвета лицом, помогла ему подняться со стула, взяла его под руку, и они пошли на выход.

Парфенов с замиранием сердца зашел к врачу. Николай Дмитриевич, взглянув на него исподлобья, спросил:

— Напомните фамилию?

— Парфенов.

Доктор, порывшись в ворохе бумаг, отыскав нужный листок, посмотрев в него, произнес:

— Я вас обрадую, у вас все чисто. Живите, радуйтесь жизни. Я вам закрываю больничный.

— А как же меланома? — задал вопрос Николай Александрович.

— Получается, ее полностью удалили еще при первой операции.

— Что мне дальше делать? Какие рекомендации? — поинтересовался Николай Александрович.

— Раз в три месяца будете показываться мне вот по этому адресу,— Трунькин подал визитку, после чего продолжил: — Вы — здоровый человек, никаких ограничений.

Парфенов шел по улице, пока не совсем осознавая, что с ним сейчас произошло. Он надеялся на это, но не мог спрогнозировать эмоции. Бурных чувств радости не было. Теперь, как вытащенный продукт из морозилки, еще долго Николай Александрович будет оттаивать, приводя свое мировосприятие к ощущениям до постановки страшного диагноза.

Парфенов раз в квартал приезжал к Трунькину по оговоренному адресу. Кабинет находился в помещении бывшей швейной фабрики, той фабрики, на которой работала больше тридцати лет назад девушка, отвергшая его ухаживания. Швеи давно покинули эти стены, теперь здесь располагались различные офисы. Он раздевался до пояса, доктор рассматривал его тело с помощью лупы. Николай Александрович платил деньги за прием, еще каждый раз Трунькин предлагал приобрести биоактивные добавки, стоящие несколько тысяч рублей. Парфенов покупал их. Уже дома, читая инструкцию по применению, он не мог найти в описании связь данного средства с его болезнью. Один раз Николай Дмитриевич отправил его к врачу диетологу. Прием длился пять минут, тот выдал ему бумажку с примерным меню на неделю и взял тысяча семьсот рублей. Так продолжалось больше года, в начале апреля при очередном разглядывании с помощью лупы тела Парфенова, Трунькин указав на прооперированное плечо, изрек:

— Вот эта родинка мне не нравится.

— Что надо делать? — спросил Николай Александрович.

— Надо ее удалить лазером. Сейчас у меня пластика целыми днями, к концу месяца будет свободнее, подъедете в институт, там все вам и сделаем.

6.

В последних числах апреля Парфенов приехал в институт. Накануне ночью ему приснился сон, что он находится в помещении, кругом нечистоты, и он прыгает через эти испражнения. А за неделю до этого Николай Александрович был в церкви, при чтении «Отче наш» забыл текст, несколько минут не мог вспомнить молитву. Вот на таком фоне знаков свыше с плохим предчувствием Парфенов зашел в кабинет к Трунькину. Тот, осмотрев плечо, сказал: «Сегодня я не буду удалять родинку, возьму только анализ». Соскоблив верхний слой родинки на стеклышко, упаковав в пакетик, написав сопроводительную бумажку и отдав все это Парфенову, Трунькин произнес:

— Отнесете в лабораторию, скажите от меня, заплатите пятьсот рублей лаборанту. Через два дня позвоните сюда, я к тому времени заберу результат.

— А сегодня нельзя? — умоляюще спросил Парфенов, поняв, что болезнь вернулась.

— Договаривайтесь с лаборантом.

В лаборатории Николаю Александровичу пообещали сделать анализ в течение тридцати минут. Он вышел на улицу и пошел по тротуару вдоль домов, умоляя Бога, чтобы у него все было хорошо. Через полчаса он вернулся. Видя с каким видом лаборант отдавала ему бумажку с результатом, Парфенов понял, чудо не произошло. Меланома — стоял диагноз. Николай Александрович быстрым шагом направился обратно к Трунькину, осознавая, что механизм быстрого распространения болезни запущен. «Плохая» родинка может о себе не давать знать годами, если ее не тревожить. А вдруг ее сковырнули, содрали, то до летального исхода срок от нескольких дней до пары месяцев. Об этом много прочитал Парфенов за это время. Опять отчаяние и страх вернулись к нему, неожиданно возникло желание выскочить из своего тела и сбросить с себя больную кожу. И он это так все четко представил — сдувается оболочка, словно прохудившаяся надувная игрушка, сознание отлетает в сторону свободное от болезней, появляется чувство необычайной легкости и неуязвимости.

Трунькина уже не было в кабинете, Парфенов нашел его на бывшей швейной фабрике. Николай Дмитриевич, посмотрев на бумажку с результатом анализа, изрек:

— Рецидив.

— Что мне делать? — спросил Николай Александрович.

— Сейчас вам надо пройти томографию, потом оперироваться.

После этого Трунькин стал звонить в институт и выяснять, когда они смогут принять Парфенова на операцию. На две ближайшие недели мест не было. Николай Александрович вспомнил о своем коте Ваське. Как-то, возвращаясь вечером домой, он увидел около двери квартиры сидящего пушистого серого комочка и тихонько мяукающего. Парфенов аккуратно отодвинул ногой его в сторону, а сам стал открывать дверь. Котенок приблизился к Николаю Александровичу и принялся тереться об его ботинок, мешая Парфенову попасть внутрь. Он опять отодвинул его ногой, тот снова прижался к ботинку, поднял мордочку кверху и жа-

лостливо промяукал, смотря умоляющим взглядом на Николая Александровича. Парфенов взял пальцами за загривок серый комочек и внимательно рассмотрел его. «Кот»,— сделал он вывод и вернул котенка обратно на пол. Парфенов приоткрыл дверь и произнес: «Заходи». Котенок опять поднял голову кверху, вопросительно глядя на Парфенова. «Заходи, заходи»,— повторил Николай Александрович, тихонько чикнув ногой котенка внутрь. Кот Васька прожил с ними пятнадцать лет, провожал и встречал с работы Николай Александровича, спал в ногах, в общем — был членом семьи. Когда он занемог, Парфенов отправился с ним в ветлечебницу. Ветеринар, осмотрев животное, произнес: «Не мучайте кота, усыпите его». Николай Александрович сразу не согласился, но через два дня, убедившись, что лечение не помогает, привез кота обратно. Парфенов держал животное, а ветеринар делал укол. Кот даже не сопротивлялся, доверяя хозяину. Через несколько секунд он понял, что это его смерть, и так жалостливо и вопросительно взглянул на Парфенова: «Я тебе верил, почему ты так?» Пока кот уходил в небытие, он все продолжал смотреть на хозяина угасающим взглядом. Тело его слабело, пока совсем не перестало подавать признаков жизни. Николай Александрович завернул кота в приготовленную тряпицу и отвез за город, где и закопал. В этот вечер он выпил бутылку коньяка и мертвецки пьяный, не сняв футболку и трико, рухнул на постель. Утром Парфенов с тяжелым сердцем прибрал с глаз кошачьи чашки и лоток, коря себя, что не дал коту умереть своей смертью, вмешавшись в естественный ход бытия, взяв на себя функцию, определять жить дальше, пусть даже мучаясь, или не жить кому-то.

У каждого практикующего врача есть свое кладбище. В идеале они всегда должны спасать жизнь человеку, но, случается, и закапывают. Это происходит от непрофессионализма, а чаще от равнодушия. Парфенов понял, как говорил в таких случаях его знакомый, местный бизнесмен Дима, Трунькину он — по большому африканскому барабану. В этот день Николай Александрович, переплатив за срочность, прошел томографию и получил результат. Метастаз пока не было, но лимфатический узел ближайший от «плохой» родинки незначительно увеличен. На следующий день он был на приеме в «Радиологическом центре», там его на лечение не взяли, отправив в областной онкологический диспансер.

7.

Парфенов еще раз проштудировал Интернет по своей проблеме, разослал запросы с надеждой на помощь во все ведущие онкологические центры страны и Израиль. Позвонили только с земли обетованной. Девушка, представившаяся врачом, без акцента, только с незначительной картавостью подробно расспросила, какая проведена диагностика в России. На основании этих данных объяснила, что надо будет делать в Израиле, и сколько это будет стоить. Николай Александрович денег мог наскрести на дорогу и на обследование за границей, на лечение уже ничего не оставалось. Ехать туда с таким раскладом не имело смысла. Согласно полученной информации из Интернета, кошелек ему позволял в лучшем случае надеяться на хорошего местного врача в приличной частной клинике. Ориентируясь на отзывы пациентов, выбрал доктора медицинских наук Николаева Сергея Даниловича. Через пару дней Николай Александрович общался с врачом, и на ближайшую субботу была назначена операция.

Парфенов лег в больницу накануне вечером в пятницу, все было комфортно, но он уже сразу возненавидел это заведение. Если бы Николай Александрович оказался здесь с насморком, то, скорее всего, были бы самые положительные эмоции. Для него онкология теперь напрямую ассоциировалась с этой больницей. Парфенова определили в палату с плотно зашторенными окнами. До операции ему утром планировали ввести лекарство, после которого нельзя смотреть на свет. Для этой цели ему еще наденут темные очки. Данный препарат будет растекаться по организму, помечая плохие клетки, а во время операции пораженный участок врач обработает пучком лазера. В идеале должны погибнуть все раковые клетки, которые не вырезал хирург. Такое лечение называется фотодинамической терапией.

Утром к нему пришел кардиолог. По окончании обследования он вынес вердикт: «У меня по вам противопоказаний нет». После с ним пообщался анестезиолог, рассказал о наркозе: «Наркоз английский, щадящий, будет поступать через органы дыхания порциями. Как хирург даст команду, что он заканчивает, я его отключу». Перед самой операцией пришел уже Николаев, осмотрел Парфенова, провел пальпацию под мышкой.

— Очень здоровый лимфатический узел,— произнес доктор.

— Сильно большой? — переспросил Николай Александрович.

— На ощупь в пределах пяти сантиметров. А полторы недели назад, согласно данным томографии, был меньше одного.

Обратив внимание на нательный крестик пациента, Николаев сказал:

— Если вам с крестиком будет спокойнее, можете его не снимать.

— Спасибо,— поблагодарил Парфенов.

Вид у Николая Александровича был подавленный, доктор еще добавил:

— Не убивайтесь так, на операциях у меня не умирают.

— Я за операцию и не боюсь, меня пугает дальнейшая моя судьба.

В воскресенье Парфенов выписался из больницы. У него под мышкой был вставлен катетер. Врач показал, как освобождать емкость от стекающей жидкости, назначил уколы. Еще объяснил Николаю Александровичу, что из клеток опухоли приготовят индивидуальную вакцину от рака, которой также будут его лечить. В завершении всего Николаев произнес: «Для начала наша с вами задача прожить хотя бы один год». Лечение

оказалось недешевым, а еще и болезненным. После уколов поднималась высокая температура, все тело трясло и знобило. И это предстояло делать в течение года. Через месяц ему закрыли больничный. Врач предложил оформить инвалидность.

— На что я буду лечиться?! — испуганно воскликнул Парфенов.

— Многие так поступают, до самого конца не смиряются,— произнес Николаев, похоже ожидавший такой ответ.

Силы капля по капли покидали Николая Александровича. Стало не то что трудно ходить, а было даже тяжело говорить. Если бы возникла необходимость крикнуть, он бы не смог этого сделать. Работу не бросал, хотя все делал через силу. Старался, чтобы никто не заметил его слабость, и даже относился к обязанностям щепетильнее, чем ранее. Боялся оказаться не у дел. Одновременно продолжал лечиться. Ездил в областной центр на вакцинацию и фотодинамику, а по вечерам на дому делал уколы. Близкую кончину воспринимал уже как неизбежность. Научился радоваться каждому прожитому дню. Утром проснулся — подарок судьбы, подошел вечер, ничего не случилось — счастье. Терпимее стал относиться ко всему. На дороге кто-то подрезал, нагло вклинился между машинами, пропускал такой автомобиль, даже не осуждал водителя. Кто-то нахамил, не вступал в полемику, просто отходил в сторону. Ни отчего не раздражался. В квартире организовал место, где читал молитвы. Появились мысли: «Что лучше, неизвестность после смерти или суд Божий?» И то, и другое пугало. Хотелось бессмертия для души, но не всем обещано благоденствие в Царстве Небесном. Как оценят его дела земные? Какое место ему уготовано в загробном мире? Может, лучше пустота? Смерть и после нее ничего нет — лучший исход? Но вера разрушала сомнения — суд будет.

Парфенов исключил из рациона свинину, молоко, белый хлеб, сахар, то, что нельзя для больных раком. Тем не менее, ел много, больше, чем до болезни, а каждый день, вставая на весы, не добирал граммы. За это время он похудел на пятнадцать килограмм. В один из дней утром Николай Александрович подошел к зеркалу, увидел отражение осунувшегося, с пепельного цвета лицом, значительно старше шестидесяти лет человека. «У меня все будет хорошо»,— сказал он своему отражению и выдохнул всеми силами легких воздух из себя, представляя, как с выдыхаемым воздухом уходит болезнь. Вечером, вставая на весы, он впервые зафиксировал стабилизацию веса. С этого дня по чуть-чуть дела стали идти на поправку.

Через три месяца Парфенов проходил УЗИ. Под мышкой врач обнаружил три увеличенных лимфатических узла. Опять история вернулась на круги своя, немного отпустило, и снова эмоциональное потрясение. Повторная операция, та же палата, те же врачи. Ночью перед операцией приснился сон. Три змеиных яйца, и Парфенов давит их палкой — все змеиные зародыши уничтожены. Вечером после операции Николаев пришел в палату к Николаю Александровичу возбужденный. «Лимфатические узлы были, как вареные, думаю, я вас на сей раз избавил от болезни»,— произнес он. Слова доктора очень приободрили больного. Через несколько дней Парфенов был уже дома, позвонили из больницы. Он услышал радостный голос Николаева:

— Николай Александрович, сегодня получили вашу гистологию, меланома не обнаружена.

— Спасибо, большое спасибо,— еще не совсем хорошо понимая, что это для него значит, поблагодарил Парфенов.

Полгода, каждый месяц Николай Александрович приезжал на прием к Николаеву на осмотр и вакцинацию. Осмотр заключался в пальпации лимфатических узлов пациента. «Ничего не нахожу. Но чтобы полностью быть уверенным, что болезнь отступила, вам надо пройти позитронно-эмиссионную томографию в соседнем областном центре. У нас такого в городе оборудования нет. Это самый точный метод диагностики рака»,— сообщил Николаев на очередном приеме. Парфенов съездил на поезде в соседний регион, прошел обследование и получил результат: «Очагов патологической активности, характерной для злокачественного процесса, в пределах разрешающей способности аппарата не выявлено». Читая привезенную бумагу, Николаев произнес: «И последнее, что мы можем сделать — это провести иммунологическое исследование реакции крови на опухоль. Так мы узнаем, как работает вакцина, и способен ли организм бороться с раковыми клетками». И тут у Парфенова было все неплохо. На что доктор сказал: «Теперь надо нам с вами прожить пять лет и если все будет хорошо, то будем считать, вы вытянули счастливый билет». Николай Александрович, уходя, про себя повторял: «Слава, Господи! Слава, Господи!»,— осознавая, что произошло чудо.

Вскоре Парфенов, смотря медицинскую телепередачу на одном из центральных каналов, увидел Трунькина. Он в студию привел пожилую женщину с онкологическим заболеванием. Больную нигде не хотели оперировать, а вот Трунькин взялся и сделал операцию, и старушка еще жива. Парфенов все хотел услышать, что женщина полностью исцелена, но такой информации не прозвучало.

P.S. Одни являются инструментом Всевышнего для совершения чуда, а кто не пригоден для этого, тем остается только рассказывать о чудесах.

Олег СЕВРЮКОВ

г. Москва

Родился в г. Липецке. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова. Член СПР, Академии российской литературы, творческого клуба «Московский Парнас». Лауреат литературных премий. К.т.н., доцент НИЯУ МИФИ. Наш постоянный автор.

ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬЦА

Палатки наши стояли на берегу озера, в рощице невысоких кривых березок и редких лиственниц. Листья на березах уже начали желтеть, но держались еще крепко. Они только полоскались на ветру или бессильно висли под дождем. Северное озеро было длинным, извилистым, с широкими плесами и небольшими островами, которые по берегам были окаймлены тем же березняком. Пространство между прибрежными рощицами и сопками представляло собой заболоченную равнину, густо поросшую карликовой березкой, переплетенной с кустиками голубики и других трав. По утрам туман у берегов озера восходил столбами ввысь, свиваясь затем в почти правильные кольца, которые стягивались в небольшие облачка, уносившиеся ветерком вдоль воды. Иногда налетали шквалистые ветры с дождями, что секли поверхность озера, гнули и трепали деревья. Потом на два — три дня наступало затишье. В эти дни вода в озере становилась зеркально-гладкой и так отражала небо, облака, прибрежные заросли, что мир озерный был ярче, чище и реальнее настоящего.

В один из таких дней, наступивших вслед за ненастьем, вдруг все изменилось: вода вдоль берега оказалась покрыта — как пленкой — тончайшей золотой пыльцой! Но откуда? Обычно, так бывает ранней весной или летом, когда разом цветет множество деревьев, кустарников, трав. Их-то пыльца и ложится зеленовато-желтой кисеей на лужицы, озерца, речные заводи. Но здесь, на Севере? Осенью? Мы терялись в догадках. Но как-то рано утром мы заметили, что на красном тенте палатки, стоявшей в окружении нескольких березок, лежал такой же тонкий слой золотой пыльцы. Когда тент высох, легкий ветерок смахнул пыльцу, как будто бы ее и не было. И стало понятно: дождь смывал с желтых березовых листьев мельчайшие золотые чешуйки, а ветер разносил эти капельки жидкого березового золота по всей округе. Волны же прибивали осевшую на воду пыльцу к берегу, и золотая кисея покрывала затоны.

Ветры баламутили воду, стихали, шли дожди, снова золотилось озеро…

Но все реже и реже, до тех пор, пока с березок не пал весь лист.

МОТЫЛЕК И ОДЕЯЛО

Ранней весной всем нужно солнышко. И людям, и растениям, и всему остальному живому миру. Впрочем, и неживому тоже — ведь многие вещи провели зиму не так, как мы, в тепле и уюте. Многое требуется просушить и проветрить, чтобы они стали, как и прежде, служить людям. Вот и мы бросили на забор цветастое лоскутное одеяло, покрывала, разложили на скамейках подушки. Травинки маленькими шильцами только-только начали протыкать прошлогоднюю листву, но уже на многих из них покачивались сонные букашки. Они перебирали лапками, расправляли и вновь складывали крылышки, чистили усики — одним словом, готовились как можно наряднее встречать весну. Невесть откуда взявшийся мотылек низко и неровно порхал над землей. Он то присаживался на листочки, которые, поднатужившись, поднимали растущие травинки, отчего они пригибались к земле, то снова взлетал. Было похоже, что он что-то ищет. Вспорхнув повыше, мотылек вдруг замер на мгновение и, как нам показалось, радостно, подлетел к одеялу, к той стороне, которую порыв ветра уложил на куст крыжовника, росшего у забора. Освещенное яркими солнечными лучами, прихотливо лежащее одеяло напоминало небольшую покрытую цветами лужайку. И до тех пор, пока мы не отнесли одеяло на застекленную террасу, мотылек далеко не отлетал от этой пестрой лужайки, присаживаясь поочередно на один, на другой «цветок». Он складывал крылышки, раскрывал, шевелил усиками, словно недоумевал, почему эти красивые цветы неподвижны и источают совсем не цветочный запах. Но, поднявшись и сделав несколько кругов, он снова и снова возвращался. Особенно ему полюбился большой пунцовый «цветок» с желтой серединкой — мотылек и так, и эдак обхаживал его. Он ползал по нему взад и вперед, взмахивая крылышками, и нам думалось, что он пытается лапками приподнять лепестки, расшевелить их, заставить трепетать, как и его крылышки, на весеннем ветерке. Но тщетно!.. Когда вечером одеяло понесли в дом, мотылек провожал нас, то залетая вперед, то поднимаясь вверх, то выпархивая откуда-то сбоку.

Одеяло положили на стол. Закатное солнце уходящим лучом выхватило лоскутный цветок, полюбовалось на него и свалилось за верхушки елей.

К ночи вызвездило, и под утро ударил мороз. Когда мы встали и вышли во двор, то увидели, что все вокруг опушил иней. Потом солнце растопило его, заблестела роса, ожили мошки, откуда-то прилетел сонный шмель, но нашего мотылька не было. Нам стало грустно, как будто исчезло что-то очень важное, на чем держался этот хрупкий весенний мир.

И только позже, к обеду, когда кто-то вскрикнул: — Смотрите, вот он, наш мотылек! — мы обрадовались и заулыбались. Но в голосе говорившего, было что-то не так, и мы, подбежав к нему, поняли почему: на откосе окна, как раз напротив цветка, крепко вцепившись лапками в шершавую доску, лежал наш мотылек, неподвижный, со сложенными крыльями. Глаза его и вытянутый хоботок были устремлены туда, за стекло, к алому, с желтой сердцевиной цветку.

ТУМАН И СОЛНЦЕ

Перебирая лучами, Солнце медленно поднималось в еще белесое, лишь начинающее голубеть, небо. Ему так хорошо спалось там, за горизонтом, что вставать, вести за собой сначала Утро, потом День и, наконец, Вечер, ужасно не хотелось. Но ничего не поделаешь, надо! Солнце потягивалось, позевывало, протирало глаза, умывалось, выжимая воду из Облаков, и те, хихикая от щекотки, становились все меньше и меньше, вскоре пропадали вовсе. И пока Оно проделывало все это, свет мерцал, исчезал и появлялся вновь, отчего Росинки, переливаясь, так хорошели, что травы и цветы в парке перемигивались друг с другом разноцветными искрами. Просеянные сквозь густую листву лучи делали свое дело: одним Солнце расшевелило муравейник под старой яблоней, и муравьи бойко побежали по уже согретому с одной стороны стволу; другим — просушило тропинку, которую неугомонные люди тонкой извилистой ниткой протоптали меж разбросанных прихотливо кустов; третьим заглянуло в еще темную глубину оврага, как бы давая понять его обитателям — пора просыпаться! Противоположная Солнцу стенка оврага была крутая, и чтобы добраться до дна, Солнцу пришлось привстать на цыпочки. Наконец, луч перестал прыгать по торчащим из глины корням и остановился. Скользнув вдоль влажной полоски донной земли, луч вдруг споткнулся и замер: перед ним в неглубокой ложбинке лежало что-то, напоминавшее маленькое облачко. Солнце прищурилось, отчего в небе блеснула яркая полоска и, козырьком сложив Облака, присмотрелось повнимательнее. Нет, это было не облачко, хотя и очень похожее — жемчужно-белое и полупрозрачное, — но Нечто округлое, такое нежное и пушистое, что Солнце не выдержало и погладило его. Туман (а это был, конечно, он) слегка пошевелился, но не проснулся, а лишь перевернулся на другой бок и снова задышал мерно и ровно. Солнце, не зная почему, захотело поиграть с ним — и легким, почти неосязаемым касанием, подтолкнуло его вверх по склону оврага. Туман невнятно и недовольно промурлыкал что-то, но опять-таки не проснулся. И Солнце покатило Туман все выше и выше, изредка поглаживая и лаская его, отчего, как ему казалось, тот во сне улыбался доверчиво и счастливо. Иногда Солнцу становилось немножко стыдно за свои шалости, оно краснело и закрывало лицо Облаками. Но ничего не могло с собой поделать — так хорош был этот жемчужно-белый, с голубоватым отливом податливый шарик, так приятно было трогать ладошками лучей его прохладную, нежно-шелковистую шубку! «А что если? — подумало Солнце и, было, испугалось своих мыслей, но испуг быстро прошел.— Что если я поиграю с ним,— ну совсем чуть-чуть! — как с Облаками, в мячик?». И оно осторожно перебросило полюбившийся ему пульсирующий шарик с одного луча на другой. Но так ласково и нежно, что движение было почти незаметно. Не заметил этого и Туман, он только поежился, как от щекотки. Солнце осмелело. Поднимаясь все выше и выше, оно подбрасывало и ловило то одним лучом, то сразу несколькими свою игрушку. И не замечало, что шар становился все меньше и меньше.. И вот, подбросив Туман особенно высоко, оно, сложив лучи-ладошки ковшиком, уже приготовилось поймать его — но, увы! — только легкая тень скользнула между пальцев. И тогда Солнце обиженно сморщилось, отчего Облака брызнули в разные стороны, и заплакало…

А люди там, внизу, озабоченно смотрели в Небо и говорили друг другу: — «Как странно: ни облачка и дождь!». Какой-то озорной мальчишка высунул язык и поймал каплю. «А дождь-то соленый!» — весело прокричал он. Но те, кто внизу, спешившие по своим важным и не очень делам, торопливо раскрывали зонты и зонтики. На них, когда они потом высыхали, оставались белесоватые кристаллики соли.

Игорь КАРЛОВ

г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Зав. отделом международных связей всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Постоянный автор нашего альманаха.

ПРЕДЧУВСТИЕ ОСЕНИ

Утро на исходе лета… Оно обещало ясный теплый день — сегодня; а в дальнейшем — погожую осень и, возможно, безоблачную счастливую будущность... Настоянное на бодрящем солнечном свете, это утро было ярким и пряным. Если бы не рычали рядом десятки автомобильных моторов, то в прозрачном воздухе наверняка можно было бы расслышать слабое шипение, подобное шипению перебродившего меда. И до того реальным, до того соблазнительным показался мне звук лопающихся пузырьков в высоком запотевшем стакане лучезарного напитка, что я невольно облизнул суховатые губы: захотелось немедленно выпить утро большими глотками…

Я иду липовой аллеей, растянувшейся вдоль главной улицы нашего городка. Точнее сказать, иду я по благоустроенной обочине, обсаженной крепкими липами средних лет. Левая полоса проезжей части полупуста. А вот правая, попутная мне (по ней, буде Господь управит, за час — полтора можно добраться в сам стольный град Москву), несмотря на ранний час, уже плотно забита машинами, которые то с разочарованным подвыванием замирают, повинуясь сигналам виднеющегося вдалеке светофора, то короткими рывками бросаются вперед, чтобы снова надолго застыть на месте, словно кто сторонний резко осаживает их, рванув жесткий поводок.

Такова судьба большинства подмосковных автомобилистов: недоспать, второпях сглотнуть пищевой комок завтрака, но во что бы то ни стало опередить возможных конкурентов, успеть захватить место в медлительной колонне штампованных жестяных улит, дабы, преодолев все дорожные неурядицы, как можно быстрее добраться до столицы и не опоздать, не опоздать на работу!

Меня, пешехода, от крепко стоящих на своих четырех колесах горемык отделяет невысокий (всего-то по пояс) решетчатый заборчик да неширокий (пожалуй, с пяток метров) газончик. Казалось бы, рубеж чисто условный, эфемерный. Но, к удивлению моему, он, словно уходящая в небо стеклянная стена, скрадывал гудение растревоженного роя моторов и почти полностью избавлял от сизого чада выхлопных газов... Этим утром, этим волшебным утром выяснилось, что не сварные металлические решетки, не проведенные городским комитетом по озеленению межи отделяют мой тихий светлый мир от скрежещущего механического мира, а барьер куда более надежный, непреодолимый: прозрачный экран из золотистой фольги — сплава солнца с воздухом.

Да, воздух нынче!.. До того свеж, до того насыщен ниспосланной прямо из космоса энергией, что любого бездельника вдохновил бы на грандиозные трудовые свершения, на стахановские подвиги. Кажется, вдыхаемую утреннюю бодрость не избыть до конца рабочего дня. Да что там — до конца дня! До конца текущего квартала, до конца финансового года!.. Впрочем, не так уж он далек, конец-то года, и по законам какого-то необъяснимого, но непреложного психологического парадокса яркое летнее утро вызвало вдруг воспоминания об утомительных черно-белых вечерах, о беспробудно-сладостной зимней спячке... Эти непрошеные воспоминания о грядущем ненастье поначалу мелькнули вдалеке сухим листочком, сорвавшимся в меланхолическое пике, а вслед за тем чуть не в погоню пустились: у меня за спиной целый взвод листьев-перебежчиков вразвалочку просеменил по асфальту и с заговорщицким шушуканьем метнулся из лета в осень...

Что там ни говори, теплых солнечных дней осталось всего ничего, и потому, когда слетает с дерева сухой листок, начинает казаться, что он не просто отвалился от ветки, повинуясь закону природы, а упал в обморок от одной только мысли о приближении дождей да мокрого снега. Но таких малахольных единицы, куда больше в густых кронах зеленых крепеньких бодрячков, с презрением наблюдающих за своими разнюнившимися соплеменниками, которые нарочито замедленно планируют на землю, плавно кружась и оседая как-то по-женски. Становится ясно, что утомившаяся от летней жары аллейка кокетничает в ожидании живительной прохлады, заигрывает с освежающим ветром и помыслить не может, что через полгода, исстрадавшись под бичами холодных дождей, намучившись в тисках снегов, с тем же нетерпением будет торопить приход весеннего тепла. Ну а пока липы да березы настроены поиграть. И меня не прочь вовлечь в свои забавы, шлепнув прямо по макушке выцветшим листиком.

Что удивительно: их игривое осаливание, которого, думалось, я и заметить не должен был бы, оказывается чувствительным. Выясняется, что сухой лист при воздушной легкости своей все же весом. Что же это за игра такая? Или вовсе не игра? Может быть, это обряд посвящения в рыцари-осеньеры? Или жест природы, хлопнувшей себя по лбу, когда ее осенило, что приближается осень? Или это магический пасс, приобщаю-

щий меня к волшебству сегодняшнего утра? В любом случае почувствовать на темени внезапно возложенную летучую корону оказалось приятно и даже весело. Я улыбаюсь. Я бы смеялся в голос, если бы впереди не маячила фигура еще одного прохожего: наверняка, попутчик не поймет неизбывной радости утра, посчитает меня сумасшедшим, всю дорогу станет беспокойно оглядываться, не зная, чего от меня ждать... Оно нам надо?

Мы лучше продолжим тихую игру с липами. Я совсем не против! Вообразим, что никогда листьям-живчикам не лежать безвольно на земле. Забудем о предуготованной им осенью судьбе — превратиться в ошметки забытого лета, истлеть под башмаками и шинами. Не станем думать о том, почему горделивая красота дерев непременно обращается в перегной, который мог бы дать начало новой жизни, но здесь, на асфальте, бесполезен и лишь мешает чистюлям из коммунальных служб.

Давайте веселиться, перестав пугать друг друга известиями о том, что где-то в ближайшем Подмосковье сегодня, якобы, температура воздуха уже опускалась до минус четырех, а на почве отмечались заморозки. Пусть прекратят метеорологи и знатоки народных примет талдычить, будто это первое дыхание Великого Холода, который неотвратимо надвигается, который вот уже у самого порога... Впрочем, даже если и так, наступающий Холод пока только напомнил, кто повелевает страной, он пока только Холод-хозяин, а не Холод-опричник! Он пока злодействует у соседей, мы же продолжим беззаботно справлять торжество шикарного теплого утра!

Давайте не обращать внимания на то, что при глубоком дыхании изо рта идет парок, особенно заметный в лучах еще не остывшего, еще летнего солнца. Просто мы разгорячены ходьбой — вот и все. Да и парок-то легонький! Не сравнить его с теми клубами пара, что валят изо рта в февральские или январские морозы, когда каждый выдох, вырывающийся из измученной стужей, навечно озябшей и из последних сил гоняющей воздух груди, можно принять за предсмертный.

Сейчас, прозрачным августовским утром, мои легкие чисты, как у младенца, и по-богатырски дюжи. Они расширились до того, что едва вмещаются в грудную клетку, дышат смело, даже с вызовом, словно кузнечные мехи. Они каждую свою альвеолу стремятся напитать озоном, запасаясь теплым воздухом впрок, и это бодрит до того, что не можешь надышаться. С опаской ждешь, что грудь вот-вот лопнет от переполнившего ее кристального воздуха, но все равно, не имея сил остановиться, закачиваешь в себя новые и новые литры кислорода. Рутинный физиологический процесс превращается в таинство, равное по значению таинству бытия, и доходит до тебя, что прервать его — смерти подобно. В самом прямом, суровом значении этих слов.

И этот-то респираторный триумф — в двух шагах от скопища газующих машин! Сколь же мощно веют озоном простые наши липы да березы!

Так и иду я той аллейкой, словно ступаю по створу на миг сомкнувшихся, но уже готовых вновь разойтись миров — самородного и машинного. Справа вознеслась живая стена лесов, слева чадят и скрежещут приземистые жестяные коробчонки, а разделяет две вселенные черта, будто бы проведенная по гигантской линейке простым карандашом,— серенькая асфальтовая стежка, по которой шагает человек. Как далеко предопределено ему продвинуться по этой безжалостно резкой грани? Сколько отпущено ему времени, прежде чем доберется он до перепутья? А там ведь (мудри — не мудри!) придется выбирать… Одно из двух: либо обратиться к естеству, скрыться под мягко шелестящим пологом деревьев и раствориться в природе, либо запереться безвылазно в утробе одного из сердито рычащих механических псов, в чьих остекленевших, залитых тусклой пустотой глазах поминутно разгорается красный огонек затаенной злобы… Или, может быть, однажды ясным утром на исходе лета энергия космоса вдохновит какого-нибудь гения на мысль о необходимости и возможности конвергенции двух враждебных систем?..

Олеся МАМАТКУЛОВА

г. Алексин Тульской области

Родилась 19.02.1980 г. в г. Щекине Тульской обл. Учитель биологии и географии. Автор трех сборников стихотворений и сборника песен. Лауреат районных, областных и московских литературных конкурсов. Имеет публикации в альманахах России и Польши. Член областного музейно-литературного объединения «Муза». Член СПР. Член Академии российской литературы. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

СОЧЕЛЬНИК

Январское солнце, в отличие от декабрьского, уже не кажется унылым, белым, безжизненным пятном, изредка проглядывающим из-под темно-серого палантина туч. Оно греет! Да-да! Несмотря на приличный мороз в минус двенадцать градусов, оно греет! Стоя на покатом берегу Оки, можно почувствовать его легкие,

теплые прикосновения. Солнечные лучи мягкими воздушными поцелуями покрывают тонкие губы, румяные щеки и слегка порозовевший нос, обнимают за плечи, согревают руки.

Рождественский сочельник после долгих, хмурых, серых дней выдался поистине сказочным. Лазоревое небо высоким хрустальным куполом венчает белоснежные окские просторы. От яркого солнечного света снег становится еще белее. Он сверкает, блестит, играет всеми гранями своих легких, невесомых снежинок, которые бесчисленными жемчужными перлами засыпали все берега. Несметные богатства! Неисчислимые! Они ослепляют! Невозможно смотреть! Все это великолепие вызывает почти что физическую боль, заставляя щуриться от яркого света и вытирать набежавшие слезы.

Каждая травинка, каждая былинка, в знак особого почтения зиме, склоняют свои хрупкие головы, убеленные мягким, ажурным кружевом. Высохшие стебли васильков, ежеголовника и мордовника, укрытые белыми, искрящимися шапочками, походят на волшебные цветы, оставшиеся живыми даже зимой. Березы в приталенных белых сарафанах на фоне глубокой небесной синевы выглядят настоящими невестами, скромными и невинными. Ели и сосны кутают зеленые плечи в кипенные пушистые воротники, шарфы и шапки, стараясь выглядеть еще солиднее и богаче на фоне хрупких осин и лип.

Ока замерзла. Словно длинная, заснеженная дорога, она зовет к самому горизонту, где сливаясь с небом, будто впадает в него, как в море. Кое-где виднеются полыньи. Одни из них похожи на сверкающие золоченые блюдца, другие на золотистые, почти правильной формы топазы. Вода в них искрится, переливается, горит, давая понять, что река, даже в глубокую зимнюю пору, жива. Легкий пар струится над водной гладью.

По окраине одной полыньи расположились небольшие бугорки, похожие на серые камушки. Они, будто вкрапления турмалинов, украшают золотистый ореол воды. При ближайшем рассмотрении, насколько позволяет фотоаппарат, эти милые камушки оказываются зимующими утками. Река будто прячет их от назойливых людских глаз. Не со всякого ракурса можно рассмотреть этих милых созданий. Водяной пар, исходящий от полыньи, густым белым облаком укрывает птиц, согревая их нежные тела от мороза.

Чуть поодаль виднеется другая, более крупная и длинная полынья. Она прижимается к правому берегу и доходит почти до середины Оки, отражая в своей купели высокое, синее небо, деревья и кусты, растущие на берегу. Природа — лучший художник! Воистину! Каждая изящная веточка, каждый грациозный изгиб ствола очерчены в водном зеркале, только в перевернутом виде. Это придает особый шарм, загадочность и утонченность.

Третья полынья разливается огромным, стального цвета, озером, образовавшимся прямо посередине реки. В нем блестящим белым лебедем купается само солнце! Оно подсвечивает кромку воды, отчего та становится золотой. Лучи яркими перьями касаются водной глади и рассыпаются тысячами искр по неспешно текущей воде. Ее гладь сияет и блестит, искрясь и сверкая, вызывая неподдельное восхищение, придавая всему происходящему некую торжественность.

Храм, построенный на высоком берегу, смотрится белокаменным теремом, увенчанным золотым куполом с крестом. Легкие перистые облака светлыми ангелами парят над ним в вышине…

Еще немного, и белый солнечный лебедь сложит свои крылья, лазоревое небо приобретет темно-синий оттенок, и где-то на востоке, над храмом взойдет первая, самая яркая звезда, как символ веры, чистоты и настоящего чуда. Символ Рождества…

Наталия ЛАЗАРЕВА

г. Тула

Писать начала на пенсии. Заполняла вакуум. Я люблю людей. Часто их жаль, потому что они путаются в собственных страстях... Возможно, мои рассказы поднимут им настроение. Наш постоянный автор.

«Люди не замечали, как плакала по ночам та,
что шла, по жизни смеясь…»

ПРИДЕТ СЕРЕНЬКИЙ ВОЛЧОК

Поезд набирал скорость. За окном мелькала незнакомая местность. В вагоне было тепло и уютно. Несмотря на то, что вагон был купейный, а не мягкий, постели все были застелены белоснежным новым бельем. Проводница не совала за рубль пакет мокрого серого застиранного белья, предлагая застелить постель самому, т. е. выполнить эту работу за нее. В их вагоне все уже было сделано.

Их проводница была симпатичная, приветливая и улыбчивая женщина. Все сверкало и пахло чистотой. По радио лилась приятная незнакомая мелодия. Музыка звучала не громко. Путешествовать в таком вагоне доводилось нечасто.

Ната села на полку и погладила рукой мягкое пушистое одеяло. «Явно, кто-то что-то перепутал,— подумала она.— Когда я ехала на юг в мягком воинском вагоне, так там все время падал на пол «мягкий» диван и белье было рваное. Сейчас мне явно повезло».

— Здравствуйте,— произнес появившийся в дверях купе молодой лейтенант,— давайте знакомиться. Меня зовут Эдуард Иванович Шуляков. Я еду домой к родителям в отпуск. А вас зовут Тата. Ваша мама просила вам помочь закомпостировать билет в Лиски через воинскую кассу. Она боялась, что там будет очень большая очередь, и вы застрянете на этой станции. Что? Я что-то не то сказал? Ну, она, правда, меня просила!

— Когда же мама успела вас об этом попросить? Мы все время были вместе.

— Когда вы пошли в буфет покупать брату шоколадку. Напрасно вы мне не верите. Я вру только тогда, когда есть угроза жизни.

Ната заметила на перроне возле их вагона четырех лейтенантов в новенькой форме. Кто-то из них уезжал. Но так как она выросла в военном городке, то молодые лейтенанты ее не заинтересовали. У нее были друзья среди молодых летчиков, и был молодой человек, которого она любила уже четыре года. Все тылы были обеспечены, поэтому можно спокойно улыбаться молодому лейтенанту. Она даже сразу не поняла, симпатичный он или нет. Этот Эдуард Иванович ее не интересовал.

— Спасибо, Эдуард Иванович, что вы согласились мне помочь. Моя мама любит озадачивать людей. Вы простите ее за это. Я думаю, что смогу сама справиться.

— Ну, не надо меня называть Эдуардом Ивановичем, мне всего-то двадцать три года. Можно просто Эдик. А почему вас зовут Татой? Что это за имя?

—А мне уже девятнадцать лет, поэтому детское имя Тата мне не очень нравится. Называйте меня Наташей. Татой меня только мама зовет. Я не уловила связи между враньем и жизнью. Чьей жизнью? Вашей или моей?

— Не берите в голову, Наташа. Я, видимо, еще не достаточно вырос и иногда болтаю лишнее, только чтобы заполнить паузу или снять неловкость, вот как сейчас, например.— Он рассмеялся.— Вы одна в купе едете?

— Нет. На верхней полке едет майор, но он, наверное, ушел в вагон-ресторан.

— Можно я переберусь в ваше купе? Полка над вами свободна? У меня в купе никого нет, и мне там одному скучно. Вы не будете возражать?

— Не буду. Устраивайтесь, как вам удобно.

— Тогда я пошел договариваться с проводницей,— радостно сказал Эдик.

Через пару минут он появился в купе с новеньким щегольским чемоданом. Наташа вышла в коридор.

— Все. Я готов.— На Эдике был новенький спортивный костюм и комнатные тапки. Если бы он не был стройным с хорошо развитыми плечами, то очень напоминал бы их соседа по квартире. Большого любителя кошек. Кошек у него было две, и он все время ходил в спортивном костюме, залепленном кошачьей шерстью.

Это сопоставление вызвало у Наташи улыбку. Эдик улыбнулся в ответ. Говорить было не о чем. Поезд шел ходко. Перестук колес навевал дремоту.

«Как бы мне от него отвязаться. Я бы лучше легла и почитала «Железного короля» М. Дрюона. А теперь мне вроде бы надо его развлекать, а мне не хочется. Почему я согласилась, чтобы он переселился? Это все издержки маминого воспитания. Надо было отказать ему, но мама его просила о помощи, и получилось бы неудобно».

— Так, в нашем полку прибыло! — воскликнул пришедший из ресторана майор.— Вы, молодые люди, пошли бы поужинали.— Настроение майора было явно приподнятое, чему способствовала выпитая за ужином водка.

Наташе это не понравилось. Она выросла в семье, где папа выпивал одну только рюмку водки во время воскресного обеда. В их военном городке народ вел трезвый образ жизни. Только один раз они, гуляя с ребятами, наткнулись в бурьяне на спящего мертвецким сном сверхсрочника. Вначале испугались, думали, что он умер. Потом мальчишки поняли, что он пьян. Так, чтобы все скрыть, ребята сбегали за женой, а девчонки остались караулить. Как будто бы его кто-то мог украсть! Это событие они обсуждали весь вечер, настолько оно выходило за рамки дозволенного.

Поэтому хорошо выпивший попутчик вызвал у нее чувство брезгливости. Видимо, это отразилось на ее лице. Эдик понял причину.

— Наташа, вы пойдете ужинать?

— Нет, Эдик. Мама дала много всякой еды. Давайте закажем чай и поужинаем здесь, а то мне одной не справиться. К тому же, если вы будете завтра сражаться за билеты, то вас надо хорошо кормить,— смеясь, сказала она.— Моя мама всегда говорит, что на голодных мужчинах далеко не уедешь! Не возражаете?

— Не возражаю,— улыбнулся Эдик, — я давно не ел ничего домашнего. Буду только рад.

— Мои родители приехали с Камчатки, где они прослужили два года. Привезли много рыбных деликатесов, включая красную икру. Но икру мы откроем завтра утром, а сегодня у нас будут бутерброды и печенье с орехами. Оно очень вкусное. Мы с Санькой весь вечер кололи грецкие орехи, и получилось хорошо.

— Санька — это ваш брат? Он рослый парень. Сколько ему лет?

— Он на семь лет моложе меня, но парень он хороший, надежный. На него во всех вопросах можно положиться.

Они пили чай, ели вкусную еду и не заметили за разговорами, как перешли на «ты». Эдик рассказал о своей семье, как он первое время в училище скучал по своим домашним и сестренке.

— А я писала родным на Камчатку длинные письма и уливала их все слезами. Я люблю родителей, но больше всего я тосковала по Саньке. Мне все время казалось, что с ним может что-то случиться. Он ведь еще был маленький и слишком шустрый.

— Нат, я это очень хорошо понимаю. После третьего курса я поехал в отпуск домой. Мы пошли купаться на небольшую, но чистую и быструю речку Суру. Мы решили перебраться на другой берег. Нашли брод и пошли. И было-то неглубоко. Ну, так вот, ниже пояса.— Эдик провел рукой посередине живота.— А Олька, это моя девятилетняя сестренка, шла все время впереди меня. Потом вдруг, смотрю, она пропала. Когда? Я даже не заметил. Вижу только пузыри на воде, и те потоком сносит. Вот веришь, нет, я даже подумать ничего не успел. Кинулся на эти пузыри и наткнулся на Ольку. Вытащил ее, а она вся сжалась, зажмурилась. По-моему, даже испугаться не успела. Я ей говорю: «Олька, скажи что-нибудь», а она головой мотает. Ну, я ее потряс, потом шлепнул, посадил на плечи и понес. Хорошо, что она не задохнулась. Быстро я увидел ее пропажу. Мы родителям даже ничего не рассказали. Они решили, что я просто сестренку катаю, несу на плечах. Вот такая история! А вечером, когда уже легли спать, Олька ко мне потихоньку прокралась, залезла под одеяло, прижалась, взяла мою руку и поцеловала. Олька уже спала, а я плакал. Как бы я жил, если бы она утонула?

— Не расстраивайся, ведь сейчас она уже большая.

— А я все равно о ней волнуюсь. Вдруг что случится?

— Вы бы, ребятки, не думали о грустном, тогда ничего и не случиться,— подал голос майор с полки.— Спать хочется, а вы все щебечете.

— Извините, мы будем тихо говорить.

Чай был выпит, бутерброды съедены, а темы для разговоров не прекращались. Уже отключили радио и верхний яркий свет. В их негусто заселенном вагоне было покойно и как-то по-домашнему. Поезд шел ровно.

— Нат, давай послушаем тихонько музыку. Я достану свой приемник.

Эдик достал из сумки маленький детекторный приемник. Наташа взяла его у него из рук, рассмотрела со всех сторон. Он ей явно понравился.

— Не пойму, кто его изготовил. Нигде нет марки и производителя.

— Я его изготовил. Схему взял в журнале «Радио», а все остальное делал вот этими самыми руками в свободное время. Зато он у меня хорошо берет короткие волны. Хочешь, послушаем радио «Свобода»?

— Давай в другой раз. Поздно уже,— прошептала Наташа,— и нам пора ложиться спать. Боюсь, мы будем мешать.

— Ничего мы не будем мешать. Он уже пятый сон видит. Ну, давай в коридор выйдем, если ты такая щепетильная.

Эдику не хотелось расставаться с ней. Ему понравилась эта милая ненавязчивая девушка. Он мог бы просто сидеть с ней рядом и молчать. Ее не нужно было развлекать. Она умела спокойно молчать. И, наверное, именно поэтому он говорил, не переставая. Это происходило с ним от страха. Вдруг она заскучает, захочет спать и уйдет. А как же он тогда останется один?

— Нат, ты же учишься в институте связи. Дай мне свой адрес, и я пришлю тебе схему приемника. И даже некоторые элементы пришлю. Ты сумеешь собрать себе такой же.

Наташа улыбнулась. Этот милый Эдик не представляет, как она живет. Работа в три смены на заводе, четыре дня в неделю по две пары занятий вечером в институте. Еще надо себя обстирать, приготовить еду, убрать комнату в общежитии и погулять, хотя бы немного. Времени ни на что не хватает, а усталость накапливается и накапливается. Вот сейчас она две недели отпуска провела в семье, а как будто бы и не отдыхала. Все время хочется спать. Какие приемники? О чем он говорит?

— Ладно, Эдик, ты уже записал мой адрес, сейчас я запишу твой.— Она принесла записную книжку. Поезд в это время качнуло, книжка упала на ковер и из нее посыпались Костины фотографии. Ее обдало жаром. Она забыла о Косте! О своем преданном, любимом и любящем, заботливом Косте. Зачем она носила с собой эти фотографии? Она на них никогда не смотрела. Это просто была дань моде. Нужно было иметь фотографию любимого, она ее имела.

Но сейчас, перед этим парнем, ей стало жгуче стыдно. Она не хотела, чтобы он знал о Косте и тем более видел его снимки. Что с ней случилось? Почему? Она всегда гордилась своим Костей. Высоким красивым и умным парнем. Никогда ни от кого его не скрывала, а теперь что?

Красная, как рак, дрожащими руками она стала собирать снимки. Эдик взялся ей помогать.

— Это твой парень? Симпатичный. Он учится или работает? — В его голосе появились натянутые интонации.

— Он учится на дневном отделении в Политехе. Это я работаю и учусь. Мы с Костей дружим с девятого класса. Он умный и легко поступил на дневное, а я сорвалась на письменной математике. Не добрала одного балла, так и получился у меня вечерний институт.

— Понятно,— с расстановкой протянул Эдик.— А потом что? Вы поженитесь? Ты его любишь? Извини, я не имею права об этом спрашивать. Не хочешь, не отвечай.

— Да ничего. Все будет так, как ты сказал. Давай спать. В котором часу мы завтра приезжаем в Лиски?

Настроение у них испортилось. Та близость, которая появилась между ними, куда-то исчезла. Вместо нее возникло напряжение. Она удивилась, как это Костя даже на расстоянии умудрился дать о себе знать. А ведь она о нем забыла! Ее это озадачило больше всего. Она всегда помнила о своем любимом. Так хорошо, легко и интересно было с Эдиком. Ну почему с ним ей было хорошо? Наташа даже толком не рассмотрела его лица. У нее в сознании был какой-то облик, а не конкретный человек, но с этим обликом ей хотелось общаться. Какая-то она стала легкомысленная. Она не понимала, что с ней происходит, и поэтому рассердилась на себя. Эдик пошел смотреть расписание, а она вошла в купе и легла.

—В Лиски мы прибываем в два часа дня,— прошептал Эдик и полез на свое место. Он там долго возился, вздыхал, потом затих. Уснул, наверное.

Наташа не спала. Ей было обидно, что все так кончилось. Ей удивительно понравился этот парень. Он был добрый и искренний. Ее тянуло к нему, а теперь он будет разговаривать с ней, как с чужой девушкой, то есть отстраненно. А она этого не хочет. Господи, совсем запуталась!

—Нат, а Нат? — зашептал Эдик.— Ты спишь? Я не могу уснуть. Давай вместе послушаем ночные новости.— Он свесился с полки и пытался рассмотреть, спит ли она. Наташа закрыла глаза, но не могла сдержать улыбку. Эдик это заметил и мгновенно оказался внизу.— Я рад, что ты не спишь.

Ему хотелось видеть ее лицо и глаза, но если сесть на ее полку, то этого он видеть не сможет, поэтому, не долго думая, Эдик стал перед ней на колени, а потом уселся на коврик. Наташа тихо рассмеялась. Еще никто и никогда не становился перед ней на колени. Ей это понравилось. Эдик тем временем искал новости. Тихое с присвистом звучание эфира создавало таинственное настроение. Вдруг раздался четкий, с каким-то непонятным акцентом голос диктора.

— Вот, нашел,— радостно сказал Эдик.— Это радио «Свобода».— Он придвинул приемник к Наташиному уху и сам приблизился вместе с ним. Она не стала отодвигаться. Ей была приятна его близость. Диктор тем временем сообщал результаты президентских выборов в США. Большинством голосов победил Джон Кеннеди.

— Ура! — вдруг громко возопил Эдик.— Ты представляешь, он победил!

Наташа не разделяла его бурной радости. При своей напряженной жизни ей было все равно, кто станет президентом в далекой Америке. Политика их с Костей не занимала. В их компании о ней никто никогда не говорил, поэтому бурная реакция Эдика ее скорее удивила, чем порадовала.

— Да что ж ты так орешь? Мне через два часа выходить, а вы не даете спать! Непутевая молодежь, вот напишу твоему командиру, будешь тогда кукарекать на губе. Демократ, мать вашу!

— Извините, пожалуйста, там просто Кеннеди победил,— сказала Наташа.

— Он, что, ваш родственник?

— Нет,— протянула она с удивлением.— А при чем здесь родственник? Он молодой и красивый, к тому же демократ.— Эдик молчал.

— Слушайте, барышня, вам должно быть абсолютно все равно, демократ он или нет. Вы разницу отсюда не увидите, а если считаете его красивым, то у вас плохой вкус.

— Возможно, у меня плохой вкус, но его жена просто прелесть. У нас таких красивых женщин нет.

Майор ей ничего не ответил и, сопя, стал спускаться с полки.

— Почему вы не ляжете на нижнюю полку? Она ведь свободная.

— Я человек дисциплинированный, что мне выдали, то и мое. Да и тренировка не помешает.— Майор вышел из купе.

— Ну, ты просто молодец! А я как-то растерялся,— сказал Эдик.

— Не понимаю, а почему ты так завопил?

— Извини, я не из-за их президента завопил, а просто от радости, что ты рядом.

Наташа ничего не сказала. Ее удивил такой ответ. Сама она была человеком сдержанным, и ей никогда не нравились девушки, которые визжали, просто катаясь на качелях, или которые изображали визгом испуг. Любое неестественное проявление чувств ее настораживало. В искренность таких чувств она не верила.

— Ладно, Эдик, наверное, нам пора спать.

— Ты на меня не сердишься?

— Нет, спокойной ночи.— Эдик полез на полку. Настроение у него испортилось. Он еще долго вздыхал и крутился на полке, но Наташа этого уже не слышала. Она спала. Тяжелый выдался день!

***

— «Пора, красавица, проснись, открой сомкнутой негой взоры…». Фу, дальше не помню как — услышала она сквозь сон голос Эдика.

— «Навстречу северной Авроры, звездою севера явись». Я еще хочу спать.— Она надула губы и перевернулась на другой бок.

— Нат, так не честно. Ты обещала организовать царский завтрак, я уже давно встал, а ты дрыхнешь.

— Я не дрыхну, а просто сплю.— Наташа открыла один глаз. Дверь в коридор была открыта, и в ее проеме стоял Эдик в полной офицерской форме. Солнечные лучи пронизывали купе и коридор.— А ты чего так оделся? Мы уже скоро подъезжаем? Нет? А тогда почему? Что случилось?

— Ну, засыпала вопросами. Я выходил на остановке и купил шампанское. Ты забыла, что обещала нам завтрак с икрой?

— Прости, я действительно забыла. Сейчас встану. Посмотри там много народу стоит к умывальнику?

— Толпа, не пробьешься! — Он вышел в коридор и закрыл за собой дверь. Наташа поднялась, потянулась, неспеша достала туалетные принадлежности, надела халат и вышла в коридор. Коридор был пуст. Двери почти всех купе были раскрыты. Пассажиров не было. Что бы это значило? Она пошла к проводнице. Ее тоже не оказалось. Куда все подевались? Посмотрела в окно. Поезд все также мерно шел вперед.

— Что, испугалась? — раздался за спиной голос Эдика.— Как невероятно сложилось. До самых Лисок мы теперь будем ехать одни в вагоне. Остановок больше не будет, и никто к нам не подсядет. Правда, такое редко бывает?

«Да уж, такое редко бывает,— подумала она.— Хорошо это или плохо? Что-то мне тревожно».

— Я пойду, умоюсь.

Через полчаса довольная, умытая и одетая она накрывала на стол. Жареная курица не пропала и была вполне съедобна, вареное мясо тоже, о яйцах волноваться было нечего. Свежий батон, кусок сливочного масла и бутылка шампанского были на столе. Она достала банку с икрой.

— Эдик, попроси консервный ключ у проводницы, и если у тебя есть перочинный нож, то дай мне его, я сделаю бутерброды.

— Слушаюсь, командир, я мигом.— У него было какое-то взъерошенное настроение. Ожидание вкусной еды или чего-то еще его будоражило. Его нервозность передалась Наташе. Всегда спокойная, она чувствовала себя как-то сковано и неловко. К чему бы это?

Эдик вернулся с ключом и стал открывать банку.

— Слушай, Нат, а ты уверена, что это икра? Какой-то странный запах, не рыбный.

— А что же это может быть? Мне мама обещала дать банку икры.

— И она свое слово сдержала. Только икра баклажанная, а не красная.

— Не может быть! Она не могла так со мной поступить.— Наташа покраснела до слез, потом пошла пятнами. Ей было безумно стыдно маминой скупости. Конечно, если бы она была одна, то легче перенесла бы это событие. Она привыкла к сюрпризам с маминой стороны. Но ведь мама обещала угостить Костю. Чем угостить? Баклажанной икрой за пятьдесят копеек? Ее нечего везти через полстраны. У них она тоже продается.

— Ты чего так разволновалась? Ну, может быть, мама перепутала банки? Такое ведь тоже случается. Обидно, но ведь назад не вернешь. Съедим и эту икру.

— Ты прости меня, получилось, что я просто врушка. Ты за шампанским бегал, хотел праздника, а тут вот такое дело.

— Ладно, уже простил. На чужой каравай, рот не разевай. Давай уже есть и пить. Я хочу выпить за наше знакомство.

Они выпили шампанского. Наташа даже не поняла, понравилось оно ей или нет. Она пила его не часто. Потом как-то незаметно настроение у них выправилось. На пороге их купе появилась проводница, они и ей налили шампанского, а она потом принесла чаю. Жизнь вошла в нормальное русло. Об икре больше не вспоминали.

— Нат, слышишь какая музыка? Пойдем, потанцуем в коридоре. Там ведь никого нет.

Чудо произошло сразу же, как только она попала в его объятия. Вокруг них образовалось облако трепетной нежности. Оно укутывало их, и это будоражило душу. Она танцевала часто и со многими партнерами, но такого с ней никогда не случалось. У Эдика, похоже, это тоже было впервые. Он осторожно вел ее за талию по коридору, чтобы не натолкнуться на стены, и внимательно на нее посматривал. Он не делал никакой попытки прижать ее к себе или поцеловать в щечку. Расстояние между ними приличествовало хорошему воспитанию, но чувствовалось, что так бы он танцевал с ней долго-долго. Что тому было причиной? Чарующая музыка или выпитое шампанское, но они танцевали и танцевали.

— А вы неплохо смотритесь вместе,— сказала проводница. Очарование исчезло, облако растаяло. Остались только двое стоящих рядом молодых людей.— Пора собираться, мы уже подъезжаем.

— Спасибо вам. В вашем поезде отдыхаешь душой и телом. Все так чисто и аккуратно,— сказала Наташа.

— Пожалуйста. Вы тоже хорошие ребята.

***

В кассовом зале было полно народу. Люди стояли в очередях к окошкам касс, сидели на двух, имеющихся скамейках, и на полу. Воздух был спертым. Входная дверь без конца хлопала, впуская в помещение облака пара.

Наташа стояла в углу, прислонившись к стене. Багаж они сдали в камеру хранения и теперь ждали исхода событий. Сумеет ли Эдик взять билеты или нет.

У ее ног на грязном одеяле сидела молодая женщина и кормила грудью ребенка. Ребенок уже отвалился от груди и спал. Женщина этого не замечала и не прятала грудь. Около женщины спал, свернувшись калачиком, еще один малыш, а другой малыш сидел рядом и размазывал по грязным щекам слезы. Рядом с этой группой стоял большой медный чайник. По всему было видно, что они здесь кукуют не первый день.

Эдик нервничал. Он все время подбегал к расписанию, вывешенному на стене, и что-то записывал.

«Куда они все едут? Война что ли началась? — думала Наташа.— Зачем мучить так себя и своих маленьких детей? Что должно случиться в семье, чтобы с такими малышами отправляться в путь? Полно маленьких детей. Такое впечатление, что весь Союз с места снялся. Как-то странно, а почему я-то сюда попала? Почему мама, не посоветовавшись, отправила папу за билетом. Я ведь могла улететь на самолете так же спокойно, как и прилетела к ним. Разница в деньгах небольшая, а комфорта несравненно больше. Мама знала, какая тут дорога. Почему она это сделала?»

Ответа не было. Мамины поступки довольно часто не подчинялись логике.

«Действительно, почему она это сделала? Если жалко было денег, то можно было спросить у меня. От отпускных кое-что осталось. Да ведь и родители приехали с Камчатки не с пустыми руками. Деньги у них были и немалые. Не понятно».

— Нат, а Нат? Я тебя зову, а ты не слышишь. Где ты сейчас витала? Пойдем на улицу, а то здесь можно в обморок упасть. Я купил билеты.— Они сели на скамью на перроне.— Поезд, правда, не очень, пассажирский, и вагон плацкартный. Поезд прибудет, если не опоздает, в час ночи. Билеты пусть будут пока у меня, чтобы ты не потерялась в этой каше и держалась рядом. В вагоне я их тебе отдам.

— Спасибо тебе за билеты. Я действительно здесь бы не справилась.

— А чего ты такая грустная? Тебя расстроило, что плохие билеты? Так других не было.

— Нет, что ты! Билеты здесь ни при чем. Я разозлилась на женщину с тремя маленькими детьми. Куда и зачем она их по такому кошмару тащит. Их, что, из дома выгнали? Это же, какие мучения!

Эдик весело рассмеялся.

— Ты не поверишь. Мужик этой бабы стоял рядом в очереди и хвастал, что они к брательнику на свадьбу едут. А тут с билетами хана. Они могут опоздать. Ну, я помог им взять билеты.

— Что, в наш вагон?

— Да нет, вообще на другой поезд.

— Тогда ты молодец! Пойдем в ресторан пообедаем, потом пойдем на последний сеанс в кино. Здесь даже приткнуться и посидеть негде, а гулять все время холодно.

— Слушай, Нат, это, конечно, не мое дело, но тебе не надо послать телеграмму, чтобы тебя встретили? Ведь твой парень не знает, когда ты приезжаешь.

У Наташи сразу испортилось настроение. Почему с ней такое происходит? Раньше она бы сама с удовольствием подумала о Косте, а сейчас ей неприятно даже напоминание о нем. Но телеграмму действительно надо послать. Что они и сделали.

(Продолжение следует)

Нина ГАВРИКОВА

г. Сокол Вологодской области

Родилась в г. Соколе. На пенсии по инвалидности, занимается кружевоплетением, пишет стихи и прозу. Член Академии российской литературы, ЛитО «Сокол» и МСТС «Озарение». Награждена медалью за заслуги перед МСТС «Озарение». Руководитель МДЛК «Озаренок». Победитель районного и областного конкурса «Золотая Юнона». Публикуется в журналах, альманахах и коллективных сборниках. Имеет три авторских сборника стихов и рассказов. Постоянный автор нашего альманаха.

ЗАГАДКА РОДНОГО ДОМА

Автобус из города пришел по расписанию. Невысокая худощавая женщина первой соскочила на землю и заторопилась: предстояло идти еще шесть километров. Бодрым шагом Нелли Максимовна двинулась вперед. Рядом сын Максим с Жанной, своей женой. Солнышко, отодвинув белесый полог, медленно поползло вверх.

По обе стороны дороги простирались поля, слева — извилистое русло реки с невысокими кустами по берегам. А дальше — плотная стена леса, подпирающего край неба, справа бескрайние поля.

— Нелли Максимовна, вы давно здесь не были? Расскажите, как жили? — прервала молчание Жанна.

— Жили в деревне Наумовское, куда сейчас идем,— ответила свекровь.— Я была единственным ребенком. Родители работали в колхозе, жили скромно. Через два дома от нас жил брат отца, дядя Миша, у него семеро сорванцов было, с младшим я особенно сдружилась,— глубоко вздохнула женщина.

— Если Вам тяжело вспоминать, давайте не будем.

— Ой, что ты? Если молча шагать, дорога длинней на семь верст покажется, а с разговорами не заметим, как до места доберемся.— Она осторожно, будто боясь что-то разбить, переложила сумку в другую руку.— В нашей деревне было больше пятидесяти дворов. Когда война началась, мужиков на фронт забрали. Вернулись немногие, да и те, как вот мой отец, вернувшись, уехали в город.

— Почему?

— Жить в деревне стало невыносимо. Отец попал в плен, после войны часто повторял, что концлагерь — мерзкое место! А вспоминать те дни не мог, слезы на глаза наворачивались: там каждый день расстреливали пленных. Когда дошла очередь до отца, он, мысленно простившись со всеми и с жизнью, вышел из барака. Конвоиры торопили. Ему же каждый шаг давался с трудом, ноги отяжелели и не хотели слушаться, перед глазами встал образ Сергея — этого подростка отец поддерживал, как мог, делился последними крохами. Но вот уберечь не смог: парень умер, не выдержав издевательств, голода и холода. Конвоиры уже подводили отца к месту казни, как вдруг сзади раздался оглушительный взрыв. Испуганные солдаты развернули отца обратно в барак. Вскоре за стенами барака раздалась беспорядочная стрельба, заглушающая крики. «Когда все прекратилось, тишина, казалось, оглушила нас». На пороге появился русский солдат: «Товарищи, выходите!» Мы не верили свои глазам и ушам: русский солдат, русская речь! Все замерли в оцепенении, никто не мог поверить в чудо освобождения.

Нелли Максимовна остановилась, поправив платок, и продолжила рассказ:

— Во время войны и мне казалось, что мир уже никогда не будет прежним. Отец вернулся в июле сорок пятого. В колхозе работать не смог, все силы остались в концлагере. Дом продали, уехали в город… Мне до сих пор жалко родного угла, всю жизнь хотела выкупить, но как-то не получалось.

— А теперь? — подала голос невестка.

— Теперь я иду к себе домой,— сказала, горделиво подняв голову вверх, свекровь.— Мама умерла рано, отец женился второй раз, виделись нечасто. Перед смертью позвал к себе, вытащил из-под подушки сберкнижку, подал: «Возьми, выкупи наш дом в деревне». Он знал о моей мечте, поэтому и сберкнижку оформил на мое имя. Осенью разыскала хозяев дома, уговорила продать. Сейчас все документы в порядке, можно ремонтом заниматься. Сыночек, поможешь?

— Так и я чем могу — помогу,— улыбнулась Жанна.

Путешественники свернули влево, спустились к реке, прошли по висячему мосту.

— Хорошо-то как! — вздохнул полной грудью Максим.

— Да уж не зря сказано: родная земля силу придает, чужая отбирает,— вспомнила пословицу Нелли Максимовна.— Зря отец нас в город увез. Маму потеряли… Прокормились бы — здесь и огород, и грибы-ягоды… Помню, весной, как только сходил снег, жители выходили в поле собирать оставшуюся в земле картошку. В нашей деревне и стар и мал — все шли в поле. Из мороженой картошки пекли лепешки. В жизни ничего вкуснее не ела этих лепешек.

Дорога делила селение пополам: три дома слева и четыре справа — все, что осталось от пятидесяти дворов. Прошли по узенькой тропе.

— Это мой родной дом,— осипло проговорила Нелли Максимовна, голос перехватило, скупые слезы засверкали на глазах.

Дом выглядел неухоженным: бревна от времени почернели, краска на оконных рамах потрескалась, труба наполовину раскрошилась. На крыше сарая, вплотную примыкавшего к дому, рубероид сорвало ветром. Забор упал. Понятно, что здесь давно никто не жил. Но Нелли Максимовну волновало не это. Она наконец-то входила хозяйкой в тот дом, где родилась, где счастливо жила ее семья…

Хозяйка перекрестилась, поклонилась в пояс:

— Здравствуй, дом родной! Всю жизнь ждала эту светлую минуточку.

Сыну стало как-то неловко, он заторопил мать:

— Давай зайдем, что тут стоять?!

— Возьми ключ, отворяй дверь! — Мать достала из кармана плаща ключ.

Поднявшись по обшарпанным ступеням крыльца, Максим отпер замок, открыл дверь, другую. За ним вошли женщины. На крохотной кухне у переборки стоял старинный кухонный стол, рядом такого же возраста стул. Слева — русская печь, справа — перегородка в комнату. Жанна огляделась:

— Дом небольшой, а работы предстоит много.

— Ничего, вместе все осилим! — обнял жену муж.

— Максим…— Мать, словно силы внезапно покинули ее, опустилась на стул.

— Да, мама? — Сын мгновенно оказался рядом.

— Максим, выйди в сарай. У дверей лестница, поднимись на чердак, там, у печной трубы справа есть проломленная доска, достань оттуда чугунок.

— Мам, а что там — золото? — улыбнулся сын.

— Чистейшее! — загадочно улыбнулась мать.

— И ты думаешь, оно до сих пор там? — Сын указал пальцем на потолок.

— Хочу надеяться, что его никто не тронул за это время. Иди уже!

Максим с Жанной вышли. Минуты тянулись невыносимо долго. Старушка не находила места: то нервно садилась на стул, то нетерпеливо вскакивала, то опять присаживалась и прислушивалась. «Интересно, что там происходит?» Сверху были слышны неторопливые шаги по скрипучим половицам,— значит, сын на чердаке. Потом донеслось какое-то шуршание: видно, ищет проломленную доску. Какое-то время сверху не доносилось ни звука. «Наверно, не нашел… — Нелли Максимовна скрестила руки на груди и тяжело вздохнула: — Ничего не поделаешь, здесь сорок лет жили чужие люди…»

Половицы снова заскрипели, и через мгновение распахнулась дверь. В руках Максим держал небольшой старинный чугунок с отколотым верхом. Тот самый!

— Давай сюда! — Мать торопливо выхватила чугунок, вытащила из него холщовую тряпицу и замерла.

— Мам, ну что ты? Давай разворачивай! Клад сохранился? Там золото?

— Может, там драгоценности? — не сдержалась невестка.

— Да, самые дорогие в мире драгоценности.

Нелли Максимовна развернула тряпицу. На ее коленях оказались крупные осколки стеклянной вазы.

Сын и невестка одновременно ахнули:

— Осколки вазы?! Зачем они здесь?

Нелли Максимовна отложила осколки на стол, бережно достала из сумки сверток, аккуратно разорвала бумагу. Максим с Жанной увидели изящную стеклянную вазу-сахарницу на тонкой ножке.

— Начинаем обустраиваться в доме с вазы? — не понимая, что происходит, сказал сын.

— В войну настоящего чая не было, покупали в магазине сушеную грушу, запрессованную в брикеты, и заваривали. Нам с Гришей (я рассказывала, это сын папиного брата) безумно нравилось жевать эту вкусную заварку. Она обычно лежала вот здесь, на узких полатях.— Мать подняла руку и показала, где раньше были полати.— Рядом сахарница стояла, ее отец еще до войны матери в подарок из города привез. Гриша вставал на четвереньки, я забиралась ему на спину, дотянувшись до полатей, доставала заварку. Отрезали ножом небольшой кусочек, потом я снова вставала на спину брата и возвращала брикет на место. В тот злополучный день Гриша пришел, как обычно, днем. Мы попробовали достать наше лакомство, но мама, как нарочно, положила брикет ближе к стене, длины моих рук не хватало. Грише пришлось выгнуть спину дугой, чтобы поднять меня как можно выше. Только я нащупала брикет, как дверь распахнулась и влетела взволнованная мама:

— Победа!

От неожиданности я дернула рукой, зацепила сахарницу, та с грохотом упала на пол и разбилась. Мама на миг оторопела, потом схватила меня в охапку, утащила в комнату:

— Ах, сорванцы! Ишь, чего удумали!

Гриша убежал домой. В тот день я досыта наелась «березовой каши». Получая очередную порцию, пыталась оправдаться: «Я не виновата! Вот вырасту, научусь писать, всем объясню, что без вины наказываешь…» Столько лет прошло, а чувство, что мама со мной поступила несправедливо, никак не отпускает. Да, сахарницу разбила я, но не нарочно же, нам-то нужен был не сахар, а заварка. Только вот маме в этом признаться так и не смогла.

— Мам, значит, ты бабушке так ничего и не рассказала? — сделал вывод Максим.

— Не получилось, сынок. Я всю жизнь мечтала: вырасту, куплю новую сахарницу, принесу маме и покаюсь… Купить-то я ее купила, на первую же зарплату, да мамы уже не было. У отца — новая жена, не до меня. Кому душу распахивать? Да и зачем, столько лет прошло.

— Нам все-таки рассказали,— разочарованная неоправдавшимися надеждами, через силу выдавила невестка.

— Не знаю… зачем? Может, чтобы освободиться от чувства вины?

— Мамуль, тебе сколько лет? А ты все как маленькая девчонка.

— С сегодняшнего дня начинаю взрослеть,— радушно улыбнулась Нелли Максимовна. Казалось, что она всю жизнь на плечах носила мешок с увесистыми булыжниками, а сейчас, окончательно обессилев, сбросила его. Ноги, привыкшие к постоянной тяжести, слегка тряслись, но облегчение чувствовалось колоссальное. Хотелось просто петь и плясать. Хоть, может, это состояние появилось и оттого, что дом тоже обрадовался вновь видеть свою хозяюшку.

— А у нас новость…— раскраснелась вдруг Жанна.

— Какая?

— Ты скоро станешь бабушкой! — уточнил Максим.

— Милые мои, родные!.. — Будущая бабушка обняла обоих сразу.— Теперь некогда сидеть, надо успеть до появления наследника здесь все в порядок привести…

Тамара ХАРИТОНОВА

г. Брянск

Тамара Харитонова (Макарченко), родилась в Брянске в 1956 г. В 1979 г. окончила Калининградский госуниверситет (ныне БФУ им. И. Канта), биофак. Осталась работать при кафедре, в научно-исследовательском секторе. Всю сознательную жизнь проработала в высшей школе. Получив диплом магистра психологии, занимается психологической практикой. Пишет прозу, особенно историческую. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ НАСЕКОМЫХ

ЭКОФЭНТЕЗИ

ПРОЛОГ. МАРГАРИТКА

Он называл ее инфантой Маргаритой. Он восхищался ею бурно и изысканно. Он явно боготворил ее. Он легко танцевал в воздухе над ее венчиком, и его тонкие закрученные усики тянулись к ней с искренней мольбой.

Она верила всем его словам, потому что ему нельзя было не верить. Она была стыдлива и в ответ на его признания только прикрывала свое розовое личико бледно-зелеными лепестками подчашия, и свет на лужайке сразу мерк. Махаон был прав: жизнь без Маргаритки была невозможна.

1. УТРО

Самая короткая ночь в году медленно кончилась. Наступал самый длинный день. Его приход был неуловим, как в грезах наяву одно событие непостижимо и естественно переходит в другое.

Только что ночные звезды, близкие и крупные, висели над лесом, и казалось, что ночь замерла, уравновесилась в своей середине и никогда не кончится. Но, оказывается, она шла и шла себе, перебиралась от одного ночного мгновения до другого и так плавно и незаметно воплотилась в утро.

Исчезло ощущение покоя и неподвижности. Время перелилось через край доверху наполненной ночи и, вначале неторопливо, затем быстрее, шире разливаясь, заструилось, пробуждая спящую землю, ощутимое и будоражащее, как биение родниковых струй.

Исчезли ночная резкость, определенность и таинственность предметов. Все стало серым, сырым, расплывчатым в очертаниях и одновременно как бы приблизилось, сделалось простым и понятным. Стволы деревьев на опушке, кустарник, высокие кустики зонтичных на лужайке — стали обыкновенными деревьями, кустами и кустиками и не притворялись более драконами, привидениями, корявыми лешими с длинными бородами.

Трава на лужайке была седая от росы. Она стояла высокая, сочная — настоящие травяные джунгли, приют множества разнообразнейших форм жизненных проявлений. Травинки клонились под тяжестью сизых, льдисто-холодных капель, горбились, а капли скатывались вниз и, звеня, ударялись о землю. В развернутых доверчиво навстречу утреннему свету ладошках манжетки образовалось крошечное высокогорное озеро, днем, пока его не выпьет солнце, из него будут утолять жажду обитатели лужайки.

Яснело. Влажная дымка испарений над открытой небу чаше лужайки таяла. Трава распрямлялась. Земля впитывала росу, спеша напиться на весь жаркий, бесконечный летний день, цветы раскрывали горящие венчики. Кустарник стряхивал с листьев последнюю паутину дремоты. Деревья тихонько зашелестели листьями, пробуя голос. Птицы незаметно расселись по своим маленьким эстрадам и ждали. Небо над верхушками елей порозовело, и тогда, когда все было готово, кто-то невидимый, оставаясь за кадром, беззвучно скомандовал:

— Свет на рампу!

И взошло солнце. Птицы и деревья запели хором. День наступил.

2. ЛЮБОВЬ

Он мог долететь до нее за три минуты, басовито гудя своими большими, подъемными крыльями. Но он предпочитал пешеходный путь. Так дорога удлинялась, и он успевал пережить за это время бездну волнующих ощущений — от страха, что она не придет на свидание (хотя он отлично знал, что это исключено по не зависящим от нее причинам) до безумной радости разделенной любви. Он тяжело топал по узенькой, зате-

рявшейся в высокой траве тропинке. Подумать только, эту тропку проложили его ежеутренние походы! Потом ею стали пользоваться все, кому не лень: кузнечики, муравьи, божьи коровки и прочее суставчатоногое население лужайки, и поэтому, когда он каждое утро брел к цели своего путешествия — центру лужайки,— успевал раз десять столкнуться с озабоченными пешеходами, спешащими по своим делам. После столкновения следовали взаимные расшаркивания, приветствия, разговоры об общих знакомых, и все это также на несколько минут отдаляло его от достижения цели, и в этом тоже была своя прелесть. Посудачив о новостях, они расходились в разные стороны, продолжая свой путь, и тогда он предавался воспоминаниям.

Они встретились случайно. То есть не встретились — столкнулись. А еще точнее, он едва не наступил на нее, благодаря своей близорукости и склонности погружаться в размышления. Впрочем, он шел своей привычной дорогой и мог бы поручиться, что еще вчера ее на этой дороге не было. Он ломился, как маленький танк, как всегда, не очень-то приглядываясь к окружающему.

Как вдруг что-то близко почти у него под ногами, тоненьким голосочком вскрикнуло: «Ой!». Он остановился. Маленький розовый цветочек смущенно оправлял оборочки своего незаметного платьица. Рогач так же смущенно пробормотал извинения. Они разговорились.

Он узнал, что ее зовут Маргариткой и что родилась она позавчера, и еще ни с кем не успела познакомиться. Она скоро умолкла, а Рогач все говорил и говорил, описывал и рассказывал, спрашивал, отвечал на свои же вопросы, внутренне удивляясь собственной разговорчивости. Обычно он даже со знакомыми обменивался лишь односложными фразами и междометиями.

Маргаритка слушала очень внимательно и все, решительно все понимала. Рогач мог бы даже поклясться, что она знает и понимает еще что-то, что не по уму ему, мыслителю и философу от насекомого царства. Он чувствовал смятение и растерянность перед ней и все говорил, и говорил. Потом набежал легкий дождик, и она, нежная, испуганно сложила венчик. Рогач, наконец, опомнился, но до вечера так и не смог вспомнить, по какому важному делу он торопился утром через центр лужайки.

Он стал приходить к ней каждое утро, наскоро умывшись и слегка перекусив. Их своеобразные беседы-монологи часто продолжались дольше полудня.

Так продолжалось довольно долго — целых полтора месяца. Все это время Рогач парил, казалось, на своих жестких массивных крыльях где-то на уровне седьмого неба. Но вдруг идиллия была разрушена.

Это произошло ранним утром самого длинного в году дня. Рогач пришел на свидание рано, когда жизнь на еще не просохшей от росы лужайке только пробуждалась.

Трава еще клонилась под тяжестью капель, цветы медленно, будто нехотя, а на самом деле немного кокетничая от сознания своей красоты, разворачивали лепестки; насекомые, зевая и потягиваясь, выбирались из ночных укрытий. Маргаритка была не одна. Будь у Рогача расстроенное воображение, он усмотрел бы в этом одно из худших проявлений современных нравов, но он только молча смотрел на свою богиню.

Рядом с ней на поникшей от его веса былинке, сидел крупный, с чрезвычайно эффектной внешностью, представитель отряда чешуекрылых. Свежее от холодного умывания личико маргаритки было повернуто к нему: эффектный тип, вероятно, что-то рассказывал. Маргаритка была оживлена и казалась от этого еще милее. Щеголь говорил тихо, чуть склоняясь к ее венчику, и этот шепот почему-то показался Рогачу похожим на то вьющееся ползучее растение, которое стелется по земле, шаря впереди усиками, и крепко цепляется за первый попавшийся ему подходящий стебель.

— Во, охмуреж идет! — раздался вдруг над Рогачом чей-то восхищенный шепот. Он вздрогнул и повернулся вправо всем телом, вертеть головой во все стороны, как какому-нибудь ротозею, ему было не дано. Рядом, на корзинке крупной луговой ромашки, сидел тонкий подтянутый кузнечик в зелено-сером мундире, компактно сложив свои длинные ноги назад коленками. Он глядел на беседующую пару и довольно потирал коротенькие передние лапки.

Рогач скрежетнул жвалами и решительно затопал к Маргаритке, упорно не глядя на пижона. Тот между тем умолк и обернулся на шорох, вернее, скрежет жесткого рогачовского панциря о ребра луговой травы. Маргаритка казалась смущенной и розовела ярче, чем обычно. Ее кавалер добродушно ждал, когда Рогач доковыляет до них, и первым дружелюбно представился:

— Будем знакомы — Махаон, семейство отряда Чешуекрылых. У вас случайно, пролетом. Вы знакомы с дамой? Пожалуйста, присоединяйтесь к нашей беседе!

Латынь резанула Рогача по нервным узлам. Он никогда не давит на незнакомых титулами и званиями, несмотря на знатность своего рода. Он что-то невнятно пробурчал в ответ, забыв поздороваться с Маргариткой. Любезное внимание и тактичные вопросы Махаона, однако, рассеяли его замешательство, и вскоре он разговорился более, чем когда-либо. Он смотрел все время на Маргаритку, но она опустила головку, и было непонятно, как она воспринимает его речи, и слушает ли вообще. Махаон, напротив, всем своим видом показывал, что слушает очень внимательно, и Рогачу ничего не оставалось делать, как обращаться прямо к нему. Рогач по привычке нырнул в свои философские дебри. Махаон продолжал слушать, внимательно поддакивал, изредка вставлял замечания, кивал головой, шевелил сочувственно усиками, а в его больших фасеточных глазах таилось выражение скрываемой от собеседника иронии. Так они беседовали довольно долго, пока не заметили, что Маргаритка тихо спит, клонясь головкой и опустив нежные зеленые ручки листиков к земле.

Тогда махаон открыто усмехнулся и фамильярно обратился к Рогачу:

— Ну, бросьте, вас уже не слушают. Вы влюблены? Напрасно! Послушайте меня, забудьте дорожку к этому алтарю. У вас ничего не выйдет. Поверьте, уж в чем, в чем, а в банановой кожуре я разбираюсь, как сказала бы моя знакомая плодовая мушка, особа с изысканным именем, но между нами — пустая и надоедливая. Кстати, была влюблена в меня больше, чем в банановые корки. Но речь сейчас не о ней, а об этом вот невинном создании. Ну, посмотрите на себя. Посмотрите на нее. Вы — скучный, самоуглубленный резонер, серый по своей сути, несмотря на вашу наружную черноту. Вы неуклюжи. Ваши душевные движения так же неповоротливы, как и ваше перемещение в пространстве. Но вам все же нельзя отказать в каких-то зачатках интеллекта. Вы размышляете о судьбах мира и ничего более не умеете делать. Кстати, на том самом мире, о котором вы так болеете душой, ваши размышления никак не отражаются. Каким образом страсть просочилась в ваше двухкамерное сердце, мне совершенно не понятно. Но она, она! Зачем я вам буду рассказывать о том, что такое она? В последнее время, судя по всему, вы оставили в покое мир и размышляете только об этом. Но, вероятно, одна деталь все же ускользнула от вашего внимания. Вы явно не замечаете, что красавицу нисколько не трогают Ваши разглагольствования. Могу сказать почему. Красавица глупа, как кора пробкового дерева. У вас не растут пробковые деревья, но зато у вас растут маргаритки. Лично меня это больше устраивает.

Рогач, не пытавшийся вставить ни слова в этот самовлюбленный бесконечный монолог и мало к нему прислушивающийся, уловил последние фразы:

— Что-что вы про нее сказали? Почему... Кто дал вам право так о ней говорить? Вообще о ней говорить!

— Ну, полно, полно! Уж эти мне влюбленные! Что из того, что она розовая? Неужели из-за этого ее душевный, с позволения сказать, мир, приобретает розовую окраску? Ну, глупа, глупа, но это же не смертельно. Вам ее интеллект нужен?

— Я... вас... вызываю!— задыхаясь, выкрикнул на это Рогач и, так как по летнему времени у него не было с собой перчатки, сорвал и бросил к ногам Махаона колокольчик львиного зева.

Махаон глянул на него с изумлением, подумал и, видимо приняв решение, молча поднял цветок.

3. ДУЭЛЬ

Они покинули лужайку и направились вглубь леса. Маргаритка ничего не должна была знать о случившемся. Впрочем, оберегая ее простодушие, они перестарались; если бы она стала свидетельницей дуэли, то, скорее всего, радостно засмеялась, думая, что ее поклонники вздумали ее немного повеселить. Но им было не до веселья; кроме того, высокий травостой на лужайке мог стеснить свободу движения. Оба хранили молчание, продираясь через густо раскинутые ветви орешника.

Наконец, была найдена небольшая лысая прогалина, укрытая только пружинящими под ногами прошлогодними осиновыми листьями.

После света и пестроты лужайки глаза медленно адаптировались к полумраку чащи. Солнечные лучи сюда не проникали. Кругом все было серо и бесцветно-однообразно. Голые снизу прутья орешника, выцветшие листья, серо-зеленые стволы осин. Противники молча стояли у барьеров.

Нарушил молчание Махаон:

— Мы с вами поторопились и не пригласили секундантов. Так вести дуэль не полагается. Нужны свидетели, иначе получится обыкновенное убийство на почве ревности. Я думаю, ни мне, ни вам не хотелось бы прослыть уголовником.

Рогач не успел ответить, как сверху послышался резкий стрекочущий голос:

— Есть свидетели, есть! Если хотите, я буду вашим свидетелем.— Махаон и Рогач посмотрели вверх и обнаружили прямо у себя над головами контрастную, черно-белую сороку, раскачивающуюся, топорща вверх-вниз хвост, на ореховом хлысте. Сорока порхнула вниз. Оставленная ею ветка закачалась сильнее. Сорока уселась в непосредственной близости от противников; клюв ее был приоткрыт в знак величайшей заинтересованности в происходящем.

— Я могу быть свидетелем и, так сказать, устным протоколистом. Я в курсе вашего дела, так как меня привлекла горячность, с которой вы спорили. Я как раз случайно пролетала мимо, мне интересно знать, чем закончится ваш спор.

— И потом разнести это по всему Лесу,— буркнул Рогач.

— О, что вы, что вы! Это останется между нами, сугубо между нами, тет-а-тет, как говорится,— затрещала Сорока.

Делать было нечего. Если она была в курсе дела, то пусть бы уж лучше своими глазами увидела, чем оно закончится, чем потом сочинять небылицы и выпускать их массовым тиражом.

— Позвольте, позвольте, я буду руководить ходом поединка,— продолжала между тем стрекотать Сорока,— я буду руководить. Противников общее руководство не должно отвлекать от цели! Моя пра-пра-прабабка присутствовала на дуэли Печорина и Грушницкого и, поверьте, там Беем, буквально всем распоряжались секунданты! А на дуэли Пьера Безухова...

Сорока вдруг умолкла, странным образом подскочила на месте и захлопала крыльями. Рогач, сердито гудя, возвращался на свое место. Сорока снова поместилась на ветке орешника и уже оттуда обиженно про-

стрекотала:

— Я только предложила свои услуги. Только предложила услуги и попутно постаралась осветить историю вопроса, а вы почему-то изображаете из себя маленький летательный снаряд и ощутимо ударяете меня в область подвздошной кости. Я обижена, обижена, и не намерена больше вам сочувствовать. Я улетаю.— И она, сильно качнув ветку, низким маневренным лётом направилась в сторону опушки, уже на лету проскрипев Махаону: — Поберегитесь, у вас опасный противник!

На прогалине снова стало тихо. Приглашать секундантов больше не хотелось.

— В одном она права,— снова нарушил молчание Махаон,— мы выступаем в разных весовых категориях. Нам нужно хорошо подумать над выбором рода оружия. Впрочем, я, кажется, придумал. Так как у нас нет возможности честно убивать друг друга физически, то давайте убивать друг друга морально! Ваш вызов — первое слово за вами.

Рогач подобрался внутренне и,— слепив свои мысли и переживания в плотный комок, швырнул его прямо в нахально закрученный хоботок противника.

— Вы — наглый, самоуверенный, самовлюбленный тип! Для вас не существует ничего святого. Если вы можете так отзываться о женщине, значит, вы сами ничего не стоите! В моральном отношении.

Махаон даже не покачнулся и спокойно парировал удар:

— Одной нравственностью не исчерпывается понятие личности. Моя личность проявляется достаточно ярко во многих других отношениях. Например, Маргаритка предпочла мои элегии вашему эпосу!

Рогач заскрипел жвалами и с трудом удержал себя у барьера.

— Но вы ее не любите!

— А кто вам сказал, что я должен кого-то любить? И еще в одном вы неправы: себя я тоже люблю не слишком пылко. Я свободен от груза сентиментальности и потому порхаю так легко. Я тороплюсь. Тороплюсь жить — мой век короток. Успел бы я насладиться жизнью, если бы был обременен всякими ... чувствами? Вы же... Впрочем, вас я уже охарактеризовал однажды. Не стоит повторяться. Скажу одно: вы не наползаете за всю вашу жизнь и сотой доли того, что налетаю я. Вы и влюбились-то тяжеловесно: уперлись рогами в бледную былиночку, и тут вас заклинило. То есть, для вас на ней свет клином сошелся.

Рогач чувствовал, что его засыпают шелухой слов, и он тонет в ней, не в силах отбиваться. В головогруди его рос гнев, вот-вот волна его перехлестнет через край. И неизвестно, кончилась бы эта дуэль только моральным убийством или нет, но тут над ними мелькнула контрастная, черно-белая тень. Взъерошенная Сорока на лету хрипло орала, широко разевая клюв. Не задерживаясь на прогалине, она со сверхзвуковой скоростью скрылась за кромкой деревьев. Подчиняясь законам природы, ее карканье достигло слуховых аппаратов противников чуть позже.

— Катастр-р-рофа, катастр-р-рофа,— вопила Сорока,— спасайся, кто может!!!

4. КАТАСТРОФА

Они помчались на Лужайку, путаясь в переплетениях орешника. Махаону с его танцующим полетом было легче, он скоро обогнал Рогача и мелькал уже где-то далеко впереди, затем совсем пропал из виду. Тяжелый, обладающий большой инерцией Рогач безрассудно разгонялся на небольших свободных пространствах меж ветвей, затем неизменно с размаху натыкался на ореховый хлыст, падал на лесную подстилку и лежал, шевеля лапками и пытаясь перевернуться. Наконец, ему это удавалось — тогда он снова взлетал, разгонялся, падал. Орешник вырастал перед ним, как заколдованный лес в страшной сказке или кошмарном сне. Рогач не знал, сколько времени продолжался этот томительный полет. Но вот орешник отпустил его, и он вырвался на простор Лужайки.

Солнце стояло высоко, в самом зените, и ослепительными своими лучами заливало все лежащее перед Рогачом пространство, белое, каким не бывает даже снег. Снег — живой и голубоватый, в тенях сквозь него просвечивает еловая зелень, и на нем обязательно бывают следы. На слепящем глаза пространстве Лужайки не было следов. Не было зелени, голубизны и прочих красок. Вообще, ничего не было, кроме этой белизны и редких коротких, полуденных теней происходящих от каких-то стеблей, одинаково белых и непонятно чьих — кипрейных, зонтичных, ятрышниковых? Рогач, гудя крыльями, висел над этой невероятной, как галлюцинация, белизной.

На ее фоне он был беспросветно черный, и солнце било по нему дважды: сверху прямым попаданием сжигало надкрылья, а затем его лучи, отскакивая от стопроцентно отражающей свет поверхности лужайки, вонзались снизу в брюшко.

Он не чувствовал солнца. Он не помнил, сколько он так провисел, горя и не сгорая, над обескровленной Лужайкой.

Очнулся он совершенно опустошенным, как бы невесомым. Вывел его из оцепенения неизвестно откуда появившийся Махаон. Тот как всегда, на лету охорашивался, судя по всему, чувствовал себя превосходно, и вообще был бы прежним Махаоном, если бы не его крылья. Крылья его на синеве неба были ярко-белым пятнышком, с этаким жемчужным, перламутровым отливом. Рогач уставился на эти крылья и, загипнотизированный невероятным превращением, снова намеревался впасть в свое ненормальное состояние. Махаон

опять окликнул его.

— Ну, пойдемте, пойдемте. Вы, что, решили окончить жизнь на мученическом костре? Я полагаю, что наши счеты теперь закрыты, и не намерен способствовать вашей гибели. Ведь сам предмет спора больше не существует.— Он увлек Рогача под влажную, живую, целительную зелень орешника. Там Рогач как-то сразу обессилел и, забыв сложить надкрылья, повалился на мягкую лесную подстилку. Понемногу его психика стряхивала с себя оковы потрясения. К нему возвращалось его нормальное мировосприятие. До него донесся, наконец, голосМахаона:

— ...и наконец, построили. На наши с вами головы. И на головы всех тех, кто остался на лужайке. Они, вероятно, не предполагали, что это вызовет такие ... перемены. Почему-то они пренебрегли очистными сооружениями — дымоуловителями, или как их там. И вот, пожалуйста! Я ее видел — впечатляющее зрелище! Надо всем комплексом царит громадная труба, а над нею — дым. В этом дыму можно подвесить не то что топор — целую обрубную установку из металлургического комбината. Сейчас ветер переменился, и эта милая трубка продолжает весело посыпать пеплом соседний участок леса. Интересно, что нужно подмешать в дым, чтобы он мог в два счета уничтожить такие обширные пространства?

— Что у вас с крыльями? — с трудом проговорил Рогач, упаковывая свои, бесчувственные, под опаленные надкрылья.

— А-а! Дорогой мой, надо же как-то приспосабливаться к изменившейся среде обитания! Вряд ли они из-за такой чепухи остановят производство, и не исключено, что в недалеком будущем все окрестности приобретут совершенно иной вид. Приходится спасаться бегством или менять облик. Я, например, уже мутировал. Правда, неплохо? Особенно этот отлив, по-моему, удался.

— Я хочу видеть ее!

— Бросьте, друг мой! Как вы ее теперь отыщете? Она слилась с этой белой пылью, вы не отличите ее от сухого прошлогоднего сучка.

— А где она?

— Ну, я же вам объясняю...

— Да нет, я не о Маргаритке... Фабрика где?

— Рядом, совсем рядом. У озера.

5. БИТВА

Неопределенное чувство, копошившееся в душе Рогача во все время разговора, оформилось и стало осознанным и резким, как полуденные тени на белой лужайке. Он поднялся в воздух, взлетел высоко и взял курс на озеро.

Отсюда, с высоты его полета, размеры катастрофы были видны отчетливо. Строго говоря, это не была мировая катастрофа. Едва Рогач взлетел над лужайкой, как та оказалась не более, чем белым носовым платком, брошенным на грубое зеленое сукно широколиственного леса. Размеры белой заплаты были скромнее даже небольшой площади чистейшего лесного озера, отделенного от лужайки только узкой каймой прибрежных кустарников. Нет, это не был конец света. Кругом продолжалась жизнь, если не считать того участка леса, о котором говорил Махаон, и откуда в спешном порядке эвакуировалась живность, предупрежденная трагедией Лужайки, принявшей на себя первый удар.

Погибла только она — Лужайка, и на ней — Маргаритка. Неуклюжий черный Рогач не знал, как он будет жить дальше. Он не хотел жить. Он хотел пасть смертью храбрых в схватке с могущественным противником, если не отомстив ему за смерть Маргаритки, то, по крайней мере, высказав ему своим поступком все, что он о нем думает. Что из того, что силы его не сравнимы с мощью этого непонятного каменного дракона, извергавшего ядовитый дым? Что из того, что он погибнет, и подвиг его будет напрасным? Он не мог поступить иначе.

Махаон, первое время сопровождавший его и что-то на лету бормотавший о какой-то неизвестной Рогачу Помпее, отстал. Он был, как известно, мастер маневренного, порхающего лета, и скорость открытых пространств была ему недоступна. А перед Рогачом уже разворачивалась вся панорама новенькой, недавно выстроенной Фабрики.

Зрелище и впрямь было впечатляющим. Громадный кусок живого зеленого тела, сочащегося смолистой кровью, был вырван «с мясом», с подстилкой и корневыми системами. Образовавшаяся зияющая рана была укатана, заглажена, запломбирована асфальтом, бетоном и гравием. Под этим покрытием лежала бесчувственная мертвая земля, лишенная своих нервов — корней. Ей уже не было больно. Сверху, на толстой бетонной коре, были нагромождены странные, причудливые формы искусственных протезов — корпусов хранилищ, башен, шаров, усеченных конусов, больших и малых труб.

Над всем комплексом, как и говорил Махаон, царила одна головокружительной высоты труба. Из нее непрерывно вываливался плотный ядовито-белый дым. Все пространство Фабрики было одето в светло-серый, искрящийся на солнце бетон, ровный по цвету, который не нарушался нигде вторжением других цветов. Все было ослепительно-новое, добротное, выверенное и законченное. Казалось, это построено на века. В этом была даже какая-то своя красота, если приглядеться.

По краям светло-серого обширного пространства вскипала набухшая, воспаленная зелень деревьев, выросших в полумраке густого леса, и вдруг беззащитно опаленных прямыми солнечным лучами.

Рогач не колебался ни секунды. Труба! Труба была его главным врагом, и с ней он хотел свести счеты. Он склонил рога наперевес и ринулся вперед. Удар. На ее искристой светло-серой поверхности не осталось никакого знака, не осталось даже легкой царапины. Бетон был тверд. Зато на кончиках рогов появились две белесые отметины.

Труба, оставаясь неподвижной, отвечала на удар. Боли он не чувствовал. Сделал второй заход и снова прянул. Послышался резкий щелчок, и один из зубчатых отростков на правом роге, из-за которых он, собственно, и носил видовой титул Жука-Оленя, отлетел в сторону Труба стояла. Дым продолжал изливаться из ее равнодушного жерла. Рогач пошел на третий заход. Снова ударил... Неизвестно, как прокомментировал бы его действия всезнающий Махаон, но он упорно продолжал проделывать все одно и то же: отлетал на нужное расстояние, разгонялся, пикировал на ровную искристую поверхность трубы, ударяясь об нее всей массой своего тяжелого тела и своей ненависти, получал очередную травму и возвращался на исходный рубеж. Труба стояла. Ее округлое, неимоверно вытянутое туловище оставалось гладким, будто зеркальным, и ни одна искра не погасла на нем.

Солнце уже давно оставило свой самый высокий небесный пост и клонилось к закату, и тени от корпусов и труб протянулись через все светло-серое поле. Рогач был весь избит, он не знал, оставалось ли еще что-нибудь на его голове, потому что не чувствовал ни веса рогов, ни веса собственного тела. Выйдя в очередной раз на огневой рубеж, он бросил мимолетный взгляд вниз, на фабрику и замер на месте.

Ему представилось удивительное зрелище. Он был не один на этом аккуратном светло-сером поле брани. Тысячи жуков самых разнообразных форм и расцветок атаковали все многочисленные трубы и башни, используя жесткость своего хитинового покрова. Далеко не все из них обладали таким грозным оружием, как Рогач, и потому, бросаясь на бетон с высоты, разбивались об него, как о ветровое стекло автомобиля, летящего на полном ходу. На место павших вставали новые бойцы. Эскадрильи жесткокрылых появлялись из-за леса и, совершив в воздухе перестроение, кидались в бой. Крылом к крылу рядом с ними сражались пчелы, осы и шмели, пытаясь излить на Фабрику весь имевшийся у них яд. Тяжелые темно-синие с вороненым отливом, будто закованные в стальные доспехи, мясные мухи с громким жужжанием бились о громадные фабричные окна. Также, освещенные красноватыми лучами низкого солнца, порхали, ударяясь о стекло, вспыхивая своими чудесными крылышками, нежные бабочки. Их становилось все больше, они налетали как бы неизвестно откуда. Светло-серая кожа чудовища почти скрылась под их радужными хрупкими парусами, и на ее мертвенной, подобной фантастическому бельму, поверхности оставались разноцветные полосы и пятна осыпавшейся с крыльев пыльцы.

— Ура-а! Наши подошли! — заорал Рогач и бросился вперед.

Тут произошло странное. После его удара труба, испустив предсмертный клуб дыма, сопровождаемый протяжным ревом, вдруг перестала дышать. Воздух неожиданно стал прозрачен и свеж, последние облака смертоносной пыли рассеивались в воздухе и уносились ветром.

Внезапно отворились широченные ворота Фабрики, и из ее чрева поплыл поток густой, как остывающая магма, массы. Истекая кровью, чудовище издыхало.

Рогач почувствовал счастливое изнеможение. Он был жив. Его враг был повержен, и только поле битвы устилали бесчисленные тела павших. Само поле — громадный светло-серый труп — после гибели Фабрики было столь же неподвижным и мертвенным, как и при жизни.

6. ИСХОД

Его горе пропало, исчезло куда-то, будто вдребезги разбившись о бетонную поверхность трубы вместе с его рогами. Он — победитель. Лесу больше не угрожает огнедышащий дракон. Лес останется прежним — разноцветно-зеленым, населенным и живым, если не считать их Лужайки и того участка, который проклятая труба успела густо запорошить дымовой пылью. Но там, на этом участке, не погиб никто. С первых минут, когда белая пыль еще висела в воздухе, началась сплошная эвакуация. Направление ветра, его скорость, размеры предполагаемой площади омертвения были точно определены и рассчитаны.

В срочном порядке был организован Комитет общественного спасения насекомых открытых пространств и слабо пересеченных экологических ценозов (КОСНОПиСЭЦ), который занимался вопросами эвакуация и переселения насекомых с пострадавших открытых, то есть безлесных площадей.

Как было установлено комитетом, пыль, осыпавшая участки широколиственного леса, на девяносто восемь процентов осела на листьях и практически не нанесла никакого вреда живности, обитавшей в толще леса. Сами листья, несомненно, пострадавшие от этого припудривания, являясь по существу временными образованиями, подлежали смене не далее как грядущей весной.

Причем, по данным Комитета, белая пыль со временем должна была разложиться под действием воды, воздуха и солнечных лучей на более простые и нетоксичные соединения.

При первом же ливне они стекут вниз и, просочившись сквозь лесную подстилку, впитаются в землю. Правда, невыясненным оставался вопрос, способны ли данные соединения вступать в реакцию с элементами,

находящимися в почве, и что явится результатом таких реакций. Контроль за этими процессами предполагалось осуществлять в дальнейшем филиалом Комитета. Да, жизнь продолжалась. Значит, катастрофы... не было?

Рогач вдруг, как от резкого толчка, ощутил свою неприкаянность и одиночество. У него не было дома. Все его немногочисленные приятели остались на лужайке. А самой Лужайки тоже как будто вовсе не существовало, потому что он не мог представить себе ее мертвой.

Что же делать ему с собой? Мутировать, как Махаон? Найти другой дом? Он отправился в Комитет. Там его встретили приветливо, в числе сотен других посетителей, нуждавшихся в совете и помощи, и предложили перейти к подводному образу жизни, так как все соседние наземные экологические ниши были уже заняты. Рогачу было все равно, и он согласился.

На складе ему выдали наспинный дыхательный аппарат для обитания в пресноводных водоемах. Он примерил его, плотно сложив надкрылья, и аккуратно затянув ремни. Аппарат был легок и не стеснял движений.

— Распишитесь за обе пары дыхалец. Благодарю вас. Надеюсь, они полностью обеспечат нормальное функционирование вашей дыхательной системы. Инструкция по эксплуатации прилагается,— вежливая Златоглазка мило улыбнулась Рогачу, и взгляд ее задержался на обломках его рогов.— Простите, хотя вопрос телесных повреждений не в моей компетенции, но я могу порекомендовать вам отдел...

— Не стоит,— буркнул Рогач, потом спохватился и попытался загладить неловкость.— Под водой они вряд ли мне понадобятся, скорее, будут вызывать затруднения. К тому же мне, в связи с переменой среды обитания, скорее всего по номенклатуре дадут другой видовой титул.

— Да, вы правы, но все равно жаль. Кстати, вам и вправду присвоен титул...— Златоглазка заглянула в справочник,— Жука-Плавунца. Ну что же, желаю Вам скорейшей адаптации в новых условиях!

Рогач поблагодарил милую Златоглазку и пешком отправился к озеру.

7. ПРОЩАНИЕ

Рогач стоял на вершине холма и смотрел на озеро. Солнце опускалось в воду прямо напротив. Оно уже не слепило глаз текучими водяными отблесками, лишь спокойно подсвечивало воду у того, дальнего края, как одинокая свеча — край рампы после оконченного спектакля. Его лучи не могли дотянуться до Рогача. Зато танцующие высоко над его головой многоэтажные компании комаров и клубы всякой мелкой мошкары еще нежились в его прохладном свете, посверкивая прозрачными крылышками. Их мельтешение создавало впечатление непрерывного кипения воздуха над берегом озера.

Дальше от берега происходило движение в другой — горизонтальной плоскости. Целые колонии пчел, жуков, плодовых мушек, стрекоз, представители отрядов двукрылых и чешуекрылых поднимались в воздух в разных местах холмистой равнины и, образуя правильные колонны, летели в различных направлениях, в соответствии с предписаниями Комитета. В траве волнами перекатывались шеренги кузнечиков, кобылок и саранчи. Продолжалось великое переселение насекомых. Они отправлялись осваивать новые, непривычные для них ценозы.

Небо блекло и приобретало постепенно цвет озерной воды. Оно было спокойно и безоблачно. Вдруг откуда-то сверху, издалека и неясно, послышался странный звук. От него не исходило ощущение приближающейся опасности, но он почему-то будоражил и вселял смутную тревогу. Рогач поднялся на заднюю пару ног и, держась за ствол конского щавеля, поглядел вверх.

Там, на непостижимой для него высоте, словно нанизанные на невидимый шнур, плыли к солнцу большие медленные птицы. Отсюда, с земли, трудно было понять, какие это были птицы — не то гуси, не то лебеди... Они были красновато-бронзовые в лучах заходящего солнца. Их странный крик падал сверху на Рогача. Наверное, у них дома тоже что-то случилось, подумалось Рогачу, поэтому они и кричат так, и летят неизвестно куда. Он закрыл глаза, уставшие от напряжения, и вдруг почувствовал, что отрывается от земли.

Отрывается, совсем не работая крыльями, и очень медленно поднимается вверх. Над ним переплелись густые ветви орешника, и он должен пролететь сквозь них, не задев ни одной ветки — иначе случится беда. Он счастливо обходит все препятствия, медленно и ловко, не так, как он летел сегодня, когда Сорока проорала о катастрофе, и поднимается над орешником. Он не смотрит в сторону лужайки, но почему-то знает, что она снова зелена и пестра, только Маргаритка поникла головкой, и на этой ее склоненной шейке сидит серо-зеленый Махаон и трет лапками голову и хоботок — умывается. Рогач не смотрит туда и поднимается выше, еще выше.

Полет его становится все свободнее и быстрее. Так высоко он никогда еще не летал. Солнце стоит высоко и ярко освещает веселую разноцветную Землю. Рогач купается, кувыркается в воздухе, как в бескрайнем прозрачнейшем озере, не чувствуя собственного веса. Он находится на одном уровне с большими птицами, а те продолжают медленно лететь прямо на Солнце, и на фоне его огромного слепящего диска видны их черные силуэты. Они далеко, их крик уже не слышен. Рогач смотрят на Землю с высоты их полета. Смотреть на нее бесконечно увлекательно, она так захватывающе разнообразна и так бесконечна. Никогда не испытываемое им наяву странное, захлебывающееся чувство охватывает Рогача. Легкость. Простор. Свобода. Беско-

нечность. Полет. Это и есть счастье? Рогач открыл глаза и очнулся.

Солнце село. Стояли тихие и светлые сумерки. Рогач выпустил жесткий стебель и опустился на все шесть ног. Пора было идти. Он поплотнее уложил надкрылья, стараясь придать им обтекаемую форму, еще раз проверил герметичность аппарата, укрепленного на спине и стал спускаться к воде. У кромки озера он несколько раз глубоко вздохнул, закрыл глаза... и почувствовал, что отрывается от земли.

ЭПИЛОГ. ЖУК НА ЛАДОШКЕ

— Какую красоту загубили! Помнишь, на этой лужайке цвел подмаренник, гудели шмели, летали необыкновенные, пестрые бабочки.

— Вот-вот, бабочки. Это просто невероятно. Ты не поверишь, но сегодня было подлинное нашествие этих самых бабочек на фабрику, и откуда их столько взялось? Летали, порхали, бились в стекло, как будто хотели вылететь из комнаты, в которой закрыты окна. Но ведь они были снаружи! Просто какой-то массовый мотыльковый психоз. Ты можешь это объяснить как специалист?

— Трудно сказать. Вообще-то бывают такие массовые миграции живых существ, на первый взгляд совершенно бессмысленные, когда, например, целые армии белок скачут безостановочно в одном направлении, пока не обрушиваются в океан, или в воздух поднимаются тучи саранчи, так что солнца не видно. Как будто таким путем совершается таинственный перенос биомассы... Впрочем, все равно это остается загадкой, может, эти бабочки тоже куда-то мигрировали, и на пути у них стала фабрика? Они летели все в одну сторону?

— Нет. Они налетели с разных сторон и взяли фабрику в кольцо. И что было самое удивительное — как только загудел гудок — директору пришла идея установить подобие пароходной сирены, с подголосками,— так вот, как только она подала голос, и народ стал расходиться, бабочки все враз куда-то исчезли. Разлетелись.

— Ну вот это не удивительно. Я вашу сирену слышала. От нее носорог шарахнется, не то что бабочка. А это, между прочим, тоже загрязнение. Звуковое.

— Да какое там загрязнение! Здесь же не город. Лес. Фабрику специально вынесли за городскую черту, чтобы не было никакого загрязнения. Конечно, с этими фильтрами нехорошо получилось. Отстойники сделали, а фильтры не успели, надо было пускать, иначе погорели бы с планом. Придется монтировать параллельно. Как главный инженер, я тебе это гарантирую, целы будут и бабочки и подмаренник.

Они шли по узкой тропинке среди густо разросшегося ивового кустарника. Ветки его были прохладные и как будто влажные. От озера тянуло пресной сыростью, запахом воды и мокрого песка. Неподалеку слышалось шлепанье босых ног по мелководью, детский голос выкрикивал пиратские команды. Вдруг этот голос произнес удивленное «Ой!» и замолк. Сквозь жиденькую стенку кустарника пройти на берег было нетрудно. У кромки озера стоял на коленках маленький человек и, опершись руками о влажный песок, что-то на нем рассматривал. Они успокоились и пошли неторопливо вдоль светлого неподвижного озера. Было еще совсем светло, и они не торопились в город.

Небо, несколько минут назад ясное, неожиданно и быстро затянулось седенькой пеленой низких облаков, и оттуда стал сеяться мелкий, как водяная пыль, теплый дождь. Он нисколько не помешал, на берегу даже стало как-то уютнее, как в тихой комнате с опущенными прозрачными шторами. Было пусто у воды и в кустарнике. Спрятались насекомые от дождя, угомонились к вечеру птицы. Озерная вода под дождем казалась очень теплой, изредка тяжело всплескивала вдали от берега крупная рыба. Природа умывалась перед сном. Капли дождя становились крупнее.

— Самый верный способ спастись от дождя — нырнуть в речку,— весело сказал мужчина и, сбросив одежду на песок, скользнул в воду, как угорь. Женщина, подобрав платье, по колено бродила в неслышной воде, поглядывая на мужа и сына.

Мальчик поднял что-то с песка и побежал к матери, шлепая ножками по воде так, чтобы брызги летели как можно дальше.

— Мама, мама, гляди, какой смешной жук! — кричал он, подбегая и протягивая вперед руку.

На маленькой ладошке копошился громадный сизый жук со странной головой и непонятным бугорком на надкрыльях. Женщина изумленно посмотрела на него. Несколько минут они стояли молча, разглядывая жесткокрылый феномен.

— Похоже, что это новый вид…— удивленно и неуверенно промолвила наконец женщина.— Как он сюда попал?

Рогач укоризненно посмотрел на нее и ничего не ответил.

Ольга КАРАГОДИНА

г. Москва

Родилась в Москве. В 1981-м г. окончила Московский библиотечный техникум по специальности «Библиотековедение». Работала библиотекарем, секретарем-референтом, методистом. Пишет прозу, бардовские песни и исполняет их. С 2009 г. работает оргсекретарем в Академии российской литературы. Член МГО Союза писателей России. Наш постоянный автор.

НЕЗАБУДКИ РОССИИ

Мир литературы часто потрясают различные мистификации, и однажды, на очередном съезде писателей произошел чрезвычайный случай. Взбунтовались женщины. Потребовали раскола Союза писателей на два лагеря: мужской и женский. Раньше в Союзе писателей женщин было мало, теперь же их ряды расширились, и им надоело сидеть в тени гениальных мужчин. Посовещавшись, женщины пришли к выводу: «Нужен свой независимый Союз». По этому случаю на сцену поднялась представительница прекрасной половины, возглавляющая отдел переводчиков.

— Дорогие мужчины, мы не можем более сидеть сложа руки и смотреть, как вы рассматриваете нас и наше творчество под лупой. Многие достойные произведения, написанные женской рукой, безжалостно выбрасываются в корзину, потому что их написал не мужчина. Обратите внимание! Главными редакторами почти любого приличного издания сидят седовласые судари. Почему-то они считают, что женщины должны писать только детские книжки или любовные романы. Мы способны на большее и хотим создать свой независимый союз писателей «Незабудки России».

Председатель собрания чуть стакан с водой не выронил.

— Боже мой! — взвился со стула.— О каких незабудках вы говорите? Это несерьезно. Никто не умаляет ваших заслуг. Среди женщин прекрасные поэтессы и прозаики с мировым именем. Вспомните: Анну Ахматову, Марину Цветаеву, Беллу Ахмадулину, Людмилу Улицкую, Агнию Барто. Многие из вас: красивы, умны, талантливы. Во все времена в Союзе писателей были женщины. Я бы сказал лозунгом: «Семьдесят восемь лет в струю».

Но переводчица не унималась. Ее подбадривали соратницы, подмигивая глазами, размахивая руками и надушенными платочками.

— Какие струи? Вы все об одном. У каждого — свой Пегас, и гарцует у каждого он по-своему. И не надо ерничать на тему красивых женщин, которые всегда вызывают у мужчин мысль, что у нее кто-то есть, и в итоге она либо не достается никому, либо тому, кто ни на какую мысль не способен. Не надо нас сравнивать с домохозяйкой, которая просит в магазине изопродукции: «Мне, пожалуйста, вон ту фаянсовую кису!» А это не киса, а Семен Михайлович Буденный! Мы достойны быть услышанными, хватит нам быть бабой на сеновале под грузом именитого писателя, который подкладывает под нас стопку своих книжек, чтобы не проваливался зад. Противопоставим женскую литературу мужской, уж, если, на то пошло, мы давно заняли самые видные места на книжных полках. Кто не знает: Дарью Донцову, Татьяну Устинову, Александру Маринину. Женский взгляд на мир гораздо богаче. Мы не мужчины, которые встречают человека по одежде, а провожают по морде.

Председатель:

— Кстати о мордах, как это слово будет звучать по-английски?

Переводчица:

— Mug.

Председатель:

— Браво! Раз уж морда проявилась, давайте сделаем кулак. А по-испански?

Переводчица:

— Torcer el hocico!

Председатель:

— Вот и занимайтесь переводами. Зачем вам свой Союз? Его же не признают ни у нас в стране, ни за рубежом. В литературе нет различия между мужчинами и женщинами. Все дело в таланте, все писатели делятся: на известных, безвестных и пропавших без вести. Читатель часто не знает, кто кроется под псевдонимом. Я знаю гениальные романы, написанные мужчинами от женского лица. Вы мне напоминаете историю про два портрета: академика Иванова, который изобрел паровоз, пароход и самолет; и академика Петрова, который изобрел академика Иванова. Предлагаю создать рубрику «Незабудки» в журнале «Работница» и на этом закончить дискуссию.

Переводчица с вызовом:

— Незабудкой по лицу.

Председатель:

— Договорились. Мне только что передали, вам звонил муж, говорит, вашу шубу украли.

Переводчица убегает.

Председатель, потирая руки:

— Ну что же… Для многих женщин красивая шуба является не столь материальной, сколько психологической ценностью.

Так и распался «незабудковый союз» не начавшись.

Николай МАКАРОВ

г. Тула

Военврач ВДВ, гвардии майор медслужбы, член ТО православных врачей, член СПР, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и литературной премии Правительства Тульской области им. Л. Н. Толстого. Постоянный автор нашего альманаха.

ХИРУРГИЯ

РАССКАЗ-БЫЛЬ ПОЧТИ ПО ЧЕХОВУ

В начале двадцатого века Эмиль Кроткий изрек сакраментальную фразу: «Зубная боль — ерунда, если зуб болит у другого».

Ясен пень, Лешке Альховику — до лампочки этот самый Кроткий с его долбаным афоризмом. У Лешки Альховика зуб, вернее то, что находилось под коронкой, вонзилось в мозг раскаленным, безжалостным броском гюрзы ровно через десять часов после выхода на караван. Хотя, как боль с левой нижней «семерки» шарахает по мозгам — не поймешь этих медиков с их анатомией.

И, ясен пень, ни ожидание каравана, ни адская боль под адски жгучем афганским полуденным солнцем никак не настраивали на лирический лад. Понятно — духовский караван от разведчиков никуда не уйдет, но когда уйдет…

Короче, об этих четырех кошмарно-мучительных днях — лучше не вспоминать.

…Бросив автомат брату-близнецу Сашке, Лешка, что твой рысак, помчался в ПМП — полковой медицинский пункт, предвкушая сладострастные мгновенья по случаю избавления и от мук, и от боли, и от этого злосчастного пылесо… тьфу, ты — зуба под коронкой.

Рванув дверь медпункта, конечно же, он увидел картину из того, далекого мирного советского прошлого, увидел лениво дремавшего «на тумбочке» дневального.

— Где зубодер, тудыть твою растудыть?

Подскочив от страха, дневальный, запинаясь, проблеял:

— Никого нет!

— ?

— Ни одного врача нет. Все в медсанбате, помогают там,— продолжал блеять испуганный дневальный.— Я — один здесь.

Зная не понаслышке круто-драчливую репутацию разведчиков братьев-близнецов Альховиков, державших в страхе весь личный состав полка, дневальный растекся по стене, пытаясь прикинуться то ли ветошью, то ли портянкой, на худой конец — мешком с картошкой.

— Сколько служишь? — рыкнул Лешка, поднося грязный кулак к носу дневального.

— Пол… полгода,— вновь проблеял, еще толком не понимая, что от него хочет поиметь этот близнец, то ли — Лешка, то ли — Сашка.

Схватив полуобезумевшего дневального за шиворот, Лешка (конечно же, Лешка), поволок бедолагу к кабинету «зубодера».

— Ты будешь удалять мой зуб!!!

— Я… я… я не умею?!

— Или ты мне удалишь больной зуб,— Лешка опять поднес грязно-грозный кулак к носу дневального,— или я тебе выбью все зубы. В конце концов, ты — десантник или где?

Удобно устроившись в кресле, Альховик напомнил дневальному:

— Руки, руки, сучий потрах, мой лучше.

— Я не знаю как…

Лешка не дал ему договорить:

— Вон, на стене висит плакат.

Да, на стене висел плакат со сверкающе-здоровыми зубами, демонстрируя все прелести какой-то там зубной пасты.

— Видишь — лежат щипцы,— болезный наставлял вновь испеченного зубодера.— И, как клещами гвоздь, вырывай зуб. Не боись. Пока бить не буду.

Дневальный, еще дрожа от только начинающегося кошмара, взял злосчастные «клещи», зажал ими больной зуб и что есть силы рванул на себя. Посмотрел вместе с Лешкой на результат «зубодерства» — в «клещах» сверкала кроваво-красная коронка. Дневальный вытер салфеткой окровавленные губы пациента.

Боль вроде немного приутихла. Лешка осторожно провел языком по ранке. В ней нагло, чуть не оцарапав язык, торчали три не вырванных корня.

— Рви их тоже!

— Не знаю — как!

Лешка тоже не знал — как. В это время на их счастье — есть все же десантный Бог на свете — забрел и заглянул в зубоврачебный кабинет какой-то солдат за таблетками от поноса.

— Ты… — рыкнул на него Альховик,— посмотри в шкафу, может, какой букварь по зубодерству найдешь?

Второй раз фортуна повернулась к ним лицом — в шкафу пылился учебник по стоматологии.

— Ищи картинку, как вырывать зубные корни.

Совместными усилиями картинку отыскали. Вновь пришедший помощник, у которого моментально прекратился понос, зажал Лешкины ноги, а, вошедший во вкус и уже совсем не дрожащий, дневальный принялся за стертые «афганцем» корни левой нижней «семерки».

Без обезболивающих, без асептики и антисептики, без элементарного медицинского образования (по-русски говоря, с ломом и какой-то матерью) два солдата, взрезав десну с обеих сторон (учебник-то — на что?) удалили все корни у Лешки Альховика.

…Через три дня, как ни в чем не бывало, братья-близнецы: и Лешка, и Сашка в полном здравии со своей разведротой отправились на очередной караван.

Галина КЛИНКОВА

г. Волжский Волгоградской области

Родилась 15.03.1949 г. Учитель русского языка и литературы в школе. После окончания пединститута трудовой путь начинала литсотрудником в районной газете. Продолжает держать с ней тесную связь. Публицистические материалы печатает в литературных альманахах. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

КАКИЕ Б СУДЬБА НИ ПЛЕЛА КРУЖЕВА...

РАССКАЗ-БЫЛЬ

В тот далекий год под яркими лучами весеннего солнца радостно плакали свисающие бахромой с крыш сосульки. Снег таял, а лужи растекались по дорогам и быстро высыхали. Затем в садах деревья, вволю накрасовавшись, сняли свой бело-розовый наряд, который дивным ароматом, особенно по ночам, дурманил всю округу... Дни летели быстро, приближая окончание учебного года в школах, выпускные экзамены.

Аркадий Иванович любил последние майские дни. Он был единственным на все окрестные деревни фотографом, а запечатлеться с одноклассниками и родными на память хотелось многим. Работа в атмосфере романтики юности приносила ему большое удовольствие.

...Ранним утром снимки, сделанные на торжественных линейках в школах, были проявлены и высушены. Глянцевые фотокарточки лежали на столе россыпью черно-белых «остановившихся мгновений». Супруга Антонина Петровна, женщина чувствительная, сентиментальная, перебирала их в руках, скользя нежным взглядом по лицам мальчишек и девчонок. Вдруг... Что-то заставило ее вернуться к возвращенной на место фотографии.

— А почему среди выпускников наш Ваня? — указывая на одного из ребят, спросила Антонина Петровна у мужа. Он пригляделся:

— Ну что ты? Мальчик просто похож!

Тогда жена достала из семейного альбома фото их младшего сына. При сравнении Аркадий Иванович согласился, что лица одинаковы. Как две капли воды. Женщина разволновалась... Оставив домашние дела, она поспешила в школу. Там шли занятия. Но вскоре раздался заливистый звонок, и из распахнувшихся дверей классных комнат стали выходить ученики. Началась большая перемена.

Мальчик, которого она искала, оказался Сашей Маркиным. Антонина Петровна смотрела на него, а сердце сжималось. Перед ней стоял будто ее Ваня, только повзрослевший. Те же черты лица, взгляд. Он рассказал, что папы у него нет, а маму зовут Полей. Живут они неподалеку, на животноводческой «точке». И тогда Антонина Петровна вспомнила, что первого сына рожала одновременно с этой женщиной. Они и в палате потом лежали одной. Чувствуя внутри себя нарастающую тревогу, отправилась к Полине. На пороге дома неожиданную гостью встретила женщина, которую она узнала сразу. Разговор оказался для обеих и горьким, и радостным. Сначала они рассматривали фотографии детей Антонины Петровны. Младшего и старшего, росшего в семье, как гадкий утенок. У Ивана — красивый разлет бровей, выразительные глаза, ровный прямой нос и четкого контура губы. Никита же внешностью — полная противоположность брату. Особенно бросается в глаза большой, с горбинкой, нос. Сколько же неприятных минут пришлось пережить матери из-за этой его «особой приметы».

Пока ребенок был маленьким, родители не обращали внимания на то, что не похож на них. Потом различие стало слишком явным. Муж, не найдя в образе сына родственных портретных черт, пытался подозревать жену в неверности, упрекал в том, что мальчик очень напоминает известного в округе Андрея Воронова. Тот имел тяжелобольную жену и поэтому любил общение с женщинами «на стороне». Мужчина видный, крупный, приметный как раз «благодаря» своеобразной форме носа.

Семейные ссоры продолжались недолго. К тому, как выглядит Никитка, скоро все привыкли. Да и Антонина Петровна была женщина порядочная, ценившая семью, свой дом. Тем более через несколько лет родился Ванечка. Жили спокойно, счастливо.

... Шли годы. Никита поступил в техникум в Сталинграде, чтобы получить одновременно специальность и аттестат о среднем образовании. Погостить приезжал редко.

Полина рассказала, что и не мечтала о замужестве, поскольку считалась некрасивой. Думала, навек останется одинокой. Но по весне не только терпким, горьким запахом полыни тянет со степи. Его перебивает насыщенный цветочный аромат разневестившихся деревьев в садах близлежащих деревень. Он кружит голову, тревожит, куда-то манит и наполняет девичье сердце определенными желаниями... И наперекор как бы «спланированной» судьбе женское счастье улыбнулось Полине. Андрей, зоотехник, по должности объезжая чабанские точки, однажды не обошел ее своим мужским вниманием.

Полина никогда не пожалела о тайной связи, тем более о родившемся сынишке. Мальчик рос на удивление — красивым, стройным. Андрей не отказывался от отцовства, заезжал, привозил подарки. Для Полины Саша стал улыбкой судьбы, светом в окошке, надеждой.

Сейчас женщины поняли, что старенькая акушерка нечаянно поменяла им сыновей.

— Если бы на ручки младенцам прикрепляли тогда бирочки...

— А если б еще сразу нам в руки дали своего...

Долго не могли наговориться... И благодарили счастливую случайность, которая подвела черту под их благополучно прожитыми годами и дала начало новой, другой жизни их семьям. Теперь надо было привыкать к мысли, что родная кровиночка, выношенная и выпущенная на свет божий тобою, выросла рядом с другой женщиной и называет ее мамой.

Дети восприняли известие о том, что случилось с ними в роддоме, не как трагедию. Они были юны и полны солнечного оптимизма. Аркадий Иванович с женой сокрушались, что раньше, бывая в школе, не обращали внимания на мальчика. Не окликнул их голос родной крови.

Теперь они стали жить как одна большая семья. Общими были радости и печали. Собирались вместе на праздники. Отмечали проводы сыновей в армию и встречи потом. По сей день счастливы.

Когда узнаешь такие истории, задумываешься о превратностях судьбы. Какие она порой плетет кружева! Вот и в удивительном случае, о котором мне рассказали, сначала связались, как две нити в узелок, судьбы матерей. За ними стали переплетаться жизни остальных близких — детей, внуков, а теперь уже и правнуков...

Рудольф АРТАМОНОВ

г. Москва

Окончил Второй московский мединститут им. Н. И. Пирогова в 1961 г. Врач-педиатр, д.м.н., профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член Союза журналистов г. Москвы. Прозаик. Лауреат всероссийской литпремии «Левша» им. Н. С. Лескова. Публикуется в журнале «Приокские зори». Наш постоянный автор.

ТАБЛЕТКА

В длинной ночной рубашке Анна Григорьевна Пескарева стучала в дверь соседке по лестничной площадке.

— Зина, это я, Анна. Открой.

Дверь открылась, насколько позволяла цепочка. На вопросительный взгляд соседки, показавшейся в узком дверном проеме, Анна Григорьевна сказала,— у меня беда!

— Какая еще беда?

— Хотела принять лекарство перед сном, таблетку выронила. Весь пол облазила, найти не могу.

— Возьми другую.

— Не шути. Она дорогая. Две тысячи за упаковку.

Дверь открылась. Зина, давнишняя соседка Анны Григорьевны; лет тридцать назад они одновременно вселились в этот новый тогда дом, накинула на плечи теплый халат и вышла на лестничную площадку.

— Как дверь-то у тебя не захлопнулась,— ворчливо сказала Зина.— А то у меня пришлось бы ночевать.

Они вошли в квартиру Анны Григорьевны. Небольшая, уютная «двушка» с маленькой кухней и совмещенным санузлом. Зина часто бывала в квартире соседки-подруги. Во всю стену книжные полки, заставленные книгами, журналами. Много картин. Портреты Анны Григорьевн, ее дочери, внучек. Дорогая старинная мебель. Зина и Анна Григорьевна часто ходили друг к другу в гости, «на посиделки». Обе были вдовы. У Зины жил внук, парень двадцати лет. Нигде не работал. Все день сидел за компьютером. У Анны Григорьевны компаньонкой была кошка по кличке Тара. Почему такое странное имя? Полное было Тарзанка, так ее покойный муж назвал кошку — любила она, когда была молодая, лазить по мебели, занавескам. Теперь кошка была старая, уже не лазила по шкафам, чаще целыми днями лежала на диване и вставала только поесть. Оттого и имя стало короче — Тара.

— Где уронила? — спросила деловито Зина.

— Где уронила, уже не помню. Собралась спать, положила на стол. Пошла на кухню за водой запить лекарство. Прихожу, найти не могу. Под столом смотрела — нет. Вернулась на кухню — может, там забыла, тоже нет.

Обе пожилые женщины встали на четвереньки и стали шарить руками по полу. В комнате, потом на кухне, искали даже в туалете. Решили посмотреть под диваном, может туда закатилась таблетка. Что-то белело под диваном у самой стенки, рукой не достать. Фонарика в доме нет.

Взяли швабру и стали двигать ею под диваном в разные стороны.

За этим занятием застал их Зинин внук, обеспокоенный долгим отсутствием своей бабы Зины.

— Чтой-то вы делаете? — спросил он.

— Таблетка, лекарство под диван закатилось. Достаем,— ответила Зина.

— Дайте я попробую.

Зинин внук взял швабру, лег на живот и также стал двигать ею под диваном. Минуты через две что-то беленькое выскочило из-под дивана и покатилось по полу. В тот же момент Тара спрыгнула с дивана и стала играть таблеткой, а это была именно она, как играет кошка с мышкой.

— Уф-ф,— выдохнули обе пожилые женщины сидя, не вставая с пола. Они очень устали. Это был и вздох облегчения. Дело сделано. Таблетка, в самом деле, есть. Это не плод фантазии Анны Григорьевны. Рассеялись и сомнения Зины. Она думала, что ее подруге все почудилось.

Но таблетка вновь оказалась под диваном, куда ее загнала Тара. Проблема оставалась. Как достать? Диван был тяжелый, старинный, обитый кожей, застлан ковром. Им обеим, даже с внуком, вместе взятым, сдвинуть его с места было не по силам.

На глаза Анны Григорьевны навернулись слезы. Жаль было таблетку. Дорогая. Такими вещами сейчас не разбрасываются. Пенсия маленькая. Продавать дорогие ей вещи было жалко. Старинный диван купили давно, когда муж стал начальником лаборатории. Портреты ее и внучек писал знакомый художник. Книги на полках, занимавших всю стену, собирали с мужем всю их совместную жизнь. Здесь были теперь редкие издания, дарения знакомых писателей. Здесь была вся ее жизнь.

— Почему у вас дверь нараспашку? — сказал старинный друг и сосед Володя. Был он одногодок со свои-

ми соседками-подругами, Зиной и Анной Григорьевной. Зинин внук, когда зашел за своей бабушкой, забыл дверь за собой закрыть.

Володя — своеобразный был человек. У себя в квартире все мастерил сам. Любимым занятием его было приготовлять спиртные напитки. Рецепты никому не раскрывал, но угощал соседок с удовольствием и безвозмездно. Называл «коньяками». По цвету были коричневыми и крепкими. Приносил своим соседкам в маленьких, как наперсток, металлических рюмочках. «Пейте,— говорил,— помогает и от сердца, и от головы».

Ему рассказали, в чем дело.

— Так,— деловито сказал он.— Бери-ка, парень, с того края, а я с этого возьму.

Вместе с Зининым внуком они приподняли диван и отодвинули его от стены.

Анна Григорьевна первая заглянула в открывшееся пространство между диваном и стеной.

— Вот она!

Она перегнулась через спинку дивана и бережно двумя пальцами взяла таблетку.

— Держи крепче, не урони,— говорила Зина, помогая Анне Григорьевне выпрямиться и слезть с дивана.

В руке Анна Григорьевна держала беленький кружочек и улыбалась. «Наконец!» тихо сказала она, и обвела всех радостным взглядом.

— Это лекарство очень дорогое. Каждая таблетка как золотая монетка. И достать трудно. Только по рецептам.

Володя вместе с внуком Зины поставили диван на место.

— Сейчас приду,— сказал Володя и быстро вышел из квартиры Анны Григорьевны.

Анна Григорьевна бережно положила таблетку на блюдечко и осторожно поставила его в сервант.

— Ну, я пошел,— сказал внук.— Кажется, я дверь в квартиру забыл закрыть.

— Радость-то какая!— воскликнула Зина. Обе соседки уселись на диван.— Не теряй больше,— сказала она Анне Григорьевне.— Тем более такую дорогую.

Пришел Володя. В руках у него был бутылка с коричневой жидкостью и три металлические рюмочки-наперстки.

— Ну что, подруги, это дело надо отметить. Не каждый день теряется что-то дорогое. И, главное, находится. Этот коньяк я на пленочках от грецких орехов настаивал, успокаивающе действует.

Он налил в рюмочки «коньяк», себе и своим соседкам.

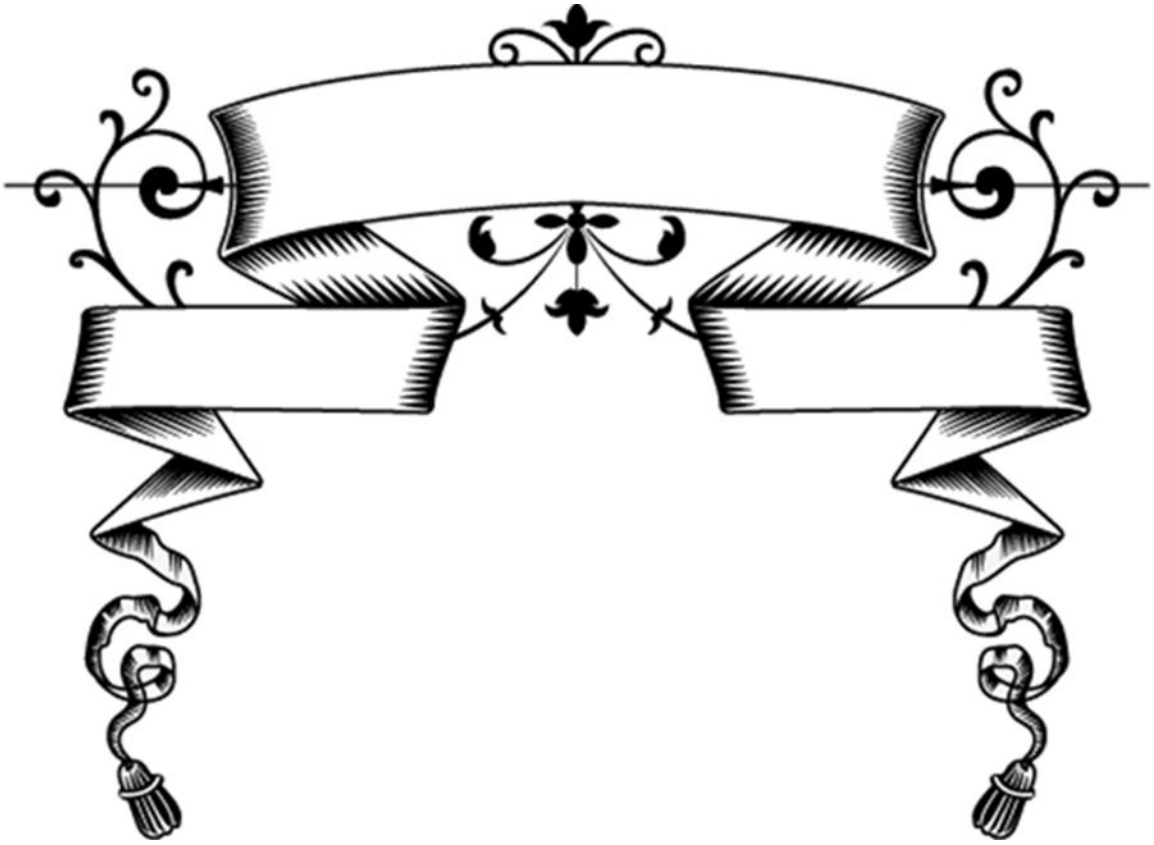
Анна Григорьевна достала из серванта вазу с конфетами и поставила на стол.

— Все хорошо, что хорошо кончается. — Под этот Володин тост выпили.

Было уже поздно. Но они этого не замечали. Не расходились. Все трое были довольны. Довольны тем, что получилось сделать хорошее, доброе дело. Они вспоминали другие случаи с ними за многие годы их жизни в одном доме, на одной лестничной площадке. И что они всегда приходили друг другу на помощь. И было от этого им хорошо. Они выпили по рюмочке-наперстку не один раз.

— Пора по домам,— сказал, поднимаясь, Володя.

Анна Григорьевна Пескарева проводила гостей. Закрыла за ними дверь. Подошла к серванту, взяла осторожно с блюдечка таблетку. Пошла на кухню, набрала воды из крана и приняла лекарство. Легла на диван и уснула.



ПОЭЗИЯ

ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА
НАТАЛЬЯ АРТЕМОВА
ЭДУАРД ГЕОРГИЕВСКИЙ
ВИКТОРИЯ ТКАЧ
ОЛЬГА БОРИСОВА
АНАСТАСИЯ ДЕМИДОВА
ЕЛИЗАВЕТА ВЕСИНА (БАРАНОВА)
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
ВИКТОР МЫЗНИКОВ
НАТАЛЬЯ ШЕСТАКОВА
ЕЛЕНА ХАФИЗОВА
ВАДИМИР ТРУСОВ
ЛЮБОВЬ БОНДАРЕНКО
СЕРГЕЙ ОДИНОКОВ
ИРИНА ТАТАРНИКОВА
ЭДУАРД ДЭЛЮЖ
ЛАРИСА ЛЕБЕДЕВА
СВЕТЛАНА ЛЮКШИНА
НАТАЛИ СИЛАЕВА
СЕРГЕЙ НОСОВ
ОЛЬГА ПРИСТУПЕНКО
ЮЛИЯ ВОЕВОДИНА

ГАЛИНА ЛЯЛИНА
НИКОЛАЙ ТИМОХИН
ЯКОВ ШАФРАН
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
НИНА ПОПОВА
СЕРГЕЙ НИКУЛОВ
ЛЮБОВЬ САМОЙЛЕНКО
СЕРГЕЙ ЖИГАЛИН
ВЛАДИМИР ГЕРАСИМОВ
АНФИСА ТРЕТЬЯКОВА
ВАЛЕРИЙ АКИМОВ
СЕРГЕЙ ФИЛИППОВ
АННА МИКАЕВА
ЕВГЕНИЙ ВАРЛАМОВ
ИРИНА КОНОВАЛОВА
АНТОНИНА МАРКОВА
ЮЛИЯ КОЛОБКОВА
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ОЛЬГА ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ
ТАМАРА САМОХИНА
ВАЛЕНТИНА ВОЛЧКОВА
СТАНИСЛАВ ВОРОНЦОВ

Галина ЗЕЛЕНКИНА

г. Кодинск Красноярского края

Родилась в 1947 г. в г. Бресте Белоруссии. С 1960 г. живет в Сибири. По специальности инженер-электрик. Пишет с 1997 г.. Автор романов, сборников стихов и детских книг. Стихи и проза печатаются в России и за рубежом. Член СПР (МГО) и Петровской академии наук и искусств. Постоянный автор нашего альманаха.

Я ЖИВУ ИЗ СЕБЯ

Я живу из себя
среди строчек и строк,
Каждый день
то слепая, то зрячая.
И судьбу теребя,
приближает мой срок
то холодная ночь, то горячая.
Я живу из себя,
как родник из земли,
Пробиваясь сквозь
ложь и злословие.
Об утратах скорбя,
ради вечной любви,
Я о жизни пишу
послесловие.

УСТАВШИЕ СТРУНЫ ГИТАРЫ

Михаилу Яроховичу

И трогали руки
уставшие струны гитары,
и падали звуки,
случайно взлетевшие ввысь,
тем звукам внимая,
шумели в ответ тротуары,
судьбу обгоняя,
бежала по ним чья-то жизнь.—
Наивное племя
играет симфонию страсти,
и ветер гуляет,
и шепчет о чем-то трава.
Судьба делит время
и жизнь на неравные части,
и я говорю ей
о том, что она не права.
И я говорю ей
о том, что по совести надо
и радость, и горе
делить меж людьми пополам.
Она отвечает,
что жизнь — это тоже награда,
и цены на жизнь
назначать доверяют не нам.

СТРАННИЦА

Я — странница! На жизненной дороге
Искала, Богом данную, печать
И, обивая вечности пороги,
Не догадалась в двери постучать.
Не догадалась постучать три раза
И прокричать: «Впустите, это я,
Которая всю жизнь боялась сглаза
И серых кардиналов бытия.
Впустите хоть на краткое мгновенье,
Хочу я заглянуть в глаза судьбе
И попросить на время вдохновенье,
Чтоб снова возвратить себя себе.
Впустите, испытать хочу блаженство
От созерцания пречистых душ.
Скажите, как достигнуть совершенства,
Не оскверняя плоть грехом к тому ж?»
Не догадалась… Да простят мне Боги
Тот грех, что совершила при ходьбе:
Я выплеснула страхи и тревоги
На платье независимой судьбе.
И совершив сей акт самолеченья,
Я обрела спокойствие и мир.
Как часто, причиняя огорченья,
Мы портим судьбам праздничный мундир.
Судьба найдет свой пятновыводитель.
Найду ли я средь хлама бытия
Для странницы достойную обитель,
Чтоб испытала радость жития?
Или придется снова по дороге
Мне чередою зим и лет идти?
Так трудно не стереть о звезды ноги,
Когда идешь по Млечному пути.

ТЫ, ДУША МОЯ

Ты, душа моя, не кричи,
обжигаясь сердечным инеем.
Горизонт наших чувств в ночи
чертит время неровной линией.
Я, как степь, где растут полынь,
лебеда и крапива жгучая.
Ты, душа моя, не остынь,
память сердца ознобом мучая.
Ты, душа моя, не мечтай,
что однажды окажут почести.
Мне, сбежавшей от волчьих стай,
лучший памятник в одиночестве.

ПРОШУ ПРОЩЕНЬЯ

Горит свеча, роняя свет в пространство,
и пляшут тени из последних сил,
и воск на блюде белого фаянса

причудливой фигуркою застыл.
Давно камин не рдеет от смущенья,
он холоден ко всем и ко всему,
и я прошу у Господа прощенья
за то, что льстила грешному уму.
Прошу прощенья за любовь от скуки,
с ней пили мы рифмованный коктейль,
и оттого не шли на ум науки
в том доме, где не прибрана постель.
Прошу простить за умопомраченье
и слабости минутные в пылу
не страсти, а порочного влеченья
то к Музе, то к напиткам на пиру.

Я ВАС ПРОЩАЮ

Живу, а сердце обесточено
и доступ к радости закрыт.
Дорога жизни укорочена
на десять верст чужих обид.
Я вас прощаю, люди добрые,
зло держит тот, кто духом слаб.
Ведь на Земле, все жизни пробные:
вчера — хозяин, завтра — раб.

Галина ЛЯЛИНА

г. Донской Тульской области

Родилась в г. Донском Тульской обл. Член Академии российской литературы, член СПР. Член ЛитО Новомосковска и Тульского православного клуба «Ковчег». Печатается в коллективных сборниках и альманахах. Автор шести книг стихов. Дипломант и лауреат многих конкурсов. Лауреат тульской литературной премии им. Я. Смелякова (2013 г.). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

НЕ ПОТОМУ ЛЬ КРИЧАЛИ ПТИЦЫ?..

В мажоре лето отзвучало,
И солнца взгляд скупей и реже.
Нам не начать любовь сначала —
Разрыв назревший неизбежен.
Расстались тихо, без скандала,
Без тени грусти и печали.
«Прости-прощай»,— ему сказала,
И птицы в осень прокричали.
Они как будто бы взгрустнули
Над непонятною судьбою.
А мы легко перечеркнули
Все то, что звали мы любовью.
Не полыхнут ее зарницы
Над сенью брошенного сада.
Не потому ль кричали птицы,
Предупреждая, что не надо?..
Кружили с криками над нами.
Был крик волнующе-мятежен,
И взмахи шумные крылами…
Но наш разрыв был неизбежен.

***

Мне бы в лето взять абонемент
И, согласно этому билету,
Подобрать какой-нибудь момент,
Чтоб вернуться в радужное лето.
Нет прекрасней в мире ничего
Теплой и манящей летней ночи.
Лето — это чудо, волшебство,
Это что-то сказочное очень.
Это колокольчик полевой
И поляны с розовым кипреем.
Солнца луч, ласкающий, живой,
Тот, что кожу золотит и греет.
Хороши и летние дожди,
Да такие — лужи пузырятся.
Вспомнишь лето — радостно в груди
И глаза от радости искрятся.
В лето я возьму абонемент,
Если посчастливится случайно.
Подберу какой-нибудь момент
И миную осени печальной.

***

Вы видели предутренний рассвет,
Прикрывшийся простынкою небесной?..
Я видела… картины краше нет.
И от нее в груди дыханью тесно.
И восхищенных глаз не оторвать
От нежных красок с блеском перламутра.
Какой художник смог нарисовать
Такое восхитительное утро?..
Придумал кто такую красоту,
Которая никем не повторима,
Кто воплотил для нас свою мечту,
Представшую пред нами обозримо?..
Я видела мистерию чудес,
Игру двух красок — розовой и алой.
И вдруг позолотился край небес…
Так, улыбаясь, солнышко вставало.

Я ВЕРЮ — НЕ ОДНИ МЫ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Мы — жители планеты голубой.
Я верю — не одни мы во Вселенной,
Поскольку всюду царствует Любовь,
Которая вовек благословенна.

Горит Огонь Божественной Любви
Во всех мирах, по всем меридианам…
Он вездесущ, он есть у нас в крови,
Согласно Божьим замыслам и планам.
Все в мире не случайно и не зря,
Ни шар земной, ни небо голубое…
Я верю, что, Творцу благодаря,
Все Мирозданье держится Любовью.
Ее престолов царственных не счесть
На всех планетах близких и далеких.
Там есть Любовь, и Жизнь там тоже есть,
А это значит — мы не одиноки.

ГДЕ ТЫ, РАДОСТЬ?..

Отчего мы в унынье живем?
И не в радость ни утро, ни вечер.
Так проходит у нас день за днем,
И друг друга порадовать нечем.
Растеряли мы радость свою,
А теперь бы собрать хоть по крохам.
Радость, радость… в каком ты краю?..
Без тебя неуютно и плохо.
Где ты, радость?.. Приди, покажись,
Светом солнца излейся нам в души,
Чтобы стала светлей наша жизнь,
Чтобы свет был внутри и снаружи.
Пусть наступят скорей эти дни,
(А наступят они непременно),
Вспыхнут радости нашей огни,
Словно яркие звезды вселенной.

Наталья АРТЕМОВА

п. Медвенка Курской области

Член СПР, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Лауреат, победитель и призер ряда международных, всероссийских и областных конкурсов. Награждена дипломом Государственного музея-заповедника С. А. Есенина (с. Константиново) «За верность есенинской поэзии». Наш постоянный автор.

***

Вдруг задохнешься от нежности,
Что удивишься и сам,
Примешь почти с неизбежностью
Преданность этим местам.
Преданность роду и имени,
Дом пропадет — так золе,
Небу бесхитростно-синему,
Черной от пота земле.
Гнездам грачиным, пустующим
В ветках моих тополей,
Сокам, в деревьях бунтующим,
Жару июльских полей.
Самой обычной, размеренной
Жизни родного села,
Запаху солнца и клевера,
Взглядам без примеси зла.

Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

***

Я, внучка непришедшего солдата,
Могу сказать, что был и мой солдат.
Моя семья ждала его когда-то,
И мне досталось по наследству — ждать.
А, может, он вернется белой птицей,
Обрывком песни, горькою, как соль.
А, может, кто-то все же дозвонится
В военкомат, откуда он ушел.
И скажет просто: «Разыщите близких.
Нам повезло в ушедшем сентябре:
Его нашли мы в желтой глине склизкой
За маленькой речушкой, на бугре».
И сердце ровно на секунду станет.
И на секунду замереть душе.
И только где-то будет плакать память
В пришедшей, нереальной, тишине.
А после снова мир ворвется в двери,
Взрывая звуком тишины накат.
И ты очнешься, веря и не веря.
— Ну, здравствуй, здравствуй, здравствуй,
мой солдат...

***

Разве они не поэтами были?
Те, что когда-то назвали «катюшами»
Наши орудия бешеной силы,
Злые орудия с русскими душами.
Те, что в окопах за час перед смертью
Сердцем к далеким сердцам обращались,
Те, что вернуться не в страшных конвертах
Самым любимым своим обещались.
Те, что в аду, застилающем небо,
Помнили непреходящие метки:
Чистые запахи сена и хлеба,
Яблонь посаженных белые ветки.
Как эта память в бою их хранила,
Как закаляла у волжской твердыни,
Как она с ними в атаку ходила,
Как расписалась на стенах Берлина!
Память любви — бесконечная память,
Вечная сила живого источника.
Это она за собою нас манит
И поднимает к поэзии подвига.

Николай ТИМОХИН

г. Семипалатинск, Казахстан

Поэт. Член СПР, член Союза журналистов России. Автор многочисленных книг стихов и прозы, вышедших в Казахстане, России, Канаде и Германии. Зам. главного редактора по международным литературным связям журнала «Северо-Муйские огни» (Россия). Зав отдела поэзии журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» (Россия). Член литхудсовета журнала «Метаморфозы» (Беларусь). Председатель редколлегии международного художественно-публицистического журнала «Современная всемирная литература» (США).

***

Ты — моя любимая столица,
Лучезарный город Астана!
И в тебя так трудно не влюбиться,
Моему ты сердцу отдана.
Воспеваю я твои просторы,
Высоту и красоту домов.
Их цвета и яркие узоры
Описать моих не хватит слов.
Ты столица — символ Казахстана.
Астана — рождение чудес!
И тебя хвалить я не устану,
Возвышая словно до небес.
Ты — моя любимая столица
Лучезарный город Астана!
И в тебя я навсегда влюбился,
У меня такая ты одна.

***

Дорога, длинная дорога,
Ковром лежит передо мной.
По ней иду давно и много,
Вдали оставив дом родной.
Остались в прошлом все печали,
Моя любовь к тебе одной.
Ее смогу забыть едва ли,
Хоть стала ты совсем другой.
Иду в жару я и в ненастье,
Чтоб одолеть нелегкий путь.
Искать свое повсюду счастье,
Быть может, в этом жизни суть?
Дороги, новые дороги…
Как долго мне шагать по ним?
Остались позади тревоги.
Любовь растаяла как дым…

***

Вся твоя красота — это тайна.
Не могу я ее разгадать!
Ты загадочна необычайно,
И к тебе я желаю опять
Прикоснуться, как к звездам, губами,
Чтоб остаться с тобой навсегда.
Описать твои очи словами
Я не в силах. Твоя красота
Не дает много лет мне покоя.
Не могу я найти себе места.
У меня предложенье такое:
«Согласись стать моею невестой!»
Ты и вся красота твоя — тайна.
Не дари мне молчанье опять.
Наша встреча с тобой неслучайна.
Ты хоть что-нибудь можешь сказать?

***

Вновь до утра мне не уснуть,
Когда со мною рядом ты.
Нас ждет с тобою долгий путь
В страну любви. От красоты
Твоей небесной, неземной,
Я чувствую души полет.
Рожден он давнею мечтой
О счастье нашем. Вновь придет
Рассвет — желаний исполненье.
Мне не сомкнуть глаз до утра,
Ведь это страсти наступленье
И вечная любви игра.

***

Мне фонари в глаза пускают свет,
И не смогу уснуть я до рассвета.
Все кажется, конца у ночи нет.
А новый день за горизонтом, где-то —
Лишь на подходе… Что он принесет?
Заранее никто не в силах знать.
И я гадать не стану наперед —
потери или счастье? Но опять
В глаза мне фонари пускают свет.
И не усну теперь я до рассвета.
И кажется, прошло так много лет.
Вся жизнь пролетела, как комета.

Эдуард ГЕОРГИЕВСКИЙ
г. Тула

Родился в Туле. В 1966 г. окончил Первый московский мединститут. В 1966—1970 гг. работал врачом на Сахалине и затем тридцать пять лет в Тулоблбольнице. Врач высшей категории, Заслуженный врач РФ. Автор многих книг стихов и прозы, музыкального диска и печатного альбома песен на свои стихи. Печатается в журналах, альманахах и коллективных сборниках, соавтор ряда сборников, автор многочисленных публикаций в прессе. Член СПР. Основатель, составитель и гл. редактор альманаха «На крыльях «Пегаса». Зам. руководителя Тульской общественной организации «Школа литераторов им. В. Ф. Пахомова «Пегас», член редакционного совета издания «Крылья души». Награжден литературными медалями. Постоянный автор нашего альманаха.

В БЕЛОУСОВСКОМ ПАРКЕ

Мой парк притих. Деревья оголились…
Иду, а под ногами слой листвы.
Он не шуршит: все листья превратились
в покров земли, а листья в нем — мертвы.
В лесу светло, и даже в непогоду
В нем побродить нуждаюсь иногда.
Люблю я парк в любое время года.
В него влюбился раз и навсегда.
Вот первый снег на слой листвы ложится,
Зима в права вступила наконец.
А по весне по насту пробежится
Ручная белка из конца в конец.
Апрель и май — два месяца как братья:
Набухнут почки, расцветут сады,
И вот весна уже в свои объятья
Захватит парк, посадки и пруды.
Зашелестит мой парк своей листвою,
По тропкам и аллеям я брожу.
Люблю мой парк и я, друзья, не скрою,
Что лучшего нигде не нахожу.

ВЕСНА

Лес притих в ожидании чуда,
Солнце дразнится ярким лучом,
Пахнет воздух весною повсюду,
Будто здесь и зима ни при чем.
Да, приходит конец зимним вьюгам.
Капли с крыш зазвенят хрусталем.
Поздравляя с весною друг друга,
Мы веселые песни поем.
Снова бьется влюбленное сердце,
Снова жизнь новым смыслом полна,
Никуда от весны нам не деться,
Знаю: зиму прогонит весна.
Скоро вскроются пухлые почки,
Выпуская листок в божий свет.
И опять стихотворные строчки
С вдохновеньем напишет поэт.
Лес притих в ожидании чуда ,
И проталинки всюду видны,
Знаю я точно так же и будет —
Оживет все с приходом весны.

Яков ШАФРАН
г. Тула

Цикл стихов
БЕРЕЗОВАЯ РУСЬ

***

Серые тени и серые будни,
Серый наш завтрашний день.
Однообразные серые блудни,
Вечная серая лень.
Бедная Родина, стала ты серой,
Как придорожная пыль.
И не измерить и точною мерой
Всех, превратившихся в быль.
Это судьба ли, иль просто ненастье —
Не было б только грозы!
Серое, может случиться несчастье —
Вспыхнет, как связка лозы.
Армагедон пусть останется Небу,
Нас пусть минет стороной.
В каждой записке на нужную требу —
«Боже, пошли нам покой!»

***

Время ненастное, небо туманное,
Дождь моросит без конца.
Где же ты, солнце, и лето, желанное —
Осень уже у крыльца.
Поле, бесхлебное, поле, заросшее
До горизонта травой,
Поле в ознобе стоит все, промокшее,
Тешит лишь цвет луговой.
И ветерка даже нет дуновения,
Клонит природу ко сну.
В зыбкое утро, в его откровения
Душу свою распахну.
Что же готовит нам время осеннее,
Что же готовит земле?
Только надежда — грядет воскресение
Наших полей по весне…

***

Бледнеет небосвод, сереет роща,
Березы с полутьмой слились.
Луна за тучами лучи полощет —
Беззвездна сумрачная высь.
Не спится мне, под утро нет покоя.
Пройдусь, хотя еще темно.
В поре такой есть что-то колдовское,
Как будто в мир иной окно.
Иду, стволы берез рукой лаская
И взором — розовый восток.
И видится душе: там жизнь иная,
Живительной воды исток.

***

Проста березовая роща,
Как вся березовая Русь.
Что может быть милее, проще?
Но отчего на сердце грусть?
Давно на рощу точит зубы,
Давно уж глаз свой положил
Богатый многоликий зубр —
Готов построить сотню вилл.
Что может быть сегодня проще?
Но отчего на сердце грусть? —
Проста березовая роща,
Как вся березовая Русь…

***

Прижмусь к березе — славно, благодать! —
В ней жизнь гудит кипуче, неустанно.
И, будто в детстве мне природа-мать,
Готова залечить любую рану…

***

Уж в роще темно, догорает тоскливо
Заря меж березовых крон.
И следом за ней наплывает лениво
Ночной продолжительный сон.
Но птицы, смириться со сном не желая,
Хвалебную песню поют.
И песня несется от края до края,
В любви провожая зарю.

***

Кто счастье ищет неустанно,
Меняя страны, города,
Игрушкой стал в руках обмана,
И жизнь такая — суета.
А счастье — солнца луч рассветный,
Сиянье россыпей росы,
И птичий певчий хор приветный
Среди березовой красы,
И сказочное многоцветье
Осенних радостных картин,
И серебро в закатном свете
Дрожащих тонких паутин,
И ветви, инеем покрыты,
И снег — от неба благодать,
Мороз забористо сердитый,
И речки ледяная гладь,
И звезд смиренное мерцанье
Из беспредельности в ночи,
Любви божественной дыханье —
Лишь «тихо чувствуй и молчи»,
Алмазная капель весною,
Бурливо звучные ручьи,—
Все это счастье мне земное,
Крупицы радости мои.
Еще: в покое и довольстве
Народ бы наш российский жил
И креп, и расцветал в потомстве,
И счастлив бы вовеки был.
И не нужна страна другая,
Других не надо городов,
Была бы ты, моя родная,
Земля мечтаний и трудов!

***

Речка, косогорье.
Дальние поля.
Ближнее подворье —
Милая земля.
Милая Россия,
Милая земля,
Ты моя стихия,
Ты моя семья.
Городами, селами
Мне б пройти твой свет,
Видеть их веселыми,
Слать любви привет.
Старые и главные
Песни петь и петь,
Чтоб деянья славные
Не кончались впредь.
Время тихо катится.
Взор стремится ввысь.
Прочь все неурядицы,
Чтоб мечты сбылись!

Виктория ТКАЧ

г. Тула

Поэт, переводчик. Зав. Домом-музеем В. В. Вересаева. Руководитель музейно-литературного объединения «Муза». Просветитель. Составитель и редактор альманаха «Муза». Член СРП. Автор девяти книг поэзии и многихх публикаций в России и за рубежом. Лауреат и дипломант международных, всероссийских и областных конкурсов и премий. Награждена медалью «Год литературы. За особый вклад в книжное дело». Стихи переведены на другие языки. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

Облако, похожее на льва,
На меня, незримую, смотрело.
Мягкая небесная трава
Оплетала солнечное тело.
И плыла, омытая дождем,
Память сна, пришедшего глубинно.
На вопрос: «А мы еще живем?»
Только взмахи крыльев голубиных…

ИСКУССТВО ЖИТЬ

Как дерево цветет, мечтая плодоносить,
Так юность, вся в мечтах, в побеги гонит жизнь,
Чтоб взрослой стать скорей мгновением одним,
И превратить в хлеба созревшие колосья.
О время, не спеши! Не так далёка осень…
Зачем искать свой срок? Ведь он уже внутри.
А потому на мир, как зернышко, смотри
И к небу прорастай, и пей ветра и росы!
И не жалей минут, чей бег молниеносен.
За вечным не гонись, довольствуясь судьбой —
Все то, что рождено, останется собой,
Что жаждет перемен, о том тебя не спросит…
Так дерево цветет…

***

Чуть громче голоса из Ветхого Завета,
Чуть ближе чудеса к прозрению минут…
Из всех земных дорог закончена и эта —
Как долгий вязкий сон, путь в новую весну.
И жертва лишь одна — распятый солнцем, тает
Бескровный хрупкий снег, спасеньем обделен.
А вербные цветы и трели в птичьих стаях
Вплетаются, как жизнь, в пасхальный перезвон.
Явился новый мир, святой водой омытый!
Уверуй и смотри, и принимай, как весть!
Зима — прощенный миг.
Все истины открыты,
И сладость бытия в воспетом небе есть.

***

«Передо мной невспаханное поле,
И в стойле конь, и плуг, и семена».
(Валентина Пинаевская)

Пора! Пора…
Измолото зерно,
Что станет скоро жизнью и прощеньем.
Хлеба готовы. Больше не дано
Измерить жерновам круги вращенья.
Предел всему. И все — конечный миг.
Взрастив судьбу, похожую на колос,
Вдруг осознать — того ли ты достиг,
Хоть изломал словами тихий голос
И стал, как пахарь, голоден и свят,
Иссушен солнцем и умыт ветрами,
Таким, как были сотни лет назад
Все те, кто шел вослед за семенами?
И ты не принимаешь мягкий хлеб,
И каждый ломоть кажется с горчинкой.
И мнится: настоящей из побед
Стал привкус рифмы — маковой росинки
Во рту судьбы, пришедшей пировать.
Что часто, как прозренье, спит до срока.
Писать стихи — какая благодать!
И в стойле конь, и путь … такой далекий!

Олеся МАМАТКУЛОВА

г. Алексин Тульской области

Родилась 19.02.1980 г. в г. Щекине Тульской обл. Учитель биологии и географии. Автор трех сборников стихотворений и сборника песен. Лауреат районных, областных и московских литературных конкурсов. Имеет публикации в альманахах России и Польши. Член областного МЛО «Муза». Член СПР и Академии российской литературы. Наш постоянный автор.

Из цикла «Верую»

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Преображение души.
Преображение Господне.
Поют заздравную стрижи
Заре, родившейся сегодня.
Созревшим яблоком она
Лежит на блюдце небосвода.
Ах, август — тонкая струна —
Последний летний месяц года…
Тепла последнего причал.
Все ближе, ближе осенины!

Молочным облаком печаль
Плывет над спящею равниной.
Бледнеет узкая луна
Кусочком белого налива.
И ощущаю я сполна
Себя свободной и счастливой!

ПАСХА

Блаженный день! Христос Воскресе! —
Ликует дружно птичий хор!
И льет заря из поднебесья
Лучей малиновый кагор.
Осанна, жизнь! Светла седмица!
Сверкает злато куполов!
Весна по городу кружится,
Даря округе всей тепло.
Горят в церквах, сияют свечи,
Открыты Царские врата!
Тропарь гласит о жизни вечной,
Вослед ему поют уста.
Душа полна молитв и песен
Во славу веры, в Божью честь.
Христос Воистину Воскресе —
Несет по миру благовест!

БЛАГАЯ ВЕСТЬ!

Благая весть! Благая весть!
Летят к свободе нынче птицы
Под купол солнечных небес,
Туда, где диво сотворится!
Туда, откуда снизошел
Архангел, истину глаголя…
И Дева, чистая душой,
Повиновалась Божьей воле.
Где, грея всех и всем даря,
Любовь на собственном примере,
Сияет вешняя заря,
Ведь в чудо надо просто верить.

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Поэт, переводчик, писатель, член СПР. Автор ряда книг. Победитель и призер многих фестивалей и конкурсов. Лауреат международной премии «Славянские традиции». Стипендиат Министерства культуры РФ. Награждена медалью им. Е. Замятина «За успехи на литературной и культурной ниве». Публикуется в российских и зарубежных журналах. Стихи переведены на многие языки. Член Европейского конгресса литераторов, руководитель Самарской региональной организации РСПЛ, гл. редактор альманаха «Параллели», член редсовета журнала «Белая скала». Член ЛитО «Точки» при совете по прозе СПР. Постоянный автор нашего альманаха.

ЗАБЫТЫЙ ДОМ

Капельки падают с неба прозрачные,
Ветер упрямый стучится в окно.
Створками бьются окошки чердачные,
Их починить не мешало б давно.
Да недосуг все. Хозяева в городе.
К лету, кабыть, навестят отчий дом.
Мерз и стонал в нестерпимом он холоде,
С дверью забитой досками крестом.
Дом горевал, вспоминая жизнь прошлую:
Деда Ивана да Марью его.
В поле могилки их — тоже заброшены,
Здесь за сто верст не видать никого.
С крышей протекшей,
пустыми глазницами —
Смотрит с надеждою в мутную даль.
Серое небо моргает ресницами,
Снова дождит, навевая печаль...

КУДА ОТПРАВЛЯЮТСЯ ЛЮДИ…

Вокзал, словно улей жужжащий,
Вершитель и встреч, и разлук,
С толпою, безумно спешащей
Под истовый поезда звук.
Куда отправляются люди,
Что ждет их в вагонном пути?
Кто скрасит дорожные будни,
И что у них там — впереди?
Как пропуск в мою неизвестность —
В кармане несмятый билет.
Прощальный гудок… и окрестность
Плывет мимо окон в рассвет.
Что гонит меня, пилигрима,
Блуждать по задворкам страны?
Неведомой силой томима
Забытой ищу старины.
Стремлюсь к простоте и раздолью,
Где есть еще русичей дух.
Встречают, где с хлебом и солью,
И будит на зорьке петух.

НЕБО

Долька лимона повисла над домом,
Ярко сияет ночная звезда…
Вольное небо — оно невесомо,
Тайное небо — оно навсегда!
Взор устремляю к далеким светилам,
Знаки и смыслы ищу в вышине.

Символы бездны — познать не по силам,
Тайнопись звезд непонятная мне.
Я во вселенском потоке — частица,
Вспыхнула, выполнить чей-то завет.
Время придет, улечу, словно птица,
В небо! Туда, где немеркнущий Свет.

ОСЕННИЙ ГОРОД

Оплетенный бульварами город
Засыпает лимонной листвой.
Лист кленовый свалился за ворот,
Покружив над моей головой.
Вот и осень... Навеяла скуку...
Бабье лето бредет по стопам,
Извещает о скорой разлуке
Рыжим скверам, бульварам, цветам.
И во всем — неизбежность покоя.
В уходящем — немая печаль.
Но цветут еще пышно левкои
И светла заоконная даль.

Нина ПОПОВА

г. Москва

Попова Нина Викторовна родилась на Белгородчине. Окончила с отличием Московский полиграфический институт, Высшие литературные курсы (семинар В. Сорокина) и аспирантуру Литературного института им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук, исследователь творчества П. Васильва. Поэтесса, публицист и переводчик. Член СПР, Славянской литературной и художественной академии (Болгария), Академии поэзии и Академии российской литературы. Лауреат ряда литературно-общественных премий и наград. Советник председателя МГО СПР. Наш постоянный автор.

***

Выбираю совесть, а не страх,—
Мне Россия сердце подарила,
На ее березовых ветрах
В отчем слове — праведная сила!
Больше жизни Русью дорожу,
Никому издревле не покорной,
Хоть и рвется ворог за межу,
Тянет жало к чистоте соборной.
Никогда иудам не понять,
Что навеки, свято и сурово
Встала за Россию Божья рать
И — плечом к плечу — солдаты Слова!

ЛЕС

Я войду в этот лес,
Где гуляет озябшее эхо,
Где надмирной звезды
Угасает полуночный свет.
Предсказанья небес
Никому никогда не помеха,
Чтоб оставить следы
Там, где не было следа и нет.
Заблужусь в синеве
Молодого шального апреля.
Звездный свет в полумраке
Струится, как вешний мотив.
Я побуду в родстве
С этой зыбкой, как сон, акварелью,
В каждом поданом знаке
Реальность на миг ощутив...
Не зову за собой,
В дом, где время сожжет, словно свечи,
И напевы лесные,
И заветную мудрую тишь...
Вековечный покой
Обнимает усталые плечи,
А ветра зоревые
Заверяют: «Ты все сохранишь!»

БЕРЕЗЫ

На пригорке, взлетающем в небо,
Где берез лебединая стая,
Я просила любви, словно хлеба,
Я молила любви, словно рая.
Ты молчал... Мои губы сухие
Обжигало молчания пламя.
И белели березки нагие,
Будто свечи, светясь между нами...
Понимали они, подневольно
Наклонясь под порывами ветра,
Как порой одиноко и больно
Лебединой любви безответной...
Наша сказка с тобой, словно небыль.
Сын растет... Под весенние грозы
На пригорке, взлетающем в небо,
В хоровод зазывают березы.

ОСЕНЬ

Чем-то пронзительно русским,
Чем-то забытым давно,
Чем-то прощальным и грустным
Осень дышала в окно.
Листья дрожали на кленах —
Осень к листве не добра,
В гулких полях отдаленных
Стыло сквозное «вчера»...
Этой размытостью серой,
Этой палитрой скупой

Осень мне сердце согрела
Перед суровой зимой.
Что-то крылато и вольно
Вдруг встрепенулось в груди,
Стало не грустно, не больно —
Стало светло впереди...

***

Потерпи немного, подожди,
Видно, доля выпала такая,
Нам с тобой попутчики — дожди
И туман от края и до края.
Помолчи, ты слышишь? Не спеши,
Лучше разговаривать молчаньем,
Сохраняя в тайниках души
То, что там хранилось изначально.
Не нужны ни письма, ни звонки,
Чувства в них не станут дорогими,
Словно птицы, улетят с руки,
Разделяя высоту с другими...

Анастасия ДЕМИДОВА
г. Тула

Родилась в г. Алексине Тульской обл. Окончила факультет иностранных языков в ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Пишет короткие рассказы, стихи, сказки. Участница МЛО «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева. Публикуется в журналах, альманахах, сборниках и в интернет-изданиях.

МАЙСКИЙ ДОЖДЬ

Боже мой, как пахнут тополя:
Детским раем, маминой заботой.
Листья ждут, восторга не тая,
Струн дождя — спасенья от дремоты.
Майский дождь раздался в пять октав,
Старый клен захлопал вдруг в ладоши.
Босиком, под шелест нежных трав,
Мокну я, я слушатель хороший.
...Гул затих, но запах тополей
Разжигает свет и греет душу.
Нежность детства — нет ее милей,
Сокровенный мир свой не разрушу.

ДВЕ ДУШИ

Поцелуй родного человека...
Сколько в нем любви и доброты!
Буду помнить больше полувека
В мире слез, разлук и суеты.
Две души случайно прикоснулись,
Это счастье с блеском нежных глаз.
Мы друг другу тихо улыбнулись —
Сердца два, растаявших в тот час.
Пусть надежды свет и радость лета
Скоро нам удачу принесет!
Пусть мечта, потерянная где-то
Вдруг найдется и пойдет на взлет!
Две души, нашедшие друг друга.
В век потерь, обид и горьких фраз...
Вырвемся из замкнутого круга.
И найдем себя еще не раз.
Две души. Близки и так далёки,
С прошлой жизни натянулась нить.
Рядом мы не будем одиноки,
Что дано нам, будем честно жить.

УЛЫБКА СОЛНЦА ИЗ-ЗА ТУЧ СЕРЬЕЗНЫХ

Улыбка солнца из-за туч серьезных...
Себе я разрешила снова жить.
Вдыхая нежный аромат мимозы,
Хочу, как солнце, лишь по небу плыть.
Вдруг обнимать и радовать прохожих,
И принимать тепло далеких глаз.
Вверху не я, свечу не я ведь тоже,
Но так хочу тепла далеких фраз.
А солнце светит. Небо голубое
Кричит «Ура!» весне и топит снег.
И, кажется, вокруг все неземное,
Журчат ручьи — мой личный оберег.
Но все бело, природа не сдается,
Ее ведь планы неподвластны нам.
Смотрю в окно — и солнышко смеется,
И верю: есть здесь место чудесам!

НЕ ГУБИТЕ СТАРЫЕ ДОМА

Не губите старые дома,
Они смотрят так печально и тоскливо,
Тихо в прошлое уйдут, неторопливо,
Слепит нас наживы пелена.
Душу растревожат старики,
Их все меньше, мы всё строже с ними.
Променяли на толпу и магазины,
Память ведь беречь нам не с руки.
Напоить бы свежести глотком,
Вставить окна, заменить все двери.
И с улыбкою заставить всех поверить,
Что любовью к прошлому живем.

Сергей НИКУЛОВ
г. Тула

Родился в с. Морозовы Борки Сапожковского р-на Рязанской обл. С 1979 г., после службы в армии, проживает в г. Туле, работает токарем на заводе. Член православных клубов писателей «Ковчег» и «Родник», ЛитО «Пегас». Печатается в «Приокских зорях» и «Ковчеге», в альманахах Тулы. Автор двух сборников стихов. Постоянный автор нашего альманаха.

.

***

Зажигает месяц свечи
Над раскрытым небосводом.
Пахнет деревенский вечер
Молоком парным и медом.
Отпылал закат вчерашний,
Грудь земли покоем дышит.
Спят луга, леса и пашни,
Спят дома… С пологой крыши,
В платье цвета спелой вишни,
В изумрудных босоножках,
Ночь спускается неслышно
До не спящего окошка.
В дом заглянет ненароком
И замрет, дышать не смея:
Чистый лоб, пушистый локон,
Нежная девичья шея…
Без любви весной — ни шагу!
Букв заглавных завиточки…
Ночь… Ложатся на бумагу
Изумительные строчки.

КАМЕНЬ

Есть валун за оградою кладбища,
Весь замшелый, заросший травой.
Что за грешник обрел здесь пристанище,
Завершив путь нелегкий земной?
Извела ли тоска безысходная,
Твой до срока закончила век?
Или горе рекой полноводною
Захлестнуло тебя, человек?!
А душа не отпетая мается,
Между небом парит и землей.
Может в образе птичьем скитается
И нигде не находит покой?
Все мы грешны — не звезды лучистые.
«Не судите…» — Всевышний учил…
Я сорвал две ромашки душистые
И на камень-горюч положил.

***

Уходит день за окоем,
Но я о нем не плачу:
Мне эта жизнь дана взаем,
Я здесь немного значу.
Мальчишкой я рассветный час
Встречал на хлебном поле,
Работал честно и не раз
До пота, до мозолей.
С Отчизной вместе испытал
Падения и взлеты.
Точил я Слово и Металл —
Серьезная работа.
За строки звонкие стихов
Не ждал себе награды:
Здоровье близких, хлеб и кров —
Иных богатств не надо.
Я этот путь прошел бы вновь,
Не изменив Отчизне.
В моей душе цвела Любовь,
И Счастье было в жизни!
Когда устану от дорог,
Смирюсь с судьбой, поверю —
Ступила старость на порог…
Я распахну ей двери,
Воздам хвалу своим годам,
Скажу словечко детям
И долг безропотно отдам,
Чтоб вечно жить на свете!

***

Я проеду снова сотни километров,
Память тронет в сердце звонкую струну…
Распахну я руки, обнимаясь с ветром,
Полной грудью воздух Родины вдохну.
На носки привстану, потянусь до хруста…
За одно мгновенье растворится грусть.
Я, машину бросив, повинуясь чувству,
Не спеша, вразвалку, улицей пройдусь.
Русская глубинка!..
Здесь как прежде — просто,
Истово, покойно… Часа не пройдет,—
Обнажая душу, грязною коростой
Облетит фальшивый городской налет.
Мне не надо даром никаких Америк:
Я влюблен в родного неба синеву
Да в рязанской речки кочковатый берег,
И в разлуке с ними — дня не проживу!

Елизавета ВЕСИНА (БАРАНОВА)

г. Тула

Родилась в Туле. Кандидат технических наук, доцент. Работает в ТулГУ на кафедре «Информационная безопасность». Стихи пишет с детства. Написано около четырехсот стихотворений, венки сонетов и две поэмы. Изданы четыре книги. Пишет прозу, автор романа «Гармонические колебания». Публикуется в российских журналах и альманахах. Переведена на польский и английский языки. Победитель различных конкурсов стихотворений. Награждена литературными медалями. Член СПР. Член независимого литературного агентства «Московский Парнас». Секретарь редакции журнала «Приокские зори». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

Мне достаточно края земли,
И не края, а краешка только,
Где сирени тебя замели,
Замели — и оплакали горько,
Где внезапно пути разошлись,
Чтобы снова сойтись, пересечься,
Где покатых потесанных крыш
Основания, плечи, предплечья
Держат лунную голову,
Где,
Как на карте нездешнего мира,
а твоей полудетской судьбе
Перепутий лежит паутина.
Вековая подруга — тоска,
Наводнившая сгибы ладоней,
Как мне выплеснуть,
Как расплескать
Из ладоней твой голос бездонный?
Как мне краем земли пробежать,
И не краем, а краешком только,
Чтобы видеть в лице у дождя
Все того же, кем был ты, ребенка?..

***

Оранжевым, желтым, зеленым
И красным раскрашенный лес
За гранью, за далью, за полем.
Не близко.
Не рядом.
Не здесь.
Хотелось бы снова коснуться,
Морозко пока не суров,
Твоих первородных конструкций,
Твоих первобытных основ.
Мне тени лесные послушны,
Их оклики разрешены,
Как вечной твоей опекунше —
Хозяйке твоей тишины.
Но так несподручна дорога,
Поросшая — крепко — быльем,—
Я раньше была быстронога
И очень легка на подъем.
Приди, если сможешь, приблизься
Приснись, чтобы мне разглядеть,
Как встретят болтливые листья
Свою торопливую смерть,
Как впишется поздняя осень
В извилистый твой поворот,
Как дождь беспризорником босым
Взволнует нехоженность троп.

Любовь САМОЙЛЕНКО

г. Тула

Член РМСП и Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина (Санкт-Петербург). Член Московской писательской организации и Чеховского общества при СПР. Секретарь тульского ЛитО «Пегас». Лауреат тульской областной литературной премии им. Ярослава Смелякова. Наш постоянный автор.

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ ПРУД

Яснополянский пруд. Любуюсь
Его природной синевой.
От вдохновения волнуюсь,
Смотря на шарм воды с листвой.
В пруду кружатся листья клена,
Березок, ивы молодой…
В осенний час и я влюбленно
Гляжу на этот вальс с водой.
Красиво! Строки призывая,
В моих руках раскрыт блокнот.
Курлычет в небе птичья стая,
На теплый юг с собой зовет.
Но нет милей родного края.
Его щемящей красоты.
Природы музыке внимая,
Дарю и я стих доброты.

ЛЮБЛЮ Я РОССИЮ…

Люблю я Россию за майские грозы,
За белые платья кудрявых берез.
Сжимается сердце, волнения, слезы,
И я понимаю, что это всерьез.

Всей грудью дышу,
не могу надышаться.
От запахов тмина кружит голова.
И новые строки, рождаясь, ложатся,
На белое поле, где рифмы слова.
И хочется петь, танцевать, веселиться.
Когда пребываешь в такой красоте,—
Вновь в строках взлетаешь
до неба, как птица,
Забыв о проблемах, делах, суете.
Люблю я Россию за майские грозы,
За белые платья кудрявых берез.
Сжимается сердце, волнения, слезы,
И я понимаю, что это всерьез.

ПРЕДДВЕРЬЕ СТРОКИ…

Четыре часа… почему-то не спится.
В окошко стучится назойливо дождь.
А в памяти снова любимые лица
И поздней рябины осенняя гроздь.
Года пролетели, строку не нарушив,
Лишь только виски забелив сединой.
Украсив березу красивостью кружев…
Склоненной в утехах своих надо мной.
А дождь все стучится, ему не понятны:
Ни мысли мои, ни дрожанье руки…
Хотя и прошу, и шепчу ему внятно:
«Ты мне не мешай!
Я в преддверье строки!»

Вячеслав АЛТУНИН

г. Тула

Алтунин Вячеслав Васильевич родился в д. Песковатое Белевского р-на Тульской обл. Окончил историко-филологический факультет Казанского ГУ. Почти сорок лет работал в газетах Тульской обл. Стихи пишет и печатается с четырнадцати лет. Автор пяти (одна — повесть) и соавтор нескольких книг, публикуется в литературных альманахах и сборниках. Лауреат литературной премии СПР «Бежин луг» им. И. С. Тургенева. Дипломант конкурса ЦФО «Потенциал России», номинант Национальной премии «Поэт года» (2016). Член СПР и Союза журналистов России. Постоянный автор нашего альманаха.

Я НЕ ПОМНЮ, В КАКУЮ ДАТУ...

Я не помню, в какую дату:
Замело, не сыскать следа.
Но я помню: в ночи когда-то
Загорелась во мне звезда.
Стала былью былая небыль,
И отныне всегда уже
Я искал отражение неба
В лицах, в судьбах, в каждой душе.
Я не знаю, как будет дальше,
В непроглядном, дальнем году.
Мне бы только пропеть без фальши
Перед тем, как навек уйду.
Чтобы в песнях — простор да ветер,
Чтобы в песнях — синь-синева,
Чтобы жили они на свете,
Как живут кусты и трава...

ЗАТОСКУЕТ ДУША

Затоскует душа
Посреди беспощадного быта
И возжаждет до слез
Неизведанных, дивных высот...
Хоть делами завалена,
Хоть суетою забита,—
Искры Божьего пламени
Все же в глубинах несет!
И, лишенная сил,
Безутешно порой зарыдает,
Истомившись под игом
Обид и болезней, и бед.
Но в чернейшие дни
Все же чувствует, верит и знает:
В скорби светится радость,
И выше той радости нет!

В ГЛУШИ

Поздний август. Пора звездопада.
Я один на бугре над рекой.
Изливается в душу прохлада.
Изливается в душу покой.
Далеко, за полями, в деревне,
В полумраке мерцают огни.
Вот простор мой, родимый и древний.
Отдохни здесь душа, отдохни.
Здесь знакомо все, мило и просто.
Не слышны здесь раздоры, бои.
Недалече, на старом погосте,
Почивают родные мои.
Сердце чувствует смертную тягость.
Это значит, что скоро уже
Я и сам в эту землю улягусь,
Одинокий и с болью в душе.
Вот и ночь опустилась на землю.
Ароматов и звезд торжество.
Августовская глушь. Не приемлю,
Кроме этих чудес, ничего!

ВОРОН

Нет ни солнца над миром,
Ни луны, ни звезды.

Рыхлым льдом, словно жиром,
Все заплыли пруды.
Ожиревшие птицы
Дремлют возле двора.
Лето все еще снится,
Словно было вчера.
Тонут в сизом тумане
Сад и поле, и лес.
Тополь светел и странен,
Как посланник небес.
С поволокой во взоре
Осень дивно легка…
Кра-кра-кра! Это ворон
Прилетел сквозь века.

ОСЕННИЕ ЗЕРКАЛА

Осенние сияют зеркала.
Сияет лес в своем цветном уборе.
Голубизна прозрачна и тепла.
Луна ущербна. Но багряны зори.
Немыслимый и многоцветный свет!
И облаков блистающих громады.
Ни серости, ни тьме здесь места нет.
Здесь даже тленье чисто, ароматно!
И мир на миг весь ясен, до основ.
И тишина в округе не случайна.
Безмолвие превыше всяких слов
И снов… В нем — бытия святая тайна.

РЫДАНЬЕ ЗИМНЕГО ДОЖДЯ

Зимний дождь разрыдался о лете,
О сияющей дальней стране
В этом тусклом, холодном рассвете,
В этом стылом, обыденном дне.
И природа давно неживая.
И под вечер, как и поутру,
Его слезы звенят, застывая,
Превращаются в лед на ветру…
Неприступен в своем безучастье
Этот мир. Но, идя стороной,
Зимний дождь разрыдался о счастье,
Невозможном в юдоли земной!

Сергей ЖИГАЛИН

г. Ефремов Тульской области

Родился 12.11.1946 г. в г. Воронеже. Вся деятельность, жизнь и творчество связаны с Тульским краем — г. Ефремовым. По образованию — педагог. Неоднократно печатался в поэтических сборниках ефремовских поэтов и на сайте «Стихи.ру».

ИВАН БУНИН. ЕФРЕМОВ — ПАРИЖ

Я приду в апельсиновый сад
ранним утром и срежу там розу…
Я шучу. Здесь у нас листопад.
И поэзии больше, чем прозы.
Здесь Ефремов. Здесь мама и брат.
Наготове небесные хляби.
Скромной осени яркий обряд.
Запах желтых антоновских яблок…
Будут Ницца и Грас. И Париж.
Апельсиновых рощ бесконечность.
Будет нобелевский престиж.
И тоска. И забвенье. И вечность…
Я пришел в апельсиновый сад.
Расцвели провансальские розы…
А в России теперь листопад…
А в России — снега и морозы.

ВОКРУГ РОССИИ МИР КРУЖИТСЯ

Духовному родству основа —
нет, не фамилия, не кровь!
Родство, скажу высоким словом,—
святая к Родине любовь!
Она — невзгоды и победы,
в ней каждый корень наш пророс!
Туда, где легче — не поедем.
Вращаем здесь земную ось!
Вокруг России мир кружится.
Центр миросотворенья — здесь!
Родной простор, родные лица.
Истории святая весть.
России дух и естество
сильнее, глубже, чем родство!

ДПИ

Декоративно-прикладное,
Наверно, каждому дано.
Оно доступное, простое.

Не шахматы, а домино.
Всего лишь веточка с цветочком,
На блюдце — ласковый узор.
Понятно, радостно и точно,
Таков был первый разговор!
Не родились еще наречья,
Но люди говорить смогли
На языке рисунков вечном
Во всех концах большой Земли!
Неважно что — резьба на дверце,
Гжель, Городец иль Хохлома,—
Творит художник чутким сердцем,
В орнаменте — судьба сама!
В простом узоре — космос. Вечность!
Любой художник — ювелир!
Пусть — бутафор, чеканщик, резчик,
В сережке крохотной — весь мир!

Виктор МЫЗНИКОВ

г. Тула

Родился в г. Москве в 1939 г. В 1962 г. окончил Тульский механический институт (ныне ТулГУ) по специальности «САУ» и в 1972 г. — Центральный институт повышения квалификации (Москва). Инженер, изобретатель, работал на оборонных предприятиях Тулы. Академик Международной академии авторов научных открытий и изобретений, отмечен ведомственными наградами. Имеет почетное звание «Изобретатель СССР». Член творческого объединения православных писателей «Родник», член поэтического клуба «Лирик», участник тульской общественной организации «Духовное соборное движение». Стихи пишет около двадцати лет. Дипломант ряда конкурсов. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ПАМЯТИ АЛЕШИ МАТВИЕНКО

Той школе, где не раз у классной стенки,
Он бодро отвечал, я бы просил,
Дать имя Алексея Мартиненко,
Героя, что так мало с нами жил.
Он рос как все, обыкновенный мальчик,
Учился в школе и любил гулять,
Есть пирожки, испить чайку стаканчик,
Но больше на природе отдыхать.
Алеша был внимательным и тонким,
Сень благородства проявлялась в нем,
Когда услышал, как кричат девчонки,
Немедля бросился на помощь в дом.
Палаточные домики горели,
Кровати, стены скрылись под огнем,
Девчонки полусонные ревели,
Не в силах отыскать дверной проем.
Спаситель юный, сам весь обгорелый,
Вокруг огонь и ядовитый смог.
Спасал других, от страха очумелых,
Но сам себя спасти не смог.
Он больше не придет в родные стены,
Его не поцелует в щеку мать,
Алеша был такой обыкновенный,
Но с сердцем, что способно сострадать.
Пройдут года и вырастут девчонки,
И будет на столе у них стоять,
Большое фото скромного мальчонки,
Что смог за них тогда он жизнь отдать.

***

Разволновалось Баренцево море,
Где под водой вдали от берегов
Боролись с пламенем, с пожаром споря,
Четырнадцать российских моряков.
Они служили преданно Отчизне
На боевых постах не для наград,
Спасли команду собственною жизнью
И сам глубоководный аппарат.
Средь них был Соловьев —
отважный, чистый,
Как храбрый и бесстрашный человек,
Он спас гражданского специалиста,
А сам вернулся в огненный отсек.
Они уж больше не сойдут на сушу,
Не встретит их любимая семья,
А их святые ангельские души
Защитой стали штата корабля.
Жизнь в подвигах проходит скоротечно,
Но помнит Родина своих сынов,
И в памяти останутся навечно
Четырнадцать героев-моряков.

Владимир ГЕРАСИМОВ

г. Тюмень

Стихи из новой книги «Провожая с грустью журавлей», подготовленной к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне.

МЫ РОЖДЕНЫ ВСЕ В СОРОК ПЯТОМ...

Мы рождены все в сорок пятом:
Когда салюты над страной,
Гремели праздничным раскатом
Над обезглавленной войной.
Мы рождены все в сорок пятом:
Когда шумел победно май
И не скрывали слез солдаты,

И сердце рвалось в отчий край.
Мы рождены все в сорок пятом:
Когда цвели кругом сады
И гордо реял стяг, поднятый
Над черным логовом беды.
Мы рождены все в сорок пятом:
Когда руины городов
На мир смотрели виновато
За поступь там чужих шагов.
Мы рождены все в сорок пятом:
Когда под стук и песнь колес
Домой спешили все солдаты,
В края тоскующих берез.
Мы рождены все в сорок пятом:
Под слезы счастья и любви,
Под горечь, радость, боль утраты —
И это все у нас в крови.

Я ТЕБЯ С ТОЙ ВОЙНЫ ЕЩЕ ЖДУ...

Памяти деда Мельникова Анатолия Петровича, 1898 года рождения, погибшего в сентябре 1943 года под Смоленском.

Мне всегда так тебя не хватало,
Я мальчонкой во сне тебя звал.
После детских серьезных баталий,
Так хотел, чтоб ты крепко обнял.
Но не ждал ты меня на крылечке,
Там бабуля встречала меня.
И всегда говорила сердечно:
— Ты терпи, вы ведь с дедом родня!
Ты не вел под венец своих дочек
И к березкам своим не водил.
Не носил на плечах милых внучек
И со мной по лесам не бродил.

***

Берегу твой кисет, треугольник солдатский,
Что проездом давно земляки завезли.
И землицу с могилы далекой той братской,
Где тогда вы с друзьями навечно легли...
На той дальней смоленской сторонке
Вам поют по весне до зари соловьи.
И стоят со цветами на праздник девчонки,
И не прячут сердечные слезы свои.
А ты знаешь? Тебя уже стал я постарше,
Твоим именем сына и внука зову.
Они, как и ты, стоят тоже на страже,
Охраняя страну, наш покой, синеву.

НАС ТАК МАЛО ОСТАЛОСЬ…

Наша память в полях подо Ржевом,
Где ночами все стонет земля.
Где слышны еще скорби напевы
И седые стоят тополя.
Там свинцом отливаются травы
И березы в поклоне грустят.
Рубежи там везде нашей славы,
Вечным сном там друзья наши спят.
Мы пойдем по заросшим проселкам,
В блиндажи, что пропахли махрой,
На поля, где свистели осколки,
И к окопам, где тишь и покой .
По дорогам пойдет наша память
Той постылой проклятой войны.
Где несли мы победное знамя
К тем салютам далекой весны.
Мы придем и к Синявским высотам,
К катакомбам подземным в Крыму,
И замрет снова сердце у дзотов
И у топок в фашистском аду.
По чужим мы пройдем городам,
Что встречали с цветами когда-то,
Спросим прямо: «Вы что ж, господа,
Снова мир наш ведете к закату?!»
Посидим мы опять у костров
В партизанских отрядах далеких,
Постоим у морских берегов,
У простых обелисков высоких.
И везде, сквозь солдатскую плоть,
Прорастает трава жизни новой.
Вразуми, кто в бой рвется, Господь,
Чтобы помнили все ад былого.
А однажды и мы на заре
Тихо к нашим уйдем батальонам,
Полетим вместе там в синеве,
С поколением непобежденных.

Наталья ШЕСТАКОВА

г. Брянск

Член ЛитО при Брянском отделении СПР. Публикуется в ряде российских альманахов и сборников. Дипломант международных и российских литературных конкурсов. Автор двух книг стихов. Наш постоянный автор.

ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Уходит год. Мигают фонари
Ему вослед туманными очами,
Наполненными светлою печалью.
В сугробах спят сады и пустыри.
В пространстве между темных облаков
Плывет луна, скромна и молчалива,—
Она подобна крупной желтой сливе.
А тысячи стеклянных светлячков
Слетелись в ожиданье Рождества

На городские улицы и парки,
Украсив провода, карнизы, арки,
Веселым разноцветьем волшебства,
Его приход встречая, тишина
Стоит в снегу в почетном карауле,
Хрустальные гирлянды из сосулек
Старательно развесила зима.
В моем окне качается звезда,
По дому бродит запах мандаринов,
И хочется усесться у камина
И слушать сказки рыжего кота.

В МИРЕ МУЗЫКИ

Бледнеет небо. Песня ночи спета.
Растаял заключительный аккорд.
Оранжевая музыка рассвета
Привычно будит сонный горизонт.
На длинных проводах электролиний,
Мелодию рассвета подхватив,
Живые ноты стайкой воробьиной,
Записывают утренний мотив.
Поет пространство. Музыкой пронизан
Наш мир, открытый свету и добру.
Забудь про будней мелкие сюрпризы
И посмотри внимательно вокруг.
Остановись. Прислушайся. Услышишь
Ты музыку в движенье облаков,
В грибном дожде, танцующем по крыше,
В дыханье ветра, запахе цветов…
…Однажды за дневною суетою
Вдруг зазвучит мелодия мечты.
Ее, как светлый дар, прими душою —
И музыку в себе услышишь ты.

Анфиса ТРЕТЬЯКОВА
Крым

Родилась в г. Симферополе. Пишет стихи с двенадцати лет. Участница, дипломант и лауреат ряда фестивалей и молодежного форума. Публиковалась за рубежом, в «Литературной газете» (Москва) и в сетевом журнале «Камертон». Имеет диплом за участие в проекте «Муза Тавриды», диплом победителя конкурса Президентских грантов 2018.

ЛЮБОВЬ

ночь. опять не спится.
видимо, в наказанье.
снова детства страницы
листает мое подсознанье.
луна. смотрю в окошко,
а на луне опять:
мальчик на тоненьких ножках
зовет меня с ним поиграть.
на худеньком желтом теле
каждая венка видна.
за что так со мной, в самом деле,
ты поступаешь, Луна?
мальчик на тоненьких ножках
зовет к себе меня вновь
и в маленьких держит ладошках
огромное чувство — ЛЮБОВЬ!

ВСЕ ПРОЙДЕТ

знаю, что все пройдет.
зная, что все пройдет,
я сразу могу простить
тебя на сто лет вперед.
жаль, не могу назад
даже на десять лет!
тому, кто не виноват,
вовсе прощенья нет!
как я могу простить
тебя за то, что Ты есть?
за то, что ты есть и пить —
как мне тебя простить?!
за то, что тебя хотят
десять моих негритят,
как сто утопленных котят
жить хотят!

НЕВЕЗУЧИЕ

все будет гораздо проще:
ярким, солнечным днем,
после бессонной ночи
мы навсегда уснем.
ты — у нее на коленях,
я — у него на руках.
все мои стихотворения
будут в учебниках.
все будет гораздо лучше
после того как мы,
самые невезучие,
не доживем до зимы.
не доживем до зимы,
так и уснув во сне.
лишь оттого, что мы
предпочли осень весне.

Елена ХАФИЗОВА

г. Тула

Елена Вячеславовна Хафизова родилась в г. Туле. С отличием окончила ТГПУ им. Л. Н. Толстого по специальности «Преподаватель педагогики и психологии дошкольной». С 1993 по 1996 год с отличием обучалась на филологическом факультете того же вуза. С 2013 по 2019 г. возглавляла отдел воспитательной и художественно-творческой работы тульской ДХШ им. В. Д. Поленова. Автор трех книг. Член Российского союза писателей и тульского МЛО «Муза». Постоянный автор нашего альманаха.

БОРИСЪ И ГЛЕБЪ

Баллада

1 Ствол дубовый шатром окружен
Отягченных листвою ветвей.
Так от многих поятых им жен
Князь Владимир имел сыновей.
2 Лишь одно — со гречанкой — дитя
Не Владимир зачал — Ярополк.
Над обрядами девства шутя,
Облаченье черницы совлек.
3 В дни неправды был братом убит,
И черница непраздной взята.
Беззаконьем рожден и повит
Святополк, чья страшна красота.
4 Только силой, не правдою, прав.
Зол душой и прекрасен лицом.
Зятем стал его кроль Болеслав
И латинец — духовным отцом.
5 Вместе с ним замышлял Святополк
Византийский обряд отменить.
Как лисица он крался, как волк,
Оборвать драгоценную нить.
6 Вместе с Рейнберном брошен в тюрьму
Возмущенным неправдой отцом.
Здесь мечтал, как удастся ему
Завладеть велекняжьим венцом.
7 С той поры, как Владимир простер
Свет Писанья святой надо всем,
Не один отпылал уж костер,
Лет минуло четырежды семь.
8 Прежде чем старший сын на отца
Беззаконную поднял главу,
От него тот не прятал лица —
Дал удел как растущему льву.
9 Туров взят Святополком и Пинск,
Ярослав в Новегороде стал.
Был в Ростове поставлен Борис,
Глебу Муром Владимир отдал.
10 Сын болгарыни, как и Борис,
Ближе всех к его сердцу стоит.
За Василия князя молись,
Младший в доме отца, как Давид!
11 Гасли силы державного льва,
Мощь скудела бестрепетных рук.
И седая его голова
Знала: смерть предвещает недуг.
12 И Бориса Владимир зовет,
Чтоб принять с печенегами бой.
И любимому сыну дает
Восемь тысяч дружины с собой.
13 Печенеги бежали дружин.
В то же время Владимир угас,
Верным слугам Борису служить
Оставляя последний приказ.
14 Святополк же по смерти отца
Захватил долгожданный престол
И к Борису отправил гонца,
Чтобы брат далеко не ушел.
15 Дабы в Киев его заманить,
И владенья сулил и любовь,
Замышляя, как Каин, пролить
Неповинную братнину кровь.
16 О затее безжалостной той,
Чтобы всех на пути своем смять,
Упрежден был в дороге святой,
Но не стал поворачивать вспять.
17 «Так же чешский убит Вячеслав...
Путь злоде́янья скользок и скор».
И, дружину свою отослав,
Князь на Альте раскинул шатер.
18 «От своей я судьбы не бегу.
Никого не сгублю за себя.
Только Глеба я не сберегу…
Но обнимемся скоро любя!..
19 Не поставь брату зол сих во грех,
Вероломство прости и обман!»
И хвалил Искупителя всех,
Как хвалил сладкопевец Роман.
20 «Может быть, и раскается он —
Носит имя в крещенье Петра…»
Тяжек, крепок и страшен был сон.
Шепот злой полыхал вкруг шатра.
21 И, лишь только зарделась заря,
Стал на утреню праведный князь.
И, сквозь полог мольбу его зря,
Не дерзали злодеи напасть.
22 Но умолкнул псаломский напев.
Лег на ложе Борис недвижим,
Ожидавшим войти повелев
И исполнить, что следует им.
23 Не успели приспешники весть
Об убийстве Бориса сказать,
Как и Глебу с ним равную честь
Поспешил Святополк оказать.
24 «Неразрывна меж братьями нить,
Нет покоя, покуда он жив».
И второго решил умертвить,
К беззаконью еще приложив.

25 И ко Глебу послал он сказать,
Ни на час не замедлить пути,
Если дышащим хочет застать
Тот отца и приникнуть к груди.
26 И немедля отправился князь,
И кружилась земля посолонь.
И, на устии Волги, преткнясь,
Вмале ногу вреди ему конь.
27 Дальше плыл он навстречу беде,
На кораблик спеша пересесть.
У Смоленска пристал он в ладье,
На Смядыни пришла ему весть
28 От Предславы, любимой сестры,
Что теченью положен конец:
«Не ходи, брат! Мечи их остры.
Нет Бориса. Почил уж отец».
29 Как гроза, разразилась беда
Над душой, как полуденный смерч.
«Для чего же и жить мне тогда,
Если лучших похитила смерть?
30 Что искать в этом мире еще,
Где Бориса уже не найду?
Пусть злочестья продолжится счет.
Я с охотой за братом пойду!»
31 И к погибели лодки текли,
Как течет неуклонно звезда.
«Сотворите, зачем вы пришли!» —
И блестели мечи, как вода.
32 Бог прославил нетлением тел
И десятками сотен чудес
Тех, кто брата убить не хотел
И до смерти смиренье пронес.
33 Святополк же повязан без пут
Расслабленьем, как немощью Рим.
Все кричал он: «За нами бегут!» —
Но лишь демоны гнались за ним.

Примечания

10 Василий и Давид — имена князя Владимира и князя Глеба в крещении.
19 Роман — христианское имя князя Бориса.
27 «Сказание о Борисе и Глебе» называет ладью трогательным словом «кораблик».
28 Теченье — движение, ход

Валерий АКИМОВ

г. Нижневартовск
Тюменской области

Родился в 1949 г. в г. Новомосковске Тульской обл. Службу по призыву с 1969 г. по 1972 г. проходил в погранвойсках на Финской границе. После окончания МХТИ им. Д. И. Менделеева в 1978 г. приехал в Нижневартовск и работает здесь в нефтепереработке. Почетный нефтяник. Стихи пишет с детства. Среди главных тем его творчества — возрождение традиций православия, сохранение исторической памяти и чувства патриотизма в человеке. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

НА ЭТО ДАЛИ ПРАВО МНЕ ОНИ!

ФРОНТОВИКИ

Они всегда шагали напролом,
В еде так и остались не гурманы,
Предпочитая рюмкам за столом
Советские, граненые стаканы.
Не потеряв солдатского лица,
Прошли с боями рубежи и страны,
И дружбой дорожили до конца,
И верили на слово ветераны.
С открытою душой к чужой беде,
Земная соль и лучшее в народе…
Вся жизнь прошла в заботах и труде,
В тяжелом, нескончаемом походе.
Измерить их — таких не сыщешь мер,
Что двадцать первый век еще не скомкал.
Для нас — неподражаемый пример
И надо говорить о них потомкам!

***

Великой юбилейною порой
Я тоже вдохновенно воспарил.
В моих стихах лирический герой
От первого лица заговорил.
Но почему, ведь сам не воевал?
Прости, солдат, коль этим ты задет:
Уверен я, что так бы и сказал
Погибший дядя и пропавший дед.
Так говорили все мои дядья,
Припоминая вслух былые дни.
И пусть в стихах герой мой скажет «Я …»
На это дали право мне они!

***

«В разведке — всю войну. И уцелел,
Ниспослана мне божеская милость.
Я верой в коммунизм переболел,
А нынче что-то с памятью случилось.
Не помню я добытых “языков”,
Казалось, что отмучился войною,
Но в сумраке квартиры из углов
Глядят глаза врагов, убитых мною.
Теперь на суд я сам себя обрек.

И сердце от обиды колко сжалось:
Во взглядах их — не боль и не упрек,
А только обижающая жалость».

«ГОРЕЧЬ»

«Старит жизнь с постоянством,
Но еще я тружусь,
Не кичусь ветеранством,
А прошедшим горжусь.
В страшной той круговерти
Через пламя и дым
Доходил я до смерти
И остался живым.
Но тужу, что не сгинул
И прошел сквозь бои,
Ведь сейчас бьют мне в спину
Эти, как бы свои».

Вадимир ТРУСОВ

г. Мончегорск Мурманской области

Литератор и автор-исполнитель, член СПР, лауреат всероссийской литпремии «Левша» и всероссийских и международных фестивалей авторской и патриотической песни. Автор пяти сборников стихов, романа-антиэссе «Эха-на!» и повести «Иронический оптимизм сожаления: Тетралогия Алексея Яшина», а также альбома «Песни без сожалений», зав. отделом критики и литературоведения «Приокских зорь».

***

По натуре гуманитарий,
Угодил я сперва в технари.
Хоть стихи доверял гитаре,
Но пахал от зари до зари
На промасленной, дымной ниве,
Растворяя себя в толпе.
Точно сызмальства мне вменили
Начинать на чужой тропе
И с годами, не стар, не молод,
Изорвав не свои гужи,
Окунуться в постыдный холод,
Мол, не так, как хотелось, жил,
И пора исчезать бесследно,
Все былое пустив в распыл…
Терпкий привкус иного хлеба
Я не то что не позабыл,
Но им, собственно, грезил в яви,
Сыт краюхами строф ночных.
То-то с прошлым теперь «краями»,
Невзирая на остальных,
Что из прошлого здесь толкутся,
И возникших уже теперь
(С ними даже в толкучке пусто),
Да не столь ведь я редкий зверь,
Чтоб дышать в одиночку право!
И о том ли ведется речь?!
Устраняя изъяны нрава
Неизбежностью новых встреч,
И с прекрасным, и не особо,
Я поблажек себе не жду.
Впрочем, ненависть или злобу
В окружающую среду
Мне выплескивать доводилось,
И сверх меры, по пустякам:
У кого-то впадал в немилость,
Кто-то волю давал рукам,
Да и я не тянул с ответом…
Эх, жестокая глупость, чушь!
Сожалею порой об этом…
И обмолвиться лишь хочу:
До смирения и покаяния
От сегодняшнего меня
Не измерены расстояния…
Сокровенно в душе храня
Устремление к тем вершинам,
Не мешаясь теперь с толпой,
Вопреки крикунам фальшивым,
Ковыляю своей тропой.

***

Все дороги, что мною пройдены,
В лучшем случае — полпути.
С детства живший вне малой родины
Должен вновь ее обрести.
И, как будто родившись заново,
Сбросить ношу постылых лет,
Что волок на горбу упрямо я,
Мол, и проку в них больше нет,
Коль всерьез дотянул до отчины…
Да не выхожен видно срок,—
Мне пристанищем лишь обочины
Испетлявшихся вдрызг дорог.
И не ради надрыва вящего
Длится скрип моего пера,
Ведь лежат в земле мои пращуры
От Поволжья и до Днепра,
Ну, а мне-то куда прикажете?
Там, где встала моя заря,
Украшали оленьи пажити
Только шахты да лагеря,
И ни церковки, ни часовни,
Словно гиблая мерзлота
Человеческим всходам сорным
Не сулила вообще креста
(Словно вправду кругом чужбина
И погибель на столько верст!),
И однако же не сгубила,
И не сгинул, во льды не вмерз;
А скитаться, креста не имучи,
Что босому да по стерне…

Пусть едва ли я счастье вымучил,
Но зато осознал вполне
(В час неверия и усталости),
Как же горечь моя легка,
Если родина, даже в малости,
Столь незыблемо велика.

Сергей ФИЛИППОВ

г. Москва

Окончил Московский институт химичекого машиностроения. Инженер-механик. Член литстудии «Вешняки». Печатается во многих журналах и альманахах. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

Городок сибирский.
Школы командирской
Взвод курсантов. Ранняя весна.
Где-то за Уралом
Грозно грохотала
Третий год жестокая война.
Все шагают в ногу,
Рвутся на подмогу:
Вдруг без них закончится война.
И здоровый малый —
Взводный запевала
Слышит: «Песню!» — крикнул старшина.
Скоро все курсанты
Выйдут в лейтенанты,
Сбудется мальчишечья мечта.
Третий Украинский
Примет пехотинцев
В младший офицерский комсостав.
Предстоит ребятам
Штурмовать Карпаты,
Тяжкий и суровый ратный труд.
По тропе военной
Все они до Вены
Целы-невредимы не дойдут.
В европейский странах,
Альпах и Балканах,
Предстоит полгода воевать.
В Секешфехерваре
В огненном кошмаре
Жизнь свою за Родину отдать.
Но пока все живы,
Юны и красивы,
И война за сотни-сотни верст.
Все шагают в ногу,
Рвутся на подмогу
Встать все за Отчизну в полный рост.
И здоровый малый —
Взводный запевала
Песню с остальными допоет.
Славный русский парень,
В Секешфехерваре
Павший смертью храбрых через год.

***

Малыш сидит, уткнувшись в гаджет,
Горят восторженно глаза.
Он счастлив, и никто не скажет:
«Послушай, мальчик, так нельзя».
Никто бедняге не поможет.
Коль надо, не повысит тон.
Родители? Но оба тоже
Сидят, уткнувшись в телефон.
Малыш рассматривает гаджет.
К его услугам все меню.
Посев духовный эта гадость
Уничтожает на корню.
И неокрепшее сознанье
Его не может устоять.
Как юный Фауст в состоянье
Он душу дьяволу продать.
Малыш сидит и смотрит в гаджет,
Как с другом лучшим, с ним вдвоем
Проводит весь свой день и даже
Не расстается перед сном.
Ведь все земное в общей массе
По сути — суета и тлен,
И так по-дьявольски прекрасен
Порою виртуальный плен.

Любовь БОНДАРЕНКО

г. Свердловск, ЛНР

Родилась на Кубани, в станице Октябрьской в 1952 г. Поэт, прозаик, поэт-песенник, детский писатель. Автор четырнадцати книг. Член СП ЛНР, член международного СП «Новый современник», кандидат в Интернациональный союз писателей. Широко публикуется в местной периодике, коллективных сборниках, в журналах и альманахах РФ.

ТОСКА ПО РОДИНЕ!

Возьму билет до дальнего села,
Что малой родиной зовется,
Съедает душу горькая тоска
И болью в сердце отдается!
Вернусь туда, где молодость прошла,
С повинной снова в отчий дом войду,
А под окном калина расцвела,
И васильки, которые люблю!
Возьмет за сердце золотой закат,
И затеряюсь где-нибудь во ржи,

Услышу грома дальнего раскат,
Как без меня ты, Родина, скажи?
Тоскую по тебе я вдалеке,
И снится мне опять ковыль в степи,
Угодно было разлучить судьбе,
Моя ты, Родина, меня прости!
Нарву я в поле сухоцвет-букет,
С собой его на память увезу
И через вереницу долгих лет
Любовь к тебе, Россия, сохраню!

ЗИМУШКА ЯВИЛАСЬ

Зимнее утро! Бахрома из инея,
Солнца золотистого яркие лучи,
На окошке пышно зацвела глоксиния,
А оладьи с пылу-жару горячи!
Чай дымится в кружке, нежная мелодия,
Дым из труб легонько так змейкою ползет,
Зимушка явилась… волшебства прелюдия,
Красотой чарует нас, манит и зовет…
Деревца-невестушки под фатою белой
Опустили до полу скромницы глаза,
Воробьи нахохлились, стайкою несмелой
Сгрудились. А небушко — синь да бирюза!
Снег сверкнет под солнышком
бриллиантом ярким,
Красотой своею ослепит глаза!
А мороз к щеке твоей поцелуем жарким
Прикоснется смело! Ну и чудеса!

Анна МИКАЕВА

г. Отрадный Самарской области

Поэт, руководитель Отрадненской городской организации РСПЛ, руководитель литгостиной, автор двух книг. Дипломант многих международных конкурсов-фестивалей. Награждена Почетной грамотой РСПЛ (Москва). Наш постоянный автор.

ДЕНЬ

А день о вечности тоскует,
Он вырван из когорты лет.
Его живительные струи
Несут истории сюжет.
Увы, он слишком быстротечен.
Никто не вспомнит, как был крут!
Когда цветами был увенчан,
Он не считал своих минут.
И потускневшие страницы —
Исчезнувшего текста след.
Победы важные и лица —
Все это — суета-сует.
Проходит день, другой на смену
Спешит в назначенный черед.
И только вечность неизменно
Свой путь сквозь бытие ведет.

КАК КОРОТКО ЛЕТО В РОССИИ…

Как коротко лето в России
С дурманящим запахом трав,
С небес васильковою синью,
С прохладой теннистых дубрав,
С недолгими играми детства
И теплым коротким дождем,
С несбывшимся поиском средства
Приблизить Земли окоем.
И заглянув за бескрайность
Сокрытых за далью миров,
Понять непреложную данность,
Что нету прекрасней даров —
Чем звоны короткого лета
В полуденном мареве дней,
Дыхание вод и сюжеты
Бескрайних российских полей!
Но канут, как водится, в Лету
Красоты прожитого дня,
Цветистые гимны поэтов
И гаммы ветров октября.
Все скроют тяжелые тучи
Сезонных осенних дождей,
И будут протяжно певучи
Напевы России моей.
Как коротко лето в России...

Сергей ОДИНОКОВ

г. Тула

Окончил с отличием театральные отделения МОУ лицея № 3 г. Тулы и Тульского областного колледжа культуры и искусства; выпускник факультета русской филологии и документоведения ТГПУ им. Л. Н. Толстого, к.ф.н. Артист Тульской облфилармонии им. И. А. Михайловского и актер Нового театра (г. Тула). Лауреат всероссийских и международных конкурсов. Публиковался во многих российских журналах, сборниках и альманахах. Постоянный автор нашего альманаха.

ЁЛОЧКА

СТИХОТВОРЕНИЕ СТУДЕНТА НАКАНУНЕ ЗИМНЕЙ СЕССИИ

Вновь улицы по пояс в декабре.
Занесены дома холодным пухом.

Сквозь тишину вдруг долетел до уха
Крик ребятни, снующей во дворе.
И, отшвырнув тетрадные листы,
Я, криком от зубрежки отвлеченный,
Бреду к окну, как ходит заключенный
На волю поглядеть из темноты.
И в царстве, где псалмы поет метель,
Вдруг с искренним восторгом замечаю,
Как ветками пушистыми качает
Наряженная праздничная ель.
Колышутся гирлянды на ветру,
Большой звездой украшена макушка,
На каждой ветке новая игрушка
Солидно завернулась в мишуру.
И ребятня, раскрыв от счастья рот,
Наперекор морозу и метели
Вокруг нарядной и пушистой ели
Заводит развеселый хоровод.
Я, шторы отодвинув посильней,
Сквозь пелену метели и ненастья
Живым и беззаботным детским счастьем
Любуюсь из острожинки своей.
Усевшись поудобней на окне,
Как будто опоенный сладким зельем,
Я верю: Новый год с его весельем
Однажды постучится и ко мне.
Мой дом опять украсит мишура,
Шампанское запенится в бокалах,
«Иронию судьбы...» на всех каналах
Начнут крутить до самого утра;
Развеются тоска и тишина,
Друзьями вновь наполнится квартира,
И посреди безудержного пира
Вдруг ненароком забежит она,—
И все во мне изменится тогда:
Умрут в календаре пустые числа,
А жизнь наполнится теплом и смыслом
Отныне и, возможно, навсегда...
Приятно думать о минуте той,
Когда все это, наконец, случится:
Как будто крылья дивной сильной птицы
Вдруг вырастают за моей спиной.
Но в свете этих трепетных минут
Все более становится мне ясно,
Что ветви этой елочки прекрасной
Меня от пересдачи не спасут...

Евгений ВАРЛАМОВ

г. Тула

ОСЕННИЙ ПЛЕН

Ловлю в ладони лист багряный,
Не насмотрюсь на неба синь,
Где ветер, озорной и пряный,
Катает Солнца апельсин.
Жара сменяется прохладой,
Не за горами и дожди.
И мы уже ворчим с досадой,
Мол, Лето, ты не уходи!
Ну, подожди еще немножко,
Хоть две недельки, хоть одну!
Но лег листок в мою ладошку,
И мы у Осени в плену.

ШАГАЕТ МАЙ

Вечереет. Закатится Солнце
В перламутрово-розовый дым.
И стекло в приоткрытом оконце
Свет лучей отразит золотым.
Чуть прохладнее запах сирени,
Что вчера расцвела под окном.
И скрипят под ногами ступени
На крылечке при входе в мой дом.
Ветер стих, не качнет занавеску,
Соловей запевает в кустах.
Май шагает, солидно и веско,
В травах, листьях и ярких цветах.

НА ПОКОСЕ

Допоют соловьи до рассвета.
Поутру молодая трава
Будет солнцем неярким согрета,
Ну а я засучу рукава.
Проведу по литовке брусочком,
Чтобы искры посыпались вниз,
И чуть-чуть, экономным шажочком
Я вступлю в луговой парадиз.
Широко размахнувшись косою,
Срежу влажной травы полукруг,
И металл, окропившись росою,
Запоет, остронос и упруг.
В облаках травяного настоя
Шаг за шагом пройду полосу,
И травы разноцветье густое
Солнцу жаркому в дар поднесу.
Дорогая, не жди, я нескоро,
Есть и силы, и травы густы.
Покошу я с утра — до упора,
А тебе — луговые цветы.

Ирина ТАТАРНИКОВА

г. Ефремов Тульской области

Родилась в г. Ефремове Тульской обл. Окончила Елецкий госпединститут. Работает в Ефремовской ЦБ гл. библиографом. Занимается краеведческой и исследовательской деятельностью. Соавтор многих изданий по краеведению. Автор многочисленных публикаций по истории и культуре Ефремовского края. Стихи публиковались в воронежских и ефремовских поэтических сборниках. Награжде-

на медалью «За вклад в развитие Ефремовского района». Лауреат премии им. А. В. Луначарского Шестого международного культурного форума.

ПИОНЫ

Средь голубого дня и солнца,
Уютной милой красоты,
Они глядят, глядят в оконце,
Июньской свежести полны.
Полны души исконно русской,
Не оторвать застывший взор.
И с пышностью своею грузной
Цветет пион, украсив двор.
В нем есть магическая сила,
Которой каждый тайно рад.
Цветет пион, такой счастливый,
И источает аромат.
Пленит проезжих и прохожих,
Хозяев, что в трудах весь день,
И нет тут на него похожих,
Любуются… кому не лень.
Как он себе, узнавши цену,
Растет на радость и цветет,
От красоты его мгновенной
Душа ликует и поет.
Проходят ночи, утра вспышки,
Шумит зеленая трава,
А он дает во всем излишки
Дурмана, радости, тепла.
И, как и все в начале лета,
Свежо и трепетно кругом,
Струится аромат, как нега,
На лепестках застывши льдом…

***

Мы тянемся к тому, что жизнь имеет:
К любви, заботе, ласке, доброте,
И треснувшие чувства наспех клеим,
И молимся в бездонной темноте.
Мы взгляды наши посылаем к Богу,
И вновь с небес на землю так спешим.
Мы ищем наугад свою дорогу,
И одиночеством не дорожим.
Мы не спешим впускать в объятья сирых,
Мы так стесняемся упасть в святую грусть,
И сердце наше — неустанный двигатель
Ломаем сами с криком: «Ну и пусть!»
Мы рвем, как нити, металлические нервы,
Мы не хотим нажать на тормоза.
— Уходишь? Уходи же первым!
А что в ответ? — Печальная слеза.
В ответ пустыня с необъятным снегом,
Ни зги не видно, лишь один тупик.
Пусть гонит вас к любви попутным ветром,
К любви — напропалую, напрямик!
Не усложняйте суетное время,
Не мстите за его бессменный ход.
Вы верьте, и мечту свою взлелейте,—
Что ваше счастье обязательно придет!

Ирина КОНОВАЛОВА

с. Архангельское Тульской области

Родилась в с. Архангельском Каменского р-на Тульской обл. По образованию — педагог. Многодетная мама, воспитывает в своей семье четверых детей. Член творческого объединения «Каменка». Печаталась в альманахах ТО СПР «День Тульской поэзии», ТО СРП «Яснополянские зори», в сборнике «Каменское Красивомечье».

СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ

Нет светлее в году недели,
Чем пасхальная. Бог Воскрес!
Птицы вешние песни запели —
Весть благая пришла с небес!
…
Пасха!
Светлое Христово Воскресение!
Пред образами рано я перекрещусь
И попрошу у Господа прощение
За тех, кого люблю, о ком молюсь.
Мне говорят, что небеса открыты,
И каждому дозволено звонить.
Звонить в колокола, шептать молитвы
И Господа о милости просить!
Я в храме со свечой стою безмолвно,
Душа поет с молебном в унисон,
И сердце бьется в такт молитвам ровно.
«Христос Воскрес!» — шепчу я у икон.
Пасха!
Светлое Христово Воскресение!
И колокольный далеко разнесся звон!
С небес на нас сошло благословение —
Воистину Воскрес! Тройной поклон!

ДВЕ СТАРОСТИ — ОДНА ЛЮБОВЬ

Вы знаете? На свете есть любовь —
Такая, что не передать словами!
От той любви кипит по жилам кровь!
Такое в жизни не случалось с вами?
Недавно повстречала ту любовь,
(По улице я шла с почтенной парой),—
Как в юности, сердца едины вновь!
И соль земли не кажется им карой.
Старик старушке так в глаза глядит!
Под руку держит, прядку убирает.
Она молчит… В ответ и он молчит…
Слова любви безмолвно понимают.
Как птицы-неразлучники они!

Бок о бок испытали жизни муки.
Погаснет если вдруг огонь свечи,—
Никто из них не выдержит разлуки.
Всем бедам, злой судьбе наперекор
Любовь земная превратилась в вечность!
Две жизни их сплелись в один узор
И нитями прошили бесконечность.
Они вдвоем. Им рай и в шалаше!
Во взгляде безмятежность светит вновь!
Рука в руке. Душа в большой душе…
Две старости — одна любовь!

Эдуард ДЭЛЮЖ

Родился в 1973 г. Вырос на Севере. Автор пяти книг вышедших в Канаде и России. Выпустил три аудио-альбома с авторскими прочтениями своих стихов. На постоянной основе публикуется много лет в журнале при Академии русской словесности им. Г. Р. Державина «Писатель. XXI век», в альманахе «Синь апельсина» (Санкт-Петербург).

ПЕРОМ ПО ВЕНАМ

Строфа,
Да будет день, да будет ночь
В своем сиянии, в своей безумной сути!
Что мы пытаемся в ней превозмочь
Сквозь седину и алость перепутий?
Встаем на шаг... быть может, на крыло...
Внезапно все... ухаб, порывы ветра.
Непредсказуемое ремесло —
Быть на Руси пророком иль поэтом.
Пальпация, побуквенный симптом
Переворачивания в жизненной утробе.
И где то тут — и север и восток,
И где-то там — ревнующие боги.
Пером по венам, на бумагу каждый слог...
Мир воскрешения —
ежесекундное признание
В том, что тебе доверил Бог —
Быть промежутком жизни описания.
Себя на плаху эту положив
В алькове стали и цветов, и ярких звуков,
Тебе завещано Строфе этой служить
И быть ее молчанием и звуком.

ЗОЛОТЫЕ РАНЫ

Запасом Слов осыпалась листва...
Запрещено ей всуе говорить...
Ее язык рожден был тишиной...
Всем лепетом, всем царствием, всей болью
Любить безвременье...
Любить Тебя, любить!
О, урони меня, я так хочу скользить
По этой кромке понимания предела...
Там, где однажды я оставлю тело,
Чтоб языком Твоим заговорить.
Тебя по-своему понять...
Тут, где мне выпала опала,
Быть тем, кому доверив слово «быть»,
Ты подарил мне золотые раны.
Их перевязывал и дул на мой огонь,
То снегом, то дождями омывал их...
И, в слух мое дыханье превращая,
Куда-то вел меня небесным букварем.
В отвесной стороне небес
Запасом слов в молчанье темно-синем,
Ты осыпал за лесом лес,
Чтобы будить рассветные стихии.
В восьмой рассвет мы вышли из себя...
И по воде ступали, как святые...
И ты давал мне силу от Огня,
Всех тех огней, что мною говорили.
И перышком на землю падал страх...
Внезапна истина, и как обрыв строки —
Запасом слов вновь распускалась
в снах листва,
Стихами новыми любить Тебя, Любить.

Антонина МАРКОВА

г. Тюмень

Маркова Антонина Юрьевна, 1959 г. р. Поэт, член СПР, руководитель детской авторской студии «Верешок». Автор четырех книг, песен и либретто музыкальных спектаклей. Печаталась в коллективных сборниках, периодических изданиях Тюменской обл. и за ее пределами. По профессии — филолог, по состоянию души — певец. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

В ДОМЕ СОННОМ

В доме сонном не спит тишина,
Все прислушивается сторожко:
Шепчут звезды в проеме окна,
И мурлычет незримая кошка.
Различим самый немощный звук,
Что средь ночи царит неугасно,
Даже ходиков медленный стук —
Тишина над часами не властна.
Ходит сон, половицей скрипя.
И в безмолвии слышится звонко,
Как во сне рассказала себя
Сказка тихо на ушко ребенку.

УМИРАЮЩАЯ ДЕРЕВНЯ

А деревня — по пояс в снегу,
В неисхоженном, девственно-белом,
Стынет, сонная, старческим телом,
Коротая мороз и пургу.
Заколочен родительский дом
В окружении дедовских яблонь
И нутром ненатопленным зябнет,
И глядит сиротливо кругом.
Завалился подгнивший забор.
Только столб с красной звездочкой-раной
Все сигналит, что здесь ветерана
Был когда-то ухоженный двор.
А теперь — только тощий дымок
Над избой одинокой старухи
Да следы неминучей разрухи,
Да отчаянья горький комок.
А теперь — только снег, только снег
На бесплодных, ничьих огородах.
Да глубинка в печалях-невзгодах
Доживает оставшийся век.

Лариса ЛЕБЕДЕВА

д. Яблонево Каменского района Тульской области

Родилась 27.03.1975 г. в д. Яблонево Каменского р-на Тульской обл. По образованию — техник химической промышленности. Печатается с 2007 г., автор поэтического сборника «Душа поэта многогранна». Член творческого объединения «Каменка». Стихи печатались в альманах и в сборниках. Наш постоянный автор.

ЗАКАТ

Зажег закат свечу над деревенькой
И алым заревом все осветил вокруг.
Я посижу на лавочке маленько
С тобою вечер летний, милый друг.
В моей душе проснулась безмятежность,
Река блаженствует в объятьях берегов,
Родной сторонки чувствую я нежность
И свежесть росную вдыхаю от лугов.
Свободны мысли от рутины будней
И полной грудью хочется дышать,
Минувший день, уснувший беспробудно,
Заботами не будет мне мешать.
Закат погаснет, ночь, как по ступенькам,
Тихонько спустится с пурпурной вышины,
Уснет в садах вишневых деревенька
Во власти хрупкой летней тишины.

БЕРЕЗА

Невозможно без березы Русь представить —
В ней Отчизны дух святой живет!
Каждый русский сердце с ней оставит,
Если в край чужой дорога позовет.
Нет березы дерева красивей,
И в нее мы с детства влюблены.
Белая жемчужина России
И душа родимой стороны!

ИХ СЕГОДНЯ ОСТАЛОСЬ ТАК МАЛО…

Скоро мы на Победных парадах
ветеранов не встретим войны,
Не придут на свой праздник в наградах,
в ореоле святой седины.
Их сегодня осталось так мало,
очевидцев, прошедших тот ад,
Смерть друзей боевых забирала
под раскатистый гром канонад.
К обелискам придут их потомки
и возложат к подножью венки,
И всплакнет горько память в сторонке,
на бессмертные глядя полки.
Каждый год батальон ветеранов
вновь уходит от нас в мир иной,
Где не мучают старые раны,
МИР оставив нам в жизни земной.

Юлия КОЛОБКОВА

с. Архангельское Каменского района Тульской области

Родилась 24.08.1981 г. в с. Архангельском Тульской обл. Окончила ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Стихи пишет с юности. Член творческого объединения «Каменка». Публикуется в альманахах и сборниках. Автор сборника стихов. Постоянный автор нашего альманаха.

МЕЧТЫ О ДЕТСТВЕ

Мне б хотелось пустить кораблик
По реке из запруженной лужи…
И как в детстве за ним бы гнаться.
Понимать, что ты всем очень нужен...
Мне б хотелось пустить кораблик
И бежать, не ведая боли…
Рассекая руками воздух,
Переполненным быть любовью.
Мне б хотелось пустить кораблик

И не видеть краев у лужи…
Беззаботно, весело жить бы,
Не болеть от промозглой стужи.
Мне б хотелось пустить кораблик,
Да забыл, как его я делать.
Повзрослел и смирился с реальностью,
Ничего видно с этим не сделать...

ЗАРОСЛА ЛОПУХАМИ ДЕРЕВНЯ

Заросла лопухами деревня,
Покосился, поник отчий дом.
Ни тропинки родной, ни лужайки,
Тишина и разруха кругом.
А когда-то у каждого дома,
Покормив и убрав у коров,
На завалинке бабы сидели,
Отгоняя платком комаров.
Пахло сеном и хлебом душистым,
Мне на завтрак пекла его мать.
Из воды родниковой и чистой,
Той, которой теперь не достать.
Под горой на пруду камышовом
Пели песни весной соловьи.
Под плакучею ивой девчонки
Мне шептали о вечной любви...
И по утренней дымке бывало,
Когда в стадо гоняли коров,
Босиком по траве мы бежали,
Был я молод тогда и здоров.
А сегодня, усталый и грустный
Я вернулся к тебе, отчий дом.
Но меня одиноко встречает
Скрип калитки за старым двором.

Светлана ЛЮКШИНА

г. Тула

Люкшина Светлана Федоровна родилась в г. Туле. Окончила Московский институт (ныне университет) культуры. Печаталась в альманахе «Ковчег», в «Дне Тульской поэзии 2011» и в «Антологии русской народной поэзии XXI века». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

И, словно жемчуг драгоценный,
Тобой дарованные дни
Потеряны невозвратимо,
в пыли дорог погребены.
Увы, мы поздно понимаем,
что нужно каждый день ценить,
И тщимся что-нибудь исправить,
связать оборванную нить.
«Дни наши сочтены не нами».
Они, Господь, в твоих руках,
А наш удел теперь — молиться
и плакать о своих грехах.
И я молюсь Тебе: «Помилуй»,
но путь к спасению тернист.
Пусть все с презреньем отвернутся,
лишь только Ты не отвернись.
Так хочется к Тебе стать ближе,
хоть на немного, хоть чуть-чуть.
Быть может, я тогда постигну
событий гибельную суть,
Быть может, я смогу осмыслить
и выправить всю жизнь мою…
С Любовью, Верою, Надеждой
я пред Тобою предстою

Людмила ПЕНЬКОВА

г. Тула

Автор 2-х поэтических книг. Публикуется в сборниках регионального общественного Фонда содействия и развития современной поэзии «Светоч» (Москва) и в альманахе «Ковчег». Член РСП. Наш постоянный автор.

ЧТО ЖЕНЩИНЕ НУЖНО ДЛЯ СЧАСТЬЯ ЗЕМНОГО?

Что женщине нужно для счастья земного?
Сердечность души человека родного.
Быть частью семьи, где тепло в изобилье,
Где нет того дня, чтоб тебя не любили,
И верность к обману не топчет тропинку,
Где встретят заботой тревоги слезинку.
Что женщине нужно, чтоб счастьем лучиться?
Знать то, что детьми она может гордиться!
Что радость приносит любимое дело,
С судьбою своей подружиться сумела.
Что верой в себя разрушает преграды
И каждому дню, как любимому, рада.
О чем бы просить Бога женщина стала?
О том, чтоб Земля от войны не страдала!
Чтоб люди, все люди проснулись для света
И дружбой единства согрели планету.

Натали СИЛАЕВА

г. Серпухов Московской области

Силаева Наталия Андреевна (Натали), поэтесса, творческой деятельностью занимается с 2005 г. Имеет многочисленные публикации своих произведений. Награждена грамотами и дипломами, стипендией губернатора Московской области, стипендией главы городского округа Серпухов и второй премией в категории «Инициатива» (номинация «Культура и творчество») в ежегодной премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» (проект «Тепло души подарим миру!»). Инициатор и создатель МЛО г. Серпухова «Клио», руководителем которого и является. Постоянный автор нашего альманаха.

***

Мы искали друг друга долго
Через сотни неверных путей,
Через тысячи спетых соло
Для ненужных, как видно, людей.
Мы друг к другу шли осторожно
По извилистой темной тропе.
И не думали, что так можно:
Все бывает на этой Земле...
Мы друг друга нашли и узнали —
И достаточен был только миг,
Чтоб сплелись наши мысли узлами
И забились сердца в один ритм.

***

Это светлое чувство — любовь
В нашем мире нашло место в книгах,
Ведь так часто пустяк любой
Называли любовью в интригах.
А она все надеялась жить,
Все прощала и верила в чудо...
И пыталась сердца оживить,
Но ее убивали всюду.
Она спряталась: просто ушла
И почти не выходит к людям.
Ей милее теперь тишина...
Люди думают часто, что любят.
Но порой она видит сердца,
Сотворенные друг для друга,
И тогда верит вновь в чудеса,
И выходит к ним без испуга.
Если вдруг она выбрала вас —
Не топчите ее, не гоните!
Посещает она только раз.
Берегите любовь! Берегите!

Ольга ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ

г. Москва

Окончила Московский электротехнический институт связи, по профессии инжнер-электромеханик. Работала в проектных институтах. Стихи и прозу пишет с 1998 г. Публиковалась во многих альманахах и журналах. Член МСПС и СПР. Имеет награды. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

БЕЗ ДНА КОЛОДЕЦ ГОРИЗОНТА...

Без дна колодец горизонта,
Тонул там алый тон заката.
Подобно гордой амазонке
Ступала ты легко, крылато…
К цветным живым воспоминаньям,
Веселым всплескам вешних бурь,
К созвездьям снов, что ожиданьем
Ласкали талую лазурь.
Застыли в счастье облака,
Затмили золото песка.

ТАНЕЦ

Танец старинный волна исполняла,
Робко касаясь подножья утеса.
Месяца долька жемчужно сияла,
Па повторялись в свете белёсом.
Ветер-повеса и франт-музыкант —
Пальчики пальм — творцы хабанеры.
Лодка у берега двигалась в такт,
Крыльями хлопали чайки в партере.
Гравия шум в пенной ленте прибоя,
«Словом» зеленым вдруг вспыхнет маяк…
Небо — без фресок — лазурь, голубое,
Радует Землю рассветный кушак.
Матушке снятся любовь и покой:
Разум царит на планете людской!

Сергей НОСОВ
г. Санкт-Петербург

Родился в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в 1961 г. Историк, филолог, литературный критик, эссеист и поэт. Доктор филологических наук и кандидат исторических наук. В 1982—2013 гг. являлся ведущим сотрудником Пушкинского Дома (Института русской литературы) РАН. Автор большого числа работ по истории русской литературы и мысли. Публиковал произведения разных жанров во многих ведущих российских литературных журналах и др. изданиях. В 2015 г. вновь начал активно печататься как поэт в России и за рубежом. В 2016 г. стал финалистом поэтических премий — «Поэт года», «Наследие» и др. Является автором более тринадцати тысяч поэтических произведений. Стихи переводились на европейские языки.

Из подборки стихов «И ВСЕ-ТАКИ РАСПУСТИТСЯ ЛЮБОВЬ»

***

Я в зеркало волшебное
смотрю
и вижу мир
которого конечно
не бывает
его не встретить
если оглянешься
вдруг в комнате
холодной и пустой
там за спиной
окажется земля
обычная
осенняя простая
а здесь плывут безмолвно
облака
как птицы белые
до горизонта
и снова
возвращаются обратно
как будто бы
вновь счастья не нашли
ведь счастье здесь
у бога на ладони
и вот оно
трепещет вдалеке
как множество
чудесных огоньков
их зажигает
маленькая фея
когда рукой
касается земли.

***

Радость
в платьице синем
загадочным утром
пробежит как девчонка
по темному лесу
до опушки
проводят ее
быстрокрылые птицы
что по веткам снуют
вереща без конца
«кто идет»
ну а в поле
ее встретит солнце
обнимет
и как бабушка старая
будет
до дома ее провожать
вдоль тропинки
где стоят
в чудных розовых
легких косынках
и смеются как дети
живые цветы.

Тамара САМОХИНА
с. Архангельское Каменского района Тульской области

Родилась 3.12.1962 г. в Каменском р-не Тульской обл. По образованию — педагог. Член творческого объединения «Каменка». Печатается в газетах, альманахах и музыкально-поэтических сборниках. На стихи написаны песни. Автор поэтического сборника.

ИЗУМРУДНЫЙ МИР

Беличьими кистями, зеленью гуаши
На деревьях листики, озимые на пашне,
Разукрасил ветер легкий и весенний:
«Полюбуйтесь, люди, на мое творенье!
Полюбуйся, солнце, облака и птицы,
В изумрудном мире стоило родиться!»
В роднике кристальном, словно это снится,
Утопило небо лоскуток от ситца.
Уронили слезы грозы в чистом мае,
Подышав озоном, радуги растают.
В воздухе звенящем трель выводят птицы.
В изумрудном мире стоило родиться!

Ольга ПРИСТУПЕНКО

г. Азов Ростовской области

Родилась в г. Азове Ростовской обл. Окончила факультет юриспруденции Ростовского экономического госуниверситета. Писать начала в школе. Печатается в газетах, в журналах и альманахах. Победитель, лауреат и дипломант ряда всероссийских и международных литературных конкурсов и фестиваля молодежи и студентов в Сочи. Награждена медалью «Надежда России». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

Разыгрались степные просторы,
В синеве васильковая даль!
Заплетает ромашка узоры,
А закат — раскаленная сталь!
Восхищеньем наполнены взоры,
Я ловлю вдохновенья заряд!
И открыт горизонт кругозору,
Нитью тянется бисерный ряд!
Словно ярко расшитое платье,
Надевает природа наряд!
Теплых месяцев летнее счастье,
Перелетные птицы летят!
Заиграли цветы луговые,
В свете ясного солнца парят!
В красках радуги степи цветные,
Как прекрасен вечерний закат!

Валентина ВОЛЧКОВА

г. Серпухов Московской области

Родилась в 2003 г. Первое стихотворение написала в девять лет. Победитель и дипломант ряда конкурсов. Награждена Благодарственным письмом главы г. Серпухова. Член серпуховского МЛО «Клио». Публикуется в детском городском журнале «Вестенок», в газете «Серпуховские вести», в коллективном сборнике Московского Совета ЛитО при СПР «Созвучие». Наш постоянный автор.

Посвящается воинам, павшим в горы Великой Отечественной войны.

***

Он шел, не сгибаясь, не кланяясь пулям.
Не даст отдохнуть он штыку и ружью.
Товарищам жизнь небеса не вернули,
Но Родину сможет вернуть он свою.
Вокруг него смерть все живущее губит,
А он все идет, все вперед и вперед.
И путь он проложит хоть собственной грудью,
Ему все равно, его Родина ждет.
И вот, наконец-то, под огненным маем
Дошел до Берлина и крикнул «Давай!»
Ружье зарядил он, но пуля шальная
Промчалась, багровым окрасивши май.
И пал он под залпом, чуть-чуть не дождавшись,
И хлынула кровь из отважной груди…
И сделались красными села и пашни,
И все до победы, и все позади.
Окрасило кровью сукно у шинели,
Окрасило в синих очах небеса,
Окрасило лес и высокие ели,
Окрасило красным Наташи глаза.
Она приближалась к любимого телу,
Дрожа и не веря, что это всерьез.
И тут прокричали: «Победа! Победа!»,
И брызнули реки несдержанных слез.
И синие реки, соленые реки
Покрыли лицо, очи, губы его…
И так растекались по красной планете,
Впадая в моря, не щадя ничего.
Он был похоронен под плачем любимой,
Подстреленный сокол ее удалой.
Количество павших неисчислимо —
Отчизну свою заслонивших собой.
Года пролетели, солдат неизвестный
Остался лежать под сырою землей,
Лежать на чужбине, но не безызвестным,
Ведь он не забыт благодарной страной.
И вот с небосвода, весь мир озаряя,
Спустился луч света весь белый, как снег.
Спустился он, белым кругом освещая —
Луч памяти, славы, победы навек.
И светлыми стали леса и долины,
И светлыми сделались души людей —
Награда прошедшим весь путь этот длинный,
Живым и погибшим в той тяжести дней,
Кто верил в Победу и кто пришел к ней!

Юлия ВОЕВОДИНА

г. Серпухов Московской области

Родилась 24 мая 1977 г. в пос. Шарапова Охота Серпуховского р-на Московской обл. По образованию бухгалтер-экономист. Работает корректором в редакции газеты «Серпуховские вести». В 2015 получила специальность «Воспитатель детей дошкольного возраста». В настоящее время — студентка МОГИ (психолого-педагогическое направление). Занимается поэзией с 2006 г. Член ЛитО «Серпейка», член ЛитО Москвы и Московской

обл. Лауреат и дипломант ряда конкурсов, удостоена грамот, дипломов и благодарственных писем за вклад в литературу и культуру, за участие в литконкурсах. Автор поэтического сборника. Постоянный автор нашего альманаха.

ГОРОДСКАЯ МОЛИТВА

Городские аллеи укрыты осенней листвой,
чередуются лица, машины, эпохи, столетья.
Но стоит величаво наш город —
красивый такой —
и ему не страшны этой жизни земной лихолетья.
Куполами церквей упираясь в просторы небес
он отчаянно просит спасти горожан от напастей.
Тихо в храм я войду, постигая всю тайну чудес,
от души помолюсь за свой город и общее счастье.

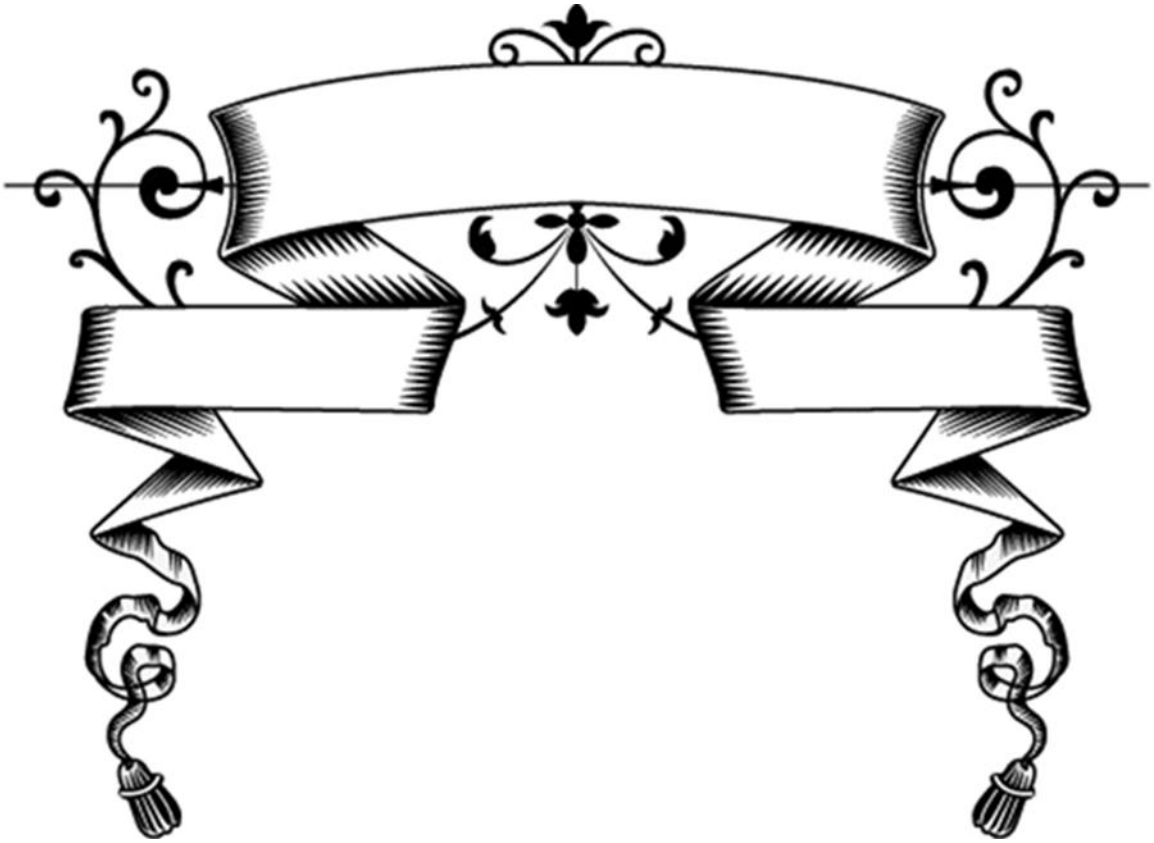
Станислав ВОРОНЦОВ

г. Серпухов Московской области

Родился в 1986 г. Специалист в области «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем». В 2010 г. окончил МАИ по специальности «Комплексная защита объектов информатизации». Член МЛО «Клио» (г. Серпухов) и Моссовета ЛитО. Публикуется в альманахах, коллективных сборниках и в газете «Серпуховские вести». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

* * *

Знакомо. Знакомо.
Здравствуй, волчья одинокая темнота.
Я снова. И снова.
От дома до дома
С тобой. И в тебя насмотрюсь досыта.
Ты слышишь?
Мы дышим
С тобой, моя ниша.
Тебя узнаю, принимаю — и ты меня, да?
То дальше, то ближе
Оглушишь затишьем,
Души моей вылижешь
голые провода.
Я ждал — как спокойно! —
Что в холоде-зное,
Что в жаре-ознобе
В тебя закричу, засмеюсь, вспоминая
Все то, что нахлынет,
Вскипит и застынет.
Давай, не отлынивай,
Мрак погуще, родная!
Вот твой свет, глянец мрамора,
Одинокий огонь фонаря,
В овраге отраженный.
Не распускай себя,
Не отпускай меня
— запомнить бы то самое,
То важное, пока горят
Прошедшие зажженные.



ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

АЛЕКСЕЙ ЯШИН
ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ
МАГДАЛИНА ГРОСС
ЕЛЕНА ГАДЕНОВА

ГЕННАДИЙ МАРКИН
АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
ОЛЬГА АРТЕМОВА
СЕРГЕЙ НОСОВ

РАВНИНА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»* АЛЕКСЕЕМ ЯШИНЫМ** В ПРЕДВЕРИИ 15-ЛЕТИЯ ЖУРНАЛА

Интервью брал Геннадий МАРКИН***

— Алексей Афанасьевич! Вы даете интервью в преддверии скромного, но — юбилея: 15-летия всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Почему он начал выходить именно в середине 2000-х годов и именно под таким названием?

— Названные вами годы стали в определенном смысле сакральными: именно тогда почти одновременно начали выходить «новые» русские литературные журналы, что сейчас, без обиняков говоря, и осуществляют всероссийский литературный процесс, который ныне «прирастает провинцией». И не зря некоторые из них издаются под эгидой Союза писателей России, а наш журнал еще и Академии российской литературы. Назову некоторые из них: «Московский Парнас», красноярские «Истоки», «Северо-Муйские огни» в Бурятии, омский «Иртышъ — Омь», журнал русских писателей в Белоруссии «Новая Немига литературная», алтайские журналы «Бийский Вестник» и «Огни над Бией»… Перечисление можно продолжить. Как объяснить эту одномоментность? — Видимо, говоря в терминологии Льва Гумилева, это был пассионарный взрыв (надеемся оптимистично что не последний…) в отечественной литературе. Как здесь не вспомнить слова Пушкина из письма к Вяземскому: «Когда-то мы возьмемся за журнал! Мочи нет хочется…» Ибо журнал суть главный организатор и движитель литературного процесса. А название? — Но ведь мы живем именно при Оке, которая с запада и севера окаймляет Тульскую область.

— Окский край дал много звучных имен в русской литературе…

— Поправлю: великих имен, и не просто много, но большинство. Самая русская река Ока от орловских своих истоков в центре Средне-Русской возвышенности в течении своем до Мещерской низменности стала магнетической равниной русской словесности, «впридачу» дав великолепие природы, гимном прозвучавшее в произведениях Тургенева, Бунина, Лескова, особенно у Гоголя в сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ». Вне всякого сомнения, силовые линии этого магнетизма пронизывают и страницы нашего журнала. Для того и стараемся.

— Сразу, Алексей Афанасьевич, возникают два взаимосвязанных вопроса: «Приокские зори» — прямой продолжатель традиций «равнины русской словесности»? А как такая историческая география и литературный традиционализм соотносится с сегодняшними авторами журнала?

— На первый вопрос последует утвердительное «да». Наш журнал программно следует целям, содержанию и заветам великой русской классической литературы, продолжавшимся в литературе советского периода истории России. Поощряемый творческий метод — новый русский критический реализм, сущность которого изложена в одноименном нашем манифесте, опубликованном в ряде литературных изданий. Потенциал критического реализма далеко не исчерпан, в том числе в нынешний, зловещий для творческой чувственности еще традиционного, не ставшего придатком телекоммуникационных сетей человека, период глобализации. Увы, он предусмотрен социальной эволюцией, как переходный от биосферы в новое биогеохимическое качество Земли — ноосферу (по В. И. Вернадскому). Пагубность глобализма для словесности состоит в переходе от аналогового творческого мышления к утилитарному цифровому, то есть «от слова к цифре» — оглянись вокруг…

Тем более этот потенциал реализма не канул в Лету для русской литературы, ибо наша страна во многом еще верна традициям православной, она же социалистическая, морали и несколько «хмуро» относится к всеобщему оцифровыванию мышления и всяким перекосам в оном. Вспомним слова выдающегося (как публицист) прозорливца Льва Троцкого о том, что России вечно суждено торопиться по сокращенным европей-

---

* Всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори». Издается ежеквартально в г. Туле.

** Алексей Афанасьевич Яшин — главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт Союза писателей СССР им. А. М. Горького.

*** Геннадий Николаевич Маркин — зам. главного редактора всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», лауреат литературных премий им. Н. С. Лескова «Левша» и им. Л. Н. Толстого, член СПР, г. Тула.

ским учебникам…

Итак, наш творческий метод объяснен, а «как быть» с авторами «Приокских зорь»? Коль вспомнили об «иудушке», то можно бы было в антитезе сослаться и на слова Генералиссимуса: «Других писателей у меня нет». Но ведь одно дело констатация, другое — побуждение в самой организации литературного процесса: на то он и журнал, что, в отличии от сборников, антологий и альманахов, суть коллективное произведение, где каждый номер в определенном смысле имеет сюжетную организацию и литературную идейно-смысловую направленность. Во всяком случае мы к этому стремимся полтора десятка лет. Главное, уже сложившийся во многом круг наших постоянных авторов это интуитивно осознает. Этой же интуицией не обделены все вновь притекающие к нам прозаики, поэты и публицисты.

— Полагаю, Алексей Афанасьевич, теоретико-литературную часть «Приокских зорь» вы кратко, но предельно содержательно объяснили и обосновали: ведь за вами пятнадцатилетний опыт редактирования «толстого» литературного журнала, три десятка прозаических книг, в основном изданных в Москве, свыше пятисот публикаций в литературной периодике, полтора десятка всероссийских, белорусских и международных литературных премий, за вашими плечами Литературный институт им. А. М. Горького Союза писателей СССР… впрочем, все это читатель найдет в вашей персоналии в Википедии; кстати, там же и статья о «Приокских зорях». Поэтому позволительно перейти, так сказать, к «практике». Ведь у журнала очень значительная инфраструктура?

— По родителям своим я потомственный крестьянин, а у рачительных из них (не кулаков — мироедов!) должно иметься небедственное хозяйство: крепкий дом с дворовыми постройками, обязательно два коня — для пахоты и для выезда, непростаивающая земля, весь набор потребной живности… К тому же наследственная, генетическая рачительность дополнена заполярной осмотрительностью и военно-морской воспитанной дисциплиной: отец Афанасий Андреянович двенадцать лет служил на Северном флоте, включая Финскую кампанию и Великую Отечественную войну. Было с кого пример брать.

По аналогии с таким хозяйством создавалась и инфраструктура журнала, который издается вовсе не самодин. У «Приокских зорей» три своих альманаха: литературно-художественный «Ковчег» (главред Яков Шафран) и два музыкально-поэтических: «На лирической волне» и «Тульская сторонка» (главред Сергей Сенин); последние выходят с периодичностью три выпуска в год и с нотными текстами — для исполнителей. За десять уже лет издаются авторские книги и сборники в сериях «Библиотека журнала «Приокские зори» и «Приложение к журналу «Приокские зори». Счет изданных книг в каждой из серий перевалил за полусотню. «Знаком качества» журнала полагаем вступившую во второе десятилетие существования всероссийскую литературную премию «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемую в четырех номинациях за лучшие публикации в «Приокских зорях». В разные годы лауреатами были названы такие известные писатели, как Леонид Иванов, Виктор Буланичев, Анатолий Аврутин, Тимур Зульфикаров, Владимир Корнилов, Федор Ошевнев, Владимир Федоров, Игорь Нехамес, Наум Ципис, Олег Зайцев, Игорь Лукьянов, Галина Дубинина, Александр Субетто… хочется — и не без основания на то! — список и дальше продолжить, но не будем огорчать пространностью строк и знаков (с пробелами) редакцию публикующего интервью издания… Не лицемеря скажу: наша премия идет по категории «честная», ибо каждый лауреат узнает о своем таковом качестве неожиданно для себя после утверждения редакцией. И еще: она не полагается для руководства журналом, то есть и вашему покорному слуге не украсить лацкан пиджака лауреатской медалью… Среди удостоенных не только авторы из России, но и из Белоруссии, с Украины — в смысле из ДНР, Германии, Монголии и других стран.

Но ведь главное для крестьянина его земля, нива, каковой в нашей аналогии является весь читающий по-русски мир — вот это уже в хорошем смысле глобализм… Мы признательны своим читателям. И на первой странице стоит: «Журнал для читателей».

— Да-а, Алексей Афанасьевич, большое литературное хозяйство вы своим рачением создали. Главное, как апостол Павел изрек: «Не нам, не нам, а Имяни Твоему», то есть великой русской литературе, продолжающейся даже в наши «от лукавого» времена Великого глобализатора, как вы часто указываете в своих уникальных программных «Колонках главного редактора». Но ведь такое большое дело без помощников не сотворишь?

— С осторожностью отношусь к слову «помогать»; нет, семантически здесь подвоха нет, но помогать — все как-то преходяще, мимоходом. Вот делать вместе — это конкретно! Так и у нас вместо института «помощников» суть творческий (и технический — по необходимости) коллектив, как conditio sine qua non, говоря на ученой латыни — непременное условие существования, творческой самодостаточности и потенциала дальнейшего развития журнала. Состав редколлегии и редакции складывался «методом проб, ошибок и исчерпанных ходов» почти десятилетие, пока не пришел к нынешнему стабильному «списочному составу». Главное, практически отсутствуют «свадебные генералы» от литературы: все члены редколлегии — из пяти стран,— что называется «с именами», или пока не имеющих таковых,— все при деле в журнале, и все люди творческие, то есть здесь двойной стимул. Но главная моя опора — на заместителей: Якова Шафрана и вас, многоуважаемый Геннадий Николаевич, на редакцию во главе с Мариной Баланюк, на заведующих отделами. Еще раз — все при деле, и это при том, что в редколлегии состоят руководители творческих союзов, главреды и заместители таковых известных литературных журналов, люди других ответственных занятий.

— И последний вопрос, Алексей Афанасьевич: как всероссийский статус журнала остается с тульскими,

окскими корнями; наконец, ваше видение новых поколений авторов?

— Тульские, окские корни — это и есть составная часть равнины русской словесности, как мы ее определили. Поэтому вовсе не география, в том числе тульских писателей, которых мы очень даже жалуем… по талантам естественно, определяет авторский состав журнала, но та их, авторов, сопричастность к традициям русской литературы с учетом современных тенденций и трансформаций, о чем достаточно подробно говорилось в начале интервью. Но вот видение новых поколений авторов — это адекватно прогнозу развития литературного процесса, понятно не в «далеко», как у Маяковского, но всего лишь с отсчетом от времен нынешних. Ибо законами эволюции человеку наложен запрет даже на чрезпоколенное «предвидение»… уже поверьте мне, доктору биологических наук.

Реальность же такова, что, начиная с последнего десятилетия прошлого века, стремительными темпами происходит «смена вех» (во времена Струве она — это его слова — также имела место быть, но — не глобальная) в отечественной литературе; на смену соцреализу пришел новый русский критический реализм, о чем говорилось выше. Во многом сама литература превращается в «салонный» вид творчества из-за разобщенности его. Как следствие, утрата самого понятия авторитета в писательской среде, без которого происходит своего рода нивелирование талантов и творческих способностей. И если Пушкин прекрасно понимал (см. выше), что организация мощного и всеобъемлющего национального литературного движения невозможна без журналов, так и сейчас, без малого две сотни лет спустя, снова на первый план выступают журналы. Только они могут «на равных» бороться с санкционированным Великим глобализатором литературным нивелированием и словесным бескультурьем. Надеемся, что «Приокские зори» с его программным творческим методом нового русского критического реализма, его «магнетизмом» для творческого совершенствования авторов равнины русской словесности, главное — с нашими замечательными читателями, не последние в рядах этих борцов. Dixi — все сказано.

Валерий МАСЛОВ

г. Тула

АВТОР «ЛЕГЕНДЫ О МАСТЕРЕ ТЫЧКЕ»

С Иваном Федоровичем Панькиным, известным тульским литератором, я вместе состоял в тульском отделении Союза писателей. Для меня, тогда еще молодого прозаика, он представлялся могучим корифеем русской литературы.

И это было, действительно, так. И. Ф. Панькин родился в далеком 1921 году. Воевал — стал инвалидом Великой Отечественной войны. Работал юнгой, в цирке, служил матросом. Награжден орденами Отечественной войны первой степени, Красной звезды, боевыми медалями. Но главной его страстью было — писать. Однако широко известен он стал позже, когда вышла его книга под названием «Легенда о мастере Тычке». Тычка — это своеобразный прообраз тульского Левши.

Самые яркие впечатления об этом талантливом литераторе, тульском самородке, у меня сложились непосредственно от встреч с ним в писательской среде. Помню, как-то зашел он ко мне в Дом творчества на улице Каминского, где находилась Тульская писательская организация. Мы выпили чая, а потом он долго рассказывал, как работал над образом своего Тычки.

— В Туле я садился в трамвай и ездил по всему городу, не выходя из него. В это время я внимательно прислушивался к разговорам людей, особенно когда туляки возвращались из знаменитых оружейного, машиностроительного, патронного и других оборонных заводов. Вот тогда я и слышал в разговорах такие меткие словечки и фразы, которые характерны для трудового люда. Там, в трамвае, я, кстати, и услышал это словосочетание — мастер Тычка.

Сразу скажу: Панькин — это единичное, знаковое явление в нашей среде. Сочетание природного таланта, сиротского детства, в котором им был накоплен огромный жизненный опыт, и национальные этнические черты мордвина дали тот великолепный сплав, из которого рождались произведения этого самородка.

Впрочем, когда говорили, что Панькин — мордвин, он возражал. «Я — эрзя,— детализировал он разновидность своей национальности.— Это особый народ: крепкий, талантливый, самобытный».

Так в его жизни все и выходило. Эрзя Иван Федорович Панькин стал развивать редкостный, особый сказовый жанр. В результате появились сказки и легенды Таласской долины («Серебряный голос»), «Легенды о матерях», матросские легенды и сказы («След на море») и другие.

Но главным достижением этого писателя я считаю создание легенд и сказов о тульских мастерах. Герой его «Легенды о мастере Тычке», наряду с лесковским Левшой, стал литературным героем Тулы.

К своей творческой работе прозаик подходил тщательно, профессионально и ответственно. Он писал трудно и медленно, словно постоянно выпадая из временного потока. Треть жизни отдал И. Ф. Панькин «Ле-

гендам о мастере Тычке» — книге сравнительно небольшого объема, какие у иного литератора выпекаются чуть ли не ежегодно. Конвейерный способ писания не был его способом литературного творчества. И до последних дней писатель не оставлял творчество. Его роман «Свеча на ветру» вобрал в себя повесть «Начало одной жизни», но значительно расширил ее и обогатил литературно. Он продолжал цикл «Легенд о матерях», создавал «Легенды о русском солдате».

И Тула, ставшая для автора родной, как могла, поддерживала своего творческого гения. Он был награжден званием Почетного гражданина города-героя Тулы, его «Легенды о матерях» были включены в список рекомендуемой литературы для внеклассного чтения, а после смерти писателя, на доме в Туле, где он жил, появилась мемориальная доска.

Надо отметить, что еще при жизни Иван Федорович Панькин был замечен нашими самыми известными писателями. Например, Виктор Астафьев в своем «Зрячем посохе» поставил автора «Тычки» рядом с самим автором «Левши». О творчестве Ивана Панькина высоко отзывались такие признанные авторитеты, как Евгений Носов, Борис Можаев и другие.

У И. Ф. Панькина вышло двадцать пять книг. Как известно, по-настоящему творчество писателя может быть оценено только после его смерти. Ведь у нас «лицом к лицу — лица не увидать». И этот тульский прозаик достойно вошел в когорту талантливых писателей. После его смерти, например, ко мне неоднократно обращались московские и другие издатели, чтобы помочь найти правообладателей книг этого автора.

Да и память о себе он оставил добрую и долгую. Например, сорок лет работала в Тульской писательской организации секретарем и бухгалтером Надежда Васильевна Коропова. Много десятков писателей прошло рядом с ней за эти годы. Но она до сих пор выделяет именно Панькина. Он был строг, говорил правду, критиковал, но всегда оставался порядочным, честным, заботливым человеком. Именно он помог женщине в трудную минуту, и она об этом помнит всю жизнь.

А жизнь у будущего писателя была очень трудна. Когда у ребенка умерла мать, он оказался никому не нужен. Матери ему не заменили ни первая, ни вторая мачеха.

У племени эрзя с язычества детям плакать на людях не позволялось. Ваня уходил подальше от дома, ложился на землю и давал волю своим чувствам. Однажды он пришел к железнодорожному полотну, по которому в далекий среднеазиатский город, где жила зовущая к себе родня, ехал поезд. В кровь разбивая колени о железное брюхо вагона, он вцепился в поручни подножки и уехал, чтоб никогда не вернуться.

Скитания, поездные странствия привели его в бродячую цирковую труппу. Затем попал в торговый флот. До войны работал юнгой, потом матросом. Воевал, много раз попадал в госпитали с ранами, последний раз — в Сибири.

Там было время читать книги, осмыслить богатую на подвиги и приключения жизнь и обнаружить в себе тягу к сочинительству.

Открыл литератора Панькина руководитель Новосибирского литобъединения Николай Яновский. Поставил же его на писательскую стезю уже в Литературном институте профессор Сидельников. С уважением вспоминал Иван Панькин и много сделавшего для него на Высших литературных курсах писателя Бориса Бедного. Повезло Ивану Федоровичу также с властителями дум, молодыми В. Астафьевым, Е. Носовым, Б. Можаевым, С. Викуловым, А. Знаменским.

Но впереди была неизвестность, поиски себя, которые проходили мучительно. Судьба привела его в город оружейников и мастеров, чтобы здесь встретиться со своим главным литературным героем, языкатым мастером Тычкой, чей художественный образ станет одним из символов Тулы.

К счастливой встрече с ним автор шел через «Сказки Таласской долины», «Матросские сказки», «Цирковые рассказы», «Легенды о матерях» и многое другое, талантливое, но не ставшее его главным произведением в жизни, не сделавшее имя автору.

Творчество — это самопознание. Эту банальную, но верную мысль Иван Панькин познал на себе. Несуетный, замкнутый, он не только критично оценивал себя и свое творчество, но порой и низвергал устоявшееся в обществе мнение о литературе и писателях:

«Стимул творчества — собственное несовершенство. Детский писатель? Нет детских писателей, как и детской литературы. Есть литература для детей. В силовое поле таланта притягиваются и взрослые, и дети. Классики советской детской литературы увели ее от истории, народности, фольклора, ее истоков — сказки. Все эти Мойдодыры, Мистеры-Твистеры, Крокодилы, Незнайки принесли детям больше вреда, чем пользы. На старых писателей не надо тратить пороха похвал. Пусть перепадает больше молодым. Выразительности, краткости надо учиться у эпитафий на надгробных камнях. Пустословие на камне не выбивается.

Я много работал в издательстве, учил писать других, не умея этого сам. Но, правда, уже тогда понимал, что шергинские «Сказки о Шише» — это золото высочайшей пробы.

Порок всех пороков — жадность души и тела. Культ личности? Я не пострадал от него. Для этого был слишком незначительной личностью. Даже в компартию не вступил, считая себя недостойным. Наивен был, как пуп».

И не случайно, что в Тульской писательской организации многие считали, что Панькин, его главный труд были еще не оценены по достоинству современниками.

А, между тем, среди произведений Ивана Панькина образ мастера Тычки стал именно той алмазной гранью, которая оценивает все творчество писателя. При этом автор, как сказовый писатель, внес свою лепту в

развитие этого жанра. Мастер Тычка близок не только к сказочным героям, но и к народным, он их олицетворение. Тычка в близком родстве с народной мечтой о счастье. Главное, что определяет вечную современность легенд о мастере Тычке — это их одухотворенное, поэтическое, возвышенное отношение к труду. Их истоки в родословной тульского металла, тульских ремесел, в их неумирающих традициях.

Это — сказ о судьбе российского города оружейников, выстроенный в лаконичной, народной, пересыпанной каламбурами, прибаутками, пословицами, присловьями, поговорками книге. И все разговоры о «подражательстве» лесковскому «Левше» сразу становятся несостоятельными.

Николай Лесков в сказе о тульском косом Левше и о стальной блохе для сатирической окраски исторического фона использовал лексику чиновного слога, его высокий штиль, архаическую патетику:

«Приезжают в пребольшое здание,— пишет Н. Лесков,— подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные агромадные бюстры, и посредине под валдахином стоит Абалон Полведерский...»

У Ивана Панькина стиль повести мягче и спокойнее. Однако, при всей своей художественной разнице, есть главное, что объединяет героев двух произведений: Левша и Тычка — один собирательный образ, единого духа созидатели, большие мастера. Более того, существует литературное мнение, что Тычка, по легендам, учитель Левши.

«У Тычки учился мужичок-чудачок с косинкой-хитринкой на левый глаз,— пишет в своем произведении И. Паникин.— Он и молоток держал в левой руке. На заводе его так и прозвали Левшой».

Важно, что в обоих произведениях, прославляющих образ тульского мастера-оружейника, главное — это борьба добра со злом и создание образа истинного русского патриота.

Конечно, как настоящий патриот Тулы, Иван Панькин не мог не признать, что главный из них все-таки прославленный тульский мастер Тычка:

«После Петра, какие бы цари ни садились на российский престол, каждый из них, прежде всего, старался Тычку запрятать в Сибирь. По триста Тычек ссылали туда, но только настоящий всегда оставался в Туле».

Бескорыстие и прямодушие мастера Тычки, его великолепный, искрометный язык, который и сейчас звучит в городе оружейников, подкупают читателя, делают этот образ туляка живым, неподражаемым и важным в нашей жизни.

Тульский Тычка может победить любого врага, как и положено жителю Тулы, на территорию которой никто из нападавших не смог ни разу ступить своей поганой ногой:

«Много раз мастера Тычку заставляли прощаться с жизнью. Во время второй мировой войны, когда фашисты схватили его на окраине Тулы, спросили:

— Кто ты?

— Оружейник,— ответил мастер Тычка.

— Становись тогда к стене!

— А руки? — спросил он.

— Что руки?

— Руки-то останутся живыми.

— Как живыми?

— Я их передал своим ученикам».

Вот так наш Тычка доказал особую стать и умение туляков нести сквозь века свой талант, передавать его новым мастерам-оружейникам, которыми во все времена был и остается поныне славен град Тула.

И не случайно, что такой корифей русской словесности, как писатель Виктор Астафьев, сказал: «Тычка» во всех отношениях не уступает «Левше». Кроме всего, Тычка — наш современник».

«Легенда о мастере Тычке» — это летопись не только оружейных традиций, но и гимн наследуемому мастерству туляков-мастеров на все руки. Обаятельный литературный герой «Легенд» Тычка — именно такой мастер на все руки, который навсегда стал одним из символов современной Тулы. И за это благодарные туляки навсегда запомнят имя писателя Ивана Федоровича Панькина.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

г. Орел

Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

НА ВСЕ КОПЫТА КОВАНЫ: «БЕСЫ» В РОДОВОМ ИМЕНИИ И. С. ТУРГЕНЕВА СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО И В РОМАНЕ Н. С. ЛЕСКОВА «НА НОЖАХ»

В ГОД 200-ЛЕТИЯ И.С. ТУРГЕНЕВА

Я видел Русь расшатанную, неученую, неопытную и неискусную,
преданную ученьям злым и коварным, и устоявшую!
Н. С. Лесков «На ножах»

Тургеневское творчество и само имя Ивана Сергеевича Тургенева (1818—1883) были чрезвычайно дороги Николаю Семеновичу Лескову (1831—1895). Он отдавал дань глубокого уважения «сильному и свежему» таланту своего старшего литературного собрата и знаменитого земляка — писателя-орловца. Показательно, что в лесковской «Автобиографической заметке» (1882—1885?) первым и главным из писательских имен было названо имя Тургенева. Его «Записки охотника» Лесков, знавший народ «в самую глубь», как «самую свою жизнь» (1) , признал своего рода «учебником» жизни и литературного мастерства. Об этом «учительном» значении, а также о глубочайшем эмоционально-нравственном воздействии тургеневского цикла свидетельствует следующее лесковское признание: «когда мне привелось впервые прочесть “Записки охотника” И. С. Тургенева, я весь задрожал от правды представлений и сразу понял, что называется искусством. Все же прочее <…> мне казалось деланным и неверным» (XI, 12).

Тургеневское творчество — глубоко правдивое, не имеющее фальшивых нот,— было своего рода камертоном для Лескова. Более того — по словам сына писателя, Тургенев был для Лескова «литературным богом». Андрей Николаевич Лесков вспоминал: «Тургенева отец считал выше Гончарова как поэта. Каждое новое произведение Ивана Сергеевича было событием в жизни нашего дома» (2).

Таким образом, Тургенев и его художественный мир постоянно занимали писательское сознание Лескова, были у него и на слуху, и на устах. Неудивительно, что эту «привязанность» он перенес на страницы своих книг. Одно из наиболее весомых тому подтверждений — роман «На ножах» (1870—1871).

У романа сложная судьба. Он вызвал много толков и споров среди современников Лескова. Некоторые причислили его к «антинигилистическому» роду литературы, определили как роман-памфлет. Другие писали как о «типично бульварном произведении» (3). Иные в пылу литературной схватки даже зачислили «На ножах» в разряд «полицейско-эротических» сочинений (4). Тенденциозная советская критика категорически отвергла это замечательное творение классика и на долгие десятилетия сделала его недоступным для читателя, скрыла непроницаемой завесой. Поныне роман не получил должной оценки. Его либо замалчивают, либо крайне осторожно определяют как «полемический», «антибуржуазный». Все указанные жанровые определения далеки от сути лесковского текста.

Прежде всего это религиозно-философское произведение, в основе которого — христианское миропонимание автора. Боль и молитва о Родине, вера в возрождение святой Руси определяют основной пафос романа «На ножах». Эпиграфом к нему могли бы послужить слова одного из его героев — Светозара Водопьянова: «Я видел Русь расшатанную, неученую, неопытную и неискусную, преданную ученьям злым и коварным, и устоявшую!» (9, 281).

Это особенно наглядно, если рассматривать лесковский роман сквозь призму межтекстовых связей. «На ножах» Лескова стоит в том же ряду «общественных романов» Тургенева («Отцы и дети»), Гончарова («Обрыв»), Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы»), отразивших всю остроту религиозно-нравственной, философско-мировоззренческой, социально-политической и литературно-эстетической полемики эпохи. На типологическое сходство «На ножах» с романами «В водовороте» Писемского и «Бесы» Достоевского, созданными в том же 1871 году, указывал сам Лесков: «все мы трое сбились на одну мысль» (X, 293). Это единство — в русле тургеневского призыва: «Необходимо всем писателям сплотиться вместе и встать на защиту святой веры от врагов ея».

Стержневая мысль, о которой говорил Лесков,— исследование содержания и современных трансформаций русского нигилизма. Решение этой ответственной идейно-эстетической задачи для писателя было немыслимо без обращения к опыту Тургенева — «представителя и выразителя умственного и нравственного

роста России» — и прежде всего к его роману «Отцы и дети», в центре которого мощный образ нигилиста — «каланчи» (по образному выражению Д. И. Писарева) — Базарова. «Талантливым пером Тургенева обрисован Базаров, произнесено слово “нигилизм”» (X, 16),— подчеркнул Лесков вскоре после выхода «Отцов и детей». Далее писатель утверждал: «Я знаю, что такое настоящий нигилист» (X, 21). Ориентируясь на образ «сильного и честного Базарова» (X, 16), Лесков решительно отъединяет «истинных, настоящих нигилистов» от «нигилиствующих» (X, 22) и признается, что ищет «способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами» (X, 21). Эта «полезная сортировка» (X, 22) была произведена в романе «На ножах».

Писатель рисует образы не просто «новых», но уже «новейших» нигилистов-перерожденцев. Они выродились в буржуазных хищников, капиталистов, ростовщиков, мошенников, продажных газетчиков, брачных аферистов, подлецов, предателей, убийц — преступников всякого рода, попирающих человеческие и Божеские установления, не верующих «ни в Бога, ни в духовное начало человека» (5). Модифицируют они и само наименование своего бывшего радикального направления, теперь именуя самих себя «негилистами». В основе этого лексического новообразования — слово «гиль» в значении «чепуха, ерунда». Идейный «вдохновитель» экс-нигилистов Горданов «в длинной речи отменил грубый нигилизм, заявленный некогда Базаровым <…>, а вместо сего провозгласил негилизм — гордановское учение, в сути которого было понятно пока одно, что негилистам дозволяется жить со всеми на другую ногу, чем жили нигилисты» (9, 130).

Так «Отцы и дети» входят в «На ножах» в качестве своеобразного литературного фундамента. Тургеневский роман в деталях знают не только автор, но и его персонажи, которые также выступают как внимательные читатели Тургенева. Композиция образов героев во многом строится через содержание их чтения. Горданов как персонаж-читатель, определяя свою жизненную позицию и способы поведения, «примеряет» на себя литературные образы: «Горданов не сразу сшил себе свой нынешний мундир: было время, когда он носил другую форму. Принадлежа не к новому, а к новейшему культу, он имел пред собою довольно большой выбор мод и фасонов: пред ним прошли во всем своем убранстве Базаров, Раскольников и Маркушка Волохов, и Горданов всех их смерил, свесил, разобрал и осудил: ни один из них не выдержал его критики. Базаров, по его мнению, был неумен и слаб — неумен потому, что ссорился с людьми и вредил себе своими резкостями, а слаб потому, что свихнулся пред “богатым телом” женщины, что Павел Николаевич Горданов признавал слабостью из слабостей» (9, 127).

В противовес своему герою — читателю романа Тургенева — Лесков трактует образ и личность Базарова иначе. В статье «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе “Что делать?”» (1863) писатель указал: «Тип Базарова многим нравится, многим не нравится. Мне лично он нравится, но я бы позволил себе пожелать ему быть несколько мягче, не мусолить собою без нужды непривычного глаза, не раздражать без дела чужой барабанной перепонки и даже, пожалуй, не замыкать сердца для чувств самых нежных, ибо они не мешают героизму» (X, 16). Любовь, по мнению Лескова, не только не является признаком «слабости», но еще более обогащает героическую личность.

Горданов же, наделенный инфернальными чертами, патологически не способен к любви, «никогда не чувствовал потребности любить» (9, 216). Сатанинская «гордыня» — в основе фамилии этого персонажа. «Гордашка» — так уничижительно называет его прямая и честная героиня романа Катерина Астафьевна Форова.

С точки зрения Святых Отцов Церкви, гордость — корень всех грехов и пороков. Преподобный Максим Исповедник именует самолюбие «матерью всех зол»: «Начало всех страстей есть самолюбие, а конец — гордость» (6). Против «безумной гордости» направлено истовое по духовному накалу и совершенное в художественно-образном выражении Слово 23 «Лествицы» аввы Иоанна Лествичника: «Гордость есть отвержение от Бога, бесовское изобретение, презрение человеков, матерь осуждения, исчадие похвал, знак безплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, безчеловечный судья, противница Богу, корень хулы» (7).

В бесовском ослеплении Горданов кичится утратой Божественного дара любви как сильной стороной своего характера. «Любовь — это роскошь, которая очень дорого стоит, а я бережлив и расчетлив» (9, 216),— цинично заявляет он, смешивая в этом высказывании «Божие» (любовь) и «кесарево» (деньги, расчет, меркантильную выгоду). Глава, приоткрывающая сущность Горданова, называется «Entre Chien et Loup» — «В сумерках» (по Пушкину: «Пора меж волка и собаки»). Это скрытый, маскирующийся, «сумеречный» тип хищника, удел которого — тьма, адская «бездна», призывающая «бездну» (9, 127).

Смерть Горданова в конце романа содержит реминисценцию из «Отцов и детей». Базаров умирает от заражения, полученного от случайного пореза пальца при анатомировании. Горданов получает заражение от укола в ладонь стилетом — орудием убийства, что приводит к ампутации руки. В то же время смерть ярко высвечивает принципиальную «разность» этих человеческих типов.

Базаровская роковая неосторожность была вызвана погруженностью героя в раздумья о силе судьбы и ничтожности земной жизни перед лицом вечности, о неразделенной любви, которая захватила все его существо. Таким образом, смерть Базарова приобретает высокий трагический характер. Тогда как Горданов поранил руку во время предумышленного убийства Бодростина, которое стало конечной целью запутанной сети хитросплетений и интриг. Гордановское свидетельское показание «опять все наново переплетало и путало»

(9, 771), и в итоге он сам стал жертвой преступных козней и происков: был предательски-позорно отравлен сообщниками. Так проекция на финал «Отцов и детей» позволяет резко отграничить героический и трагический образ нигилиста Базарова от преступника-«негилиста» Горданова.

В роман «На ножах» вместе с образом Базарова входят и его последователи — «базаровцы» (9, 129), как называет их Лесков. По большей части они видоизменились в «гордановцев» (9, 133) и вполне отвечают характеристике, данной писателем в его статье, указанной выше: это «грубая, ошалелая и грязная в душе толпа пустых ничтожных людишек, исказивших здоровый тип Базарова и опрофанировавших идеи нигилизма» (X, 19). Им негде взять «базаровских знаний, базаровской воли, характера и силы» (X, 17). «Нигилиствующие» только внешне пытались копировать Базарова, не умея и не желая «дорасти» до сокровенной — героически-беззаветной и трагической — сути этого типа. Гражданское мученичество, готовность к самопожертвованию — то, что Лесков обозначил как «власяницу и вериги нигилизма»,— были отринуты ради «нынешнего спокойного, просторного и теплого мундира». Горданову «нетрудно было доказать, что нигилизм стал смешон, что грубостию и сорванечеством ничего не возьмешь; что похвальба силой остается лишь похвальбой, а на деле бедные новаторы, кроме нужды и страданий, не видят ничего, между тем как сила, очевидно, слагается в других руках. <…> Все, желавшие снять с себя власяницу и вериги нигилизма, были за Горданова, и с их поддержкой Павел Николаевич доказал, что поведение отживших свой век нигилистов не годится никуда и ведет к погибели» (9, 130). «Гордановцы» предательски отреклись от «истинных нигилистов» — «гражданских мучеников и страдальцев»: «Таких страдальцев в эту пору было очень много, все они были не устроены и все они тяжко нуждались во всякой помощи,— они первые были признаны за гиль и о них никто не заботился» (9, 132).

В то же время сами экс-нигилисты с успехом мимикрируют и приспосабливаются к буржуазному устройству, органически с ним сливаясь: «Вот один уже заметное лицо на государственной службе; другой — капиталист; третий — известный благотворитель, живущий припеваючи за счет филантропических обществ; четвертый — спирит <…>; пятый — концессионер, наживающийся на казенный счет; шестой — адвокат <…>; седьмой литераторствует и одною рукою пишет панегирики власти, а другою — порицает ее» (9, 137),— Лесков выявил самые разнообразные типы продажных, беспринципных буржуазных дельцов — «деятелей на все руки» сатанинской закваски.

Сущность их «направления» выразительно обобщает говорящая фамилия некоего «медицинского студента» — «Чертов»:

«— Гм! Фамилия недурна!

— Да, и с направлением» (9, 160).

Это «направление», как смертельная зараза, распространяется бесами — губителями душ. Так, «медицинский студент Чертов», ради заработка готовя ребятишек к поступлению в приходское училище, внедряет в детские головы и сердца безбожие, атеистическое презрение к Священному Писанию. Характерна зарисовка экзамена:

«— А Закон Божий знаешь? — встрел поп.

— Да коего лиха там знать-то! — гордо, презрительно, гневно, закинув вверх голову, рыкнул мальчуган, в воображении которого в это время мелькнуло насмешливое, иронически-честно-злобное лицо приготовлявшего его студента Чертова» (9, 160—161).

Этот ответ и ремарка к нему поневоле вызовут восклицание: «Отойди от меня, сатана!» (9, 160).

Невнимание к духовной природе человека, отказ от Бога, отрыв от русской почвы приводят к тому, что бывшие «нигилисты» окончательно превратились в мошенников и авантюристов, преступников и злодеев, живущих по звериным законам борьбы за существование. О им подобных закоренелых грешниках апостол Павел свидетельствовал, что «они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы» (Рим. 1: 29—31). Таковы в лесковском романе Павел Горданов и Глафира Бодростина, «жид-ростовщик» Тишка Кишенский, «безнатурный» Иосаф Висленев, его сестра — своенравная красавица Лариса, одержимая гордыней и себялюбием, «калмыцкая лошадь», которую только «калмык переупрямит» (9, 411). Показательна самохарактеристика «межеумка» Висленева, стоявшего когда-то во главе «студенческой партии», отвратившейся от Бога и Церкви: «все мы стали плуты» (9, 217).

В связи с этим снова возникает аллюзия на роман «Отцы и дети», где в знаменитой сцене идеологической «схватки» Базарова и Павла Петровича Кирсанова шел спор о «принципах». Замышляя убийство, Горданов в беседе с Глафирой заявляет, что хочет говорить «совсем не о чувствах, а…» Она резко прерывает: «О принципах… Ах, пощади и себя, и меня от этого шарлатанства! Оставим это донашивать нашим горничным и лакеям» (9, 77). С неотвязным вопросом о «принципах» приступает к Горданову «суетливый и суетный» (9, 129) Висленев: «какому же ты теперь принципу служишь, так ты и не ответишь. <…> какой у нас теперь принцип? Его нет?» (9, 217) «Мы отрицаем отрицание» (9, 217), — следует витиеватый ответ с претензией на философичность.

В действительности употребляются другие — абсолютно неприкрытые, безстыдные — установки на ограбление и развращение: «приехав сюда из Питера, надо устремлять силы не на то, чтобы кого-нибудь развивать, а на то, чтобы кого-нибудь… обирать» (9, 48). В том же ряду — откровенно хищнические, звериные

предписания: «всяк сам для себя, и тогда вы одолеете мир» (9, 147); «в жизни каждый ворует для себя. Борьба за существование!» (9, 142)

Теория «дарвинизма», примененная к человеческим отношениям, разрушает человека как «храм Божий» («тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога» (1 Кор. 6: 20),— проповедовал апостол) и формирует «человека-зверя»: «Живучи с волками, войте по-волчьи и не пропускайте то, что плывет в руки» (9, 142); «Глотай других, чтобы тебя не проглотили» (9, 132). Как погибельное следствие — морально-нравственная порча, духовная деградация, физическое разложение, безумие, убийство и самоубийство.

О неизбежном возмездии за греховное небрежение о душе и теле предупреждал апостол Павел: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят» (1 Кор. 3: 16—17).

От свинского попрания образа Божьего в человеке предостерегал Господь в Нагорной проповеди: «не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7: 6). Из Священного Писания известно, что бесы вошли в свиней, «и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло» (Лк. 8: 33).

Бесовской участью чревата подмена христианской веры безбожной «верой в естественные науки», которая, кроме всего прочего, ведет к неизбежной ограниченности, узости взглядов, скудоумию. Такова «скорбная головой девица» (9, 133) Анна Скокова, или Ванскок,— честная, прямолинейная, «рьяная», из разряда «древнего нигилистического благочестия» (9, 131). Изображая эту «староверку» «истинного нигилизма», Лесков прибегает к самоцитации, используя название своего очерка о раскольниках «С людьми древлего благочестия» (1863). Ванскок по-детски растеряна перед жестокими реалиями жизни: «Я прежде работала над Боклем, демонстрировала над лягушкой, а теперь… я ничего другого не умею: дайте же мне над кем работать, дайте мне над чем демонстрировать» (9, 132).

Налицо реминисценция завершения Базаровым знаменитого спора со старшим Кирсановым: «будем <…> лягушек резать» (7, 53). Лягушка как непременный объект естественнонаучных занятий и опытов нигилистов стала во многом благодаря тургеневскому роману их своеобразным символом. Лесков не обходит вниманием эту символику и атрибутику. Так, «истинный нигилист» из числа людей «базаровской» закалки майор Форов носит характерный брелок. Это «тяжелая, массивная золотая лягушка с изумрудными глазами и рубиновыми лапками. На гладком брюшке лягушки мелкою искусною вязью выгравировано: “Нигилисту Форову от Бодростиной”. Дорогая вещь эта находится в видимом противоречии с прочим гардеробом майора» (9, 27). Для бывшей нигилистки Глафиры Акатовой, ловко вышедшей замуж за старика-богача Михаила Андреевича Бодростина и усвоившей себе истину, что «повесившись, надо мотаться, а, оторвавшись, кататься» (9, 81), как и для прочих «антигероев» романа, «борьба за существование не то что борьба за лягушку» (9, 147—148).

Воспринимая литературу как художественную реальность, Лесков конструирует некоторые собственные образы, рассчитывая на быстрое «литературное» узнавание. Так, о принадлежности майора Форова и девицы Ванскок к базаровскому типу нигилистов старой закалки свидетельствуют «тургеневские» речевые отражения: «Но вот кто совсем не изменяется, так это Филетер Иванович! — обратился Висленев к майору.— Здравствуйте, мой “грубый материалист”!» (9, 36). Отзвук-напоминание об «обнаженной красной руке» Базарова, ставшей приметой нигилистов-разночинцев, содержится в обращении Горданова к Ванскок, когда он пожимает «грязноватую руку девушки»: «Давайте Вашу лапу!» (9, 151)

В романе «На ножах» имеются и другие формы наличия «тургеневского слова», а также разнообразные способы его включения в лесковский текст. Прием косвенного присутствия тургеневской образности обнаруживается в повествовании, раскрывающем предысторию Павла Горданова — внебрачного ребенка богача Бодростина и московской цыганки. Незаконный сын знатного помещика имел солидное денежное содержание, получил хорошее образование, однако никогда не знал ни родных, ни отчего дома, отданный на воспитание сначала акушерке, потом в пансион, а затем в университет. «В жизни его было только одно лишение: Горданов не знал родных ласк и не видал, как цветут его родные липы» (9, 128—129),— пишет Лесков.

Образ «родных лип», несомненно, восходит к Тургеневу. Эта реминисценция, используемая в тексте лесковского романа без кавычек, говорит о том, что липы стали восприниматься как устойчивый знак «дворянского гнезда», отголосок тургеневских романов. Так, в романе «Рудин» (1855) Тургенев художественно запечатлел, словно с натуры, свой усадебный сад, который «доходил до самой реки. В нем было много старых липовых аллей, золотисто-темных и душистых, с изумрудными просветами на концах» (8). Заметим также, что симпатичная автору героиня носит фамилию Липина.

В «Дворянском гнезде» (1858) липы растут в саду Калитиных; «тень от близкой липы» (6, 81) окружает Лизу и Лаврецкого в его имении Васильевское.

По всей вероятности, Лесков был наслышан о знаменитых липовых аллеях в виде римской цифры XIX в парке родового имения Тургенева Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. Перифразу «родные липы» в значении родительского дома, домашнего очага Лесков употребил уже в первой своей повести «Овцебык» (1862), в ее лирико-автобиографических главах: «я снова очутился под родными липами. Дома в это время не произошло никаких перемен <…> выросло несколько новых липок» (I, 64—65).

Воспитание и формирование человека вне семейной атмосферы родного «гнезда» Лесков считает непол-

ноценным, обедненным, ущербным. По-видимому, духовное оскудение, голый рационализм и звериный практицизм Горданова во многом проистекают из этого источника: «он с отроческой своей поры был всегда занят самыми серьезными мыслями, при которых нежные чувства не получали места. Горданов рано дошел до убеждения, что все эти чувства — роскошь, гиль, путы, без которых гораздо легче жить на белом свете, и он жил без них» (9, 129).

В романе «На ножах» встречаются непосредственные указания на тургеневские произведения. Так, Лесков обобщает разноречивые неодобрительные отклики современников о романе «Накануне», опровергнутые самой жизнью: «Когда в русской печати после прекрасных произведений, “бедных содержанием”, появилась повесть с общественными вопросами (“Накануне”), читатели находили, что это интересная повесть, но только “нет таких людей, какие описаны”. <…> указывали только нечто похожее на действительность, но гневались на недостатки, на неполноту и недоконченность изображения и потом через несколько времени начинали узнавать в нем родовые и видовые черты» (9, 577). Лесковские герои также апеллируют к тургеневскому творчеству как к серьезной аргументации. Например, в споре о подлинном и фальшивом Глафира ссылается на эпизодическую героиню Кору, о которой составила «понятие по тургеневскому “Дыму”» (9, 313).

Одним из распространенных способов включения «тургеневского слова» в текст является цитирование — явное или скрытое — собственно автором или его героями, как, например, в следующем эпизоде. Попав в контору к своему бывшему соратнику по «нигилистической партии» Тихону Кишенскому, Горданов ощутил, как в нем «шевельнулась дворянская гордость пред этим ломанием жидка» с его «невозмутимым, но возмущающим голосом, которым непременно научаются говорить все разбогатевшие евреи» (9, 168). Не без удивления Горданов обнаруживает, насколько ловко Тишка сумел «подковаться на все копыта» — материально обезопасить себя от превратностей жизни. Хозяина раболепно охраняют подобный ему рыжий чубастый лакей и «еще более решительный рыжий бульдог» (9, 167).

Мысленно оценивая нынешнее прочное финансовое положение продажного газетчика и ростовщика, «отец которого, по достоверным сведениям, продавал в Одессе янтарные мундштуки» (9, 168), Горданов прибегает к неточному цитированию тургеневского романа «Дворянское гнездо»: «Ему уже нечего будет сокрушаться и говорить: “здравствуй, безпомощная старость, догорай, безполезная жизнь”» (9, 167). В эпилоге романа Тургенева читаем: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, безполезная жизнь!» (6, 158).

Неточность цитаты объясняется скорее всего не пробелами в памяти Горданова, а тем, что жизнь Кишенского нельзя назвать «одинокой». Он уже успел обзавестись многочисленным потомством, в том числе и от сожительства со своей фавориткой и «деловым партнером» по кассе ссуд Алинкой Фигуриной. Обокравшая собственного отца, по безжалостности, наглости, изобретательности в сфере жульнических трюков и махинаций она вполне под стать своему любовнику. «Алина! Ты гениальна!» (9, 212),— восхищается своей криминальной подельницей Кишенский. Высшая степень его восторга: «Алинка!.. Ты черт!» (9, 212) — весьма показательно вскрывает собственную бесовскую сущность этого персонажа.

О ему подобных в русском народе сложились записанные В.И. Далем пословицы: «Бесы и жиды — дети сатаны»; «С жидом знаться — с бесом связаться» (9). «Видимыми бесами» назвал иудеев в V веке святитель Кирилл, патриарх Александрийский; «самые души иудеев есть жилища демонов» (10),— утверждал святитель Иоанн Златоуст.

В Евангелии от Иоанна повествуется, как Господь Иисус Христос обличил сатанизм иудеев: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин. 8: 44); «Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога» (Ин. 8: 47). От общения с подобными безбожниками предостерегал апостол Павел: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?» (2 Кор. 6: 14)

В «Истории русской литературы» небезосновательно отмечалось, что Лесков изобличает «подлые проделки журналиста-ростовщика Кишенского, промышляющего в пореформенное время куплей-продажей закабаленных им живых душ» (11). Так, при помощи замысловатых «каторжных сплетений» (9, 47), придуманных Гордановым, Кишенский сумел завлечь в пожизненную долговую западню и буквально поработить безхитростного до детскости русского дворянина Висленева. Запутав его в свои злокозненные сети, действуя шантажом и угрозами, Кишенский выдает свою «чертовку»-сожительницу Алинку замуж за Висленева, вынуждая его таким образом прикрыть честной русской фамилией жидовских «щеняток» (9, 150) — отпрысков блудодеяния. Висленев, увязший в хитросплетениях «ростовщика, процентщика», запоздало сокрушается: «А имя мое? И ведь все знают, а дети, черт их возьми, а дети… Они “Висленевы”, а не жиды Кишенские» (9, 46). «Дай жиду волю — заберет тебя в неволю»; «Не мешаются жиды с самарянами, зато часто с дворянами» (12),— подмечено в русских пословицах.

Лесков разоблачил один из распространенных способов многовековой массовой мимикрии противников Христа, подобных экс-нигилистам еврею Кишенскому и Павлу Горданову. Таким, как они, «нужен столбовой дворянин» (9, 160), в том числе и для того, чтобы под прикрытием русских, особенно — знатных, фамилий пробираться на руководящие должности, занимать ключевые посты в государственных, коммерческих, религиозных, общественных учреждениях России с целью кабалить, разлагать и уничтожать коренное население страны, глумясь над его христианскими идеалами и православной верой; маскируясь русскими именованиями и вывесками; снаружи рядясь в овечьи шкуры, будучи изнутри волками; фарисейски прикрываясь благими целями доброделания, безбожно обогащаться, получать свои барыши, выгоды, прибыли и сверхпри-

были, служить не Богу, а мамоне.

«Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16: 13),— говорит Господь. «Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской» (1 Кор. 10: 21),— наставляет апостол.

О трудности распознавания добра и зла учил Святой старец Силуан Афонский: «Всякое зло, совершаемое свободными тварями, по необходимости паразитарно живет на теле добра, ему необходимо найти себе оправдание, предстать облеченным в одежду добра, и нередко высшего добра», потому что «зло всегда действует “обманом”, прикрываясь добром» (13). Но, как пояснял старец, различение добра и зла необходимо и возможно, поскольку «добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область, чуждая духу Христову» (14).

Возвращаясь к лесковскому роману, зададимся вопросом: почему элегический эпилог одного из самых одухотворенных романов Тургенева «Дворянское гнездо» используется в ситуации, связанной с темным, преступным образом Кишенского?

Тишка Кишенский не только скаредный ростовщик, держатель ссудной кассы, но и коррумпированный газетчик, умудрившийся сотрудничать одновременно в трех разных изданиях противоположных общественно-политических направлений. Одну из своих пасквильных статеек он озаглавил «Деятель на все руки» (9, 233). Название как нельзя лучше подходит к нему самому и его разнообразной «деятельности». Этот «ростовщик, революционер и полициант» (9, 166), «подлый жид» (9, 138), как не раз его именуют в романе, нажил свой капитал аферами и предательством, в том числе, сотрудничая с полицией в качестве провокатора и шпиона.

Зловещая фигура Кишенского никоим образом не соотносится с благородным образом русского патриота, дворянина Лаврецкого, чьи слова, мысленно произнесенные «хотя с печалью, но без зависти, безо всяких темных чувств, в виду конца, в виду ожидающего Бога» (6, 158), процитировал Горданов.

Очевидно, «Дворянское гнездо», как и другие произведения Тургенева, после прочтения которых «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора» (15), выступают в подтексте романа Лескова в качестве морально-нравственного противовеса злодейскому миру безнравственных и бездуховных людей, преступно уничтоживших в себе Божеское начало.

Таким образом, проекция на тургеневское творчество, цитаты, аллюзии, реминисценции, перифразы, мотивы и образы позволяют реконструировать не только читательский опыт персонажей Лескова, но и выполняют характерологические функции. Соотношения в художественном мире Лескова своего и «тургеневского» слова предоставляют возможность выявить речевую индивидуализацию, психологические особенности героев, выбор ими способа поведения и самого образа жизни. Тургенев и его творчество вплетаются в художественную ткань романа «На ножах» как положительный идеал, позитивный и высокий ориентир, противостоящий низменной морали дельцов нового толка.

О «многослойности» романа «На ножах» свидетельствует еще один историко-литературный факт. К нему обращает фамилия Кишенский, вокруг которой возникает целое ассоциативное поле. Известно, что в творчестве Лескова, который любил, чтобы «кличка была по шерсти», сложилась своеобразная концепция заглавий и обоснования имен. Писатель признавал способность имени выразить внутреннюю суть человека.

Лексико-семантический ключ фамилии лесковского персонажа обнаруживается в украинском слове «кишѐня», что в переводе означает «карман». (К слову — в настоящее время на Украине «Велика кишеня» (в дословном переводе — «Большой карман») — наименование крупнейшей сети розничной торговли и супермаркетов, поглощающей своих конкурентов).

Кроме того, этимология фамилии «жида Тишки Кишенского» уходит корнями в иврит и идиш. «Кишене» на идиш — «карман». На иврите слово «кис» также означает «карман». Созвучие с ивритским «кэсэф» — серебро, деньги — неслучайно. Дизайнерский атрибут верхней одежды предназначен в первую очередь для хранения денег (ср.: карманные деньги).

В статье Тургенева «Человек в серых очках» (1879) отмечено следующее: «Сила и цвет того жидовства, которое теперь завладело всеми карманами целого мира и скоро завладеет всем остальным. У кого карман в руках, у того и женщина; а у кого женщина, у того и мужчина» (11, 101).

«Всякий жид в наш карман глядит» (16),— подметила народная пословица. В русской фразеологии «карман» синонимичен слову «кошелек». Для сравнения: держи карман шире; тугой карман (или: тугой кошелек, тугая мошна) — о наличии у кого-либо больших денег; тощий (пустой) карман (или кошелек) — об отсутствии или недостатке денег у кого-либо; набить карман (или мошну) — разбогатеть, нажиться и т.д.

Делец, купец, «муж кармана» (I, 85) — «загребущая лапа» — набивает свой карман, свою мошну. Он, по словам Лескова в очерке «Пресыщение знатностью» (1888), «мошной вперед прет» (XI, 187). «Мужи кармана», «прибыльщики» и «компанейщики» (XI, 187) — так именовал писатель капиталистов, буржуа, банкиров, ростовщиков. Против их бесстыдных спекуляций Лесков выступал уже в ранней публицистике, а также в первом своем большом беллетристическом произведении — повести «Овцебык». Именно здесь впервые появляется образ капиталиста — «мужа кармана» — Александра Ивановича. Главный герой повести — чистый сердцем и помыслами бывший семинарист Василий Богословский — с горечью вынужден признать:

«Некуда идти. Везде все одно. Через Александров Ивановичей не перескочишь» (I, 85). Впоследствии пессимистическое слово-образ «некуда» стало названием романа Лескова «Некуда» (1863).

Поэтика и символика онима «Кишенский» значением «муж кармана» не исчерпывается. Фамилия персонажа, извивающегося в мошеннических махинациях и темных интригах, не может не вызвать зрительную ассоциацию с отвратительным клубком кишащих змей. Это впечатление дополняет аллитерация шипящих и свистящих звуков имени и фамилии «Тихон Кишенский».

Звуковые ассоциации, вызываемые именем, также значимы в поэтике писателя. Это подтверждает лесковская публицистика, поднимающая проблему исследования имен. Так, в статье «О русских именах» (1883) Лесков называет славянские имена «приятными для слуха» (17). Писатель призывает способствовать «отрадному возвращению народного вкуса к именам приятного, родного звука и понятного значения» (18).

Таким образом, Лесков чутко различает «свое — чужое» в ономастике. Инородными именами, как правило, наделяются у него отрицательные персонажи, далекие от Бога, народа и Родины. Так, например, «аляповатые и малоприглядные» нигилисты в романе «Обойденные» (1865) награждены «отменно неблагозвучными нарицаниями — Вырвич и Шпандорчук» (19).

В чужеродной фамилии «Кишенский» также нет ни «родного звука», ни сразу «понятного значения»; приятной для слуха ее также не назовешь. Семантика слухового и зрительного образа «кишащих змей» уводит далее к библейской и метафизической образности — змея-искусителя, врага рода человеческого, сатаны. В романе «На ножах» Тишку Кишенского сопровождают признаки инфернальности. Он представлен не просто как «верткий фельетонист, шпион, социалист и закладчик» (9, 474) со своими «жидовскими слабостишками» (9, 150), ведущий «дело по двойной бухгалтерии» (9, 150). Его темные деяния показаны Лесковым как действие адской силы — «незримая подземная работа» (9, 183), «затемняющая» и «перетемняющая» людей, с которыми он привык «торговаться по-жидовски» (9, 175). Дворянин Висленев, запутанный в сатанинские тенета Кишенского, чувствует, что «вокруг него все нечисто: все дышит пороком, тленью, ложью и предательством» (9, 191).

Таким образом, Кишенский вовсе не второстепенный персонаж, якобы не заслуживающий внимания, каким хотят представить его некоторые исследователи. Наоборот, он играет ключевую роль в развитии действия, но незримо, подпольно. Пуская в ход целый арсенал обманных маскирующих ухищрений, Кишенский со своими бесовскими уловками и кривляньями, окутанный мраком, становится почти невидимым в этой преднамеренно напущенной им тьме.

Так философия имени в романе Лескова намного сложнее, чем может представиться на первый взгляд. Фамилия является иносказанием, функционально-оценочной характеристикой персонажа.

Лесков избегал «плакатных» именований для своих героев. В то же время его внимание привлекали особенные имена и фамилии. Морфологически и фонетически необычная фамилия «Кишенский» позволяет высказать гипотезу о том, что она не выдумана писателем, а могла быть ему знакома, была у него на слуху.

В те же годы, когда Лесков работал над романом «На ножах», имениями Тургенева с конца 1866 года до середины 1870-х годов управлял Никита Алексеевич Кишинский, о нечестности которого молва распространилась весьма широко. Можно предположить, что Лескову («В литературе меня считают орловцем»,— неоднократно подчеркивал он), не прерывавшему связей со своей «малой родиной», были известны эти факты, представляющие не только филологический, но и социально-исторический интерес. Нечистый на руку управляющий Тургенева, который распоряжался таким образом, что буквально разорил писателя, мог послужить одним из реальных прототипов Кишенского в романе «На ножах».

Из обширной переписки Тургенева с Кишинским явствует, что писатель безраздельно доверял своему управляющему, в котором желал видеть «честного и деятельного человека» (20) (V, 310) («деятеля на все руки» — в хорошем смысле). Письмо Тургенева к Кишинскому от 3 (15) апреля 1867 года заканчивается следующим обращением: «прошу Вас знать одно: я никогда не доверяю вполовину, а Вам я доверяю, а потому не смущайтесь ничем и делайте спокойно свое дело» (VI, 220).

Кишинский действительно «не смущался ничем», беззастенчиво пользуясь в своекорыстных интересах оказанным ему безграничным доверием, и за время своего управления нанес всемирно известному русскому писателю большой материальный ущерб; махинациями приобрел себе земли и имение Сидоровку.

А. А. Фет, другие друзья и соседи Тургенева по орловскому имению предупреждали писателя о злоупотреблениях Кишинского. Тургенев отвечал Фету из Буживаля: «Не сомневаюсь в том, что Кишинский нагревает себе руки» (X, 143). В то же время писатель долго не мог поверить в нечестность своего управляющего, относя известия об этом в разряд досужих сплетен: «не можете ли Вы — под рукой, но достоверно — узнать, где и какое он купил имение? — спрашивал Тургенев Фета.— Сплетников, Вы знаете, у нас хоть пруд пруди» (X, 143).

Даже убедившись вполне, что происки Кишинского не пустые слухи, писатель сохраняет доброжелательное отношение к своему управляющему. С добросердечием, открытостью и доверчивостью Тургенев по-человечески стремится найти оправдания хищениям его имущества. В ответ на не дошедшее до нас письмо Кишинского, в котором тот, очевидно, пытался «замести следы», Тургенев писал: «Сплетни, о которых Вы упоминаете, напрасно Вас тревожат. Вы знаете довольно мой характер: я на такого роду заявления совершенно неподатлив. Я нахожу совершенно естественным и благоразумным, что Вы позаботились о приобретении себе недвижимой собственности — это Ваш долг как семейного человека. <…> Впрочем, благодарю

Вас за Вашу откровенность. <…> А потому, повторяю, Вам тревожиться нечего. <…> Фет написал мне о приобретении Вами земли, но я оставил это без ответа» (X, 176); «Вы можете быть совершенно спокойны насчет сплетен по поводу забранных Вами материалов <…> Я не имею привычки обращать на них внимания — и, коли доверяюсь, то вполне. Доверие мое к Вам именно такого рода» (X, 318).

Подобных заверений немало в письмах Тургенева к Кишинскому. Однако вряд ли по ним можно судить о недальновидности либо житейской непрактичности писателя. Скорее, это свидетельствует о благородстве его натуры, о неизменной вере в торжество добрых начал человеческой природы.

В то же время Тургенев начинал догадываться о нечистоплотном ведении его дел Кишинским. Несколько раз писатель просил избавить его капитал от «жидовских процентов» (X, 300). Справедливо подозревая о махинациях со своим имуществом, писатель вынужден был обратиться к брату Н. С. Тургеневу с просьбой проконтролировать действия управляющего: «Побывай в Спасском или выпиши к себе в Тургенево Кишинского, и пусть он тебе растолкует хорошенько, какую операцию он намерен предпринять <…>, чтобы избегнуть жидовских (11!) процентов Тульского банка. <…> мне кажется неслыханным, чтобы под залог недвижимого имения безо всякого долгу драли такие проценты!» (XI, 40)

Адресуясь с тем же вопросом к Кишинскому, Тургенев настойчиво и, по всей видимости, уже не в первый раз («мне приходится только повторить мою просьбу» — XI, 46) требует: «изложите мне в подробности <…> какого роду перезалог Вы хотите предпринять <…> для того, чтобы избавиться от процентов, справедливо названных Вами жидовскими,— и как Вы от них избавитесь — и почему (что для меня особенно неудобопонятно) при закладе недвижимого и хорошего имения в банке приходилось заплатить такие громадные проценты?» (XI, 46)

Обращает на себя внимание, что это письмо писатель уже не подписывает «преданный Вам Ив. Тургенев» или «доброжелатель Ваш Ив. Тургенев», как неизменно на протяжении нескольких лет он заканчивал свои послания Кишинскому. На этот раз он ограничивается только сухой подписью «Ив. Тургенев» без выражения каких-либо уверений и чувств.

Месяц спустя Тургенев, не получив вразумительного ответа от Кишинского, который, видимо, пытался запутыванием дела ввести писателя в заблуждение, скрыть жульничество, снова обращается к управляющему: «Не могу, однако, не заметить, что факт платежа 11 процентов под залог недвижимого, чистого от долгов, отличного имения — <…> мне представляется чем-то чудовищным!! <…> я брожу, как во тьме,— и знаю только одно: имение мое заложено за какие-то жидовские проценты. Пожалуйста, потрудитесь все это мне хорошенько растолковать и в исполнение моей просьбы отвечать отдельно на каждый вопрос» (XI, 60—61).

Однако Кишинский не торопился прояснить ситуацию, и в новом письме к нему снова находим недоумения Тургенева: «Вы на мои запросы не давали прямого ответа» (XI, 69). Все это не может не вызвать в читательском сознании ассоциацию с темными финансовыми спекуляциями «жида-ростовщика» Тишки Кишенского в романе Лескова «На ножах».

Нельзя не изумиться деликатности и человеческой порядочности Тургенева. Даже в «чрезвычайной ситуации», когда обнаружились документальные свидетельства против Кишинского, Тургенев все еще опасается обидеть управляющего несправедливым подозрением, продолжает быть с ним неизменно корректным и сугубо тактичным. Так, изучив приходно-расходные ведомости, красноречиво свидетельствующие об истинном положении дел, писатель адресуется к своему управляющему с прежней искренностью: «Я намерен сообщить Вам все соображения, которые были возбуждены во мне эти<ми> ведомостями, в полной уверенности, что Вы не усмотрите в моей откровенности ничего похожего на недоверие или сомнение; сама эта откровенность обусловливается убеждением, что я имею дело с человеком вполне честным, к которому следует относиться с обычной во мне прямотою. <…> выходит, что расход равняется почти приходу — и, можно сказать, что овчинка не стоит выделки. Обо всем этом необходимо нужно основательно потолковать во время моего приезда в Россию <…> Еще раз повторяю Вам, что Вы не должны видеть ничего для Вас неприятного в откровенных моих объяснениях» (XI, 169—170).

Вскоре после этого Тургенев решает поступить так, как учит в пословице русская народная мудрость: «Верь своим очам, а не жидовским речам» (21). По приезде писателя в Спасское летом 1876 года Кишинский произвел на него совершенно иное впечатление, чем при знакомстве в Петербурге в марте 1867 года, когда П. В. Анненков порекомендовал Тургеневу нового управляющего. После первой встречи с Кишинским Тургенев писал Полине Виардо: «Он мне нравится — это человек с энергичным открытым лицом, смотрит прямо в глаза» (VI, 166). Теперь от Тургенева не укрылись лицемерие и неискренность управляющего. Впечатление некой поддельности, ненатуральности создает сама его внешность: «Бородач Кишинский только потрясает своей безконечно густой бородой и выставляет фальшивые зубы — от него толку мало» (XI, 282),— пишет Тургенев из Спасского И. И. Маслову.

На месте, в своем «родимом гнезде» (XI, 282), писатель, наконец, смог воочию убедиться в справедливости давно распространявшихся толков о злоупотреблениях и мошеннических махинациях своего управляющего.

Сложилась ситуация, в реальности воспроизводившая новозаветную притчу про «управителя неверного» (Лк. 16: 8): «один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его; и, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? Дай отчет в управлении твоем, ибо ты не можешь

более управлять» (Лк. 16: 1—2); «неверный в малом, неверен и во многом» (Лк. 16: 10).

К чести Тургенева, не раздумывая, он обратился к решительным мерам: «я вынужден произвести завтра в воскресенье своего рода государственный переворот и свергнуть моего Абдул-Азиза, г-на Кишинского, оказавшегося мошенником, которого я поймал с поличным. <…> если я его еще оставлю тут, он оберет меня дочиста» (XI, 628—629).

В письмах того же периода к П. Ф. Самарину, А. М. Щепкину Тургенев также именует Кишинского «Абдул-Азизом» (XI, 292; 294), сравнивая своего управляющего с турецким султаном, расхищавшим государственную казну. Помимо того, восточное имя, отягощенное такими неприглядными историческими ассоциациями, в среднерусском духовном пространстве производит впечатление чего-то постороннего, инородного. «Абдул-Азиз» по сути своей чужероден среднерусской усадьбе, расположенной в самом сердце России, и не способен праведно ею управлять.

Согласно официальной версии, реальный Абдул-Азиз покончил с собой, вскрыв себе вены ножницами. В записке к А. М. Щепкину Тургенев говорит, что ему «удалось свергнуть Абдул-Азиза, не прибегая к ножницам» (XI, 294).

Упоминание об остром, в данном случае — смертоносном — предмете в реально-историческом контексте порождает зеркальную литературную ассоциацию — опять-таки с романом Лескова, герои которого пребывают друг с другом «на ножах». В частности, о Кишенском сказано, что «долговременная жизнь на ножах отуманила его прозорливость и отучила его от всякой искренности» (9, 475). Лесковская характеристика литературного персонажа прямо соотносится с реально существовавшим Кишинским, который утратил осторожность и почти в открытую грабил Тургенева. «Надо Вам сказать,— писал Тургенев Ю. П. Вревской,— что я выезжаю из Спасского разоренным человеком, потерявшим более половины своего имущества по милости мерзавца-управляющего, которому я имел глупость слепо довериться; я его прогнал» (XI, 295).

Писатель вынужден был не просто уволить «грабителя Кишинского» (XI, 300), но и выдать официальную доверенность на его уголовное преследование. В этом документе Тургенев устанавливает список преступлений своего управляющего: «оказалось, что г. Кишинский произвел разные растраты принадлежащих мне сумм и имуществ, совершил недобросовестные контракты и, вообще, допустил злоупотребления и безпорядки, причинившие мне существенный вред и убытки, обманул, таким образом, вполне данную ему от меня доверенность. Вследствие сего я прошу Вас принять на себя труд преследовать по законам г. Кишинского в порядке гражданского или уголовного судопроизводства» (XI, 358—359). Было ли возбуждено уголовное дело в отношении Кишинского, до настоящего времени остается неизвестным.

Кишенский в романе Лескова «На ножах» сумел остаться в тени, уголовному преследованию и Божьей каре подверглись другие его сообщники и жертвы.

Явную оппозицию темным силам составили любимые герои Лескова, исповедующие христианские идеалы любви, милосердия, деятельного добра: праведница Александра Ивановна Синтянина, «испанский дворянин» Андрей Подозеров, священник отец Евангел. Как скрытую оппозицию темному, безлюбовному, безбожному миру в архитектонике «На ножах» можно рассматривать творчество Тургенева, который, по справедливому суждению М. Е. Салтыкова-Щедрина, пробуждал в людях «чувства добрые»: «Это были не какие-нибудь условные “добрые чувства”, согласные с тем или другим преходящим веянием, но те простые, всем доступные общечеловеческие “добрые чувства”, в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты» (22).

Текстуальные связи романа Лескова «На ножах» и творчества Тургенева свидетельствуют о глубоком проникновении художников слова в истинную сущность изображаемого; помогают понять, как сквозь зеркальную призму тургеневского и лесковского творчества проступает неисчерпаемая сложность жизни, как «мимотекущий лик земной» соотносится с вечным, непреходящим.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956—1958. — Т. 11. — С. 12. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

(2) Вестник литературы. — 1920. — № 7. — С. 6.

(3) Амфитеатров А.В. Собр. соч. — СПб., б/г. — Т. XII.

(4) Журнальное обозрение // Дело. — 1871. — № 1. — С. 93.

(5) Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Т. 9. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2004. — С. 763. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

(6) Христианская жизнь по Добротолюбию. — М.: Свято-Данилов монастырь, 1991. — С. 121.

(7) Св. Иоанн Лествичник. Лествица. — СПб.: Фонд «Благовест», 1996. — С. 156.

(8) Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1978—1982. — Сочинения: В 12 т. — Т. 5. — С. 217. В дальнейшем сочинения И.С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

(9) См.: Русские писатели о евреях. Составитель В.И. Афанасьев. — М.: Книга, 2005. — С. 431—436.

(10) Св. Иоанн Златоуст. Полное собрание сочинений: в 12 т. — М., 1991. — Том 1. — Книга 2. — С. 645—759. Рекомендовано к печати Отделом по религиозному образованию и катехизации Московского Пат-

риархата.
(11) История русской литературы. — Л.: Наука, 1982. — Т. 3. — С. 285.
(12) См.: Русские писатели о евреях. Составитель В.И. Афанасьев. — М.: Книга, 2005. — С. 431—446.
(13) Старец Силуан. Жизнь и поучения. — М.; Новоказачье; Минск, 1991. — С. 107—108.
(14) Там же. — С. 108.
(15) Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. — М.: Худож. лит., 1965—1977. — Т. 18. — Кн. 1. — С. 212.
(16) См.: Русские писатели о евреях. Составитель В.И. Афанасьев. — М.: Книга, 2005 — С. 431—446.
(17) Лесков Н.С. О русских именах // Новости и Биржевая газета. — 1883. — № 245.
(18) Лесков Н.С. Календарь графа Толстого // Русское богатство. — 1887. — № 2. — С. 196.
(19) Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. — М.: Худож.лит., 1984. — Т.1. — С. 372.
(20) Тургенев И.С. Полн. собр. сочинений и писем: В 28 т. — М.; Л.: АН СССР, 1960—1968. — Письма: В 13 т. — Т. 5. — С. 310. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.
(21) См.: Русские писатели о евреях. Составитель В.И. Афанасьев. — М.: Книга, 2005. — С. 431—436.
(22) Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. — М.: Худож. лит., 1965—1977. — Т. 9. — С. 458.

Магдалина ГРОСС

д. Истомино Балахнинского района Нижегородской области

Гросс Магдалина Вячеславовна родилась в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). В 1991 г. окончила Нижегородский государственный педагогический институт иностранных языков (в настоящее время — .Лингвистический университет). Работает репетитором английского и немецкого языков, пишет переводы. Литературным творчеством занимается с 2006 г. Дипломант и победитель областных и всероссийских конкурсов. Имеет Благодарность Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» за участие во Всероссийском конкурсе «Наперсница волшебной старины», посвященного 200-летию со дня памяти Марии Алексеевны Ганнибал (2018 г.).

РОДНИК ДОБРЫХ ЗНАНИЙ

«Есть люди, подобные монетам, на которых чеканится одно и то же изображение. Другие похожи на медали, выбиваемые только для данного случая».

С этим нельзя не согласиться. Почему я выбрала для своего эссе именно творчество Багировой Ляман Сархадовны, ответ будет только один: «Потому что это человек, которого природа создала именно для того, чтобы дать нам возможность показать, что это и есть тот редкий случай, когда мы имеем дело действительно с творчеством достаточно высокого уровня, достичь которого могут далеко не все. Чего бы это ни коснулось: рассказов, публицистики или рецензий на произведения других авторов, все проникнуто каким-то особым духом и особой атмосферой. А еще — особым стилем изложения, когда читаешь — и тут же понимаешь: «Никто другой так не напишет. Это — рука мастера».

От себя добавлю только, что имя «Ляман» со многих языков переводится одинаково: в переводе с арабского — «блестящая», «сверкающая». То же самое имя на испанском означает «пламенная». Даже дисциплинированный и не особо падкий на эмоции немец воскликнет: «Фламме? (Flamme) — это же «огонь, пламя»!»

И произведения у Ляман Сархадовны такие же пламенные и не оставляющие читателей равнодушными. Даже если эти произведения носят спокойный характер, в них все равно есть что-то такое, за что при чтении как бы «зацепляешься». Знаете, как говорят? «В этом рассказе есть своя “искра”».

Ну, где же вы видели пламя без искр? Так не бывает…

К интернету у нас всех отношение разное. Кто-то считает его весьма полезной вещью. А как же иначе? Ведь именно с помощью интернета можно найти любую интересующую тебя информацию. Об этом сейчас знает и стар, и млад. Кстати, пенсионеры осваивают интернет весьма быстро!

Другие, в особенности родители, услышав слово «интернет», недовольно поморщатся. Что ж, у них с интернетом свои отношения, не всегда лицеприятные. Да и как же им, этим самым отношениям, быть хорошими, если ребенок «сидит» или «висит» в интернете часами, а дома посуда не вымыта, пол не подметен, и голодный кот встречает вас у порога квартиры требовательным «мяу!»

Об уроках речь лучше и не заводить! Какие там уроки! В свет вышла новая версия «Need for speed» («Жажда скорости») или чего-то там еще «покруче»! Вы, дорогие родители, о чем?

Я ни на чью сторону становиться не собираюсь. Я просто бы сказала интернету «спасибо», причем это «спасибо» мысленно возвела бы в квадратную, а то и в кубическую степень. Только за то, что именно интернет познакомил меня с замечательным человеком — Ляман Багировой.

… Информацию о ней я увидела случайно. В выходной день выдалось у меня свободное время и я, от нечего делать, листала в компьютере все подряд страницы литературных сайтов. Ничего не говорящее мне имя мелькнуло раз, другой… И вот я, ради любопытства, открыла незнакомый мне сайт. Собственно, на этом любопытство и закончилось. Хотя нет, здесь я немножко обманываю. Оно не закончилось. Оно превратилось (или переродилось? — не знаю) в магнит, который потянул меня за собой. Да так потянул, что хочешь — сопротивляйся, хочешь — не сопротивляйся, отцепиться все равно не получилось бы. Впрочем, я уже и не пыталась.

… Наград и дипломов у Ляман Сархадовны много. Наград, заслуженных трудом и, если хотите, талантом. Труд и талант, как известно, частенько ходят парой. А вы попробуйте, в самом деле, написать хотя бы даже самое небольшое произведение, не приложив к нему хотя бы капельку труда. Не напишете. Если писать просто так, чтобы просто переложить на бумагу свои невысказанные мысли, то такой рассказ (миниатюра, роман, новелла) не вызовет у читателя ни малейшего интереса. В лучшем случае после того, как по нему пробегутся чьи-то глаза, участь его будет весьма тривиальной: быть отложенным в сторонку и забытым на всю оставшуюся жизнь. Я даже боюсь начать перечислять все те награды, которые получила Ляман Багирова только за последний год: это действительно был, как написали в газете «Каспий», целый фейерверк наград! И диплом финалиста Международного литературного фестиваля «Центр Европы», и диплом лауреата первой степени в номинации «Малая проза» в международном литературном конкурсе «Русский Гофман», и диплом лауреата 1 степени международного литературного конкурса «Большой Финал» 2016—2017».

А еще… Ой, нет, перечислять все награды Ляман Сархадовны я не буду — рука устанет писать. Скажу только, что за свой вклад в литературу она была удостоена премии и грамоты Чрезвычайного и Полномочного посла России в Азербайджане Владимира Дорохина. Согласитесь, просто так такие награды не выдаются. Да и не о наградах я хотела бы в данном случае поговорить…

Когда я познакомилась с прозой Ляман Багировой, у меня сложилось впечатление, что этот удивительный во всех отношениях человек просто создан для того, чтобы писать. Причем у нее одинаково хорошо получаются и небольшие рассказы, и эссе, и публицистические очерки. Даже стихи (хотя их совсем немного) восхитили меня своей… кто-то бы сказал «оригинальностью» — я же скажу «нетипичностью». «Нетипичность» состоит в том, что всего в нескольких строчках Ляман Сархадовна умеет раскрыть основную мысль, дополнив ее, конечно, своими собственными (иначе это получится штамп, а не стихотворение), применив при этом массу сравнений, которые в привычных человеческому уху стихах, встречаются далеко не всегда.

Кстати, о сравнениях. Считается, что произведение можно расценивать как полновесное, если в нем есть всего две вещи: сравнение и описание. Когда я читала произведения Ляман Багировой, я не переставала удивляться, насколько неповторимыми и доселе ни разу не встречавшимися сравнениями пользуется она, чтобы изобразить чью-то судьбу, просто рассказать о ком-то или войти в образ какой-либо вещи (оказывается, такое тоже может быть!)

Когда, например, я читала «Неуслышанные разговоры» игрушек, висевших на новогодней елке, в моем сознании живо нарисовался образ игрушечного солдата в каске, которого ввиду его старообразной формы чуть не приняли за пожарного. А рассказ про свою любимую няню в рассказе «Je t'aime» Ляман начинает со слов «была она большая, словно медведица». Но медведь в сознании русского человека всегда обладает добродушным нравом. Наверное, поэтому с первых слов и рождаются в голове теплые и добрые чувства в адрес няни…

А два совершенно не похожих друг на друга брата, в которых героиня Ляман Сархадовны моментально разглядела маленьких «Чингисхана» и «Давида Строителя»! И таких примеров не счесть, потому что рассказов много, и в каждом из них любой читатель найдет необычные черты характера или просто какие-то вещи, которые меткий глаз писателя сумеет сравнить с чем-то таким, мимо чего мы в обычной нашей суетной жизни пройдем не заметив…

Если вспомнить рассказы А. П. Чехова, то в голове сразу же возникнут истории о самых обычных людях — генералы и министры не были чеховскими персонажами. Он и писал просто, безо всякого пафоса, описывая людей такими, какие они есть, в самой обычной жизни. Каждый чеховский рассказ — это своего рода картинка, только картинка, ожившая с помощью строчек. Я не случайно привела этот пример. Когда читаешь рассказы Ляман Багировой, складывается точно такое же впечатление: думаешь не о сюжете, а о героях, характеры которых прописаны до мелочей.

Примеры? Пожалуйста. Вот перед глазами Лаврик Костров (рассказ «Ноланец») — благородство души которого не вызывает никаких сомнений, скорее — искренне восхищает, потому что он никогда не молчал перед несправедливостью, которой в нашей жизни немало. В наше время такое благородство вообще редкость, потому что многие стараются жить по принципу «Я никого не трогаю — и меня, пожалуйста, прошу не трогать». Ведь так жить гораздо проще! Но мальчик-подросток перемешает все карты тем, кто живет по этому никчемному принципу, не с целью доказать, что он «не такой, как все» — он просто не боялся быть

не таким, как все. Не каждый взрослый человек решится на такое.

А вот и другой персонаж — Каримыч (рассказ «Вертоград»). Над старичком, горящим своими идеями, откровенно смеются, когда он хочет заняться благоустройством двора. И не просто заняться, а сделать там и радугу-цветник, и повесить качели для малышей, и даже сделать лунный сад, «потому что цветы никогда не должны закрываться». Такие люди встречаются в наше время нечасто. Впрочем, сегодня такими же нечастыми вещами является и доброта, и порядочность, и честность. Но с какой добротой и неподдельным восхищением описан в рассказе этот обаятельный, чудаковатый, но такой милый человек! Описан он с такой любовью, наверное, потому, что Ляман Сархадовна абсолютно всех своих героев пропускает через собственное сердце. От этого они и не могут быть «просто героями рассказов». Это — личности. Люди с большой буквы. И таких людей в ее рассказах более, чем достаточно…

О чем бы я хотела написать отдельно — это о литературоведческих статьях и эссе Ляман Багировой, в которых она знакомит своих читателей с писателями разных поколений и национальностей. Они написаны не сухим языком, коим, к сожалению, написано большинство учебников по литературе (может, по этой причине учащиеся обходят эти описания стороной). Здесь — все наоборот! Эти статьи хочется читать еще и еще. Их хочется перечитывать, к ним хочется возвращаться. По образованию я не филолог, но мне кажется, что если бы именно таким языком были написаны биографии писателей, которых изучают в школе, учебники по литературе были бы самыми истрепанными, ввиду того, что их просто не выпускали бы из рук.

И опять возникает то же самое ощущение… Как будто все, о чем написано, пропущено через сердце. Да и как можно равнодушным языком писать о благородстве Сервантеса, который добровольно пошел служить в армию, хотя не подлежал призыву, поскольку был младшим сыном в семье. А потом, заболев лихорадкой, потребовал (именно потребовал!), чтобы его допустили к участию в бое. Давайте спросим сами себя, что мы знаем о Сервантесе? Только то, что он был автором «Дон Кихота». Этим знания и ограничиваются. Но, прочитав вышеупомянутое эссе, мы узнаем, что жизнь этого человека была полна событиями, среди которых частенько преобладала не слава — нет, а… нищета! А еще то, что у него была искалечена рука, за плечами было пять лет плена. И при всем при этом Сервантес остался символом благородства, потому что «всю жизнь взывал к милосердию». И это в эпоху инквизиции! Вы себе такое представить можете?

Лично я — нет.

… Все мы знаем, кто такая Марина Цветаева, но далеко не каждый из нас знает то, что она была по сути своей уникальным человеком. Высокообразованная женщина, со знанием иностранных языков, прекрасный поэт, замечательный переводчик… Но вряд ли кто-то может представить себе, что когда она находилась в эмиграции, ей приходилось кормить семью… тем, что она находила на улице — где головка лука, где картофелина, где морковка попадется на глаза... Вам эти факты из жизни Марины Ивановны известны? Нет? А то, как сын отреагировал на уход мамы, знаете? И какие слова произнес при этом? Полагаю, что большинство из тех, кто искренне считает себя образованным человеком, не знает даже половины того, как сложилась и как закончилась жизнь великой поэтессы. Почитайте эссе «Виолончель и кавалькады в чаще». Это будет интересно любому человеку, независимо от того, к какой степени образованности он себя причисляет.

А вот произведения, и — соответственно — биографию писателя Карела Чапека в школе не проходят. Понятно, что пройти всю мировую литературу в течение нескольких лет невозможно, поэтому из произведений выбираются те, которые являются «классикой жанра». Приоритет, конечно же, отдается русским писателям и поэтам. Наверное, именно по этой причине остаются на всю жизнь в наших сердцах строки Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Остаются даже у тех, кто в школьные годы читает мало.

Правда, хотя Чапека в школьных учебниках нет, имя его, что называется, «на слуху». Большинство воспринимает его либо как писателя-фантаста, либо как писателя-юмориста. Почему-то большинство из нас, читая то или иное произведение, совсем не задумывается над тем, что любой писатель — это, прежде всего, человек. Самый обычный человек, у которого есть (или были) интересы, увлечения, и что кроме своей «основной» писательской деятельности этот человек мог заниматься чем-то еще. Для меня, например, стало открытием, что Чапек помимо того, что был достаточно известным писателем, увлекался — как вы думаете, чем? Ботаникой! Совершенно несопоставимо на первый взгляд: как можно быть писателем и при этом интересоваться растениями? Но интерес этот был настолько сильным, что перешагнул понятие самого обычного увлечения. Согласитесь, в биографии далеко не каждого писателя может проскользнуть информация, что его приглашали на советы Высшего Биологического общества.

Обо всем об этом можно узнать в статье Ляман Багировой. Да хотя — и не только об этом. Довольно интересным и доходчивым языком рассказывается о том, что Чапек интересовался фотографией, коллекционировал многие вещи, в том числе… ковры!

Но что меня удивило больше всего, так это то, что общавшиеся с писателем люди даже не подозревали о том, что он был болен. Люди, по моим соображениям, делятся на две категории: один уколет иголкой палец — и об этом будет знать вся округа, от мала до велика. Другой будет терпеть сильные, почти нестерпимые боли — и об этом не узнает никто. Так вот, Карел Чапек относился ко второй категории. Разговаривал, улыбался, шутил (ну разве писатель-юморист может позволить себе какой-нибудь иной стиль общения?) и… терпел в это время невыносимые боли.

Много ли вообще найдется таких людей? Их разве что по пальцам можно пересчитать…

***

Не знаю, как у других читателей, а у меня иногда бывает такое ощущение: читаешь какого-то автора — и его произведения так западают в душу, что их хочется перечитать раз, другой, третий… И чем больше читаешь, тем больше для себя открываешь что-то новое. Так уставший путник падает перед родником на колени и пьет живительную влагу. И чем больше пьет, тем больше хочется выпить этой чудесной во всех отношениях, чистой родниковой воды.

Так и здесь. Чем больше читаешь произведения Ляман Багировой, тем больше хочется прочитать еще. Иногда хочется чего-то нового, иногда возвращаешься к уже прочитанному, но вернуться хочется всегда.

Именно поэтому я каждый раз сравниваю рассказы или литературоведческие эссе Ляман Сархадовны с родником. Родник, который дарит знания. Родник, который напоит чем-то новым и интересным любого страждущего: будь то филолог, учитель литературы или еще только познающий основы преподавания словесности студент… Да если это даже самый обычный человек, не имеющий к филологии никакого отношения — ему все равно будет интересно. Потому что проза Ляман Багировой — своеобразная мишень, попадание в которую никогда не обернется промахом.

Наверное, поэтому я всегда мысленно называю ее произведения «Родником добрых знаний». Ведь знания — это наши помощники в любом деле и в любой сфере. А поскольку они помогают, стало быть, они всегда добрые. А другими, тем более в изложении Ляман Багировой, они быть просто не могут…

Ольга АРТЕМОВА

п. Медвенка Курской области

Член СПР, лауреат всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша». Дипломант, победитель и лауреат ряда международных, всероссийских и областных конкурсов. Награждена дипломом Государственного музея-заповедника С. А. Есенина (с. Константиново) «За верность есенинской поэзии». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ИЗ ОДНОГО ПОЛКА

В ноябре 2018 года мы сестрой были приглашены в Санкт-Петербург на Международную научно-литературную конференцию «Слово. Отечество. Вера», посвященную 95-летию Игоря Николаевича Григорьева. Слушая стихотворения этого поэта, ближе знакомясь с фактами его биографии, я не могла не вспомнить нашего земляка — Константина Дмитриевича Воробьева. Они ведь из одного полка — писательско-солдатского. Много в нем славных, по-настоящему героических имен. Кто-то из этих бойцов пал, поднимаясь в атаку, кто-то был замучен в фашистском плену, кто-то дошел до Победы и понес новым поколениям правдивое и мужественное слово. Одни из них сражались пером уже в годы Великой Отечественной войны, другие только собирали на полях битвы мировой эпизоды произведений, которые будут написаны после ее окончания.

У Григорьева и Воробьева немало общего в биографии. Оба родились среди лугов и полей. Григорьев — на хуторе рядом с деревушкой Ситовичи Порховского района Псковской области, Воробьев — в селе Нижний Реутец Медвенского района Курской области. Оба, уехав из родных мест, сохранили с ними духовную связь. «Потом, годами позже, Алешка понял, что в жизни нельзя уйти куда-нибудь всему разом, потому что тогда не с чем будет жить памяти. Видно, поэтому позади у него остался грустный неуют двора и дряхлый бродяга мерин, заглохший сад и таинственная Бешеная лощина, горячий лепет Любача и пасмурное затишье Устиньина лога, жуткое Уручье и манящие костры стойла, лютая оскомина от украденных яблок и липовый дух скошенных лугов. Все-все это, пополам с живой памятью о деде, осталось там, где ему и положено быть, и, причудливо-тесно вместившись в Алешкино сердце, навсегда стало для него тем, что люди извечно называют любовью к Родине»,— так заканчивает Воробьев «Сказание о моем ровеснике». Здесь впервые появляется герой Алексей Ястребов, которому предстоит стать на пути врага в повести «Убиты под Москвой». «Сказание…» пронизано теплыми воспоминаниями детства самого писателя. Место действия повести — Шелковка — это улица в Нижнем Реутце, где появился Воробьев на свет. Здесь когда-то потрясли «все корешки его души: колокольный звон в росистом утре, слово привета, радость открытия…». Он ушел в большую жизнь из хаты, чем-то похожей на мать. Из села, «затонувшего во ржи», унес с собой «никогда не потухающее солнце». И его ровесники уходили на войну из таких же дорогих, стоящих на вековых фундаментах домов. И каждого в самую тяжкую годину согревало великое русское солнце. «Детство — это посох, с которым человек выходит в жизнь»,— писал Воробьев. В стихотворении «Сон о доме» его ровесник Григорьев подтверждает:

Не признаешь меня?
Я — твой дом,
По-старому то есть — судьба-опора.

Эти опоры помогли вчерашним мальчишкам выстоять в «сороковые, роковые». В начале войны Константин Дмитриевич Воробьев был направлен в Кремлевское Краснознаменное пехотное училище, которое закончил по ускоренной программе в звании лейтенанта. В декабре 1941 года рота курсантов, в состав которой входил наш земляк, приняла бой под Клином. Тяжело раненный Воробьев попал в плен. Был в Ржевском, Клинском, Смоленском, Каунасском, Саласпилсском и Шяуляйском концентрационных лагерях. В тюрьмах — Паневежской и Шяуляйской. Трижды бежал. 24 сентября 1943 года, когда вырвался на свободу, считал вторым днем своего рождения.

К. Д. Воробьев командовал подпольной группой литовского партизанского отряда «Кястутис». В декабре 1943 года — январе 1944 его группе пришлось уйти в глубокое подполье, рассеяться. За тридцать дней Воробьев написал книгу о том, что пережил в концентрационных лагерях. Впервые произведение было напечатано уже после смерти автора в 1986 году в журнале «Наш современник» под названием «Это мы, Господи!..» Я не раз слышала от своих земляков медвенцев, что книги Воробьева о войне читать трудно, тяжело. Перечитать их — значит растревожить сердце, испытать сильнейшую душевную боль. Да. Не каждый может написать так, что страдание чужих незнакомых людей станет твоим страданием. Воробьев мог. Произведения его о войне, как заметил Е. Носов, «кровоточат каждой своей строкой».

В 1947 году, отдыхая на Рижском взморье, Константин Дмитриевич и его супруга, соратница по подпольной борьбе Вера Викторовна ездили на место, где располагался Саласпилсский лагерь. Сосны там стояли без коры. Ее съели пленные, и «раны» на деревьях так и не зарубцевались. «Мне иногда не верится, что это было со мной, а как будто приснилось в кошмарном сне»,— сказал тогда Воробьев. Не верится, но было. И Ржевский лагерь выделялся черным пятном в зимние холода потому, что был «съеден с крошками земли холодный пух декабрьского снега». И терпели адовы муки заключенные в «Долине смерти». И были сто пятьдесят граммов плесневелого хлеба из опилок и четыреста двадцать пять граммов варева из крапивы в сутки, и эсэсовцы, вооруженные лопатами, убивали беззащитных людей из спортивного интереса. Но там же, в «образцово-показательных местах убийства пленных», были и мужество истерзанного страданиями человека, и протянутая товарищу рука, и упрямая вера в конечное торжество русского оружия. Об этом, не боясь разбередить собственные раны, причинить боль читателю, рассказал Воробьев в повести «Это мы, Господи!..» Рассказал, чтобы помнили…

А 15 июля 1941 года в стихотворении «Постижение» семнадцатилетний Игорь Григорьев писал о том, какими он увидел захватчика и вставшего на его пути советского человека:

Не помня, что такое — милость,
Забыв, что есть на свете месть,
В «сверхчеловека» обратилась
Тевтонская тупая спесь.
С чужих ремней любая пряжка
Кощунствовала: «Готт мит унс».
И к лютой виселице тяжко
Шел раненый великорус.
Перекрестился троекратно:
— Деревню взяли не во сне!
Вздымайся, Русь, на дело ратно!
И закачался на сосне.

Это кричит сам Григорьев, который не может видеть порабощенной Родину, не может в тяжкий час сидеть сложа руки. По его инициативе на Псковщине, в поселке Плюсса, была создана подпольная группа. Григорьев руководил ею до присоединения к местным партизанам. Потом служил в бригадной разведке 6-ой Ленинградской партизанской бригады. Был четырежды ранен, дважды контужен… Одними, одними тропами ходили Григорьев и Воробьев — партизанскими. И одна боль била навылет в молодые их сердца.

Григорьев не был в плену. Но оккупацию он сравнивает со страшной этой бедой. Одно из стихотворений 1941 года поэт так и назвал «В плену»:

Пригашенный объятьем октября,
Ольховый лист сгорает, не горя,—
Без жара, без огня, покорно и темно...
Душе, как родине плененной, горевно.

В стихотворении «Лихо» звучит та же мысль:

Немо краснолесью, слепо лучезарью:
Свет погашен сталью, высь набрякла гарью.
Ни «ау!», ни эха, ни смешинки малой —
Лихо, плен, глумленье злобы небывалой…
…Дом военнопленный без трубы и крыши,
Ты и в тяжких ранах «юнкерсов» превыше.
Не скулишь: «Пощады!», не сулишь прощенья,—
Кто тебя осудит в страшный час отмщенья!

Этим призывом к сопротивлению пронизано, как мне кажется, практически каждое военное произведение И. Григорьева. 1 января 1942 года в Плюссе он написал стихотворение с символическим названием — «Непокорство». Перед читателем зримо предстает человек с полными боли глазами, со стиснутыми зубами, с крепко сжатыми кулаками. Человек, готовящийся нанести оккупанту смертельный удар и самому погибнуть, если того потребует дело:

Будто матерь горевая
Над сынком, в крови лежачим,
Жжет метель, стеня-взывая
Неподдельным русским плачем…
…А кругом, в ночи-неволе,—
Ворог, проклятый трикраты.
Замерзает наше поле,
Замирают наши хаты.
Но мы слышим, слышим, слышим
Жаркий голос русской вьюги.
Да! Мы дышим, дышим, дышим —
Копим жилистые руки!

И такое же непокорство живет в героях повести Воробьева «Это мы, Господи!..». В аду концлагерей они хранят в себе «то», что «можно вырвать, но только цепкими когтями смерти… Оно заставляет тело терпеть до израсходования последней кровинки, оно требует беречь его, не замарав и не испаскудив ничем! “Терпи и береги меня! — приказывает оно. — Мы еще дадим себя почувствовать!”» Плененные, но непокоренные. Мало кому из них дано было вырваться из-за колючей проволоки, вернуться в строй.

Реквиемом замученным звучат строки Григорьева:

Восемьдесят пять тысяч
в одной могиле!
И некого звать,
Никому не восстать.
А ведь все они
Были,
Были,
Были!
Но часы пробили,
Часы пробили —
Душегубки дымили, дымили, дымили:
Восемьдесят пять...
Восемьдесят пять...
Восемьдесят пять...

Книгу о плене Воробьев думал назвать «Дорога в отчий дом». В одном из произведений наш земляк пишет: «Он еще издали поклонился селу за то, что родился в нем, и за то, что сохранил к нему бессловесную любовь и преданность». А мы кланяемся Воробьеву, кланяемся Григорьеву за то, что донесли они до нас, сегодняшних, судьбы, надежды миллионов солдат, сгинувших бесследно в горниле Второй мировой. Тех, о ком в Книге Памяти сказано по-военному сухо и коротко: «погиб в бою», «пропал б/вести», «умер от ран»… Ведь произведения писателей-бойцов, читатель, возможно, о твоих близких тоже, они и о моих дедах, которым не суждено было вернуться в отчий дом.

После войны и у Воробьева, и у Григорьева была насыщенная, интересная жизнь. Они много и плодотворно работали. Двадцать два прижизненных поэтических сборника вышло у Игоря Григорьева. Стихотворения его переведены на белорусский, сербский, якутский языки. За четверть века Воробьев написал более тридцати рассказов, десять повестей. Произведения нашего земляка печатались в Вильнюсе, в Германии, в Венгрии, в Польше, в Болгарии. Немало трудностей подстерегало в мирной жизни героических фронтовиков.

Но оба сохранили «военную выправку души». Григорьев пишет о себе: «Человек я верующий, русский, деревенский, счастливый, на все, что не против Совести, готовый! Чего еще?» И вот так, уже поэтическими строками:

Не дальше людской дорога,
Которой Бог меня вел.
Не каюсь: продрог немного —
Всю жизнь нараспашку шел.
Не крепче других мотало
Меня. Но бывало всяк:
Хлебнул огня и металла,
И пять штыковых атак.
Сполна и любил, и верил,
И брал, и платил, что мог.
Перед озябшими двери
Не затыкал на замок.

А вот слова Воробьева о себе (цитирую по памяти): «Я был настоящим русским, потому что никогда не просил награды за свои дела». Интересно его юношеское поэтическое признание: «Лишь мечта об “Исусовом свете” стала явью на фронте мне». И такое свидетельство. 27 сентября 1987 года приехавшая в Нижний Реутец на Воробьевские чтения вдова Константина Дмитриевича Вера Викторовна написала на газете «Курская правда»: «Только правда и честность делает человека сильным духом! Это завет Воробьева».

Оставил нам писатель-фронтовик и другие заветы. Вера Викторовна вспоминала: «Его можно отнести к породе людей жизнелюбивых, таких, знаете, солнечных… Был убежден, что природа платит ему взаимностью». По грибы ходил писатель в белой рубашке, на рыбалку — в оранжевой. А это уже признание Григорьева: «…Лес всегда был моим закадычным приятелем и вторым домом. И доныне мы с лесом на “ты”…» По воспоминаниям современников, любил он рыбалку, где отдыхал душой. И опять киваешь себе: из одного полка Воробьев и Григорьев. И один прозой, а второй стихом сражались и продолжают сражаться за человеческое в человеке.

В стихотворении «Солдаты» Григорьева есть такие строки:

Все полно отбоем,
Все в добром покое:
И земли, и воды, и люди.
И шаг до палаток.
Но дело такое:
— Солдаты! Отбоя не будет!
Нам
нету отбоя,
Не время покоя —
На то мы, солдаты, и служим…

Они и о Воробьеве, о многих и многих их ровесниках. Нет их на земле давным-давно. Но так уж устроен мир, что истинные мастера слова и после смерти остаются с читателями.

И белоснежные прекрасные птицы из рассказа Воробьева поселяются в твоей душе навсегда. И замирает сердце от чистого, как небесная лазурь, слова «Синель». И понимаешь: книги Воробьева нужны, просто необходимы, и тебе, и твоим детям, и внукам. «...И всему роду твоему».

И сквозь толщу лет слышим мы «Набат» Григорьева и со слезами благодарности повторяем строки его:

Поле читает стихи наизусть,
В них беспечальная грусть.
О, Русь!
Солнце и звезды, и травы твои,
Тучи, снега и ручьи —
Как соловьи.
Я их услышал, родившись едва,
Родины тихой слова:
Вечно жива!

Елена ГАДЕНОВА
г. Тула

Член Союза российских писателей. Наш постоянный автор.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ БОТЬ — ЭПОХА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Юбилей — девяносто лет — дата, знаменующая эпоху одного человека, чья судьба неразрывно связана с каждым из нас, кто живет в городе-герое Тула.

Вячеслав Иванович Боть — ведущий научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева. Он родился в Белоруссии, в городе Орша Витебской области 12 апреля 1929 года. С января 1943 года живет в Туле. В 1952 году Вячеслав Боть окончил историко-филологический факультет Тульского педагогического института (ныне — Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого), потом преподавал студентам-историкам курсы исторического краеведения.

В советский период, более тридцати лет, В. И. Боть возглавлял Тульский краеведческий музей, ведя в то же время поисково-исследовательскую работу по изучению ценнейших архивных материалов и сохранению документов современной истории. Таким образом, все посетители музея могли подробнее знакомиться с фондовыми экспонатами, увидеть их на выставках и в экспозициях.

Неоценимым является вклад Вячеслава Ивановича в создание новых музеев Тульского края: Андрея Тимофеевича Болотова в деревне Дворяниново, командира крейсера «Варяг» Всеволода Федоровича Руднева в деревне Савино, музея Саши Чекалина, музея-заповедника «Куликово Поле», музейного комплекса «Тульский Кремль», Литературного музея Тулы — мемориального Дома Викентия Викентьевича Вересаева…

Постоянно активное участие Вячеслава Ивановича Ботя в работе многочисленных профильных научных конференций. Его доклады на литературные и военно-исторические, в том числе и краеведческие, темы вызывают благодарные отклики не только у коллег по работе, но и в высоком профессиональном сообществе. Вячеслав Иванович регулярно выступает с популяризацией краеведческой истории, вместе с поэтом Валерием Георгиевичем Ходулиным вел краеведческий лекторий «Изучай свой край» в Доме Учителя. Встречи Ботя с ветеранами, с молодежью, со студентами, школьниками и учителями всегда обретают растроганные благодарные отклики аудитории и заинтересованный диалог с людьми самого разного социального статуса.

Вячеслав Иванович Боть — член Союза писателей России, пишет поэзию, прозу, публицистику. Он — автор книг и многочисленных научных и культурно-просветительских статей, рецензий, опубликованных в СМИ, в тематических сборниках, журналах, альманахах.

В. И. Боть принимает важное участие в подготовке к изданию «Тульской областной Книги Памяти», шестнадцать томов которой способствуют сохранению исторической памяти о незабываемых вехах человеческого подвига, и в девятитомной Книге «Солдаты Победы».

Бесконечно любящий Родину, неутомимый труженик, знаменитый музейщик Вячеслав Иванович ведет огромную общественную работу. Боть — председатель Военно-исторической комиссии Тульского музейного объединения и городского Совета ветеранов, а также — член Совета региональной организации Общественной палаты «Россия — Белоруссия», член Комиссии по областной литературной премии имени Льва Николаевича Толстого.

Вячеслав Иванович Боть — литератор, историк, ветеран труда, ветеран трудового фронта Великой Отечественной войны, Заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный гражданин Тулы, Почетный академик Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения им. А. А. Остапца-Свешникова. Имя В. И. Ботя занесено в Энциклопедию «Лучшие люди России».

В Центральной городской библиотеке им. Л. Н. Толстого 17 апреля 2019 года прошла презентация очередных творческих выпусков литературно-музыкальных серий: «Тульская сторонка» и «На лирической волне». Отрадно, что Владимир Николаевич Смирнов (майор в отставке, дирижер оркестра УФСИН России по Тульской области) — автор музыки — спел свой новый романс на слова В. И. Ботя «Жасминовый куст», аккомпанируя себе на пианино. Сей, воспеваемый Вячеславом Ивановичем, жасминовый куст действительно растет под окнами Дома-музея В. В. Вересаева, являясь, по сути, своеобразным экспонатом:

Жасминовый куст на усадьбе Смидовичей.
Расцвел он недавно, а может, давно.
Благоухает с утра и до полночи,
И запах доносится в наше окно.
На ветках листва чуть заметно колышется
Под сенью и кленов, и лип, и берез.

И будто бы голос в листве этой слышится:
Здесь жил Вересаев, родился и рос. <…>
Иду, чтобы встретиться с домом писателя,
Узнать его жизнь и судьбу, и труды.
Создать здесь музей было так обязательно.
И вот он стоит – воплощенье мечты. <…>

Поэзия В. И. Ботя несомненно благозвучна. Есть у него и цикл «Стихи, похожие на песни»: «Военные сборы», «Песня десантников», «Песня 172-й дивизии», «Песня 110-й дивизии», «Память “Варяга”», «Морская пехота», «Смерть героя», «Полковая песня», «Тула — родина моя»… Но не только эти строки предназначены для композиторов. Так, его «Песня Тульского рабочего полка» прекрасно озвучена В. Н. Смирновым.

Вспоминаю чтение Вячеславом Ивановичем Ботем стихотворения «Девочка, девушка, женщина», опубликованного в подаренной им мне книге* с трогательной надписью: «Дорогой Елене Геннадьевне на добрую память о встречах на литературных вечерах в Доме-музее В. В. Вересаева. Творческих Вам успехов».

Ответ я написала так:

Девочка, девушка, женщина —
Вся мудрость в этих словах.
Поэзией на землю пришедшая —
Светит звездой на устах.
Россия — звезда путеводная —
Вечностью неба горит.
Поэтому любовью народною
Вас Тула боготворит.

Горжусь, что знакома с таким замечательным человеком! А как Вячеслав Иванович читает свое стихотворение, посвященное А. С. Пушкину — «Солнце России»! Душа наполняется мощью, особенной духовной силой, когда понимаешь, как много сделал для Отечества и наш великий поэт, и нынешний человек-эпоха В. И. Боть.

Вячеслав Иванович — пример трудолюбия во имя просвещения и духовности, стал весомой частью Храма культуры Тульского края.

И вот уже третий год, именно в Доме-музее В. В. Вересаева, я реализую свой авторский проект — литературно-философские нравственно-эстетические встречи неравнодушных любителей книги и размышления: «Семейные чтения с Еленой Гаденовой». Ждем всех!

Сергей НОСОВ

г. Санкт-Петербург

ЧТО СУЩЕСТВУЕТ, А ЧТО НЕТ?

ЭССЕ

Где границы нашего реального мира?

Что существует в этом мире, а что нет?

Тысячи лет, например, человечество «мучается» дилеммой Бога — есть ли Бог вообще в нашем мире, а если есть, то какой Он и в чем проявляет себя…

Религии, конечно, дают на этот вопрос однозначный ответ — Бог есть…

Но дальше — в описании того «что есть Бог и как он являет себя в мире» и в мировых религиях начинаются большие разночтения, разногласия и противоречия…

А что есть искусство? — Прекрасный мир вымысла и грез или иная духовная реальность нашей жизни….

***

Искусство ныне вытесняет религию из сознания современного общества.

---

* Боть В. И. Наша Россия: Стихотворения.— Изд. 2-е, испр. и доп.— Тула: Папирус, 2014.— 130 с.

Это очевидно.

В искусстве человек одухотворен и духовен и в известном смысле сложнее себя самого как плотского существа наделенного просто умом и чувствами…

На высотах искусства человек становится подлинным Творцом и Демиургом.

И что же тогда творят великие художники?…

Плоды собственного красивого и чарующего вымысла или реальные духовные сущности и субстанции, которые обогащают мир….

Существовал ли, например, когда-то на свете князь Андрей Болконский из романа Льва Толстого «Война и Мир»?

— Конечно, не существовал.

И собирательным образом, олицетворяющим российскую «дворянскую действительность» начала Х1Х столетия, этот выдающийся толстовский герой тоже естественно не является…

Разговоры на эту тему бесконечно наивны.

Но Лев Толстой создал отнюдь не «вымышленного героя» — он создал духовно реального человека, назвав его князем Андреем Болконским…

Этого человека можно любить, ненавидеть, над ним можно смеяться, но он реально существует в действительности, в жизни современной цивилизации и в особенности — русской цивилизации…

Так же происходит со всем тем, что создает подлинное искусство — созданное высоким искусством как бы материализуется и реально присутствует в человеческой жизни…

Есть Мадонна Рафаэля в реальном мире, или это только греза великого художника?

Ответ однозначен: Мадонна Рафаэля совершенно реальна…

Она действительно существует в нашем мире как некая таинственная чарующая и жен-твенно прекрасная духовно-телесная субстанция…

Просто мы обычно ее не видим в прямом смысле слова…

Мы видим отражения рафаэлевой Мадонны в наших любимых, в тех, кто нежданно окажется на нашем жизненном пути, во всем, что неразгаданно и женственно прекрасно и нас волшебно покоряет…

Рафаэль создал совершенно реальный образ нетленной женственной красоты… Нетленный образ женственно прекрасного, который существует в мире осязаемо и совершенно реально…

В недавнем прошлом одна ангажированная «поэтесса», некая госпожа Васильева употребила много усилий для того, чтобы доказать, что великий Пушкин не мог посвятить такой дамочке «легкого поведения» какой была в ее представлении Анна Керн ни своего шедевра «Я помню чудное мгновенье», ни иных замечательных стихов о любви…

Эта глупая затея доказывает только одно — чем больше примитивного пуританства в обществе, тем больше в нем духовной гнили и падали…

Бессмысленная и жалкая гибель СССР и всех«кремлевских ценностей» вскоре это наглядно показала…

В Анне Керн, чья жизнь теперь достаточно изучена, несомненно было властное и могущественное очарование «гения красоты» и женственной и чувственной одновременно…

Это и выразил Пушкин.

Выразил вдохновенно и гениально…

Беда, однако, в том, что художники редко видят «светлые сущности» мира… Их чаще влечет низменное, извращенное и уродливое…

Это можно сказать о Гоголе, например…

Его творчество — вечная галерея уродов и нравственных калек…

Конечно, речь идет о гоголевских «Мертвых душах» в первую очередь.

Но и в «Ревизоре» Гоголя — уроды все, включая трагикомического «возмутителя спокойствия» Хлестакова…

Достоевский всю свою жизнь изображал фактически только нравственно искалеченных людей… Апофеоз этих нравственных калек Достоевского — Ставрогин из «Бесов».

Лев Толстой был воистину светлым гением русской литературы.

Но ведь он сам этой ролью тяготился и с годами свел ее к проповеди своего пуританского «толстовства», в которой было больше духовного убожества, чем правды…

Большой художник очень часто не выдерживает «груза» своего таланта — он много мельче как человек, чем его великие произведения…

Есть когда-то бывшее очень известным письмо Белинского к Герцену, в котором Белинский прямо сказал о том, что Гоголь и Пушкин — заурядны и ограниченны как люди, хотя и безумно талантливы…

Потом это письмо Белинского в истории нашей литературы, конечно, благоразумно забыли.

Ведь преклонение перед гением и Пушкина, и Гоголя не должно быть чем-то омрачено…

Тем не менее — что преклоняться перед великими творцами, если они сами не осознают, что они великие творцы?

Ну, вот даже и великий Пушкин…

Боролся с ничтожным Дантесом как с Голиафом… Погиб в этой схватке..

А после его смерти «облагодетельствованная царем» (Николаем 1 после смерти Пушкина выдано было

высочайшее пособие на детей Пушкина, было милостиво выкуплено казной для наследников Пушкина село Михайловское и пр.) его вдова Наталья Николаевна послушно стала любовницей императора, который и выдал ее вскоре благополучно замуж (дабы грехи свои утаить) за незлобивого и очень усердного по службе генерала графа Ланского…

Смешно ныне читать «возражения», что это, мол, неправда от благоверных карьеристов-пушкинистов Пушкинского Дома в Петербурге, где тридцать лет проработал и я сам…

Измельчали господа!

Это как раз и есть правда.

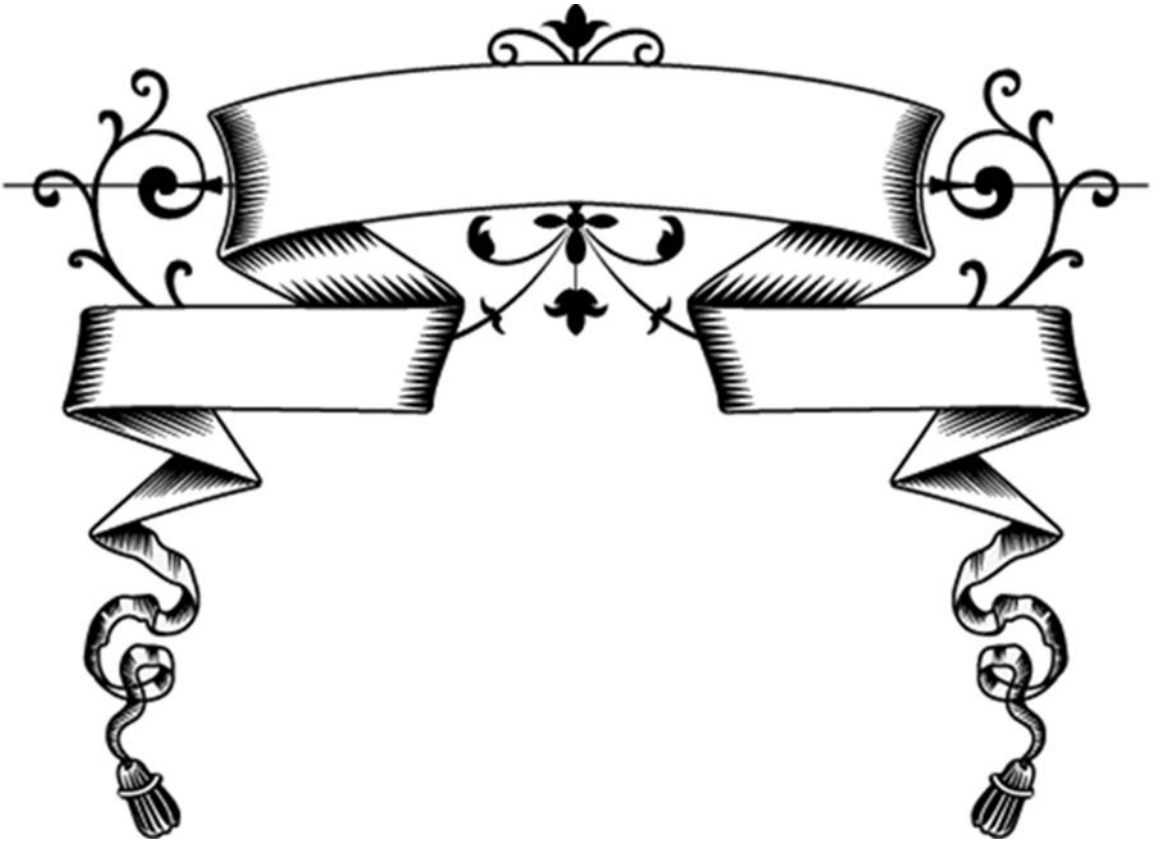
Правда всегда состоит в том, что люди, исходя из своего тщеславия, жалких карьерных интересов и ненасытного самолюбия, отрицают реальность и стремятся ее не замечать…

Духовно ничтожная жена Пушкина стала причиной его гибели, а одна из его «случайных фей любви» — вдохновила Поэта на лучшие из лучших его творений…

Вот вам господа и «правда жизни».

Но правда искусства выше и больше этой так называемой «правды жизни» — «гений чистой красоты» Пушкина это духовно-телесный и чувственно прекрасный образ-символ огромных вселенских по сути дела масштабов…

Это образ навеян встречами Поэта с Анной Керн, но неизмеримо больше ее как реального человека и принадлежит потому иной духовной реальности — реальности высокого искусства, в сравнении с которой блекнет «физическая» реальность земной чисто материальной жизни.



ПУБЛИЦИСТИКА

АЛЕКСЕЙ ЯШИН
ИРИНА МАЦНЕВА
ЕЛЕНА ГАДЕНОВА
ИРИНА НИКОЛЬСКАЯ
АННА КАРЛОВА
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
ТАТЬЯНА РОГОЖИНА
ВАСИЛИЙ ТАРАКАНОВ

Алексей ЯШИН

г. Тула

Алексей Афанасьевич Яшин — главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт Союза писателей СССР им. А. М. Горького. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ИСТОРИЯ И ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ*

К 640-ЛЕТИЮ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Snave mari mango, turbantibus
aequora ventis,
Eterra alterius magnum
spectare laborem.
Lucreci «De rerum nature»**

♦В этот день в нашем городе прогремела первая в сезоне гроза с коротким ливневым дождем, а раскаты грома по некой аналогии напомнили Николаю Андреяновичу, взявшего по поводу жары и духоты (ведь северной формации человек!) отгул и отдыхавшему в относительной прохладе квартиры, что вслед за 100-летним юбилеем М. А. Шолохова недалеко и 625-летие Куликовской битвы. О чем и мысли его, воспоминания детства и некоторые реалии сегодняшней жизни.

♦С Куликовской битвой Николай Андреянович познакомился еще будучи дошкольником Николкой, когда семья проживала на маяках Кольского залива — в подчинении гидроотдела Северного флота и легендарного Главсевморпути. Познакомился же посредством произведения искусства — копии с известной картины «Утро на Куликовом поле». Эту копию, выписанную маслом в размере оригинала на холсте без рамки, подарил отцу Николки, Андреяну Матвеевичу, его калужский родственник-художник. Подарил еще в первый послевоенный приезд в отпуске бравого моряка-североморца, крепко погуляв по питейным местам Калуги, благо Андреян привез с собой полчемодана денег — ибо в войну на Севере их тратить было негде, вот и скопилось жалованье за четыре года.

Кстати, картина была написана на столь добротном холсте, что и сорок с лишком лет спустя Николай Андреянович наблюдал этот холст в сарае, что при родительском доме в Косолучье. Уже вытерлись и осыпались, потрескавшись, краски, а сама холстина со слабо угадываемым абрисом русских воинов надежно прикрывала участок стены с вывалившейся штукатуркой.

А Николка, с какого возраста он себя помнил, просыпаясь утром, первой видел картину, тогда еще свежеполаченную, что вместо принятого в те годы штампованного коврика с лебедями или шишкинскими медведями, висела на стене в детской комнате.

Поутру, особенно летом, когда солнце через окно заливало стену светом, картина Николке нравилась, воины в шлемах, опоясанные мечами, с подвешенными на согнутых руках щитами казались веселыми, словно маячные мужики перед столь редкой в этих краях «сухого закона» выпивкой. Но вечером, особенно в полярную ночь, при слабом косом свете от кухонной лампочки, что проникал в темную комнату через растворенную дверь, Николка старался, засыпая, поворачиваться к стене спиной. Все нарисованное малоискусной рукой копииста теперь казалось мрачным, пугающим.

Особенно страшил мальца черный лик Христа на развеваемой ветром хоругви, что возвышалась над князем Дмитрием, будущим Донским, с ближними ему воинскими начальниками. Еще его пугал на сон грядущий здоровенный ратник, что встал на одно колено, подбирая с земли уроненный видимо щит, но черные глаза его угрюмо смотрели из-под шлема прямо на Николку. Уже повзрослев, Николка догадался: ратник

---

* Яшин А. А. Живые шахматы: Новые рассказы Николая Андреяновича (Повести, рассказы, эссе).— Тула: Петровская академия наук и искусств. Изд-во «Гриф и К», 2006.— 346 с.

** «Сладко, когда на просторе морском
разыграются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедою,
постигшей другого» (Лукреций «О природе вещей», II, 1, 2).

недобро смотрел на приближающуюся из-за дальнего холма татарскую рать, а вовсе не на него, безвинного...

А сколько тревожных, воинственных в своих сюжетах, снов привиделось Николке, насмотревшемуся на ночь на суровых ратников, угрюмо смотрящих на него со слабо высвечиваемой кухонным светом холстины...

♦ И в школе, слушая учителей, вразумляющих детей к отечественной истории, читая учебники в разделах, касающихся знаменитой битвы, Николка постоянно держал в памяти домашнюю картину, по мере школьного взросления постигая историческое значение битвы при речке Непрядве. И сама жизнь как-то пододвигала его к стародавнему сражению. Начать с того, что почти каждое лето из тех восемнадцати, что Николка прожил с семьей на Севере, проводил он, опять же с родителями и братьями, у сестры отца, тетки Настасьи в деревне Дворцы Калужской области — на берегу реки Угры, в том самом месте, где, спустя сто лет после Куликовской битвы, произошло знаменитое угрское противостояние: последний и безуспешный натиск золотоордынцев...

А уже проживая в *Т.* и работая в НПО «Меткость», каждое опять же лето ездил Николай Андреянович окучивать свеклу в подшефный совхоз. Огромное поле на несколько километров полого спускалось к неширокой Непрядве, а за рекою простиралось само Куликово поле с далекой чугунной башней-памятником, еле различимой в мареве жаркого июня.

Тяпает матерый, под сорок лет, инженер-конструктор Николай Андреянович свеклу. Не то что лентяй или работа сверхтяжелая, но нет привычки к монотонным сельхозработам. Что с детских лет не воспитано, то в зрелом возрасте уже не приобретешь, а детство и юность его прошли на скалистых берегах Кольского залива, где нет земли, а только тонкий слой слежалого, как камень, торфа в низинах между сопок. Нет и земледелия.

Жара за тридцать в тени, ни единого дуновения ветерка, голое поле: и свекольное, и Куликово. Вот и конец первой за этот день километровой грядки; а всего в норме их три. Километр пройден, но свекольному полю конца и не видно. Только где-то в самой низине по извилистой ленте ивовых кустов угадывается речка Непрядва. И тем более кажется, что ни на метр не приблизилась еле видная в сизой дымке чугунная башня.

...К середине второй грядки уже кажется нашему северянину-землепашцу: вот здесь, на этом пологом поле оживают фигуры картины на стене детской комнаты. Князь Дмитрий, еще не Донской, на коне, под развевающимся красным стягом, приложив ладонь козырьком ко лбу, всматривается в даль за Непрядвой, где на месте нынешнего чугунного памятника стоит на Красном холме шатер Мамая. Рядом развивается хвостатая хоругвь с темным ликом Христа, а на переднем плане здоровенный ратник преклонил колено, поднимая уроненный щит. А смотрит он прямо в спину Николаю Андреяновичу, спускающемуся с тяпкой в руках к речке Непрядве.

♦ До начала девяностых годов мнение Николая Андреяновича о роли, значении и, так сказать, фактологии Куликовской битвы мало чем отличалось от усвоенной в школе версии. Добро улыбался он политкорректности старых советских фильмов для детей о временах золотоордынского рабства. Поскольку казанские татары вместе со всеми народами СССР строили социализм (крымские же тогда проживали в Казахстане, впрочем, тоже по мере сил и желания продвигались к светлому будущему), а Монголия де-факто считалась советской союзной республикой, которой из Москвы управляет товарищ Юмаджигийн Цеденбал, то в очаровательных фильмах этих слово «монгол» вообще не употреблялось, а татары именовались *тугарами*... Все делалось во благо дружбы и интернационализма.

А как пример политической некорректности в каждом НИИ и КБ рассказывали быль о неком инженере Иванове, что в последний год жизни Леонида Ильича, будучи послан в командировку в Казань на тамошний авиазавод, ничего не придумал лучше, как нехитрые пожитки командированного уложить в полиэтиленовый пакет с рисунком и надписью в честь 600-летия Куликовской битвы. Вернувшись же домой, обижался: в пивной палатке продавец-татарин отказал ему в кружке «жигулевского»... А пакостливые столичные диссиденты тогда же пустили в обиход паскудный анекдот о новом варианте известной пословицы: «Незваный гость *лучше* татарина».

Вот и все о политкорректности и Куликовской битве на начало 90-х годов.

♦ В самом начале горбачевщины, наряду с антиалкогольным психозом и первыми воровскими кооперативами, в толстых литературных журналах, а потом и отдельными книгами, даже собраниями сочинений, начали печатать забытых и совсем новых авторов в части отечественной истории, в том числе касательно Куликовской битвы и вообще ордынской темы. Были изданы труды Л. Н. Гумилева, роман «Память» Чивилихина, известного писателя-историка, наконец, всю читающую интеллигентную публику буквально ошеломил академик-математик А. Т. Фоменко и профессор-историк Г. В. Носовский — оба из МГУ*. Ошеломили тем, что в многочисленных своих книгах почтенные новаторы заново переписали историю Руси, а заодно и всей Европы и Азии. До Америки не дошли, так как там никакой истории и не было.

Следует еще заметить: наряду с этими, зачастую противоречащими друг другу книгами, Николай Андреянович со вниманием прочитал всех классиков отечественной истории: от Михайлы Ломоносова и Татищева до Костомарова и Соловьева, а также полностью сочинения Карамзина, ранее читанные только в отрывках и выдержках — в хрестоматиях.

---

* Сейчас уже издан пятитомник под названием «Антифоменко»; идет серьезная историческая битва...

...И только теперь, в сорок лет отроду, сложилась в голове Николая Андреяновича предельно ясная картина, выросшая от детских впечатлений — созерцания посредственной копии «Утра на Куликовом поле» до осознания роли великой битвы в русской истории. И все это при самой причудливой фактологии, так не похожей на усвоенную в школе. Настолько замысловатую, что даже предположение Фоменко и Носовского о том, что битва произошла вовсе не на Куликовом поле, а при речке Напрудной, что в поле Кулишки, а это центр современной Москвы,— в данном контексте как-то отодвигается на второй план...

♦Во-первых, на момент Куликовской битвы Московская Русь была и оставалась Улусом Джучиевым — составной частью Золотой Орды, то есть русские князья, волжские и сибирские татары были связаны, в числе прочего, военным союзом — это как сейчас НАТО, а ранее Варшавский договор. Во-вторых и в особенных, Мамай был никем иным, как сепаратистом и узурпатором, темником (то есть комдивом — это как Захар Дудаев в первую чеченскую войну), выступившим против законного хана Золотой Орды Тохтамыша — прямого потомка Чингисхана.

Даже школьная история признает: войско Мамая почти не имело в своих рядах... этнических татар; монголов тем более, а состояло из наемных поляков, генуэзцев, бродячих европейских рыцарей, ясов, касогов, сложных по национальному составу крымцев, скорее всего потомков хазар. А спонсировали поход Мамая генуэзцы. А раз сказано «*а*», то само собой напрашивается и «*б*»: «русское» войско Дмитрия Донского состояло из волжских и сибирских татар. Кстати, было много и крещеных татар, а последние называли себя русскими... Фоменко и Носовский, тщательно исследовав и сопоставив наиболее достоверные летописи и вовсе пришли к выводу: Дмитрий Донской, внук Ивана Калиты, — это хан Тохтамыш, а Иван Калита — это знаменитый Батый (!?).

А теперь все становится на свои места: Куликовская битва — главный эпизод междоусобной борьбы в Золотой Орде. Кстати, в знаменитой «Задонщине» русские войска также именуются *ордой*. А инициировавшая эту междоусобицу Генуя — этот всемирный (пока без неоткрытой Америки) купец — имела чисто прагматическую цель: взять под свой контроль Великий шелковый путь.

И еще один существенный момент: кто же так поставил всю историю с ног на голову? — А это Романовы, придя к власти, даже летописи постарались исправить — ради вящей славы новой династии «подрумянили» патриотизмом прежде бывшие века... Точно также поступил и пролеткультовский историк Покровский, переработавший всю историю до 1917-го года в соответствии с указаниями комиссии Луначарского-Крупской. Кстати о Романовых; только из книг русских исторических писателей XIX века, того же Лажечникова и графа Салиаса де Турнемира, Николай Андреянович исправил для себя школьную версию Смутного времени: нижегородское ополчение (опять же наняв казанских татар) освободило Москву от казаков и различного разбойного сброда; поляками же числились только гетманы и комдивы...

Такая вот интересная история; как сказал один афорист-литератор: история — плачь и смейся!

♦Постепенно в голове, неглупой к тому же, Николая Андреяновича все улеглось. Он понимал, что воспитатель царских детей Карамзин писал свою Историю по версии Романовых. Теории Л. Н. Гумилева и Фоменко-Носовского, при всей их экстравагантности, слишком уж рассчитаны на широкую читающую публику, хотя труды их и достойны уважения и понимания. Тем не менее ясно и понятно: к концу XIV века назрела геополитическая необходимость и возможность — на фоне слабеющей Золотой Орды — создания Второй Руси (первая, киевская, исчезла в батыевы времена, которые завершились польским пленением). Четыре *русских* княжества — Литва (самое мощное), Москва, Тверь и Рязань — сцепились в яростной схватке за это первенство, а час от часу умнеющие их князья, каждый по-своему, использовали «старшего брата» — Золотую Орду, а тут еще и сепаратист Мамай... Если в такой ситуации и не было бы Куликовской битвы, то ее стоило выдумать. Возможно, так и было (смотри Фоменко и Л. Н. Гумилева).

И зря мы, потворствуя «европейцам» Романовым, воротим нос от азиатчины. Пронзительно сказал об этом в своем бестселлере начала 80-х годов «Аз и Я» Олжас Сулейменов, потомок половцев и член ЦК комсомола Казахстана: дескать, что вы, русские, все отвергаете свое азиатское прошлое, тянетесь к Европе, которая вас никогда своими не признает, а кочевник-степняк — брат ваш почти единокровный. А в нашем фольклоре и вовсе прямо сказано: плюнь в русского — попадешь в татарина (и наоборот).

Несомненно, что при всей своей запутанности фактов, исторических искажениях, Куликовская битва, где бы она не произошла — в Куркинском районе Тульской области или в московских Кулишах — это наше знамя, символ начала Московской Руси, затем расширившейся до 1/6 части земной суши (сейчас поменьше). И ерничество здесь недопустимо. Но необходима и политкорректность. Ибо сейчас силы мирового зла спят и видят: как устроить из мусульманских республик Поволжья новую Чечню. По всей видимости, здесь спасает нас то, что нефти в Татарии осталось мало. Не было бы счастья, да несчастье помогло...

Умный человек — русский и татарин — просто обязаны, прожив вместе триста лет в Улусе Джучиевом Золотой Орды, а затем полтысячелетия в России, воспринимать дату Куликовской битвы как знаменательную. Но при этом оба должны с осторожностью прислушиваться к зажигательным речам иных ряженых патриотов, явно выполняющих чей-то заказ. Ибо, как сказал один хороший русский поэт, что за тыщу лет уже Россия — «сплошное поле Куликово», а другой предупреждает: «Со всех сторон нагрянули они, иных времен татары и монголы». И спасение от этих иновременников только в едином строю русских, татар и всех остальных ста языков России. Как это было на поле Куликовом, Бородинском поле и в Сталинграде.

Анна КАРЛОВА

г. Москва

Окончила с отличием Институт практического востоковедения (специальность — историк-востоковед со знанием японского языка, дипломная работа — «История христианства на территории Японии»). Участница шестой сессии Меликсетовских чтений. Дважды проходила языковую стажировку, на данный момент — студентка первого курса магистратуры Московского государственного академического университета гуманитарных наук (специальность — экспертно-аналитическое востоковедение).

ОТЕЦ НИКОЛАЙ КАСАТКИН — АПОСТОЛ ЯПОНИИ И ЕГО МИССИЯ

История Японской православной церкви берет начало в середине XIX века, когда при содействии русского консула И. А. Гошкевича в 1859 году в Хакодатэ была построена консульская церковь Воскресения. Однако расцвет и наибольший успех православного миссионерства связан с деятельностью Русской духовной миссии в Японии (конец XIX — начало XX века) и непосредственно ее основателя и начальника — сначала архимандрита, а затем епископа и архиепископа Николая (Касаткина).

О. Николай (Иван Дмитриевич Касаткин) родился 1 августа 1836 года в Смоленской губернии, получил образование в Бельском духовном училище и Смоленской семинарии. В 1857 году Иван Касаткин, как один из лучших семинаристов, был направлен для обучения в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1860 году он окончил академию со степенью кандидата богословия. Стоит отметить, что отправиться в Японию для миссионерской деятельности было личным решением о. Николая, принятым после оповещения о вакансии в русском консульском храме в Хакодатэ.

24 июня 1860 года Иван Дмитриевич Касаткин был пострижен в монахи с именем «Николай» и в июле того же года выехал в Хакодатэ. Однако навигация уже закончилась, и о. Николаю пришлось остановиться на зиму в Николаевске-на-Амуре, поэтому миссионер прибыл в Японию только 2 июля 1861 года. Впоследствии он рассказывал архимандриту Сергию Страгородскому: «Когда я ехал туда, я много мечтал о своей Японии. Она рисовалась в моем воображении как невеста, поджидавшая моего прихода с букетом в руках. Вот пронесется весть о Христе и все обновится. Приехал, смотрю,— моя невеста спит самым прозаическим сном и даже и не думает обо мне».

Скоро Николай Касаткин убедился, что об открытой проповеди Евангелия не может еще идти и речи, так как на тот момент в Японии миссионерская деятельность по распространению христианства была строго запрещена, христиан арестовывали и казнили, а сами японцы не только боялись европейцев, но и открыто их ненавидели. Поэтому, по словам самого о. Николая, его основным правилом относительно миссионерской деятельности было «вначале завоевать любовь, а потом нести слово». Молодой миссионер стремился в первую очередь овладеть японским языком, так как без его знания миссионерская деятельность не представлялась возможной. В тот период времени не было ни словарей, ни учебников грамматики, а учителя языка было найти очень трудно, поэтому желающему изучить японский язык все приходилось делать самостоятельно: «Приехав в Японию, я, насколько хватило сил, стал изучать здешний язык. Много потрачено времени и труда, пока успел я присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не смешанных в один. Не даром когда-то католические миссионеры писали, что японский язык изобретен самим дьяволом, с целью оградить Японию от христианских миссионеров… Видно, долго еще изучающим японский язык придется изучать его инстинктом, через чтение книг и механическое приучение себя к тем или другим оборотам разговорной и письменной речи».

В итоге о. Николай смог нанять нескольких учителей и, благодаря постоянному чтению японской литературы и общению с японцами, к 1868 году, за восемь лет изучения, успешно освоил японский язык и так называемый «камбун» — письменный вариант японизированного древнекитайского языка, на котором написана большая часть древней литературы Японии по истории, религии, философии. Такое глубокое изучение языка дало ему возможность беседовать с местными богословами и основательно познакомиться с догматами буддизма.

Однако необходимо отметить, что к буддийским священнослужителям, как и к простым японцам, русский миссионер относился с уважением и никогда не позволял себе оскорблять их религиозное чувство или же обвинять в каких-либо грехах, поэтому буддийское духовенство было настроено по отношению к нему благожелательно. То, с каким уважением относились к о. Николаю буддийские священнослужители наглядно иллюстрирует следующий эпизод: Николай Касаткин зашел в буддийский храм, чтобы послушать проповедников; храм был заполнен народом, сидевшим по-японски, поджав ноги. Бонзы стали усаживать своего гостя, но в храме не оказалось ни одного стула. Недолго думая, главный священнослужитель подвел иеромонаха Николая к жертвеннику, снял с него различные украшения и вежливо предложил посетителю сесть, к

великому удивлению, почти ужасу растерявшегося миссионера.

Первым учеником отца Николая, который принял православие, был самурай Такума Савабэ. Он приходил к сыну русского консула в Хакодате для преподавания фехтовального искусства. Обратившись в христианство, Савабэ через год привел к о. Николаю своих друзей — врача Сакаи Токурей и врача Урано Дайдзо. Николай не спешил крестить своих первых учеников, боясь подвергать их опасности, так как закон, угрожавший смертной казнью за принятие христианства, еще не был отменен. Однако это не мешало им вести миссионерскую работу среди своего окружения, и к весне 1868 года до двадцати японцев готовы были принять православное крещение. В это время последовал правительственный указ, подтверждавший прежнее запрещение японцам принимать христианскую веру. Также стало известным, что в Нагасаки началось гонение на христиан-католиков. Чтобы сохранить свою немногочисленную паству, иеромонах Николай решил разослать на время новообращенных христиан в дальние области для продолжения миссионерской деятельности.

Видя, что православие начало распространяться быстрыми темпами, о. Николай в 1869 г. отправился в Россию ходатайствовать об открытии в Японии духовной миссии. Его ходатайство было удовлетворено. 6 апреля 1870 г. Синод открыл в Японии миссию в составе начальника, трех иеромонахов и причетника. Иеромонах Николай был назначен начальником миссии с возведением его в сан архимандрита. Были отпущены также средства на содержание миссии. Японская православная церковь росла, несмотря на то, что проповедь все еще оставалась тайной.

В 1872 г. к архимандриту Николаю прибыл помощник, иеромонах Анатолий, выпускник Киевской Духовной академии. Оставив его в Хакодате, отец Николай сам переехал в столицу Японии — Токио, где миссионеру все пришлось начинать заново: подыскивать помещение, преодолевать недоверие и вражду населения. В августе того же года о. Николаю удалось приобрести для миссии участок земли с несколькими зданиями в центре Токио на холме Суругадай. На этом месте в 1873 году, когда последовала отмена указов, запрещающих проповедь христианства, он приступил к возведению каменного строения, в котором должны были помещаться храм, школа на пятьдесят человек, квартиры для миссионеров и учителей.

Несмотря на то, что официально за исповедание христианства больше не преследовали, недоброжелателей было очень много, поэтому правительство Японии принимало меры по охране иностранных миссионеров: «три переодетых полицейских постоянно во дворе, не переодетые во всякое время видны у ограды. Нельзя мне выйти здесь же во дворе, чтобы полицейский или два не были в двух шагах. Спасибо, что охраняют, конечно, хотя делают это не нам в угоду, а в своем интересе».

В марте 1884 года в Токио, на холме Суругадай, состоялась закладка православного храма. Строительные работы продолжались семь лет, и 8 марта 1891 года состоялось торжественное освящение Воскресенского собора, однако все называли эту церковь «Никорай до», то есть храм Николая. В 1903 году в г. Киото, а в 1910 году в г. Осака возникли еще два православных храма. Внутреннее убранство этих церквей не соответствовало православным традициям: «вместо люстры висят простые японские фонари, пол покрыт простыми циновками, образов очень мало, дорогих украшений никаких. К числу оригинальных особенностей японских храмов надо отнести обычай сидеть на полу. Во время богослужения обыкновенно стоят, но старики и слабые садятся». Возможно, это связано отчасти с постоянной нуждой православной миссии, о которой не раз упоминает миссионер в своих дневниках: «Эх, нищенствующая Японская Церковь! В отчаяние она приводит меня всякий раз, как подумаешь о составе ее и о том, что Россией она только и живет!»

Также Н. Касаткин много работал над переводами Священного Писания и богослужебных книг. «В течение тридцати последних лет, минута в минуту, в шесть часов вечера входил в его келью его постоянный сотрудник по переводам — Накаи-сан, садился рядом с владыкой … и начинал писать под диктовку епископа переводы. Работа продолжалась четыре часа. Откладывалась она только в дни вечерних богослужений и праздников. В это время двери кельи о. Николая были для всех закрыты, и входил туда только слуга, … чтобы подать чаю. "Хотя бы небо разверзлось,— говорил владыка,— а я не имею права отменить занятий …"»

С началом русско-японской войны все русское посольство покинуло Японию, за исключением о. Николая, принявшего решение продолжить миссионерскую деятельность, несмотря на военные действия. Вскоре на территории Японии стали появляться русские военнопленные, заботу о которых взяла на себя православная миссия.

В 1912 году (последний год служения архиепископа Николая) в Японии насчитывалось уже 33 тысячи православных христиан и 266 приходов. Было открыто и построено 175 временных церквей и 8 церквей стационарных, в клире состояло 40 священнослужителей-японцев.

3 февраля 1912 года о. Николай Касаткин скончался после тяжелой болезни. Он был похоронен на Токийском кладбище Янака. Похоронную процессию сопровождало большое количество людей, как христиан, так и не христиан. На похоронах присутствовал сам император Мэйдзи, который прислал на гроб русского миссионера большой венок из живых цветов, внутри которого были два иероглифа «Он-Си», что значит «Высочайший дар».

Имя Николая Касаткина, русского православного священника, знала и почитала вся Япония. Даже через пятьдесят восемь лет после кончины, во время его канонизации, когда православные японцы хотели перенести мощи святителя с кладбища в собор, им это не разрешили, сказав, что о. Николай принадлежит всему японскому народу, независимо от вероисповедания, и останки его должны остаться на народном кладбище.

Ирина МАЦНЕВА

с. Архангельское Каменского района
Тульской области

Руководитель творческого объединения «Каменка» с 1995 г. (краеведение, музыкально-песенное, литературное и художественное творчество). Имеет награды за поддержку творчества земляков. Педагог дополнительного образования. Наш постоянный автор.

РУБЕЖ ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ

ЗАБЫТЫЕ БОИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ КРАСИВОЙ МЕЧИ ПОД ЕФРЕМОВЫМ

Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

С 14 по 18 ноября 1941 года на территории Каменского района Тульской области противник вел наступательные операции силами 112-й и 167-й пехотных дивизий, а также 18-й танковой дивизии 2-й танковой армии Г. Гудериана двумя группировками: БОГОРОДИЦКОЙ в стыке западного и юго-западного фронтов в восточном и северо-восточном направлении и ЕФРЕМОВСКОЙ — в направлении Ефремов — Елец.

С превосходящим в 3—4 раза, а по числу танков — в 10 раз противником героически сражалась на Каменской земле 3-я армия генерал-майора Я. Г. Крейзера: 29-я и 41-я кавалерийские дивизии, 269-я стрелковая дивизия,— 1059 человек, 283 стрелковая дивизия в направлении Турдей — Воейково — Кадное,— 2582 человек и 137-я стрелковая дивизия в направлении Архангельское — Верхний и Нижний Изрог — Яблонево — Закопы,— 806 человек.

Вот эти потери, видимо, и не давали мне возможности смириться с существовавшим мнением о том, что Каменский район был сдан немцам без боя. Несколько лет я пыталась найти доказательства рассказов местных жителей, что жестокие кровопролитные бои были в Кадном, Воейкове, Яблоневе, Закопах, Верхнем и Нижнем Изрогах.

Со мной спорили местные краеведы. Над моими размышлениями о танковых атаках наших позиций откровенно смеялись не только в Каменском районе: «Откуда в Каменке танки? Ничего особенного в вашем районе и не было!» Но я не верила.

Подсознание искало доказательства, а кровь не давала покоя: «Неправда!» И я продолжала поиск.

Трудно также было смириться и с числом погибших с установленными фамилиями в Братской могиле в райцентре — с. Архангельском,— всего 160 человек. Проанализировав потери при освобождении района 17—22 декабря 1941 года тремя полками 356 стрелковой дивизии, мне удалось дополнить этот скорбный список до 365 человек. Но это были декабрьские потери! И по всей вероятности — далеко не полные. А что было в ноябре 41-го при наступлении немцев?

Новость быстро облетела пытливые умы учащихся — юных краеведов и искателей, ребята узнали шокирующую информацию о танковых боях на полях Каменки. Оказывается, нам есть чем гордиться! Наша земля не желала пропустить врага! За этот клочок земли по берегам Красивой Мечи с линией фронта в 15 километров насмерть, именно насмерть (!), сражались с превосходящими силами противника бойцы 29 кавалерийской дивизии (дислокация в с. Каменское), а также 269-й, 283-й и 137-й стрелковых дивизий 3-й армии Брянского фронта во второй половине ноября 1941-го года, в те дни, когда враг неудержимо рвался к Туле и Москве.

По плану немецкого командования, 14 ноября молниеносно (!), за один день (!), до 50 автомашин с пехотинцами и 45—50 немецких танков должны были сходу проскочить Каменский район, выйти на трассу «Тула — Ефремов», занять город Ефремов и перейти в наступление по шоссе в направлениях: на Тулу — Москву и на Елец — Воронеж. Однако героическим сопротивлением наших войск этот железный таран сдерживался на отдельных участках линии фронта 5—7 дней, создавая возможность 50-й армии А. Н. Ермакова и народному ополчению укреплять оборону Тулы.

Эти героические дни ярко описаны в книге Валерия Киселева «Заплачено кровью» в главах: «Мы не дрогнем в бою…» и «Темная ночь, только пули свистят…», но художественно-публицистическая книга, написанная по воспоминаниям 350-ти ветеранов 137-й дивизии, у скептиков доверия не вызывала. Нужны были неопровержимые доказательства и факты, однако доказательством было, как таковое, их полное отсутствие.

Но, видимо, непобедимый дух Победы юбилейного 2015 года открыл для всех нас новую страницу истории Великой Отечественной войны на нашей каменской земле: 22 апреля 2015 года по какой-то совершенно невероятной и счастливой случайности мне удалось в Каменской районной библиотеке найти никем и нико-

гда ранее не открываемую книгу «Неизвестные страницы боевых действий под Тулой» (Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово Поле», 2011 г.), где эти события были описаны и… напрочь забыты!..

На них просто никто и никогда не обращал внимания. На 400-х страницах этой книги есть сведения из Центрального архива министерства обороны, напрямую относящиеся к населенным пунктам Каменского района.

12 ноября 1941 года.

Боевое донесение. «По сведениям разведки установлено:

Противник сосредотачивается в районах: из пос. Волово в направлении совхоза Большевик — силой до 20 танков, в районе Истленьево — 13 конников и 15 пехотинцев, с направления Доробино по большаку северней 1,5 км Варваровка один танк и автомашина, с направления Нащекино в направлении Пыжево замечено продвижение 10 танков противника, с района Зыбина — Б. Минино в направлении Архангельское было замечено движение 12 танков и 8 бронемашин.

Вывод: Основная группировка противника справа, Воловское направление, имеющая целью зайти с фланга на г. Ефремов, в направлении шоссе — сковывающая группа.

Левая группировка готовит удар на Яблоново. 6-я гвардейская дивизия отходит в беспорядке на Воейково — Кадное с паническим настроением: «мы не удержали и вам не удержать, у немцев много танков» (последнее из донесения комбата). Приказано мною навести порядок, потребовать от командиров прекратить подобные разговоры, в крайнем случае, расстреливать паникеров. Майор Фроленков».

Из Боевого распоряжение командования 3 армии командирам: 6-й гвардейской стрелковой дивизии; 269-й, 283-й, 137-й стрелковых дивизий; 29-й и 41-й кавалерийских дивизий, 121-й и 133-й танковых бригад прочно укрепиться на занимаемом рубеже, не допустить дальнейшего продвижения противника к Ефремову и на восток. Не допустить ни на шаг противника вдоль шоссе на Ефремов. 137-й стрелковой дивизии продолжать совершенствовать оборону Ефремова. Всем частям зарыться в землю и организовать противотанковую оборону. (ЦАМО. Ф. 310. Оп. 4376. Д.3. Л. 40).

По воспоминаниям ветеранов войны и тружеников тыла, гражданское население нашего района активно приступило к строительству противотанковых и оборонительных сооружений.

13 ноября.

Оперативная сводка (N916) штаба 3-й армии. 7-00. Войска Армии продолжают вести бои в районе Цыгановка, Суры. 283-я стрелковая дивизия отходит на рубеж Турдей, Кадное. 6-я гвардейская стрелковая дивизия собирается и приводится в порядок.

Перед фронтом Армии наступают прежние немецкие части: 112-я и 167-я пехотные дивизии, усиленные 35—40 танками, наносящие основной удар в направлении шоссе Теплое — Ефремов и пытающиеся выйти в тыл Армии. В 16—17.00 12.11.1941 из Дубравка двигалось до 20 танков в направлении Нащекино, из них 5 танков прорвались на Дегтярка и далее на Полунинка. 137-я стрелковая дивизия — положение без перемен.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ №42, 13.11.41 г. 19.00. Противник силой до пехотного полка с артиллерией и танками, отбросив части 6-й гвардейской стрелковой дивизии из района Доробино на юго-восток, был остановлен на рубеже высота 272,9. Подход его передовых частей к рубежу р. Красивая Меча возможен к рассвету 14.11.41 г. Справа 269-я стрелковая дивизия обороняет восточный берег реки Красивая Меча. Слева: 137-я стрелковая дивизия обороняет рубеж Воейково, Кадное и западнее. Граница с ней: Новое Перевесово, исключая Воейково, Кадное и Кресты. 283-я стрелковая дивизия упорной обороной сковывает левый фланг противника, не допуская прорыва его в направлении Турдей, всей системой огня перед передним краем лишает его свободы маневра для удара вдоль шоссе на Ефремов. Передний край — по восточному берегу р. Красивая Меча.

№64. Оперативная сводка (№17) штаба 3 армии. 19-00. 13.11.41. Войска Армии в течение дня частью сил продолжает обороняться в районе Волово, Яблоново, Закопы; часть сил отходили на новые рубежи обороны: 283-я стрелковая дивизия — на Турдей, исключая Воейково — Кадное. Перед фронтом армии действуют прежние 167-я и 112-я пехотные дивизии противника и группа 45—50 танков. 6-я гвардейская стрелковая дивизия сосредоточивается в районе Медведки — Старое Перевесово.

№65. Из донесения командования 269-й стрелковой дивизии о численном составе и материальной части Командующему 3-й армией генерал-майору товарищу Крейзер.

Дивизия на 9.11.41г. имеет командного состава 305 человек, начального состава 251 человек, младшего комсостава 487 человек и рядового состава 2268 человек.

Не достает до штатов: комсостава 1634. Начсостава 95 человек, младшего комначсостава 1014, рядового состава 6296 человек. Всего дивизия имеет личного состава 3311 человек, недостает 7560 человек. Вооружение дивизии: винтовок 1597, станковых пулеметов 46, ручных пулеметов 53, 76 мм пушек — 8, 122 мм гаубиц 8. Не достает по штату винтовок 6790, пулеметов 90, пулеметов ручных 110, пушек — 20, зенитных пушек 10, 45 м/м пушек 18, минометов 78. Дивизия имеет грузовых автомашин 39, специальных 2, тракторов…, лошадей 3041. Не достает автомашин 180, лошадей 2200. Прибывающее пополнение частично не вооружено (до 500 человек не имеет винтовок), не полностью обмундировано и обеспечено снаряжением. [...] полученных станковых пулеметов по техническому состоянию требуют ремонта. Пулеметы новые и еще не пристрелянные. Автомашин дивизии — 6 — 17 авторота 7-787 завода СК г. Ефремове 211-10 автополка, танковые бригады — 5. Все машины за исключение машин 121 танковой бригады относятся к 3-й категории с

большим межремонтным перепробегом. Ежедневно машины выходят из строя из-за этого и отсутствия деталей.

13 ноября 1941 года. Сформирован отряд в 250 человек с 4 станковыми пулеметами и 1 орудием противотанковой артиллерии, который с 21.00 13.11.41 г. занимает оборону Архангельское, Барановка. Противник неустановленной численности с 5 танками занял Языково, в районе Молчаново до 20 танков. Штаб дивизии — Каменское.

14 ноября 1941 года. №67. Оперативная сводка (№18) штаба 3-й армии.

6-00. Войска Армии обороняются в районе Волово, Истленьево, и на рубеже Турдей, Кадное, Архангельское. Перед фронтом армии прежние части противника, в течение дня и ночью особо активных действий не производили. Отдельные группы танков и пехоты распространяются по обе стороны шоссе Доробино — Ефремов, захватывая новые пункты.

283-я стрелковая дивизия отходит на рубеж Турдей, исключая Воейково — Кадное. Данных о выходе на рубеж не поступило. 6-я гвардейская стрелковая дивизия собирается в районе Медведки, Старое Перевесово, Новое Перевесово. Сосредоточилось 200 человек и 5 орудий. 137-я стрелковая дивизия — занимает прежний оборонительный рубеж (оперсводка № 16) и ведет разведку в направлении Доробинка, Ново-Никольское. По данным разведки в р-не Баскаково сосредоточилось до 20-ти танков, которые вечером 13.11 выдвигались в направлении Волово, но повернули обратно на Баскаково.

29-я кавалерийская дивизия — в районе Каменское, продолжая собираться и приводить себя в порядок. Собралось 450 чел с 9-тью станковыми пулеметами, 1-м орудием противотанковой артиллерии.

14 ноября 1941 года. Боевой приказ (№5) командования 269-й стрелковой дивизии 16-30 14.11 41. Слева 283-я стрелковая дивизия обороняет Турдей, исключая Воейково, Кадное.

Противник силою до роты пехоты, с 6-ю танкетками и 2-мя броневиками в 17.00 14.11.41 двигаясь по шоссе Архангельское — Яболоново, достиг расположения боевого охранения 771-го стрелкового полка, 1Т. ВО с боем при поддержке 2/17-го артполка отошла на восточный берег р. Красивая Меча.

Артогнем 2/17-го артполка при подходе к западному берегу реки противник был остановлен и повернул на Закопы, обстреливая д. Яблоново огнем автоматов. Трофей нет. Потери — ранен зам. ком. 4-й батареи лейтенант Иванов. Расход боеприпасов дополнительно. Продовольствие на 2-е суток, горючего 1 заправка.

Дивизии придан 6-й гвардейский минометный полк имеющий задачу для действий в направлении Яблоново и Еременка.

Мост через р. Красивая Меча взорван.

15 ноября. Оперативная сводка (№44) штаба 283-й стрелковой дивизии. 6-00.

283-я стрелковая дивизия занимает полосу обороны Турдей, исключая Воейково, Кадное, Новый Мир, совхоз «Степной хутор». 858-й стрелковый полк с 2/848-м артполком обороняет участок Турдей, исключая Жидкое. Передний край по восточному берегу р. Красивая Меча. 111-й танковый полк — восточная окраина Турдей. 856-й стрелковый полк с 1/848-м артполком обороняет участок Жидкое, исключая Воейково, Кадное, безымянную высоту 2 км. восточнее Воейково — Кадное. Штаб полка — Жидкое. 860-й стрелковый полк обороняет участок безымянная высота западнее Дегтярка. Слева обороняется 137-я стрелковая дивизия, справа 269-я стрелковая дивизия. Погода — сплошная облачность, видимость плохая. Дороги для всех видов транспорта проходимы.

№76. Донесение штаба начальника артиллерии 137-й стрелковой дивизии начальнику штаба дивизии.6-00. Яманову. Противник 14.11.41 наступал на Яблонево, сбил боевое охранение и ночью концентрировал на западном берегу р. Красивая Меча, в Яблонево машины с пехотой в количестве нескольких десятков. Наблюдалось движение машин с фарами 2 раза по 10 машин и один раз 3 машины, а шум моторов продолжался более часа, как до обнаружения машин с фарами, так и после. В 10.30 14.11.41 прибыл командир дивизиона 6-го гвардейского минометного полка с приказанием свыше дать огонь по южной окраине Яблонево и северной окраине Закопы. Делать этого было нельзя, т. к. данные районы занимали наши части. Командира дивизиона ознакомили с обстановкой, одновременно с этим поставили в известность командира полка. Командир полка несколько сомневался, сумеют ли подразделения после отвода, по случаю залпа, занять прежнее положение, не дав противнику прорваться, но поскольку все организовывалось, не возражал, но стал связываться с командиром дивизии, который разрешения на залп не дал. Запрещающий приказ поступил позднее, когда командир дивизиона уже выехал, а время на вывод людей выходило. Разыскать командира дивизиона не удалось, кроме того, залп был дан на 12 мин. раньше срока. В результате 1-й дивизион бил точно по цели Яблонево, что западнее реки и левее шоссе (Заречье), а 2-й дивизион в цель не попал — огонь велся по Яблонево, что восточнее реки и правее шоссе. Сожжено 15 построек, ранено 4 красноармейца, не возвратились в строй 435 подразделения в район после отвода 27 человек. Потери противника установить не удалось, т. к. высланная разведка в составе 5 чел. и 10 чел. переправиться через реку не могла. При неоднократных попытках была встречена каждый раз огнем автоматчиков. С наступлением рассвета разведка имеет задачу вести наблюдение. Высланная разведка в составе 5 чел. Верхний Изрог — Богословка не возвратилась. Разведка: Яблонево — Овечьи Воды — Барановка 2 чел. и Яблонево — Остряково — Каменское — Арсеньево — Епанчино 2 чел. (переодетых) не возвратилась. Разведка: Закопы — Заречье — Гниловая — Черкасское задачу выполнила, противник не обнаружен.

15 ноября Оперативная сводка (№10) штаба начальника артиллерии 137-й стрелковой дивизии в штаб дивизии. 22-00. На протяжении дня дивизия вела бои с противником в районе: до роты пехоты Новое Поле, более двух рот с артиллерией и минометами — западная окраина Яблоново, до роты пехота — Гнилуши. 2/17-й артиллерийский полк в течение дня вел огонь по огневым точкам и пехоте противника в районе овраг северо-запад Яблоново, Гнилуши. В результате артогня рассеяна пехота — до роты, 6-й гвардейский минометный полк в течение дня огня не вел. Действия артиллерии противника: В период с 12 до 17.00 75 мм орудие обстреливало одиночными выстрелами район развилки шоссе у д. Медведки. Редким арт-огнем 75 мм орудий одиночными выстрелами и взводными очередями обстреливался боевой порядок 2/17-го артполка. Поражений от обстрела нет. Одиночные минометы вели минометный обстрел восточной окраины Яблоново и огневой позиции 2/17-го артполка. В результате обстрела убитых — 1.

16 ноября. Оперативная сводка (№19) штаба 3-й армии. 19-00. Войска армии в течение 16.11.41 отражали сильные атаки пехоты при поддержке большого количества танков в районах Волово, Кадное, Яблоново, Закопы. Противник, части 18-танковой дивизии, введя в бой до 50—60 танков с мотопехотой, с 12.30 перешел в наступление в направлении Кадное, стремясь прорваться на Ефремов. 856-й стрелковый полк с 1/848-м артполком обороняет Жидкое, исключая Воейково — Кадное. Штаб дивизии — Степной Хутор. 137-я стрелковая дивизия продолжает обороняться, отражая сильные атаки пехоты и танков противника: 624-й стрелковый полк — Воейково-Кадное, исключая Верхний Изрог. 771-й стрелковый полк — Верхний Изрог, Яблоново, Закопы. Перед фронтом дивизии в районе Архангельское скопление пехоты и танков, в районе Прудцы до 30-ти танков, 8 бронемашин и до 200 чел. пехоты; западная окраина Яблоново 7 танков противника. В 12.30 из Филоновка в направлении Кадное развернуто до 40 танков с пехотой, начавшие атаку на Кадное, Ереминка. Атака отражена артогнем, подбито 7 танков противника.

Боевое донесение штаба 624-го стрелового полка 137-й стрелковой дивизии командованию дивизии. В 12-00 на направлении — Филоновка прошли 15 танков противника по направлению на Кадное — на шоссе «Тула — Ефремов». В 12-05 наша артиллерия открыла огонь, в результате чего в течение часового боя пять танков противника было уничтожено. Три танка противника было немцами увезены, два остались. В 15-м часу одиннадцать самолетов с нашей стороны бомбардировали скопление немцев в районе леса за д. Филоновка. После чего танки ушли в разных направлениях. За период боя ранено: тяжело 2 чел., легко 2 чел. Оставшиеся танки нами сожжены.

Оперсводка № 11, штаб НАД 137, Новое Перевесово 16.11.41г. 22.00. Противник силой до 15 танков в 13.40 предпринял танковую атаку на участок обороны 624-го артполка в районе Кадное, до 35-ти танков было сосредоточено в районе высоты 236,2 (северные скаты), по непроверенным данным за танками двигалась пехота, численность не установлена. На участке 771-го стрелкового полка артиллерийская и минометная перестрелка. Артиллерия 137-й стрелковой дивизии на огневых позициях. Два трактора Т-16, состоящие в ПТР КСД, самовольно снялись с огневой позиции по приказанию командира 121-го танкового полка и отведены в расположение бригады. Потерь нет. Действия нашей артиллерии:

Огнем 1/17-го артполка отбита танковая атака противника — сожжено 3 танка, подбито 2 танка и 2 автомашины, 2/17-й артполк вел огонь по машинам противника в районе рощи западнее Яблоново.

17 ноября. Оперативная сводка (№20) штаба 3-й армии. 6-00. Войска Армии, отразив к исходу 16.11.41 атаки пехоты и танков противника, к 6.00 17.11.41 г. оставались на прежних занимаемых оборонительных рубежах. В 21.30 16.11.41 г. мелкие группы пехоты противника пытались форсировать р. Красивая Меча, в районе Верхний Изрог, отражены нашими частями. К исходу 16.11.41 г. из района Овечьи Воды противник большими группами танков вел активную разведку в направлении Галица. 16.11.41 г. Ефремов обстреливался редким арт. огнем из 105-мм орудий. Всего произведено 10 выстрелов, из них 2 снаряда разорвались на Тульской улице, остальные на северо-западной окраине Ефремова.

17 ноября. С утра 17.11.41 г. по данным местных парторганизаций в районе Товарково, севернее и в 12-ти км севера Ефремова идут бои. Оперативная сводка №21 штаба 3-й армии. 17-00. Армия продолжает вести бои на Ефремовском направлении в районе Кадное, Верхний Изрог, Яблоново. Противник (части 18-й танковой дивизии), произведя перегруппировку, продолжает попытки развивать наступление в различных направлениях на Ефремов.

В 6.00 17.11.41 г. до роты противника атаковали Верхний Изрог и заняли его. Из района Галица до полка мотопехоты к 12.00 сосредотачивались в Пушкарское. С 10.15 противник 4-мя самолетами обстреливал боевые порядки нашей пехоты в р-не Яблоново, концентрируя пехоту за рекой. 137-я стрелковая дивизия, оставив Верхний Изрог, удерживает рубеж Воейково — Кадное, Яблоново, Закопы. 121-я танковая бригада — в районе Медведки, в готовности к контратакам в направлении Ереминка, Яблоново, Большая Корчажка.

Оперативная сводка (№12) штаба начальника артиллерии 137-й стрелковой дивизии в штаб дивизии. 22-00. Противник в ночь с 16 на 17.11.41 г. прорвал фронт обороны в районе Верхний Изрог и к 16.00 занял северную и северо-западную часть Верхнего Изрога 8-мью танками, 300-ми чел. пехоты и группой автоматчиков. На остальных участках попытки противника прорваться были отбиты пулеметным и арт- огнем. В районе Титовка 105-мм батарея. В районе Кресты 105 и 75 мм, в Красное 150 чел. пехоты с танками. Артиллерия на огневых позициях, расположение прежнее. Три трактора Т-16 с 45 мм орудиями прибыли и встали на огневую позицию — западная окраина Медведки. Потерь нет. Действия нашей артиллерии: в течение дня артиллерия вела огонь по скоплению пехоты и танков в районе Верхний Изрог. 152-мм разрушила переправу

через р. Красивая Меча в районе Верхний Изрог. Огнем орудий противотанковой обороны и 76-мм орудий разбито 2 машины с боеприпасами, подбит 1 танк в районе Нижний Изрог.

18 ноября. Оперативная сводка (№22) штаба 3-й армии. 5-00. В районе Галица, Пушкарское продолжается сосредоточение пехоты с танками. Район Медведки обстреливался в ночь на 18.11.41 г. противником из дальнобойных орудий. На фронте армии действуют прежние части противника: на БОГОРОДИЦКОМ направлении — 112-я пехотная дивизия и конные группы неустановленной нумерации; на ЕФРЕМОВСКОМ направлении — 18-я танковая дивизия. 137-я стрелковая дивизия обороняет Воейково — Кадное, Еременка, Яблоново, Закопы, имея перед собой: в районе Кресты, Филоновка батальон мотопехоты с танками; перед Яблоново батальон мотопехоты и 20 танков. Верхний Изрог занят ротой пехоты и 8-мью танками противника. Потери за 16.11.41 г.: убито 2 чел, ранено 8 чел.; убито 30 лошадей. Трофеев нет. 6-я Гвардейская стрелковая дивизия занимает оборону на прежнем рубеже Большая Корчажка, Круглое, Пожилино. Перед фронтом дивизии в Пушкарское до полка мотопехоты с танками; в районе Каменское, Галица сосредоточение пехоты с танками. Попытки разведгруппы противника в составе 3-х бронемашин и 1-й автомашины с пехотой проникнуть в Круглое — отражены артогнем.

Боевой приказ (№003) командования 3-й армии. 13-00. Противник 112-й и 167-й пехотных дивизий, 18-й танковой дивизии имеет намерение БОГОРОДИЦКОЙ группировкой развивать наступление в стыке западного и юго-западного фронтов в восточном и северо-восточном направлении и ЕФРЕМОВСКОЙ группировкой в направлении Ефремов — Елец. Правее 50-я армия прочно обороняет Тула — Дедилово и обеспечивает правый фланг 3-й армии. 283-й стрелковой дивизии (без одного стрелкового полка) прочно удерживать и совершенствовать оборону на рубеже: Красная Слобода, Турдей, Воейково — Кадное и не допустить прорыва танков и пехоты противника на восток. Иметь охранение стыка с 269-й стрелковой дивизией Горсткино и Солодилово. 137-й стрелковой дивизии — с 6-м гвардейским минометным полком прочно удерживать и совершенствовать оборону на рубеже Воейково — Кадное, Яблоново, Закопы, не допустить прорыва танков и пехоты противника вдоль шоссе на Ефремов. Разграничительная линия слева — прежняя. 6-й гвардейской дивизии продолжать удерживать и совершенствовать оборону на рубеже Большая Корчажка, Пожилино и не допустить прорыва противника на Ефремов. Разграничительная линия слева: Степная Дубрава, Пожилино, Галица. 150-й танковой бригаде мотострелковому батальону прочно прикрывать мотострелковый батальон на рубеже Никольское, высота 231,3 и 256,4. Быть готовой к нанесению удара в направлениях Лобаново — Ефремов — Медведка и Лобаново — Трусово, Галица. Вести боевую танковую разведку в направлениях Маслово, Каменское.

18—19 ноября шли упорные бои за Медведки, Сафоновку, Буреломы Ефремовского района. К вечеру 20 ноября гитлеровцы ценой серьезных потерь, предпринимая отчаянные усилия, сумели частично овладеть Ефремовым. А утром 22 ноября стало известно, что ночью к Ефремову подошли две стрелковые, кавалерийская дивизия, артполк и танковая бригада. Но это была не полная победа фашистов.

С 3 декабря на всей линии обороны 137-й стрелковой дивизии установилась тишина, к этому дню гитлеровские войска выдохлись и на всем советско-германском фронте. А далее, в декабре 1941 года началось наше наступление.

Утром 13 декабря немцы начали отход с Красивой Мечи, части 3-й армии взяли Ефремов и разгромили там полк гитлеровцев. С 17 по 22 декабря 1941 года был полностью освобожден и Каменский район силами в основном 356-й стрелковой дивизии.

Вновь приближается юбилей Победы — Великой Победы нашего многонационального народа в войне с фашизмом. За эти годы получены новые доказательства упорного сопротивления местных жителей оккупантам. Исходя из неопровержимых доказательств важности удержания значительной немецкой группировки на пять дней на берегах Красивой Мечи в Каменском районе под Ефремовым для укрепления обороны Тулы следует установить памятный знак над переправой в д. Яблонево. Мы не имеем права забыть и не передать новым поколениям молодых каменцев историю героической обороны и освобождения любимой малой родины — тульской Каменки.

Примечание редактора. *Текст дан автором в соответствии с военными документами тех лет.*

Людмила АЛТУНИНА

г. Тула

В СТРАНЕ СНЕЖНОГО БАРСА

ИЗ АВТОРСКОГО ЛИТПРОЕКТА «ЛИКИ РОССИИ»

Моя малая родина — Горный Алтай (ныне Республика Алтай) — красивейшее, особое место на земном шаре — центр нашей планеты Земля. Безмерно люблю свою малую родину, горжусь ею и свято несу в своем сердце. Поистине, «в горах мое сердце… доныне я — там…», как сказал стихами Роберт Бернс. Никогда не теряла с ней связей, хотя давно уже живу в Центральной полосе России, но в Горном Алтае бываю ежегодно.

Республика Алтай — удивительный по своей первозданной красоте уголок нашей страны, притягивающий все большее количество туристов со всего мира. Уникален он и самим местом своего расположения на планете — в центре ее, и особой своей энергетикой, не случайно его считают Северными воротами таинственно-сакральной Шамбалы.

Бесконечные горные хребты, причудливые, непохожие ни по рельефу, ни по цвету один на другой, тянутся на сотни километров. Их венчает прекрасная, царственно-величественная, сверкающая на солнце алмазами — вечными снегами и льдами гора Белуха (Ак-Кем). Это — священная гора алтайцев, особо ими почитаемая. С ней связано много легенд и сказаний. Белуха (на южно-алтайском языке Ўч-Сўмер — «Трехглавая», Кадын-Бажы — «Вершина Катуни»; на казахском — Мұзтау Шыңы) — самая высокая точка Алтайских гор (4509 м) — одна из крупнейших горных вершин России, самая высокая гора в Горном Алтае и в Сибири, возвышающаяся над Катунским хребтом. Название вершины — Белуха происходит от обилия снега, покрывающего ее от пика до подножия; даже жарким летом здесь метут метели, температура опускается до минус двадцати градусов, и неопытным туристам и альпинистам легко заблудиться и сгинуть. По ее отрогам проходит граница между Россией и Казахстаном. Высоченные отвесные скалы с той и другой сторон двух государств — излюбленные места для восхождений альпинистов со всего мира.

Республика Алтай в самом удаленном Кош-Агачском районе, где суждено было мне появиться на свет, граничит с тремя государствами: Монголией, Китаем и Казахстаном, простираясь на юге в дивных просторах Чуйской степи, в преддверии великой пустыни Гоби, потому здесь встретить караван верблюдов, стада сарлыков или яков — не редкость. Порой можно видеть, как они мирно жуют травку неподалеку от стада коров или табуна лошадей. На южном высокогорье Республики Алтай — самое большое количество солнечных дней в году. И солнце здесь необыкновенно яркое. В его ослепительных лучах сказочно сверкают снежные горные вершины, и несет свои быстрые воды река Чуя — приток Катуни. Ночью над головой — огромные звезды и созвездия, четко прослеживается Млечный путь и видны причудливые очертания скал на фоне ночного лунного неба,— луна громадная, ярко-оранжевая, как апельсин. Тишина! Красота! Умиротворение! Глядишь в ночное чудное небо, на очертания горных хребтов в снежных шапках, упирающихся в него, и кажется, что ты — на краю света, что именно отсюда и началось сотворение мира и что все вокруг — великая Тайна Вселенной, неподвластная человеческой разгадке. И ощущаешь себя неотъемлемой частицей этого вечного и бесконечного мироздания, несущей и в себе эту Тайну. Божественную Тайну, как божественно прекрасно и дивно все вокруг.

Чистейшие и холоднющие родники, горные водопады, озера и реки. Со склонов Белухи берет начало быстротечная бирюзовая река-красавица Катунь, в холодных водах которой купались мы в детстве и юности, да и сейчас, бывая на Алтае, я не прочь окунуться в Катунь. Освежает! И еще как!

Телецкое озеро (Алтын-Кель — Золотое озеро, по-алтайски) — одно из крупнейших в мире и второе, по величине и запасам пресной воды, после Байкала, протяженностью более 70-ти километров, тянется голубой лентой среди живописнейших гор, отражающихся в его прозрачной холодной воде. В окрестностях озера есть чудесный водопад Корбу, привлекающих туристов, но добраться до него можно только по озеру на теплоходе «Пионер Алтая» (название осталось прежним с советского времени), на моторной лодке или на катере. Так же, только по озеру, добираются люди и до села Яйлю, расположенного близ него, среди великолепной первозданной природы. Благодаря влажности, исходящей от озера, окольцованности высокими лесистыми горами, в Яйлю сложился особый климат, и потому здесь растут крупные сладкие и сочные красные яблоки с изумительным вкусом.

Первозданная тайга с реликтовым кедрачем, где обитают уникальные виды животных, в том числе ее хозяин — медведь, красавец-марал с ветвистыми огромными рогами, вкрадчивая рысь, ловкий соболь; горные долины с обилием разных цветов, с душистым целительным разнотравьем, отчего и славится алтайский мед; недоступные вершины и отроги, где обитают горные бараны — архары с громадными рогами, закрученными спиралью, и изящный, грациозный, скрывающийся от людских глаз в недоступных скалах снежный барс — ирбис, занесенный в Красную книгу. И все это — мой Алтай, моя малая Родина! Весной горы, альпийские

луга, долины и тайга — в буйном цветении: ярким пламенем горят огоньки, похожие на маленькие красные розочки, лиловые марьины коренья, воспетые в стихах и песнях местных поэтов и композиторов. Склоны гор сплошь покрыты нежным сиреневым покрывалом цветущего маральника (багульника), полюбоваться его красивым буйным цветением приезжают люди со всей России и не только из нашей страны.

Медведь, марал и снежный барс — эти животные как бы олицетворяют Горный Алтай, обитая в его тайге и в непреступных горных отрогах. Их можно назвать тотемными животными местных аборигенов — алтайцев, особо почитающих этих животных, как и других — волка, например. А тотемным растением алтайцев считается можжевельник (арчын), обладающий особой чистотой и священностью, используемый как оберег и как целитель — лекарь. Зажженным арчыном окуривают жилище людей, детскую колыбель, скот и пригоны для скота от нечистых злых духов. У алтайцев более 80-ти родов, и каждый имеет свои священные обереги: особо чтит своих священную гору, животного, птицу, дерево или кустарник — так, по древней языческой традиции, они обожествляют природу, прибегая к элементам тотемного культа. Алтайцы этнически — очень древний народ, алтайская земля — прародина многих тюркских народов.

Своей прародительницей и хранительницей они считают алтайскую принцессу, обнаруженную археологами на высокогорном плато Укок. Знаменитое плато Укок лежит к югу, за горными хребтами, в кольце гор. Это — реликтовый природный парк, священное для алтайцев место, средоточие древнейших курганных захоронений разных периодов — зона Тишины, где даже кричать нельзя: считается святотатством и осквернением духов. Здесь и была обнаружена археологами мумия алтайской принцессы, которая хранится ныне в саркофаге, в Национальном музее Республики Алтай имени А. В. Анохина, кстати, одном из лучших не только в России, но и в мире. Специалисты пытаются разгадать хранимую ею многовековую тайну, зашифрованную в рисунках — татуировках на ее теле. У «принцессы», как окрестили мумию журналисты, — а на самом деле, судя по ее одежде, особому высокому головному убору и татуировкам, она была, как считают ученые, древней жрицей,— есть свой хранитель — Сергей Михайлович Киреев, ученый — историк, археолог. Он и сопроводил меня к саркофагу «принцессы», хотя открытого доступа к ней нет. Чтобы мумия хорошо сохранялась еще долгое время, за ней строго следят, соблюдая определенный температурный режим и уровень влажности. В музее есть экспозиция — реконструкция ее захоронения: саркофаг с ее, точно имитированной мумией, и даже лошадьми, погребенными, по местным древним обычаям, вместе с хозяйкой, и прочих атрибутов древних захоронений алтайцев.

Горный Алтай называют еще и страной снежного барса — ирбиса, уникального, редкого вида животных, нуждающегося в особой охране и сохранении. Как уникально и дивно все, что связано с моей малой родиной — Горным Алтаем, также требующем особого внимания и заботы.

В селе Инегень, расположенном по ту сторону Катуни, среди живописных гор, открыт Музей снежного барса — единственный в России. История этого села неразрывно связана и с историей моего рода по материнской линии. Здесь мои родственники жили в довоенные, военные и первые послевоенные годы. Здесь проходили детство, юность моей мамы, ее братьев, сестер, теток и многочисленных близких родственников, и даже моей старшей сестры Валентины. Председателем колхоза в этом большом селе был мой дед Григорий Яковлевич Леонтьев в самые тяжелые в истории нашей страны военные и первые послевоенные годы. Отсюда ушли на фронт в Великую Отечественную войну, оставив жен с малолетними детьми, трое братьев моей мамы, так навечно и оставшиеся на поле брани. Воспоминания об Инегене всю жизнь сопровождали моих родных, и, естественно, наложили отпечаток и на мое сознание и мировосприятие. И я не мыслю себе Горного Алтая не только без Кош-Агача, где родилась, без Маймы, где прошло мое детство и где закончила общеобразовательную среднюю школу № 1 и где бываю ежегодно, но и без тех мест — Инегень, Купчегень, Иня, Онгудай, Чепош, Элекмонар, Бешпельтир, Анос, Аскат, Шебалино,— с которыми тесно связана история родов как с материнской, так и с отцовской сторон, история моей семьи, ее родословная.

…Золотой корень (родиола розовая, розовый корень), марьины коренья, бадан и красный корень, обладающие особой целительной силой, отличают богатейшую и уникальную алтайскую флору, славящуюся своими лечебными травами, являются как бы ее визитной карточкой. Золотой корень — это своего рода сибирский женьшень (корень жизни), тоже занесенный в Красную книгу,— удивительный лекарь широкого спектра действия, дающий силу, бодрость и здоровье, в том числе способствуя и обретению душевного равновесия.

В переносном смысле, для меня золотой корень — это тот корень, что дал мне жизнь,— корень моих предков, со стороны и отца, и матери, ушедший глубоко-глубоко и накрепко зацепившийся за горно-алтайскую землю. Это — тот самый целительный корень — первоисточник, который дает мне силы жить, творить, держаться на плаву в самые трудные и отчаянные периоды жизни. Это — мой Золотой Корень, мой целитель и спаситель.

Об Алтае написано немало. Мудры и необычны алтайские сказки, сказания и легенды, героический эпос, воспевающие дух, историю, обычаи, традиции и нравы этого немногочисленного коренного народа. В 2012 году, например, в серии «Сказки Великого шелкового пути» были изданы алтайские народные сказки*. Во вступительном тексте к этим сказкам автор с любовью пишет о Горном Алтае:

* Рыжий пес: алт. нар. сказки в переложении Ирины Богатыревой.— М.: Издательский дом Марджани, 2012.— 88 с.: (ил.).

«В таежной Сибири, в долинах рек Катуни, Чуи и Бии, у подножья трехглавой Белухи раскинулась горная страна — Алтай. Прекрасен Алтай. Золотые горы, богат зверем, лесами, пряными, широкими степями. А какая красота открывается с недоступных его вершин — захватывает дух! В сердце Алтая раскинулся Алтын-Кель, что значит Золотое, или по-русски — Телецкое озеро, второе в России, по величине, после Байкала. Изревле воспевали Алтай люди, заповедной страной, где хранится мудрость давно ушедших эпох, называли его… Очень ценные находки принесли экспедиции археологов, работавших здесь. Самая известная из них — мумия прекрасной девушки с высокогорного плато Укок в богатом облачении и изумительных татуировках. Неразрывно сплетена история Алтая с историей других народов России…

…Жители этих мест — алтайцы — небольшой народ, добрые дети, хранители и певцы родной земли. Всегда были они меткими стрелками, охотниками и скотоводами, но главное — чудесными сказителями. В своих эпических поэмах донесли они до наших дней героическую историю Алтая. А сколько преданий, волшебных сказок и легенд сохранила народная память! И как приятно, будто в стародавние дни, собраться вечером в юрте-аиле, рассесться вкруг жаркого очага и слушать под треск огня удивительные, волшебные сказки…»

Эти, алтайские, сказки есть и в Тульской областной детской библиотеке. Очень советую почитать их детям.

Примеч. авт.: Горный Алтай,— а если определять вернее, по административно-территориальному делению, с начала 90-х годов — Республика Алтай,— входит в состав Российской Федерации. Площадь — около девяносто трех кв. километров, население — более двухсот тысяч человек — люди разных национальностей: алтайцы, русские, шорцы, казахи, украинцы, тувинцы, хакасы, кумандинцы, представители кавказских народов и многие другие. Ранее это была Горно-Алтайская автономная область, образованная 1 июня 1922 года, но с иным названием, менявшимся на протяжении времени. Основные языки — русский и алтайский. Республика Алтай расположена на юге Западной Сибири, граничит с Монголией, Китаем, Тувой, Хакасией, Казахстаном.

Горный Алтай богат, прекрасен не только своей фауной и флорой: обилием разных диких животных, в том числе и редких, обитающих в тайге и горах; разнообразием растительности, целебными травами, но и полезными ископаемыми. Здесь есть и редкие металлы, такие, как ртуть, вольфрам, молибден, золото, из которого изготавливают и ювелирные изделия, которые можно приобрести в торговом центре, в городе Горно-Алтайске.

Елена ГАДЕНОВА

г. Тула

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ СОЛНЦА

ИЗ ЦИКЛА «ТОРЖЕСТВО ПРИРОДЫ ЗНАМЕНУЯ»
(12 апреля 2019 года)

Весна — особая пора…
Душа ее на скрипке золотой
Играет музыку рожденья.
И трогает небесная струна
Звучаньем лиры неземной
За сердце каждого — до обновленья.

Весна — это особенное явление не только природы, но и жизни человека. Именно весной душа наполняется великим и трепетным чувством нежности и восторга, ощущением чего-то нового и необъятного, ощущением возрождения и желанием почувствовать свою судьбу обновленной.

Весна — умеет удивлять: удивлять свежестью запахов и прекрасных звуков, пением птиц, невероятной цветовой гаммой небесных красок, когда белые облака плывут и растворяются, открывая светло-голубую даль над головой.

Весной все кажется праздничным: смех детей, улыбка мамы, надежда, которая на лицах людей, которая окрыляет их, окрыляет их внутренний мир, и, конечно, приближение всеми почитаемого на Руси православного праздника Пасхи.

Жить в столь замечательное время года — это знаменательное событие. А когда случается юбилей — то

все усиливается мощным пониманием слова — знамения.

Отрадно, что весенний цикл моих литературно-музыкальных встреч был ознаменован приглашением на юбилейный творческий вечер члена региональной общественной организации «Объединение тульских композиторов» Маргариты Ивановны Петуховой-Левицкой. Вечер имел доброе название «Просто играй свое сердце…» и состоялся в концертном зале лицея искусств Тулы 12 апреля 2019 года.

Жизнь и деятельность Маргариты Ивановны постоянно связана с молодежью и детьми. Вот и творческий вечер начался с музыкальной сказки «Кружись, перышко, кружись». А исполнители — участники театра-студии «Браво», выходя на сцену в костюмах Яблони, Печки, Бабы-Яги, чертенят, были восторженно приняты зрителями за очень яркое и позитивное выступление (режиссер-постановщик — учитель театральных дисциплин МБОУ «Центр образования № 22 — Лицей искусств» города Тулы Филина Екатерина Сергеевна).

Торжественная атмосфера царила в полном зале с первых минут концерта, вызывая во мне радость и интерес остаться до конца вечера. «Ты скажи мне, реченька» на стихи Вл. Орлова исполнил сводный хор учащихся младших классов. С какой любовью спели дети эту песню, с какой душевностью, с каким вдохновением — музыка, как весеннее чудо, прозвучала на фоне благоухающих цветов, что дарили свои прекрасные флюиды всем присутствующим! А друзья и поклонники творчества Маргариты Ивановны держали в руках красочные букеты и, в счастливом ожидании преподнести их юбиляру, смотрели на сцену, и улыбались.

Музыкальная драматургия спектакля удачно объединяла всех юных артистов, которых объявляла ведущая Юлия Ли. Сценарий был составлен удивительным образом так, чтобы исполнители логично передавали эстафету выступления друг другу, четко понимая свою роль, играя одухотворенно и весело.

Прекрасным украшением стал выход на сцену Ники Валовой, которая преподнесла сюрприз, исполнив, вместе со своим музыкальным руководителем Ольгой Ивановной Филатовой,— забавные песенки-загадки композитора М. И. Петуховой-Левицкой. Их выступление так понравилось, что все громко хлопали в ладоши — дети и взрослые, дружно реагируя и разгадывая ответы.

«Космический человек,— сказала я со сцены о Маргарите Ивановне.— Ведь такое чудо — юбилейный вечер совпал с праздником, Днем космонавтики. Композитор — зажигает звездочки, что святят и своими талантами радуют детей, родителей, учителей».

В чистых снах — рождаются планеты
На просторах вселенских морей,
Где по волнам голубого света
Плывут маяки кораблей.
Огни маяков не гаснут
И, продолжая через вечность путь,
Рисуют сны в небесных красках,
Прокладывая в сердце Млечный Путь.

Сердечный Млечный Путь — означает добро и светоносность важного явления: быть полезным людям, быть милосердным ко всему, что создано Богом во имя любви, гармонии и творческого содружества жителей планеты.

Во втором отделении концерта сердечно поздравил Маргариту Ивановну исполнением ее песни «Тула» (на слова Таваны) Юрий Грошев («Центр дополнительного образования детей» города Тулы), впервые представивший эту песню много лет назад.

Когда играет Ольга Ивановна Филатова, всегда происходит волнующее осознание того, что звучит классическая музыка, слушая которую прикасаешься к чему-то более высокому, глубокому, духовному, что видоизменяет наше сознание — только к лучшему, а душа стремится полететь в неизведанные миры, где главенствуют Божественные истины. Поэтому грациозно трогательно возник вальс Маргариты Ивановны «В Белоусовском парке» (на слова лично присутствовавшей в зале Таваны) в исполнении юной певицы — девятиклассницы Иры Петровой, поэтому грандиозно чарующим родилось пение Василисы Полторан в сопровождении на рояле Ольги Филатовой: «Триптих на слова Натальи Сидоровой» и романс «Мольба» на слова щекинской поэтессы Елены Тоболиной, сочиненные Петуховой-Левицкой.

Насыщенная разножанровая концертная программа явилась не только познавательной, но и стала возможностью для душевного отдыха. Подтверждением тому — реакция публики на выступление Валентины Буталовой из Клуба бардовской песни «Бригантина». Ее гитара красочно оттенила озвучание стихов Марины Цветаевой («Любопытство! — Милый грех…» и «Домики старой Москвы»), связав воедино великую поэзию и авторскую музыку М. И. Петуховой-Левицкой.

Удивительным зовом вселенной ожила музыка Маргариты Ивановны и текст индийского поэта Назрула Ислама «Ищу тебя» в проникновенном звучании голоса и души алексинки Нины Бычковой — университетской ее ученицы.

Нравственно-философским итогом творческой встречи стал романс М. И. Петуховой-Левицкой на стихи Игоря Северянина «Очам твоей души» (концертмейстер Ольга Филатова).

Двухчасовой вечер удался на славу! Много теплых поздравительных слов услышала в свою честь Маргарита Ивановна: кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального общего образова-

ния Института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области, композитор, автор стихов, режиссер, художник… и даже — танцующая в студии «Nuestro tango». Поистине волнующим моментом стал финал программы — исполнение ею в паре с Рашидом Юсуповым пластичного и волшебного танго.

После работы в детской вокальной студии «Веснушки», М. И. Петухова-Левицкая преподавала в Тульской государственном педагогическом университете им Л. Н. Толстого (на кафедре музыкально-художественного образования и на факультете психологии). Как художник Маргарита Ивановна сама оформляет свои песенные сборники: «На горизонтских островах», «Песни Чудетства», «Соломенное лето», «Василиса и другие», «Ищу тебя» и … «Дыханье далекой весны»!

Важно все, что для нашего будущего и для подрастающего поколения делает замечательная женщина Маргарита Ивановна — талантливая и дающая не только знания, но тепло, исходящее из ее души,— тем, кто продолжит строить Отечество, смотреть в звездное небо, мечтать, творить добро, воплощать лучшие идеи и по-настоящему любить жизнь. Надо, чтобы где-нибудь там — в будущем — услышали «Песенку веселого Черного кота» (блестяще сыгранную Володей Фраем), подпели «Волшебные бусинки» (с Аней Втюриной), «Зеленый карандаш» (на слова Б. Заходера) и «Никто» (на слова С. Михалкова, солист Данила Кныш), «Стрекотунья-Белобока» (на слова А. Пушкина) и многие другие, столь порадовавшие собравшихся. Благодаря улыбке чуткого сердца, которое всех объединило и согрело радостью, все звезды — над Тулой и Россией — призваны всегда гореть удивительно ясно, переливаясь яркими гранями добра и света, когда весенний дождь из блеска янтарных нот проникает с небес в глаза людей, чтобы они могли услышать сегодня главную Весеннюю Песню Солнца.

Светят звезды над Россией —
Удивительно ясные!
Все небо усеяно
Бисером красным,
Янтарем, фианитами,
Хрусталем, лазуритами,
Алмазами, жемчугом белым…
И — как прекрасно это небо,
Не передать словами!
Лишь — восхищаться,
Смотря в него ночами.

Татьяна РОГОЖИНА

г. Тула

Окончила экономический институт. Работала инженером, экономистом. В настоящее время — предприниматель. Книги автора можно купить в интернет магазине издательства «Союз писателей, искусствоведов и критиков "Титул"», а также «Литрес», «Амазон», «Озон» и других. Постоянный автор нашего альманаха.

ШКАТУЛКА ПУТЕШЕСТВИЙ

АНТРЕСОЛЬ

Ленивому пляжному отдыху мы с мужем предпочитаем поездки по российской глубинке, в которой полным-полно сюрпризов, неожиданных встреч и потрясающих пейзажей.

Однажды в мае, сыром и холодном, удалось поймать несколько теплых деньков, чтобы отправиться в Липецкую область. Итак, маршрут намечен: Кудыкина гора (ландшафтный парк на берегу Дона), село Нижнее Казачье (отель усадебного типа), Задонск (старинные монастыри), Тамбов (где намечалась прогулка по набережной Цны) и обратно в Тулу.

Кудыкина гора не разочаровала: погода, природа, животные и забавные арт-объекты. Скучно не было. Отель, в уютных интерьерах которого оказалось немало антикварных вещей, порадовал уединением и великолепным ужином возле камина.

Задонск, с его небольшими домами 19-го века и величественными храмами, обещал путешествие в прошлое. Оно и случилось, но совсем не так, как мы предполагали.

Оставив машину недалеко от торгового центра, мы прошли всего чуть-чуть, как я замерла перед необычным домом, точнее, дом-то был обычный, а вот фасад его сразу привлек внимание. На вывеске написано: «Музей пресы», причем слово пресса написано с одной «с», а недостающая буква вставлена в галочку сверху. Смысл понятен: не надо бояться делать ошибки, главное — вовремя их исправить. На козырьке над входом фотокорреспондент нацелил на нас камеру. Манекен выглядит весьма убедительно, поэтому на всякий случай я улыбаюсь.

На пороге появился мужчина. Заинтересованно на нас посмотрев, предложил:

— А не хотите ли зайти? У нас, правда, сегодня закрыто, но…

— Конечно, хотим.

Интуиция мгновенно подсказала приключение.

Музей называется «Антресоль». Пригласивший нас мужчина — его вдохновитель и организатор Александр Косякин, а еще он журналист, писатель, режиссер документального кино и просто очень увлеченный человек. В его хозяйстве собственная видеостудия, более пяти тысяч экспонатов, около ста тематических манекенов в полный рост, каждый из которых «ведет свою партию», так доходчиво погружая посетителей в происходящее, что теряешься во времени.

Вот, к примеру, настоящая медвежья шкура с балалайкой, водкой и березовым веником — намек на то, как Запад Россию представляет. А вот над ямщиком, что прямо с облучка присел на монитор, вечный наш лозунг: «Мы все равно им покажем кузькину мать!» У входа пристроился нищий, он держит на ладони простой медный крест. И подпись: «В 1612 году во время сбора средств на ополчение против поляков в груде злата-серебра нашли простой медный крест. Его отдал нищий — все, что у него было…»

Коллекция символов и ошибок. И не только грамматических. На стене распятый зэковский ватник, как символ, как трагическая ошибка эпохи.

Рассматривать детали можно бесконечно, наполняясь глаголами: думать, сравнивать, ужасаться, надеяться, улыбаться, задавать вопросы и искать ответы.

Несмотря на некоторую хаотичность, нарочитую крикливость, смешение стилей, когда разудалая сатира вполне уживается с теплом ушедших в прошлое предметов быта, все равно остается ощущение целостности экспозиций, где каждая деталь продумана, продумана Александром Косякиным, кстати, большинство манекенов, с живыми лицами, в движении, он делает сам.

Зачарованные, смотрим, слушаем, забыв о времени. Но все когда-нибудь заканчивается. И нам пора отправляться в Тамбов.

Прощаемся с Александром, удивительно-талантливым человеком, подарившим нам увлекательное путешествие в прошлое, настоящее и, наверное, будущее, потому что за входной дверью обнаружился еще один манекен, поначалу незамеченный,— мужичок в потертой куртке. Он держит в руках табличку, на которой написано: «а давайте забудем все обиды, будем пить чай и гладить котов».

А давайте!

«Антресоль», оказывается, это не склад старых газет и типографских заготовок, а живое, неформальное, по-журналистски насыщенное информацией пространство, в котором для каждого обязательно найдется что-то важное, что не отпустит, напомнит о себе еще раз.

Меня не отпустил небольшой листок, на котором очень коротко рассказывалось об одном поэте-фронтовике. Зацепили стихи — резкие и откровенные. Запомнилось яркое имя (Ион Деген) и несколько фактов из его биографии.

Буквально через несколько дней после поездки (очередное подтверждение тому, что случайностей не бывает) приятельница, регулярно балующая меня своими литературными изысканиями, прислала на электронную почту файл с подборкой текстов об этом поэте — интервью, стихи, воспоминания.

Оказывается, война для шестнадцатилетнего Иона началась на десятый день после ее объявления. При горкоме комсомола был организован добровольческий истребительный батальон, из учеников девятых и десятых классов школ Могилева-Подольского.

В декабре 1944 года, уже лейтенант-танкист, Деген написал самое известное стихотворение, у которого оказалась непростая судьба. Долгое время оно считалось народным, его читали, переписывали с многочисленными искажениями, вариантов было несколько. И только в конце восьмидесятых годов выяснилось, что его написал Ион Деген, ас-танкист, человек-легенда.

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай, на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.

Всю войну Ион Деген провел на передовой, сначала в разведке, затем командиром танка Т-34, до конца

войны — командиром танковой роты. Попадал в сложные ситуации. Несколько раз его машины подбивали. Получил серьезнейшие ранения, в благополучный исход которых не верили врачи. Но каждый раз, после поправки, непременно возвращался в строй. Перенес семь пулевых ранений, в мозгу остался осколок, верхняя челюсть собрана из кусочков раздробленной кости, изуродована правая нога.

Но наград больше чем ранений. Боевые ордена: Красного знамени, Отечественной войны I степени, два ордена Отечественной войны II степени, медаль «За отвагу» (которой очень дорожит), польский орден Крест Грюнвальда, множество медалей. Его пиджак с прикрепленными к нему наградами, весил почти шесть килограмм.

Еще в госпитале он решил стать врачом. В 1951-м году закончил с отличием мединститут. Несмотря на то, что израненные руки плохо слушались Дегена, он своего добился — стал искусным врачом-травматологом и ортопедом. Для гибкости пальцев вязал узлы, для укрепления мышц носил тяжелую трость, заполненную свинцом. В течение нескольких десятилетий врачебной практики при операциях не использовал большой палец правой руки (не мог физически), но пациенты об этом даже не догадывались. А в 1959-м первым в мире провел реплантацию верхней конечности — пришил оторванную руку трактористу.

Защитил кандидатскую, докторскую, писал научные статьи, а также рассказы, документальную прозу и стихи, в которых нет многословности, фразы отточены и даже резки, но каждое слово пулей вбивается прямо в мозг. Своеобразная прививка от враждебности и воинственности.

Однажды в интервью его спросили, что такое для него война сегодня. После раздумий Ион Лазаревич ответил названием своей книги — «Война никогда не кончается». И пояснил: «Она действительно никогда для меня не кончается. Она всегда продолжается. И очень многие вещи воспринимаются сквозь нее. До сих пор мерилом многих вещей, мерилом моего поступка является то, как бы я повел себя в такой ситуации там, на войне. … Война — тот метр, которым я измеряю расстояние своей жизни».

ДОЛГОЕ МОЛЧАНИЕ

Стихи на фронте. В огненной реке
Не я писал их — мной они
писались.
Выстреливалась запись
в дневнике
Про грязь и кровь, про боль
и про усталость.
Нет, дневников не вел я
на войне.
Не до писаний на войне
солдату.
Но кто-то сочинял стихи
во мне
Про каждый бой, про каждую утрату.
И в мирной жизни только боль могла
Во мне все тем же стать
стихов истоком.
Чего же больше?
Тягостная мгла.
И сатана во времени
жестоком.
Но подлый страх, российский старожил,
Преступной властью мне
привитый
с детства,
И цензор неусыпно сторожил
В моем мозгу с осколком
по соседству.
В кромешной тьме, в теченье лет лихих
Я прозябал в молчании убогом.
И перестали приходить стихи.
Утрачено подаренное Богом.

Ион Лазаревич Деген, писатель, поэт, ученый и врач, умер 28 апреля 2017 года в Израиле, не дожив пары месяцев до 92 лет.

Ирина НИКОЛЬСКАЯ

г. Алексин Тульской области

Полынкина Ирина Юрьевна (Ирина Никольская) родилась 23.06.1962 г. в г. Алексине Тульской обл. Окончила школу с отличием, институт с красным дипломом. С 1992 г. работает в отделе соцзащиты населения по Алексинскому р-ну ГУ ТО «Управление социальной защиты населения Тульской обл.» Публикуется в газете «Православный Алексин» и альманахе «Ковчег» (г. Тула). Член Алексинского литобъединения «АЛЛО». Православные статьи пишет по благословению протоиерея Андрея Чекмазова — Благочинного Алексинского округа. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ОЧИСТИ ДУШУ СВОЮ...

… Так бывает, что Господь, желая помочь человеку, подсказывает ему иногда во сне о должном направлении жизненного пути, которое необходимо выбрать человеку во Спасение своей бессмертной души.

Такое было и со мною, и с моими знакомыми.

Моя близкая подруга Ольга является тихой, скромной женщиной. Со стержнем… Она — верующий человек, теперь воцерковленный. Трепетно относится к православной молитве, православным святыням. Все ее существо, ее дух излучают мягкость и искренность характера. Недаром говорят среди православных людей, что смиренный человек богат любовью. Это относится и к моей Ольге.

А путь к Богу у Ольги начался со сна. Сон определил дальнейшее направление всей ее жизни.

Содержание сна было следующим… Идет Ольга ночью по родному микрорайону нашего города, где в основном жилой частный сектор, и видит, что рядом с ней идет мальчик в тюбетейке, который ведет ослика. А кругом разбойники лютые и нечисть всякая. Страшно… И этот мальчик проникновенно говорит Ольге: «Очисти душу свою». Таких слов она раньше и не слышала.

Проснувшись утром, Оля вспомнила про сон. Рассказала про него воцерковленной подруге. Про церковь Ольга тогда ничего не знала, в православный храм не ходила, не молилась. Но, сон сильно тронул и зацепил ее сердце. Задумалась она… Да и подруга посоветовала ей начать ходить на службы в храм, потому что знала о силе таинства исповеди и причастия.

Теперь посещение храма, его богослужений стало для Ольги насущной потребностью жизни. Без церковной молитвы, таинства исповеди, причастия она не видит смысла своей жизни. Спаситель Христос реально вошел в ее жизнь, одухотворил ее. Оля и помыслить не могла, что Христос так может преобразить ум, душу. Сердце умягчилось, наполнилось любовью ко всему и вся. Коснувшаяся сердца Благодать подарила радость молитвы и уединения. Пришло примирение с обстоятельствами жизни. Только с Богом, по словам Ольги, она почувствовала настоящее счастье в душе. Свет Христовой Любви вошел в ее судьбу. «Кто боится только одного Владыки, тот не приходит в страх». Душа горделивая — есть раба страха.

Надо трудиться, надо молиться, посещать церковные службы, принимать участие в таинствах церкви, смиряться. И душа возрадуется, почувствует единение с Божественной любовью, а значит, обретет целостность и спасение во Христе. Уйдут из жизни обиды, боль, разочарование, пустота… Христос дарит новое содержание жизни, новое осмысление, новую дорогу! Душа примиряется с Богом. А, значит, все хорошо! Значит, ты не один! Ты с Богом! Ты счастлив!

Василий ТАРАКАНОВ

г. Алексин Тульской области

Тараканов Василий Васильевич — коренной житель г. Алексина 1959 г. рождения. Образование среднее техническое и среднее юридическое. В настоящее время пенсионер. Поэт и прозаик. Автор многочисленных стихов и песен.

ЗАРИСОВКА ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

И вот он — мой новый объект, отслуживший свое, послевоенный дом, который в конце жизни, по воле случая, стал площадкой для сьемки кинофильма.

Захожу вовнутрь. Передо мной просторная комната, образованная путем удаления четырех дощатых перегородок. Я такие уже видел в соседнем помещении. Они сделаны из не струганных досок, обитых с двух сторон дранкой и оштукатуренных известковым раствором. Звукопроницаемость по всей видимости изумительная, ну что поделать — вероятно в те годы была распространена такая вот технология. А сами перегородки в соседних квартирах были частью обгоревшие, а частью разрушенные. Полы, где есть, где нету, и все завалено мусором, старой мебелью, битым стеклом, и, конечно же, кругом летают целые полчища мух. Приглядываюсь к проему в стене и … опаньки, как это сейчас модно говорить во всех новорусских сериалах. К чему это я о сериалах? — Подождите чуток, скоро поймете. Ну, да ладно, бог с ними с сериалами, что это за опаньки я в проломе-то разглядел? — Кладка 3/4 кирпича. Да, такого я еще нигде не встречал. Я себя строителем не считаю, хотя пришлось мне и на стройке немного потрудиться. Но тем не менее знаю, что стена должна быть сложена либо в полкирпича, это когда кирпич укладывается вдоль стены, либо в кирпич, когда кладка делается поперек стены, и ни как иначе, а тут на тебе в 3/4. Причем кладка сделана из половинок, а сбоку, то справа, то слева, четвертинки примастырены. А бывает и две половинки поставлены на ребро, а между ними раствор залит. Ай да строители, ай да выдумщики! Видать не только русская голь на выдумки хитра, а и у немецкой голи с этим все в порядке. А при чем же здесь немецкая голь спросите вы, а при том — ведь этот дом строили немецкие военнопленные! И построены эти домишки, по всей видимости, как временные жилища. Но тем не менее в соседних бараках того же типа люди до сих пор живут, и ничего, не жалуются, да и кому собственно говоря жаловаться, это ж вам не Москва, а обычный уездный городок, каких по всей России тысячи. И коль не втемяшилась бы в голову кинорежиссера идея снять здесь фильм, и в этом доме тоже б жили. А вот у нас на Петровке (Петровкой у нас зовут микрорайон Петровское, это там, где я живу), так вот у нас на Петровке княжеский особняк стоит, никому как бы и не нужный, никто в нем не живет, власти видно не дают им пользоваться, и неизвестно, в чей он собственности находится. Кстати, у нас не один только особняк в таком состоянии, у нас и баня точно так же подвешена. Вроде как есть, причем в удобном месте возле пруда, а вот париться-то негде. Поди вот, разберись в этих чиновничьих коллизиях. Ну, нет же, разобраться-то оно конечно можно, и ума для этого большого не потребуется, да вот только кто тебе даст это сделать — жаловаться-то у нас некому. Да, такой вот у нас микрорайон, такой у нас город, такая уж у нас страна. Так вот стены в этом особняке, принадлежащем когда-то потомку самого Рюрика в двадцать каком-то поколении по мужской линии, того самого Рюрика, которого считают основателем государства Российского (ну, это, конечно, если верить нормандской теории, которую так усердно насаждали нам в школе идеологи коммунизма, не иначе как решили, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс находятся в каком-то родстве с Рюриком — другого разумного объяснения этому феномену я не нахожу), но как бы то ни было стены в этом особняке толщиною аж в три с половиной кирпича! Как раз для наших русских морозов, да и в июльскую жару в таком здании прохладно. А кирпич-то какой?! — Наши местные вандалы уже давным-давно крышу и все деревянные детали на сараи разобрали, которые тут же рядышком и сгородили, а вот стены так им и не поддались. Поливает их дождь, мороз разорвать стремится на части, а им хоть бы хны. Вот какой кирпич, вот какой раствор наши предки делать умели, не чета нынешним. Вот что значит — на века строили. И что же это вот получается, времянки построенные на скорую руку стоят и стоят, и еще бог весть сколько лет стоять будут (ведь с момента развала СССР строительство жилья для обычных граждан в нашем городе не ведется, лишь немного для самых богатых, и потому надеяться жителям этих бараков не на что), а то, что добротно, с душой на многие, многие века построено, отдано на волю стихии, заброшенное и бесхозное? И в точно таком же состоянии находится графская усадьба неподалеку отсюда, в деревне Колосово. Смотрят простые люди, патриоты российские на эти некогда изумительнейшие архитектурные жемчужины града Алексина, и сердца у них кровью обливаются. Ну, а те, что наверху — нет, не уважают они свою Родину, не восхищаются ее историей, видать, все мысли у них о заграницах. Да, впрямь как в той поговорочке: красные пришли — люди в бараках живут, белые пришли — в тех же бараках, зеленые придут — и при них бараки стоять будут. Ну, какой у нас город, какая страна, я уже упомянул, повторяться не стоит, лучше расскажу, какое «опаньки» я еще в проломе увидел. Да, точно, заморочки этой немецкой стеночкой там не за-

канчиваются. И вот в этот самый пролом русские мастеровые люди вмонтировали старый ржавый ЛИАЗ — автобус советских времен.

Строители эти сейчас ушли, устроили забастовку по случаю невыплаты заработной платы. Что, конечно же, немного успокаивает — не один я такой вот кинутый на просторах России-матушки маюсь, или уж если точнее — России-мачехи, вот так-то оно правдивей будет. Что поделать, так вот она жизнь наша устроена — кому мать родная, а кому мать твою. Кидальщикам, халявщикам она, конечно же, мама родная, ну, а нам сиротам… Ну да ладно, хватит об этом, надоело, и так все ясно. Вопрос только в том: любят ли сынки ее также, как мы, пасынки? — Вот в этом и состоит парадокс нашей российской действительности. А им что, кинул, развел, украл, раздербанил и… пожинай-пожирай плоды своей низости где-нибудь в Англии, Турции, или на Канарах. Раньше у нас было модно говорить — это сладкое слово свобода, ну, а сейчас было бы уместно сказать — это сладкое слово халява. И все эти халявщики-кидальщики, все эти рейдеры скрытые и открытые в один голос заявляют, что они заработали собственным трудом многомилиардные состояния. И это всего-то за каких-то там пару лет — даже на диком западе такого не было! Да вот только никто из моих знакомых, кто честно работал, не то что олигархом не стал, но и толком разбогатеть не смог.

И вот по причине отсутствия строителей выхожу через автобус-вестибюль на улицу. Да, по всей видимости, эта дизайнерская находка должна была стать изюминкой фильма, который здесь собираются снимать — «Курьер из рая», так вроде бы он будет называться, хотя, по правде сказать, точно не знаю. Я здесь впервые и поэтому с некоторым удивлением наблюдаю все меня окружающее, но вместе с тем и не без сарказма.

Напротив автобусной двери — пара наскоро сколоченных парничков, причем один из них стоит прямо на дороге, на брущатке, по имени которой и называется этот поселочек — Брущатка. Да, надо как-то вот очень виртуозно вести сьемку, чтобы зритель не заметил, что помидоры на камнях растут.

Рядом с парничком стоит уже довольно-таки немолодая женщина, которая при моем появлении рассыпалась в пышных по ее понятиям любезностях: «Ах, как это красиво, как же это все красиво,— не переставала говорить эта слегка перезрелая дама,— большое вам спасибо!» Все продолжала и продолжала говорить она мне, а я все не мог взять в толк, о чем эта женщина так возбужденно рассказывает. А она повторяла снова и снова: «Как это прекрасно! Смотрю я из окна, а он красит, красит, как же это все красиво!» Наконец-то до меня стало доходить, что она хвалит какую-то работу строителей. Мне стало неловко, и я попытался открестится, сказав ей, что я не строитель, а всего лишь охранник. Но это ее не остановило, и она все продолжала хвалить и восхищаться, так оживленно и восторженно, что я невольно попытался отыскать причину ее восторгов и похвал. Но ничего кроме облупленных стен ветхих домов и ржавого автобуса так и не увидел. Но тут в поле моего зрения попала крохотная детская площадка, сделанная строителями из подручных материалов и окруженная оградой из старых, отслуживших свой срок покрышек, которые были раскрашены в белый и голубой цвет. Я как-то сразу не разглядел ее среди бурьяна окружавшего старые, давно не ремонтированные дорожки и проезды. Да, конечно же, это прекрасно, что у детей наконец-то появилось обустроенное место для игр, впервые за шестьдесят лет с момента постройки этих вот домишек.

Но женщина почему-то смотрела в противоположную от площадки сторону. И вот ту-то я стал подозревать неладное, уж очень неестественно она себя вела.

Разгадка не заставила себя ждать. Из подъезда напротив нас показался парнишка, в руке у него было что-то вроде пластмассового бидончика, внутри которого виднелась прозрачная жидкость. Увидев ее, англичанин бы воскликнул: «О, это домашний виски?!» Но жителей этого местечка емкость нисколько не удивила, видно это было для них делом обычным. Но тем не менее, беседующая со мной дама еще больше возбудилась и стала еще громче восклицать. Поравнявшийся с нами молодой человек что-то ей невнятно поддакнул, на что женщина как-то глуповато улыбнулась и устремилась вслед за парнем, продолжая бормотать — «Как красиво, как красиво, спасибо, спасибо вам…»

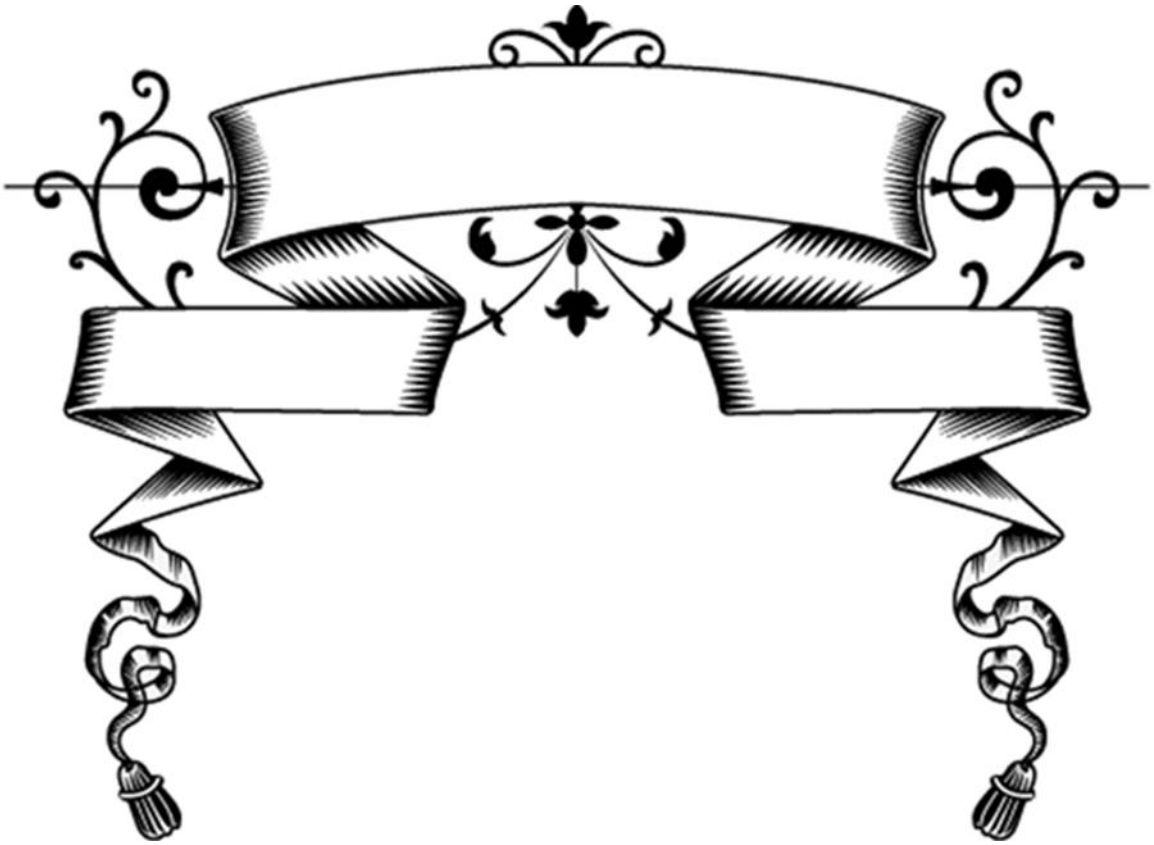
Я проводил их взглядом, а сам подумал: «Да видать не греют стены, построенные немецкими военнопленными кое-кого из местных жителей, и поэтому они начинают прогревать себя самодельным зельем аж с самой середины лета, чтобы к пику зимних холодов быть в хорошей физической форме.

И вот тут-то мне вспомнилась Москва, незнающая ни в чем недостатка, суетная столица, ведь деньги в нее стекаются со всей сраны. И вот сидел я как-то раз в ухоженном московском дворике, ждал, когда нужный мне магазин откроется, и что же я там увидел? — Роскошная по нашим меркам детская площадка, удобные лавочки для отдыха и… такие же пьяные рожи, что и у нас, на заросшей бурьяном Брущатке. А проходящие мимо милиционеры — ноль внимания. Но покажись им там трезвый, как стеклышко, гастарбайтер — ободрали бы как липку. Они бы и до меня домотались, если б знали кто я. И не потому что я совершенно не употребляю вот эти самые горячительные напитки, отнюдь нет, а потому что я из провинции, в чем убедится возможность у меня была не раз. И плевать им на конституционные права граждан России, тем более я вполне уверен, что конституцию многие из них и ни разу-то не открывали. Зачем, скажите, пожалуйста, халявщкам конституция? Да, в советские-то времена отношение к милиции было совсем другое. Так и хочется воскликнуть: «О, времена, о нравы!» Выручает меня лишь то обстоятельство, что я, как и коренные жители столицы, являюсь потомком племени Вятичей, так что ни по говору, ни по вешнему виду отличить меня от москвичей невозможно, а документы у всех не напроверяешься. Слава богу, ну хоть с этим повезло. Но нет же, конечно, нет, не одних вятичей мы потомками являемся, я имею в виду жителей нескольких областей центральной России, но еще и финнов, балтов, татар, ну куда же без них родимых? И здесь я нисколько не

иронизирую, поскольку эти народы приняли самое активное участие в генезисе Великорусской нации. Даже вот самый любимый и почитаемый герой русского фольклора Илья Муромец был ни кем иным, как поволжским финном, потому что слово Муромец, ставшее со временем именем собственным, это же не фамилия, не прозвище, а национальность! Жило-было когда-то на берегах Оки финское племя Мурома, столицей которого и был всем известный нам еще с детства город Муром. Впоследствии оно целиком и полностью растворилось в русском этносе, как, впрочем, и многие другие племена, в том числе и славянское племя Вятичей. Единственным отличием является то, что Российское государство начало формироваться на территории, которую к тому времени вятичи очень хорошо освоили, и где они всецело доминировали, и поэтому-то диалект этого племени стал базой русского литературного языка. Вот такая взаимосвязь прослеживается между средневековой Россией и нынешней московской милицией.

Ну, да ладно, вернемся в старинный град Алексин, к тем домишкам, что Брущаткой зовут. Не знаю, про что там собрались фильм снимать, но вполне могу предложить свой сценарий. Самогон, халява и ржавый советский автобус, проломивший тонкую стену российской демократии, заложенную еще немцами, ну в смысле западом, ведь на Руси в начале средневековья всех иноземцев пришедших с запада и не говоривших на славянском языке называли немцами, то есть немыми. А вот все старорусские беды, такие как пьянство, мздоимство и воровство живут здесь и поныне, как те толстые стены особняка князя Тюфякина, несмотря ни на что. Ведь с воровством и мздоимством еще Петр первый боролся, не покладая рук, хотя и сам был изрядным кутилой (ну это он, видно, так своеобразно западную демократию понимал), но умер Петр Великий, не сумев побороть это зло. А главный халявщик того времени, Александр Меньшиков, заметно пережил своего благодетеля, успев кое-что прикарманить и при последующих правителях. Вот так, или примерно так, мне хотелось ответить тем молодым людям, которые время от время подходили ко мне и спрашивали — «Про что кино снимают?» Ведь наверняка это фильм они никогда не увидят, и со мной встретиться у них вероятность мизерная, а если даже встретят, не узнают, не вспомнят. Но врать, пускай даже художественно, это не мой стиль, уж таким я появился на этот свет.

И вот тут, когда мне уже хотелось поставить заключительную точку в своем повествовании, из открытого окна, напротив стоящего дома, донеслась пьяная, нудная, противная песня, и моя точка невольно расплылась в жирную и грязную кляксу.



РОССИЙСКОЕ РОДОСЛОВИЕ

СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ ЕВГЕНИЙ ТРЕЩЕВ
ЕВГЕНИЙ ШЕПЕЛЕНКО

Сергей ЛЕБЕДЕВ

г. Тольятти Самарской области

Родился в 1949 г. в Рязанской обл. Член РСПЛ (Самарская региональная организация). Член редколлегии альманаха «Параллели» (г. Самара). Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Дипломант и лауреат многих российских и международных конкурсов. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

Мой отец, подполковник Лебедев Александр Николаевич, не совершил героического подвига. Не участвовал в военных сражениях Великой Отечественной войны. Он просто жил в двадцатом веке и выполнял свой долг офицера и гражданина.

О том, как деревенский парень с шестиклассным образованием, будучи призван в 1939 году в Красную Армию, прошел действительную военную службу от рядового красноармейца до подполковника, командира военно-строительной части, я рассказал в художественно-публицистической повести «Мой отец — офицер». Когда началась Великая Отечественная война, отец служил наводчиком в 64-м стрелковом полку, 94-й стрелковой дивизии Забайкальского военного округа. О событиях того времени в ЗабВО и рассказывается в представленном отрывке из повести.

«ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ…»

В апреле 1940 года вместо К. Е. Ворошилова наркомом обороны СССР назначается маршал С. К. Тимошенко. Только что окончившаяся война с Финляндией потребовала срочного внесения коррективов, которые и были определены в изданном новым наркомом обороны приказе. Приказ содержал целый ряд существенных предложений по организации учебы личного состава РККА. Начиналась усиленная подготовка в войсках с проведением боевой учебы в зимних лагерях.

Наступившей зимой, с декабря 1940 года, 64-й стрелковый полк большую часть времени проводил в лагерях. Поднятые по тревоге командой «В ружье!», красноармейцы запрягали лошадей, становились на лыжи и колоннами с орудиями делали марш-броски километров на десять по лесам и сопкам Читинской области.

Наводчик-ездовой Лебедев с винтовкой, с противогазом, с ранцем и выкладкой, с саперной лопаткой в чехле у пояса выводил на мороз лошадей. Бойцы орудийного расчета помогали ему запрягать. С командиром орудия Александр садился на передок, красноармейцы на станину орудия, и начиналась изнурительная армейская работа.

Колонна останавливалась в продуваемом ветрами поле, а порой где-нибудь в заснеженном лесу, и сразу же поступала команда: «Рыть землянки. Устраиваться!» Долбили мерзлую землю, валили сухостой, делали себе землянку на взвод, укрытия для лошадей. В землянках обогревались, разжигая костры, сушили одежду, плача и задыхаясь от дыма. Выставляли дозоры, секреты, питались из полевой кухни, днем на морозе выводили орудия на огневые позиции — и так несколько дней подряд, как на войне.

Опыт проведения военных операций в Финляндии заставил командование Красной Армии серьезнее относиться к подготовке ведения военных действий в зимних условиях.

* * *

Замерзшие, все в инее, от лошадей валит пар, но полковые пушки с расчетами прибывают на позицию. Запряжки из четырех лошадей отъезжают в стороны, на заранее выбранные для них укрытые места. Каждый расчет устанавливает свою пушку, направляя ствол орудия в сторону предполагаемого противника.

Слышится команда: «К бою!». Александр снимает чехол с прицела, берет панораму и устанавливает ее на прицеле, боковым зрением он видит, что все красноармейцы действуют деловито и слаженно, строго по уставу. Ведь каждый знает свое место у орудия и потому работает без суеты, без лишних движений. Через полминуты все расчеты орудий готовы к бою.

Наводчик Лебедев смотрит в окуляр панорамы, и вся местность кажется ему значительно ближе, чем он видел ее невооруженным глазом. Поворачивая головку панорамы, Александр осматривает местность вправо и влево от орудия.

Впереди между деревьями мелькнула сделанная из бревен и досок мишень танка. Поймав ее в перекрестие прицела, Лебедев громко докладывает: «Вижу цель. Наводка закончена». Командир орудия сержант Игнатов командует «Огонь!». Заряжающий быстрым движением правой руки вталкивает патрон в ствол. Замковый тотчас закрывает затвор. Александр еще раз быстро проверяет наводку, берется за рукоять спускового механизма и докладывает «Готово!». Громкая команда «Орудие!» — и сразу же раздается выстрел.

Пушка вздрагивает, ствол ее быстрым движением устремляется назад, как будто хочет сорваться с лафета, но что-то его удерживает, и он плавно, без всякого шума, возвращается на свое место. Замковый открыва-

ет затвор и на землю со звоном вылетает стреляная гильза.

Александр снова наводит сбившуюся слегка панораму, видит, что снаряд взорвался справа от мишени. Делает поправку и орудие вновь готово к стрельбе.

Не освобождались артиллеристы и от ночных пеших марш-бросков. Снова они подняты по команде «В ружье!». А ведь прошло всего два часа после отбоя. Но красноармейцы уже в строю. Ночное небо яркими звездами удивленно смотрит на колышущуюся среди снегов колонну солдат. Снег жалобно, и сочувствуя, поскрипывает под ногами сотен человек. Впереди виднеется только спина с заиндевелой винтовкой и вещмешком. В строю молчание. Порой слышны только резкие, одинокие слова, нарушающие тишину ночи. Идти становится все труднее, кажется, что не будет конца-края этому изнуряющему маршу. Вдруг Александр замечает, как идущего перед ним красноармейца повело-повело куда-то в сторону: спит. А потом и его сзади одернули: он заснул. Позади колонны обязательно идут несколько сержантов. Они замыкающие. Помогают солдатам, выбившимся из сил.

Наконец, спасительная команда «Стой!» — и все сразу же валятся на снег, плотно прижимаются друг к другу и немедленно засыпают. Александр оказывается в середине этой кучи солдатских тел. Ему тяжко, но тепло. А тем, кто оказался с краю хуже всего, их продолжает жечь холодный неласковый, забайкальский ветер.

«Вста-а-а-ть!» — слышит он сквозь сон приглушенную команду. Ничего не понимая, действуя, как заведенные механизмы, снова ощутив дикий ночной холод, красноармейцы, пошатываясь, продолжают движение. Александр вместе со всеми автоматически подчиняется ненавистной команде: «Продолжать движение!».

И снова изнурительный, полудремотный, но все-таки ритмичный шаг, перемешанный с минутами полузабытья во сне на ходу. Так всю ночь. Тяжело в учении…

И никто их них не знал, что именно в эти зимние дни, а точнее, 18 декабря 1940 года, в далекой Германии, Гитлер подписал директиву №21, более известную как план «Барбаросса». План уничтожения славянской расы, который был узаконен распоряжением начальника штаба верховного командования вермахта генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем через пять месяцев, а именно 13 мая 1941года. Распоряжение определяло порядок подсудности в армии Германии в районах действия плана «Барбаросса». Гитлер давал солдатам вермахта своего рода индульгенцию — делать с советскими людьми что угодно и не нести за это никакой ответственности по закону. Так советские граждане, «недочеловеки», еще до наступления военных действий были приговорены к смерти. А до вторжения фашистских орд и начала Великой Отечественной войны оставались считанные дни…

В воскресенье, июньским утром, личный состав 64-го стрелкового полка 94-й стрелковой дивизии Забайкальского военного округа по сложившимся в Красной Армии правилам подняли в восемь часов, вместо шести, как это было в обычные дни. Никто не вздрогнул в казарме от команды «Подъем!», воскресный день начинался по установленному порядку.

После зарядки и завтрака красноармейцы занимались личными делами. Из красного уголка казармы слышался заливистый голос гармошки, веселый смех, ритмичный стук каблуков. На спортивной площадке громкие хлопки городошных бит и крики болеющих за игроков солдат.

Вдруг, неожиданно, истошные крики дневальных «В ружье!» всполошили спокойное воскресное состояние отдыхающих красноармейцев. В считанные минуты батарея, в которой служил наводчиком Александр Лебедев, была построена около казармы в полной боевой выкладке. Стихли звуки на спортивной площадке, замолчала веселая гармошка. В строю многие ворчали: «Не дают покоя даже по воскресеньям. Тревогу решили устроить».

Прибежали командиры взводов, за которыми были посланы вестовые. С встревоженным видом командир батареи лейтенант Павлов приказал старшине Дзюбе проверить наличие всего личного состава в строю перед казармой, чтобы ни один солдат не остался в помещении. Командиры взводов смотрели на Павлова, удивленные не меньше красноармейцев неожиданной тревогой. Осмотрели подчиненных, проверили все: оружие, ранцы, противогазы, саперную лопату.

К Павлову подбежал дневальный: «Товарищ лейтенант, разрешите обратиться!» — «Слушаю» — «Позвонили из штаба. Приказано вскрыть пакет с красной полосой!» — «К телефону! Бегом!» — дневальный умчался на свой пост к телефону.

Когда Павлов в своем кабинете вскрывал пакет, он бросил привычно взгляд на наручные часы. Было двенадцать часов дня местного забайкальского времени. Полдень воскресения 22 июня 1941 года…

Красноармейцы стояли, не шелохнувшись, наблюдая с недоумением за происходящим. Снова из казармы выбежал дневальный и вызвал всех командиров взводов к Павлову. А еще через минуту батарея в составе трех огневых взводов и взвода управления на полном скаку неслась в сторону китайской границы.

Прибыли на заранее намеченные командованием Забайкальского округа рубежи. Орудия установили стволами в сторону границы, расчеты заняли свои места около орудий. Александр приник к прицелу, стараясь рассмотреть в него какое-нибудь движение. Но до границы было довольно далеко, а в рощах и кустах листву шевелил только ветер. В небе звенел жаворонок. И вспомнилась ему первая пашня в Югарах, родные места, Ветлуга. Глаза матери и отца, провожавших его почти два года назад в армию. Чуть больше года оставалось ему до окончания срока службы, но он уже строил планы на будущее, и обдумывал свое возвращение

домой.

Командир взвода лейтенант Миронов, выбитый из колеи воскресного отдыха, пытался проводить с личным составом занятия, но сегодня у него это не очень получалось. Да и красноармейцы чувствовали, что он был чем-то встревожен.

Солнце уже катилось к горизонту, когда вдали на дороге, со стороны расположения полкового городка, показался скачущий всадник. На всем скаку осадив лошадь так, что она встала на дыбы, всадник, как вихрь, влетел на батарею.

— Товарищ лейтенант, война с Германией! — выпалил вестовой, спрыгнув с лошади и подбежав к Павлову.— Приказано возвращаться в полк!

— Доложите обстоятельно,— потребовал от вестового комбат.

— По радио только что выступил товарищ Молотов и сообщил, что началась война с Германией! — снова повторил вестовой.

Огорошенные такой новостью красноармейцы сгрудились около лейтенанта и докладывающего ему вестового.

— Как же так, товарищ лейтенант, ведь у нас с Германией пакт о ненападении?

— Как же поверили фашистам?

Посыпались со всех сторон возмущенные вопросы, а кто-то вдруг выразил восторг:

— Ну, теперь мы дадим жару этим немцам!

Павлов молча взглянул на говорившего, повернулся и направился к стоящим в укрытии лошадям. Вскочив одним махом на своего Орлика, поправил фуражку и громко, с высоты своего положения, скомандовал:

—Батарея! К маршу!

Пыль поднялась над дорогой, стук колес, металла, крики команд наполнили звуками тишину забайкальского вечера. Батарея уже в темноте вползла на территорию полкового городка, стволы пушек глядели в звездное небо, а может быть, и в сторону западной границы СССР. Так для 64-го стрелкового полка 94-й стрелковой дивизии Забайкальского военного округа началась война. С проверки боевой готовности личного состава.

Сводки с фронтов были весьма туманны, из газет, которые почему-то стали приходить реже, мало что можно было узнать. Все скрывалось за энскими направлениями и энскими частями. Однажды на политзанятиях политрук прочитал статью под названием «Киев есть и будет советским!», и его кто-то спросил: «А что, немцы окружили город Киев?» На что политрук ответил: «Проводится временный отвод наших войск и подготовка их для решительного удара. А вообще, товарищи красноармейцы, побольше налегайте на боевую и политическую учебу, а вопросов задавайте поменьше. Военное время требует от всех концентрации сил и полной отдачи ради общей победы!»

Вопросы на политзанятиях стали задавать реже, но число их не уменьшилось в головах красноармейцев. «Как же глубоко вклинились вражеские войска?» — «А что творится на других направлениях?»

Горькие неудачи, выпавшие на долю Красной Армии в начале Великой Отечественной войны, отразились и на условиях службы в Забайкальском военном округе. Боевая подготовка личного состава ужесточилась. Продолжались марш-броски в полной боевой. Полк преодолевал по пятнадцать, двадцать километров, а то и все шестьдесят. Выходные в Красной Армии были отменены, отводилось лишь по два часа на «свободное время». В практику вошел «час мучений», как его назвали солдаты. Это когда тренируют отбой и подъем и нужно раздеться и лечь за девяносто секунд, а полностью одеться, с оружием, за пять минут.

В октябре из ЗабВО уходят эшелоны с личным составом и техникой под Москву. Был отправлен на фронт и командир орудия сержант Игнатов. В петлицах у Александра заалело по два треугольника. Ему присвоено звание сержанта. Он командир орудия с ноября 1941 года.

И вот сегодня сержант Лебедев впервые самостоятельно руководит действиями орудийного расчета. Александр немного волнуется, но два года службы не прошли даром. Да и сержант Игнатов был настоящим командиром. Многому научился у него Александр. Особенно всегда его поражала выдержка, с которой Игнатов командовал орудием. Не было случая, чтобы он растерялся или повысил голос на подчиненных. Многое необходимо знать командиру орудия, но еще важнее сохранять выдержку и трезвый расчет. Ведь в боевых действиях минуты порой решают твою судьбу, а значит и судьбу подчиненных тебе людей. Очень хотелось Александру быть таким командиром.

* * *

Тяжко пришлось красноармейцам 64-го стрелкового полка зимой 1943 года. Чтобы была витаминная добавка в скудный солдатский паек, придумали заваривать сосновую хвою и в обязательно порядке раздавали это отвар каждый день. Из хвои варился темно-желтый густой и вязкий экстракт. Этот экстракт заставляли пить перед каждым обедом. Строго следили за тем, чтобы обед солдаты получали после приема стопки этого лекарства. Цинга была повсеместно. Голод был повсеместно.

Три месяца, с декабря 1942 по март1943, «воевали» в зимних лагерях за многие километры от расположения полка. Жили в снежных ячейках и простых землянках. Это так называемые «зимние квартиры». Мороз трещит — тридцать, сорок градусов. Одетые в старенькие шинели и «буденовки» времен гражданской вой-

ны, байковые двупалые перчатки, обутые в кирзовые сапоги или ботинки с обмотками, по глубокому снегу, по пересеченной местности вручную таскали на занятиях орудия, станковые и ручные пулеметы, винтовки и боекомплекты зарядов для пушки, рыли мерзлую землю, возводили окопы, огневые позиции и укрепления. Ели стылую кашу и замороженный хлеб, нарубленный топорами. Почти в каждой роте десятки красноармейцев были простужены и обморожены.

Стрелковый полк не вел боевых действий, находясь далеко на востоке от войны. Но еженедельно командиры рот докладывали о людских потерях. Гибли красноармейцы от обморожений, от несчастных случаев, от истощения. А проще — умирали голодной смертью. Более девятисот человек личного состава потерял 64-й стрелковый полк 94-й стрелковой дивизии Забайкальского ВО. Не участвуя в боевых действиях. Рвались красноармейцы на фронт не только для защиты Отечества, но и спасая себя от голодной смерти. Кто может сказать им хоть слово упрека за это?

«Про нашу жизнь, Сано, расскажу тебе следующее,— читал Александр в одном из писем, которые получал из дому очень редко.— В колхозе работают одни женщины, старики и подростки. Всех колхозников от двадцати до тридцати пяти лет мобилизовали. Работаем почти бесплатно, за «палочки». Хорошо, что на огородцах уродилась картошка да моркошка. Мишка пошел учиться на тракториста, так что, когда ты вернешься, в семье будет уже двое трактористов. Тогда и заживем богато и весело. А сейчас одна забота у всех деревенских: «Все для фронта, все для победы». За один трудодень нужно прополоть четыре сотки. За четыреста граммов хлеба работаем без отдыха. Несешь его домой, откусить хочется, а нет, донести надо. Иван пишет, что воюет он в пятидесятой армии генерала Болдина. Пристреливает оружие для солдат. У Соловьевых воюет Василий, а на Ивана получили похоронку еще осенью сорок первого. Уж как Анна убивалась по нему. Михаил Киселев пропал без вести, с самого июня никаких от него известий. Мать наша Дарья Тимофеевна пока здорова, да и я не жалуюсь. Письмо пишет с моих слов Валентина. Будь здоров, сынок наш Саша».

Кормежка в полковой столовой скудела, нормы закладок в котлы убывали, животные жиры и мясо все чаще заменялись комбижиром, какой-то химической смесью, именуемой непонятным словом «лярд». Каша все более походила на варево, именуемое на Руси размазней. В жидком супе уже не рыбий кусок плавал, а какое-то бурое крошево то ли из рыбы, то ли из серой разварившейся крупы, то ли из картошки.

В мае 1943 года командир орудия,сержант Александр Лебедев становится членом ВКП(б). Было ли это сделано им осознанно и добровольно? У меня никогда не возникало по этому поводу сомнения. Как еще мог поступить в то время деревенский бесхитростный парень, ставший командиром орудия? Ведь военное время воспитывало понимание и значение патриотизма, происходили серьезные изменения в сознании людей. Вступление в партию не означало прибавления солдатского пайка или улучшения условий службы. А скорее наоборот, ведь теперь по тебе, как по коммунисту, еще больше будут равняться подчиненные. Бывало, конечно, что в партию загоняли или принуждали вступать по «рекомендации» парторгов, такие факты в неопубликованной истории КПСС имели место.

Парторг батареи научил Александра, как отвечать на вопросы, и тот уверенно рассказал биографию, поделился воспоминаниями о прошедшей службе, без запинки ответил по Уставу партии, и был принят единогласно. После выступлений коммунистов, когда стали голосовать, то все подняли руки. Парторг тепло поздравил Александра со вступлением в ряды большевистской партии.

Но Александр понимал, что на забайкальском рационе очень даже можно и не дожить до светлого дня Победы. Жидкий пшенный суп, когда «пшенинка за пшенинкой гоняются с дубинкой», вынуждал искать любую возможность изменить полуголодное существование.

В огне войны горели танки, гибли экипажи. Война перемалывала людей и все время требовала новых и новых пополнений. Тыл плавил сталь, точил снаряды, собирал танковые колонны. А для комплектации требовались танкисты: командиры танков, механики-водители, заряжающие.

И когда в июне 1944 года командиром полка было объявлено о наборе в танковое училище, Александр одним из первых подал рапорт о направлении на учебу.

А случилось это так. Однажды его вызвали в штаб. В кабинете командира полка сидел незнакомый майор с танкистскими эмблемами. На гимнастерке у него был орден Красной Звезды. Он цепким взглядом взглянул на Александра. Затем стал расспрашивать о его довоенной жизни. Узнав, что до армии Александр работал трактористом, сказал о наборе в танковое училище. Не задумываясь, Александр дал согласие.

Командиром орудия вместо него был назначен наводчик Пастухов. Прощаясь, они крепко пожали друг другу руки. Александр немного с грустью оглядел свой расчет. Худые, обветренные лица солдат. Каждый из них по-своему был ему дорог. И, несмотря на грусть расставания, в его душе теплилось радостное предчувствие. Предчувствие того, что изменения, которые ждут его в скором будущем, будут к лучшему. Он уже знал, что из танкового училища выйдет офицером, что учиться придется целый год. Училище находится в далеком и неизвестном городе Чарджоу.

Прозвучала команда: «По вагонам!». Протяжно загудел паровоз, окутав себя клубами белого пара. Медленно тронулся с места, заскрипев колесами. Вот он набрал скорость, колеса плавно застучали на стыках: «Скорей вперед! Скорей вперед!». Прощай, Забайкалье! Прощай, солдатская служба! А как сложится офицерская судьба? Навстречу этой судьбе отбивали свой ритм вагонные колеса, в далекий туркменский город Чарджоу, куда в начале войны было эвакуировано Харьковское танковое училище.

Евгений ТРЕЩЕВ

г. Щекино Тульской области

Член СПР, действительный член Петровской академии наук и искусств, Почетный работник общего образования РФ, Почетный работник газовой промышленности РФ. Почетный гражданин Чернского района Тульской области. Автор двадцати восьми книг. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, им. А. Г. Лаврика, «Левша» им. Н. С. Лескова и многочисленных литературных конкурсов и фестивалей. Наш постоянный автор.

ОГОНЬ РОДНЫХ ОЧАГОВ

Родина, родители, родственники, родные. Что объединяет эти слова? В них общий корень — род.

Человек в древнейшие времена в первую очередь ощущал себя членом рода. Все имело свой мистический смысл.

Священный огонь родных очагов был центром того мира, в котором протекала жизнь родовича. Корни рода, глубинные корни отчих могил пронизывают насквозь всю нашу жизнь, держат ее.

В традициях многих культур планеты признается громадное влияние предков на судьбу потомков.

Это легко объясняется современной генетикой, но религиозные трактаты уточняют, что от предков зависит не только цвет глаз, форма ушей и тембр голоса человека, но и то, будет ли он счастлив в жизни и какую энергетику передаст своим детям.

Непрерывная связь поколений — вот тайная нить, которая связывает день сегодняшний с днем вчерашним, с нашим прошлым. Генетическая память («память предков», «родовая память») доказана учеными. Новорожденный ребенок хранит в себе генетическую память, записанную всеми его историческими предками.

Происхождение многих родов уходит в такую глубокую древность, что почти нераспознаваемо. Протекло огромное количество лет, люди рождались и умирали. Бесконечное множество людей, в том числе вождей, героев, гениев кануло бесследно, даже не оставив намека о своем существовании. Ушли, уступив место новым поколениям.

Известный историк В. О. Ключевский писал, что «Московское государство было делом народности, образовавшейся в пятнадцатом веке в области Оки и верхней Волги. Народность эта образовалась по отступлению старинного русского населения вглубь нашей равнины с южных и юго-западных окраин…»

Исторические источники свидетельствуют, что архивы начали складываться еще во времена Киевской Руси. К сожалению, большинство тех старинных бумаг не дошло до нас — многие погибли в огне пожаров, от неблагоприятных условий хранения, при вражеских нашествиях.

В 16-м веке начинают периодически составляться писцовые книги. Первое «большое письмо», то есть генеральная перепись, составлена была в Московском государстве в промежутке 1538—1547 гг.

Древнейшая, дошедшая до нас «Десятня» по Коломенскому уезду (войсковой список служилых людей по отечеству) относится к 1577 году.

В результате мятежей и смуты в 1610—1612 годах многие исторические документы были уничтожены.

Разорение Смутного времени вызвало необходимость произвести коренную поверку платежных сил населения. Земской собор 1619 года принял решение составить в местностях, уцелевших от разорения, новые писцовые книги, а в разоренных местностях произвести дозор (смотри Дозорные книги).

Царь Федор 12 января 1682 г. «повелел предать огню все дела о бывших до того случаях местничества между боярами» и приказал составить в Разрядном Приказе родословную книгу дворянским родам (Бархатную книгу).

Наша древность не знает единого «Государства Российского», она имеет дело с множеством единовременно существующих небольших государств-княжеств. Поэтому искать и восстанавливать корни своего рода очень и очень сложно. При подготовке этой статьи я попытался из осколков былой жизни подобно мозаике воссоздать историю нашего рода.

Основатель нашей фамилии принадлежал к потомкам древнего боярского сословия.

В составленной князем П. Долгоруковым «Российской родословной книге» (1855) помещен список древних дворянских родов, служащих Московским Великим Князьям и Царям до 1600 года. В этом списке находятся 862 дворянских рода. От этих родов ведут свое происхождение дворянские роды, внесенные в пятую и шестую части родословной книги.

Среди них присутствуют и Трещевы (См. ГПИБ Т.1, Ч.1. Памятная книжка Тульской губернии за 1898 год. Составитель М. Т. Яблочков. «Дворянское сословие Тульской губернии»).

Согласно «выписи с писцовых книг» 1694 года предки рода Трещевых владели имением в Тульском уезде (ГПИБ т.2(11),Д.76,1811 г.).

Кроме того имеется поколенная роспись от Фомы Акимовича Трещева от 1600 года (ГПИБ.Т.2(11),д.№36,

1828 г.).

В 1670, 1671 и 1672 годах бояре и всех чинов дворяне и дети боярские били челом государю, чтобы им раздали дикие поля в заокских городах в поместья. Землю они получили и заселили ее.

Согласно «выписи с писцовых книг» 1694 года мои предки (дети боярские) из рода Трещевых владели землей на территории Крапивенского уезда (Щекинский район Тульской области) в деревне Тросна.

Дети боярские — это огромный пласт русской истории, это многие тысячи защитников земли русской на протяжении многих столетий. Они обладали теми же правами, что и бояре (за исключением участия в княжеской Думе). По совести, мы должны ставить им памятники. Вместо этого — практически полное забвение.

До середины XVI века дети боярские составляли высший сравнительно с дворянами класс. Но потом, с возвышением понятий государя и его двора, статус дворянина начинает превосходить статус сына боярского.

Они вместе с дворянами несли обязательную службу, за которую получали поместья и записывались в десятки по уезницу.

Мне удалось установить предка, проживавшего в начале 18 века в селе Тросна (Трасна) Псовского стана Крапивенского уезда. Это Афанасий Трещев, сын боярский. А в деревне Тележинка (Телегиной) в это время проживал другой предок (по линии бабушки) — сын боярский Ефим Стаханов. Жили они в Крапивенском уезде более трехсот лет тому назад. А их потомки, как показывают архивные документы, на протяжении нескольких веков жили на одном и том же месте в Тросне и Тележенке.

После введения Петром Первым обязательности службы для всех без исключения дворян те из потомков служилых людей по отечеству, кто не мог или не желал поступать на службу, не приобрели дворянских прав и поместий. Дворянское происхождение при этом не играло никакой роли — представители одного и того же рода в результате оказались в разных сословиях.

Чуть ли не треть российских дворян и детей боярских таким образом превратилась в однодворцев. Среди них были и мои предки из деревни Тросна.

В «Исповедальной росписи Крапивенского уезда» за 1774 год (ГАУ ТО, ф.1770, №29, лл. 66-80) перечисляются прихожане храма в селе Тросна, среди которых были: «однодворец Степан Афонасьев сын Трещов (48), жена ево Анна Артемова (29), дети их — Евдокия (17), Леонтий (14), Василей (10), дворовые их. Отставной прапорщик Кондратей Афонасьев сын Трещов вдов (69), сын ево Казма (36), жена ево Ефимия (31), дети их — Михайла (19), Василей (15), Федот (10), Симеон Кондратьев (32), жена ево Акилина Ермолова (30), дети их Ульнея (12), Анна (9), Александр (8), дворовые их».

В «Ревизской сказке» (фонд 55-3-394) имеется запись: «В селе Трасне Засоловского стану однодворцы — подана 2 мая 1764 г. Из однодворцев соцкой Александр Селиверстов сын Пирогов, Федосей и Казма Трещевы с товарищи с ведома всего оного села однодворцев дали сию сказку. Фамилии — Пирогов, Трещев, Стоилов, Ростовцев, Зайцев. Женщины в замужество взяты Крапивенского уезда д. Телегиной, д. Сечиной. с. Коледино, д. Макеевой, д. Стоиловой, с. Спаского, д. Алтуховой, д. Воздрима и Тульского уезда деревни Бронниковой и села Частного однодворческие дочери, а также Крапивенского у. из д. Озерок помещика Ивана Гаврилова сына Мяснова крестьянская дочь. Муж. — 27 (1747) и 41 (1764), жен. —37 (1764). К сей сказке фурьерский сын Сергей Жуков вместо выписанных соцкого Александра Пирогова, да Федосея и Казмы Трещевых с товарищи по их прошению руку приложил».

Распределялись семейства однодворцев по деревням по-разному. Некоторые жили компактно, только в одном месте. Например, все Трещевы проживали в селе Тросна, а Стахановы упоминаются в 7 населенных пунктах. И почти наверняка это не однофамильцы, а действительно родственники.

В Тросне в это время проживало 79 Трещевых, из них мужского пола — 46, женского пола — 33.

Согласно ревизии (1762—1764) в селе Тросна братья Кондратей и Степан Трещевы владели крепостными крестьянами, покупали и продавали их, что подтверждается записями в «Ревизской сказке»:

1. «Села Трасны Засоловского стана (л. 240) — июль 1762 года, однодворец Степан Афанасьев Трещев: Женщина взята в замужество по купчей Крапивенского уезда из деревни Хмелевца от помещицы Варвары Ивановны дочери Хомяковой, которая досталась по разделу с сыном своим брату господина моего родному Кондратею Афонасьеву сыну Трещеву».

2. «Женщина взята в замужество по купчей у капрала Петра Павлова сына Лапатина Крапивенского уезда из деревни Ясенков».

3. «Женщина Татьяна Максимова взята в замужество с воли городу Крапивны Московской Слободы у пашенного городового солдата дочь. Муж. 4 (1747) и 2 (1762), жен. — 3 (1762)». К сей скаске фургертов сын Сергей Жуков руку приложил.

«Села Трасны Засоловского стана (л. 241) — июль 1762 года, вахмистр Кондратей Афанасьева сына Трещева: женщина взята в замужество по купчей Дедиловского уезда от помещика Данилы Степанова сына Крюкова из села Крюкова. Муж. — 1 (1762), жен. — 3 (1762).

«Женщина взята в замужество со стороны капрала Кондратья да дворянина Степана Трещевых села Тросны по отпускной (подана декабря 23 дня 1763 года). Села Тросны Засоловского стана (июль 1762 года) вахмистр Кондратей Афонасьев сын Трещев, души достались господину моему по разделу в 1754 г. от брата родного однодворца Степана Афонасьева сына Трещева и написаны в 1747 г. за ним, Трещевым, в этом селе.

В ноябре 2002 г. мне на работу позвонил протоиерей Александр (в миру — Александр Владимирович Себякин) — настоятель храма во имя св. мученицы Параскевы в Тросне и сказал, что у него имеются докумен-

ты из областного архива, которые более широко раскрывают историю храма.

Вечером он завез ксерокопии документации. Я начал листать дело и обомлел, увидев, что значительная часть документов в нем за 1893 год была подписана моим прадедом Трещевым Иваном Трофимовичем — церковным старостой.

Церковный староста — человек из мирян, ведающий хозяйством церковной общины. Старосты избирались приходом. Первая обязанность церковного старосты состояла в хранении церковной кассы и приобретении свечей, затем старосты стали ведать ремонтом храма, сбором пожертвований и соблюдением порядка в храме.

Вспоминаются слова из стихотворения Валерия Акимова: «Церковным старостою был мой далекий прадед. Не заплутал в безверии и я».

Весной 1929 года всколыхнулось все крестьянство — отовсюду приходили слухи о начавшемся колхозном движении. Ликвидация кулаков (зажиточных крестьян) подрывала у крестьян дух сопротивления. Каждый район получал свою «норму» для раскулачивания и коллективизации. Вопросы выселения людей решались в партийных организациях, на заседаниях групп деревенской бедноты, на сходках крестьян. Судьба «эксплуататоров» решалась случайными людьми, большинство из которых были неграмотными. Таким образом, многие из зажиточных крестьян оказались обреченными на выселение только из-за злопамятства и зависти вчерашних соседей. Когда в Тросне началось раскулачивание, дед Трофим — середняк, выступил на сельском сходе против этого безобразия. За это его коммунисты, организовавшие сход, едва не утопили в пруду. Спасла деда Трофима жена — Александра, бросившаяся в ноги к коммунистам с мольбой о помиловании. Но впоследствии его арестовали и несколько месяцев продержали в тульской тюрьме. В семье об этом почти не говорили. Было очень опасно. Ярлык «Враг народа» вешали людям и не за такие проступки перед Властью.

Погиб дед Трофим на Щекинском железнодорожном вокзале, спасая чужую женщину, державшую на руках грудного ребенка.

Утром в день гибели, собираясь в дорогу, он говорил жене, что его что-то тревожит и очень неспокойно на душе. Александра просила: «Троша, останься дома, а в Тулу выберешься как-нибудь в другой раз».

Но он, вздохнув, не послушал совета и ушел навстречу своей судьбе. А ведь сердце говорило: «Не ходи!».

Была зима. На платформе Щекинского железнодорожного вокзала толпилось много людей. При подходе поезда толпа рванулась к нему, столкнув женщину на рельсы перед поездом.

Дед Трофим бросился ее спасать. Спас, но сам не успел уклониться от удара. Раннего в голову его отвезли в больницу, где через несколько часов он умер в присутствии сына Ивана — моего отца.

Мой отец — Трещев Иван Трофимович (23.05. 1911 — 14.10.1961) в 1931 году закончил Московский горный техникум, после которого работал взрывником, начальником карьера. Участник войны с Финляндией (1939—1940). После демобилизации был направлен в Куйбышевскую область, где руководил работами в карьере по добыче строительного камня.

В 1941 году призван в армию. Участник Великой Отечественной войны. Войну закончил в Польше в звании лейтенанта. Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

Немецкий психоаналитик Берт Хеллигер считает, что память о предках — основа жизненного благополучия. Прошлое — это фундамент, на котором стоит современность.

Каждый народ живет в трех уровнях: первый — наши предки на небесах, второй — это мы, третий — наши потомки.

«Иван, родства не помнящий», не имеет жизненной опоры. Когда мы знаем, какими были наши предки, мы становимся сильнее. Знание своего рода дает ощущение того, что вы часть чего-то большого, а не просто одинокое существо без рода и племени.

Евгений ШЕПЕЛЕНКО

г. Самара

Родился 15.02.1958 г. в Белгородской обл. Детство и юность прошли в г. Мурманске. Окончил Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С. П. Королева. Работал в авиационной промышленности. Публиковался в литературных журналах, альманахах и коллективных сборниках. Лауреат Третьего международного поэтического конкурса «Рифмованный мир» (2013 г.), дипломант Пятого международного конкурса, посвященного С. Т. Аксакову «Мой аленький цветочек» в номинации «Рассказ для детей». Автор двух книг стихов и прозы. Член РСПЛ. Стипендиат министерства культуры РФ. Постоянный автор нашего альманаха.

ДЕРЕВНЯ САЛАМАТОВКА — МАЛАЯ РОДИНА МОИХ ПРЕДКОВ

РАССКАЗ

Посвящается памяти моей мамы Маршавиной Марии Григорьевны и моей бабушки Маршавиной Евгении Ивановны.

Саламатовка —
Родина предков,
Заповедный, неведомый край.
Там кивает мне хвойная ветка
И вороний приветствует грай.
Желтых листьев летят телеграммы,
Позолотой осенней звеня.
Где-то там моя юная мама,
И не знает пока про меня…

ПРОЛОГ

«Ну что, вну́чек, поумнел?» Всякий раз спрашивала меня моя бабушка Евгения Ивановна, когда наша семья — папа, мама, я и моя младшая сестренка Алла, отправляясь из Заполярного города Мурманска на летний отдых в город Сочи проездом через Москву, на день — два останавливалась погостить в ее небольшой коммуналке в Перово. «Поумнел, бабушка, поумнел»,— отвечала за меня моя мама, поглаживая меня по ко́ротко стриженной под полубокс голове. Я же улыбался и помалкивал, видимо соображая, насколько именно за последний год я поумнел. Затем бабушка со словами:— «Сейчас картошечки нав*о*рим», отправлялась по длинному узкому коридору на общественную кухню, где стояло много газовых плит и почти возле каждой хлопотала хозяйка.

Дом, в котором жила моя бабушка, был построен в послевоенное время пленными немцами. Как в песне Владимира Высоцкого: — «На тридцать восемь комнаток всего одна уборная…» Но тогда на эти неудобства особо никто внимания не обращал. Все жили одной большой дружной коммунальной семьей.

Вскоре бабушка возвращалась из кухни. В руках у нее была большая алюминиевая кастрюля, из которой клубами валил ароматный пар от только что сваренной картошки в мундире. Затем из холодильника на обеденный стол перекочевывали колбаса, соленые огурчики и квашеная капуста, которую бабушка умела готовить по своему́, особому рецепту. Наконец все садились за стол, и начиналась трапеза. Когда дело доходило до чаепития, бабушка доставала и своего старинного серванта заветную баночку моего любимого варенья из золотисто-желтой мирабели, и мы с удовольствием пили ароматный чай. Пото́м взрослые заводили разговоры на всякие серьезные темы или просто весело болтали о пустяках, а мы с сестрой шли во двор играть в большой пестрый мяч, похожий на глобус. С какой душевной теплотой я вспоминаю то далекое время!

Моя бабушка не была коренной москвичкой. Эта приятная, располневшая с годами простая русская женщина с натруженными руками сочетала в себе нравственную чистоту и трудолюбие, которые формирует именно крестьянская среда. До войны она вместе со своим мужем Маршавиным Григорием Ивановичем и пятерыми детьми — Александром, Руфиной, Марией (моей будущей мамой), Анатолием и Валентином, жила в деревне Саламатовка Епифановского района Тульской области.

Уже давно ушли из жизни мои родственники, но осталась в моем сердце память об этих дорогих мне людях. И, конечно же, остались в моих воспоминаниях рассказанные ими истории их жизни, которыми я хочу поделиться со своими читателями.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЕМЬЯ

МАРШАВИНЫ

Мой дед Маршавин Григорий Иванович, худой, жилистый, выше среднего роста человек, с умным, внимательным взглядом и строгим лицом, служил лесником в деревне. Это был настоящий хозяин. Своими сильными, цепкими руками он мог выполнить любую работу по дому. Службу свою Григорий Иванович знал добре и был человеком честным и порядочным, за что и снискал уважение односельчан. Бывали случаи, когда ему предлагали «закрыть глаза» на незаконную вырубку леса, обещая отблагодарить за это «по-человечески». И хотя время было нелегкое, ни разу Григорий Иванович не пошел на сделку со своей совестью. Жили не богато, но не унывали. Вечерами односельчане собирались на большой поляне, пели частушки, танцевали кадриль под тульскую гармонь. А затем, под заливистый лай дворовых собак расходились по домам. В деревнях многие держали собак. Дело обычное. Был и у моей родни дворовой пес по кличке Шарик. Казалось бы, простая собака, каких в деревнях пруд пруди, но была у Шарика особая, человеческая душа. Заглянет в глаза и смотрит внимательно так, будто он все про тебя понимает, только сказать не может.

Как-то поздней осенью собралась Евгения Ивановна на реку Сизовку, белье полоскать. Шарик увязался за ней. Подошла она к реке, взяла в руки пододеяльник, размахнулась и, не удержавшись на скользких мостках, упала в ледяную воду. Ее одежда и пододеяльник намокли, и бедная женщина стала тонуть. Затем пододеяльник надулся, напоминая собой воздушный пузырь, и, держась за его края, Евгении Ивановне удавалось какое-то время оставаться на плаву. Сообразительный пес сразу понял, в чем дело, и со всех ног пулей помчался в деревню предупредить о случившейся беде. Григорий Иванович в это время что-то мастерил во дворе. Шарик с громким лаем кинулся к нему и, вцепившись зубами в старую армейскую гимнастерку, стал рывками тянуть в сторону Сизовки. Схватив висевший на заборе моток веревки, Григорий Иванович помчался к реке. Каким-то чудом Евгении Ивановне еще удавалось держаться на поверхности воды. Подбежав к реке, Григорий Иванович с размаху бросил ей один конец веревки. Окоченевшими от холода руками несчастная женщина все же смогла ухватиться за ее конец, и вскоре была уже на берегу. После этого случая Евгения Ивановна долго болела и только к весне смогла встать на ноги. Когда она выходила во двор, Шарик тут же подходил к ней, преданно заглядывая в глаза. Иногда он садился рядом со своей хозяйкой, подставляя ей широкую кудлатую спину. Тогда она брала в руки деревянную чесалку и начинала вычесывать Шарика, доставляя ему при этом огромное удовольствие, отчего он даже закрывал глаза и высовывал большой, похожий на лопату влажный язык. При этом Евгения Ивановна начесывала с Шарика приличные клубки шерсти. Затем она брала в руки прялку и начинала прясть шерсть на веретено. Вот так, благодаря Шарику, у всех домашних были теплые варежки, носки и даже шаль, которую Евгения Ивановна повязывала себе на поясницу, когда наступали холода или когда у нее начинала ломить спина.

В ноябре 1939 года заболел Григорий Иванович. Врачи районной больницы обнаружили у него туберкулез легких. То ли сказалась пагубная привычка много курить, то ли еще что, да только таял он на глазах, как свечка. В довоенное время не было эффективных средств лечения туберкулеза. Умер Григорий Иванович 30 апреля 1940 года. Проводить его в последний путь пришло все село. Осунувшаяся, с припухшими от слез глазами, Евгения Ивановна стояла возле могилы своего мужа. Тяжелые думы одолевали ее. Потеря кормильца была серьезным ударом для семьи, но надо было как-то жить дальше. Старшему Александру в ту пору уже исполнилось восемнадцать лет, Руфине — тринадцать, Марии — десять, Анатолию — шесть, а самому младшему Валентину всего три года. И у каждого свой характер. Широкоплечий, жилистый Александр внешне походил на своего отца,— был мастеровитым, серьезным, во всем любил порядок. Руфина — второй ребенок в семье, была самой красивой девочкой в деревне. Она всегда любила что-нибудь перешивать из старых тряпок. Это детское увлечение в будущем помогло ей в выборе профессии (моя тетя Руфа стала замечательной портнихой). Третья — Мария, душевная, послушная девочка, с милым, приветливым лицом, была незаменимой помощницей в доме и самым любимым ребенком Григория Ивановича. Четвертый — Анатолий, хотя внешне и походил на своего отца, однако нраву был веселого. Этот свой характер, веселого, неунывающего человека мой дядя Толя пронес через всю свою жизнь. Пятый, и самый младший ребенок в семье,— белобрысый мальчик по имени Валентин. В свои полные три года он никак не хотел отвыкать от материнской груди и визжал всякий раз, как только его от нее отнимали. Но в конце концов, хотя и не безболезненно, все же перешел на твердую пищу.

Осень 1940 года выдалась урожайной. Делая запасы на зиму, Евгения Ивановна всегда квасила капусту, добавляя в нее нарезанные соломкой морковь и яблоки, заправляя укропом, гвоздикой и еще какими-то одной только ей известными приправами, обильно пересыпая все это великолепие солью и ставя под гнет. А в лесу в тот год уродилось много грибов и ягод, так что зима обещала быть сытной.

Утром 30 апреля 1941 года вся семья отправилась на деревенское кладбище. Прибрали могилу Григория Ивановича, помянули, как положено по христианскому обычаю, затем молча постояли и отправились восвояси. Время и повседневные заботы, частично зарубцевали душевные раны от потери родного им человека.

Жизнь входила в свое привычное русло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЙНА

ОККУПАЦИЯ

Воскресенье 22 июня 1941 года выдалось пасмурным. Люди как обычно занимались своей привычной работой. Ничто не предвещало беды, как вдруг у сельсовета стал собираться народ. Односельчане, затаив дыхание, прислушивались к висевшему на столбе репродуктору, из которого доносился голос Левитана, сообщавшего, что 22 июня в 4 часа утра без объявления войны германские войска напали на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. 25 июня старшего сына Евгении Ивановны Александра вызвали повесткой в районный военкомат. А через три дня началась отправка призывников на фронт.

Рано утром 20 ноября 1941 года местных жителей разбудил треск мотоциклетных двигателей и гул тяжелой бронетехники, на которой была изображена фашистская свастика. Затем послышалась немецкая речь, и жители Саламатовки увидели на улицах своей деревни немецких солдат и офицеров, которые по-хозяйски топтали своими тяжелыми армейскими сапогами их малую Родину. Фашисты бесцеремонно вламывались в дома, выгоняли на улицу мирных жителей и сгоняли всех на деревенскую поляну,— ту самую, где когда-то они весело пели песни и танцевали кадриль. Солдаты взяли местных жителей в плотное кольцо, хладнокровно направив в их сторону заряженные автоматы. Затем один из офицеров подошел к жителям Саламатовки. На нем была форма из дорогого сукна, как у старших офицеров. Коверкая русский язык, офицер начал говорить, что германские войска прибыли на территорию Советского Союза с важной миссией,— освободить советский народ от коммунистической заразы. Он обещал всем безбедную, красивую жизнь, новые дома, земельные участки, но только в том случае, если жители их деревни беспрекословно будут подчиняться германским властям и помогать им в свержении коммунистического режима. Затем офицер сказал, что в каждом доме будут расквартированы их солдаты и офицеры и что их надо будет хорошо кормить. Немного помолчав, он добавил, что с сегодняшнего дня в деревне вводится комендантский час. Выходить на улицу после семи часов вечера запрещается. Лица, нарушившие этот запрет, будут расстреляны на месте. Офицер сделал жест рукой, после чего кольцо солдат разомкнулось, и перепуганным деревенским жителям было дозволено возвратиться в свои дома.

«КВАРТИРАНТЫ»

В доме моей родни разместились два офицера и пятеро солдат. Войдя внутрь помещения, они сразу же обыскали дом, забрав все теплые вещи и кое-какую домашнюю утварь. Затем двое солдат залезли в погреб и, обнаружив там половину бочки квашеной капусты, велели Евгении Ивановне спуститься к ним. Рыжеволосый рослый солдат вытащил из ножен свой армейский штык-нож и, подцепив им немного капусты, поднес ко рту Евгении Ивановны. Убедившись, что капуста не отравлена, солдаты набили ей свои котелки и поднялись наверх. В доме они обнаружили сало и хлеб. Достав из своих вещмешков консервы, шоколад и спиртное, солдаты и офицеры, удобно расположившись за деревянным столом, когда-то сделанным умелыми руками Григория Ивановича, стали с усердием набивать свои желудки. После сытной трапезы один из солдат достал из кармана своей гимнастерки губную гармошку и, под пьяное завывание остальных, начал наигрывать какой-то немецкий марш. Ближе к ночи их сильно разморило и «квартиранты» стали укладываться спать. Перед тем как отойти ко сну, один из офицеров что-то сказал своему солдату, и тот, собрав все автоматы в кучу, сложил их у порога. Затем офицер подозвал к себе Евгению Ивановну и приказал ей стеречь автоматы до утра.

А утром в деревне начался настоящий грабеж. Солдаты тащили из домов деревенских жителей все, что только могли унести. Гоняясь по дворам за курами и гусями, они что-то весело кричали на своем языке. Поймав очередную птицу, тут же отсекали ей голову своими острыми, как бритва, армейскими ножами, бросая улов в общую кучу. Затем, довольные своими трофеями, солдаты приказали деревенским женщинам ощипать птицу и приготовить для них обед. Так продолжалось несколько дней.

СИНДРОМ РАЗБИТОГО СЕРДЦА

Справедливости ради надо сказать, что и среди фашистов попадались так называемые гуманисты. Как-то вечером Евгения Ивановна пошла искать свою заблудившуюся корову Зорьку. Наконец, разыскав ее, она погнала Зорьку хворостиной в село. Занимаясь поисками коровы, Евгения Ивановна совсем забыла, что ко-

мендантский час уже давно наступил. Вдруг она услышала за своей спиной громкий голос немецкого солдата, который приказывал ей остановиться. Не оборачиваясь, подгоняя Зорьку, она со всех ног бросилась бежать в деревню. Солдат быстрым шагом шел за ней. Добежав до первого дома на окраине деревни, Евгения Ивановна распахнула дверь в сени и как подкошенная рухнула на земляной пол. Подошедший солдат остановился, направив автомат прямо ей в грудь. На мгновение их глаза встретились. Какое-то время солдат стоял и внимательно смотрел на нее. А затем, вдруг закинув автомат себе на плечо, развернулся и вышел со двора. Через минуту ночная мгла поглотила его рослую фигуру. Сердце Евгении Ивановны колотилось как подстреленная птица. И все же она осталась жива, но после этого случая, стоило ей немного поволноваться, хваталась за левую грудь.

«ИСТИННЫЙ АРИЕЦ»

В паек немецких солдат и офицеров входили макароны, которые они любили готовить на деревенском молоке. Иногда макароны прокисали и солдаты выкидывали их на помойку. Но подбирать отбросы местным голодным жителям строго запрещалось. За этим следовало наказание — порка кнутом.

Как-то раз младший сын Евгении Ивановны Валентин, которому в ту пору шел пятый год, забрался на эту помойку и стал прямо оттуда есть прокисшее месиво. К удивлению местных жителей, вместо того, чтобы проучить ребенка, немецкий солдат подошел к нему и, сказав что-то на ломаном русском языке, погладил по белобрысой голове. Затем он разрешил взять Валентину прокисших макарон и валявшейся тут же картофельной кожуры столько, сколько он сможет унести в своем старом армейском котелке. Позднее выяснилось, чем было вызвано такое милосердие. Оказывается, мой будущий дядька, по мнению фрицев, был очень похож на немецкого мальчика. Видимо, в Германии белобрысые мальчики с конопушками на носу считались эталоном красоты «истинного арийца». Так или иначе, но с тех пор солдаты не запрещали Валентину подбирать на помойке просроченные продукты, и он, как мог, подкармливал свою большую семью.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОСВОБОЖДЕНИЕ

ВОЗМЕЗДИЕ

Утро 10 декабря 1941 года выдалось морозным. Выглянув в свои окна, жители Саламатовки увидели беспорядочно бегавших по улицам солдат. Офицеры командовали построение. После инструктажа, солдаты, как горох, рассы́пались по всей деревне. Они заходили в каждый дом и выгоняли на улицу местных жителей. Затем солдаты принесли горящие факелы и стали закидывать их на крыши домов. Начался пожар.

Разрозненным строем, обезумевших от страха деревенских жителей куда-то гнали по их родным улицам. Едкий дым разъедал глаза. Маша шла с краю. В суматохе она потеряла своих родных и теперь была совсем одна. Вдруг ее кто-то схватил за руку. Обернувшись, Маша увидела соседку тетю Катю. «Попробуй убежать, ты маленькая, в дыму могут и не заметить»,— посоветовала ей тетя Катя. Маша выждала момент, когда солдат из оцепления отвернется, и, пригнувшись, выскользнула из толпы односельчан, растворившись в густом дыму.

Добежав до полусгоревшего сарая на окраине деревни, Маша укрылась под его обломками. Какое-то время она сидела, боясь пошевелиться. Сердце ее колотилось, и казалось, вот-вот готово было выпрыгнуть из груди. Вдруг она увидела вдалеке детей, которые бежали в ее сторону. Приглядевшись, Маша узнала в них своих соседей, которые жили в доме напротив. Игорю было семь лет, Коле шесть, а их младшей сестренке Тоне всего три года. Маша вышла к ним навстречу и, взяв на руки Тоню, отвела детей в свое укрытие. Под обломками сарая они просидели до утра, согреваемые тлеющими деревянными головешками. А утром немецкие солдаты стали прочесывать окрестности. Они искали укрывшихся местных жителей, которым вчера под покровом густого дыма удалось убежать. Один из солдат приблизился к сараю, под обломками которого прятались дети. Он стал внимательно осматривать его. Маша поднесла палец к своим губам, показывая всем, чтобы сидели тихо. На всякий случай она закрыла Тоне рот ладонью. Солдат постоял немного возле обломков сарая и, не обнаружив признаков жизни, пошел прочь.

Просидев так до вечера, усталые и голодные дети решили сходить в деревню на разведку. По пути они встретили деда Евсея, одетого в рваный зипун и валенки катанки, которые каким-то чудом не достались немцам. Местные жители прозвали его Долдоном за то, что он очень любил подолгу болтать с каждым встречным-поперечным, отнимая у них время. При этом дед Евсей был безнадежно глуп. Однако дети ему очень обрадовались. «А где все?» — спросила Маша.— «Не зна, не зна»,— глотая последнюю букву в слове, ответил дед. Пото́м добавил: «Убили, всех немцы убили». И уже не обращая внимания на детей, понес ка-

кую-то несусветную чушь. Маленькая Тоня заплакала. «Надо сходить в деревню и самим все проверить»,— сказала Маша. Они пошли дальше. Деревня (вернее то, что от нее осталось) представляла собой печальное зрелище. Почти все дома были уничтожены пожаром. Немцев нигде не было видно, но не было видно и местных жителей.

Проходя по пустынным улицам своей деревни, Маша вдруг заметила, что со стороны леса к ним приближается группа людей. Приглядевшись, она узнала среди них соседку тетю Катю,— маму Игоря, Коли и Тони. Дети, узнав свою мать, кинулись ей навстречу. Казалось, их радости не будет конца.

С тетей Катей было еще три женщины и двое мужчин. «А где остальные? — спросила Маша.— Где моя мама, сестра и братья?» Тетя Катя ответила, что всем односельчанам удалось спастись. Неизвестно, что было бы с ними дальше (возможно, расстреляли на окраине деревни), как вдруг подошедший к колонне людей старший офицер что-то скомандовал солдатам, после чего те сняли оцепление и, запрыгнув в свои мотоциклы, машины и бронетранспортеры, спешно покинули деревню. Вдалеке были слышны разрывы снарядов тяжелой артиллерии. Это советские войска приближались к их деревне, уничтожая врага из своих орудий, и 12 декабря 1941 года Саламатовка была освобождена от фашистских оккупантов бойцами десятой Красной Армии.

Со стороны леса, по широкой проселочной дороге шла толпа уставших, измотанных и голодных людей. Это были жители Саламатовки, возвращавшиеся в свою родную деревню. Бабы плакали, мужики тяжело вздыхали, глядя на обвалившиеся крыши и полусгоревшие стены их домов. Вдруг Маша увидела в толпе свою маму, а рядом с ней сестру Руфину и братьев — Анатолия и Валентина. Она подбежала к ним, затем обняла и вдруг заплакала.

Посовещавшись, жители деревни решили пока разместиться в домах, которые не очень пострадали от пожара. С продуктами помогали бойцы Красной Армии. Они отдавали изголодавшимся жителям свои пайки — ржаной хлеб, картофель, крупу, макароны, сахар.

Вечером к Евгении Ивановне подошел ее односельчанин Тимофей, живший на окраине деревни. «Какая вкусная у тебя была овца, Женя»,— сказал он, виновато улыбаясь. «Какая овца?» — спросила Евгения Ивановна. Мы овец никогда не держали. «Тогда что за мертвая скотина лежала у тебя во дворе?» Тут Евгения Ивановна все поняла. В суматохе, когда немцы жгли деревню, забыли отвязать Шарика. Бедный Шарик задохнулся в едком дыму и сгорел. Но даже после своей смерти он смог принести пользу людям, отдав всего себя без остатка. И если есть на свете высшая справедливость, то чистая душа Шарика сейчас по праву покоится на небесах, в собачьем Раю.

Время — лучший лекарь и судья. Потихоньку жители Саламатовки заново отстроили свою родную деревню. Немало сил ушло на ее восстановление. Пришлось вырубать значительную часть леса, когда-то бережно охраняемого Григорием Ивановичем. Тогда, в далеком 1941 году никто еще не знал, что это только начало тех испытаний, которые выпали на долю советского народа. Но это уже другая история.

ЭПИЛОГ

Во время Великой Отечественной войны в Тульской области были организованы партизанские отряды, которые громили врага в тылу. В октябре 1941 года Тульский оружейный завод был эвакуирован в город Медногорск Оренбургской области, где выпускалось очень эффективное по тем временам оружие, которое помогало бойцам Красной Армии побеждать врага на полях сражений. А в Саламатовке и других деревнях Тульской области успешно развивалось сельское хозяйство, и значительная часть собранного с полей урожая отправлялась на фронт, под лозунгом «Все для фронта, все для победы!»

Ценой невероятных усилий советский народ одержал героическую победу над фашизмом, и справедливое возмездие настигло этих «истинных арийцев» с их звериной идеологией.

В 1945 году старший сын Евгении Ивановны Александр вернулся с войны в родную деревню. Ему посчастливилось остаться живым, получив на фронте несерьезные ранения. На широкой груди Александра красовались боевые награды, и каждая хранила свою героическую историю.

Шел 1948 год. Подрастало молодое поколение. Руфина из угловатого подростка превратились в привлекательную девушку. Вечерами она частенько бегала в соседнюю деревню на танцы. Там и познакомилась с Михаилом. Михаил был серьезным парнем и работал трактористом в своей деревне. Вскоре он сделал Руфине предложение руки и сердца, и, получив благословение Евгении Ивановны, они сыграли свадьбу. К тому времени Маша окончила школу и стала задумываться о своем будущем. Поразмыслив и посоветовавшись со своей семьей, она решила ехать в Москву, поступать в Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева.

А дальше, как в песне,— «Нас улица шумом встречала, звенела бульваров листва, вступая под своды вокзала, шептали мы: «Здравствуй, Москва».

В приемной комиссии института Маше сказали, что в этом году большой конкурс, и еще сказали, что при поступлении учитывается стаж работы на химическом предприятии.

Немного подумав, Маша решила поступать, но, не добрав всего два балла, на этом не остановилась. Она

забрала в приемной комиссии свои документы и отправилась в отдел кадров московского химического завода. Там, после собеседования, ей предложили должность кладовщицы на складе химреагентов. Маша с радостью согласилась. В тот же день ей дали место в заводском общежитии. В комнате, вместе с ней жили еще три молодые девушки — Катя, Люба и Чита. Быстро найдя с ними общий язык, Маша вскоре подружилась с девушками. Они вместе ездили на работу, вместе проводили свободное время. Начиналась интересная и совершенно новая жизнь.

А в 1951 году из Саламатовки в Москву перебралась вся Машина родня. Евгения Ивановна ехать не хотела. В Саламатовке прошла вся ее жизнь, там покоится прах ее мужа. Но жить в деревне становилось все труднее, а Москва нуждалась в рабочих руках. И, в конце концов, приняли решение ехать. Первое время жили на съемной квартире. Александр и Михаил устроились на работу на строительство московского метрополитена. Через несколько месяцев Александру дали небольшую комнату в подмосковном Перово (в доме, который в послевоенное время был построен пленными немцами). Жили в тесноте, но зато это было свое жилье. А через полгода Михаил получил комнату в деревянном доме, и они с Руфиной переехали на окраину Москвы.

Маше так и не суждено было поступить в институт. Судьба распорядилась иначе. Однажды, она случайно обронила свой паспорт на улице. На следующий день к ней в общежитие пришел молодой симпатичный парень. На вахте он спросил Маршавину Марию Григорьевну. Когда Маша вышла к нему, парень поздоровался, представившись Виктором. Затем он достал из своего кармана паспорт и протянул Маше. Поблагодарив Виктора, она хотела было уйти к себе в комнату, но тут Виктор предложил: «А давайте сходим с вами в кино». Немного подумав, Маша согласилась. Постепенно между ними завязались отношения. Виктор оказался уроженцем Курской области, но жил в городе Мурманске и работал мотористом на рыболовецком траулере. Через несколько дней Виктор уехал в Мурманск, и какое-то время они с Машей переписывались. Однажды, придя из очередного рейса, Виктор приехал в Москву и сделал ей предложение выйти за него замуж. Маша согласилась. Получив благословение Евгении Ивановны, молодые поженились и вскоре уехали в Заполярный город Мурманск.

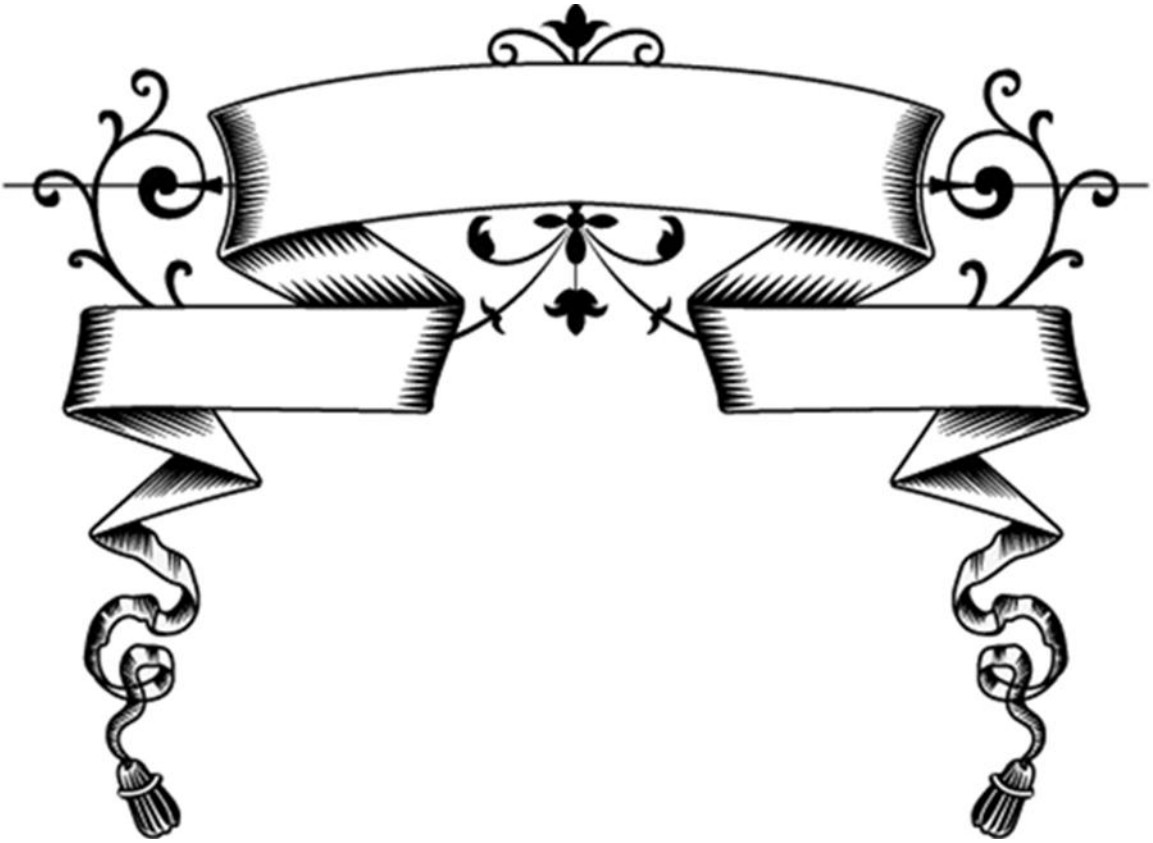
Шло время. Дети Евгении Ивановны взрослели, обзаводились своими семьями и разлетались по разным уголкам необъятной Москвы. И вот однажды Евгения Ивановна осталась совсем одна в своей маленькой коммуналке в Перово. В комнате стало непривычно тихо и пусто. И только строгий лик иконы Божьей матери с младенцем на руках, как бы говорил ей: «Ты не одна, с тобой Бог». Дети иногда навещали свою маму, но работа и повседневные заботы не позволяли им видеться часто.

Умерла моя бабушка в 1978 году от сердечного приступа. Невыпущенная пуля из автомата того немецкого солдата, в далеком 1941 году, пронзив время, все же настигла ее, поразив в самое сердце.

На похороны съехалась вся наша родня. Пришли и соседи по коммуналке. На общественной кухне накрыли поминальный стол. Когда стали готовить кутью, то оказалось, что в доме нет меда. Кто-то из родственников сходил в бабушкину комнату и нашел в ее серванте баночку варенья из мирабели. Вместо меда добавили в кутью бабушкино варенье.

Народа за столом собралось много. Поминали Евгению Ивановну добрыми словами. Вспоминали истории из ее жизни, но мало кто знал, через какой ад пришлось пройти этой смелой и мужественной женщине. Я сидел напротив тарелки с кутьей, заправленной бабушкиной мирабелью, и странное чувство переполняло меня. Казалось, что вот сейчас на кухню войдет моя старенькая бабушка и приветливо улыбаясь, скажет: «Сейчас картошечки нав*о*рим», а затем достанет из своего волшебного старинного серванта заветную баночку моего любимого варенья из мирабели, и мы, как и прежде, будем пить чай, весело и беззаботно проводя время.

А в 2004 году умерла моя мама. На ее похороны из Самары в Мурманск я ехал поездом с пересадкой через Москву. В запасе у меня оставалось часа четыре, и я решил съездить в Перово посмотреть на дом, в котором когда-то жила моя бабушка Евгения Ивановна. Дом я нашел почти сразу. Он был огорожен мрачным темным забором и представлял собой печальное зрелище. В нем давно уже никто не жил. Я подошел поближе и заглянул через забор. Единственное окно бабушкиной комнаты было открыто настежь. Я стал внимательно вглядываться в его пустую глазницу, будто пытаясь что-то разглядеть в глубине комнаты. Вдруг мне почудилось, что из темного окна до меня донесся голос моей старенькой бабушки: «Ну что, вну́чек, поумнел?» — «Поумнел, бабушка, поумнел»,— ответил я, и легкий ветерок, подхватив мои слова, унес их в далекие заоблачные дали,— туда, где мирно покоились души моих предков…



ДЕТЯМ И О ДЕТЯХ

КИРА КРЕСТЬЯНКИНА
МАРИАННА БОР-ПАЗДНИКОВА
АНТОНИНА МАРКОВА
ОЛЬГА БОРИСОВА
ЛАРИСА СЕМЕНИЩЕНКОВА
МАГДАЛИНА ГРОСС
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ОЛЬГА АНДРЕЕВА
РАГИМ МУСАЕВ

Кира КРЕСТЬЯНКИНА

г. Санкт-Петербург

Неоднократно занимала призовые места в районных, городских и областных конкурсах как прозаик. Является победителем в 2010 и 2011 гг. городского конкурса «Ступени» в номинации проза (Тула). Печатается во многих альманахах и журналах. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

КНИЖНЫЙ ШЕПОТ

Книжный магазин. Полки. Разношерстная компания книг.

— Интересно, а сегодня меня выберут?

— Постоим, увидим.

— Было бы здорово, если бы и меня сегодня купили, я уже так давно тут жду!

— Давно? Ты тут всего месяц. У твоей истории большой тираж. До тебя просто никак очередь не дойдет. А вот я была издана еще три года назад, но меня до сих пор никто не купил…

— Да-да! Придут, полистают, аннотацию почитают да поставят на место. И так каждый день. Сил моих больше нет.

Книги говорили друг с другом каждый день и каждый день мечтали о том, что их все-таки заберут домой именно сегодня.

— А интересно, каким будет наш новый дом? В какую семью мы попадем? — Принимались они мечтать.

— Да! И главное, понравимся ли им.

— У каждого своя судьба.— глубокомысленно изрекает томик философских размышлений.— Каждому уготована своя читательская история. Когда в магазин придет ваш человек, вы это поймете.

— Эх, поскорее бы уже попасть в руки моему читателю,— подпрыгивает на полке детектив.— Во мне столько загадок и тайн, что просто не терпится ими поделиться!

— Терпение, терпение,— изрекает классик литературы.— Хорошая книга, как вино — со временем не портится, и, сколько бы лет не прошло, знаток оценит ее по достоинству.

— Ха, это если знаток, а то возьмут книжку так, в дороге полистать, чтобы время убить.

— Надеюсь, мною не станут убивать время, а будут с упоением зачитываться. Пусть это будет молодая особа утонченного склада с тонкой душевной организацией. Она будет рыдать надо мной, заламывать руки, боясь перелистнуть страницу, покусывать губы, следя за отношениями героев, у меня у самой перехватывает дыхание, когда я думаю о своем сюжете.— Хлопает страницами любовный роман.

— Не задохнитесь, милочка, вам еще производить впечатление на несформированную личность,— снисходительно произносит проверенная временем женская проза.

— А я надеюсь, меня подарят детям, которые любят читать! — сверкая, говорит сборник сказок.

— А я хочу к юноше с горящими энтузиазмом глазами. Мне есть что ему рассказать! — высказывается книга фэнтези.

— Как вы думаете, нас быстро прочитают?

— Кому как повезет. Некоторых начинают читать уже в магазине, а потом не могут остановиться и по дороге домой и дальше. А кого-то ставят на полку дома, заставляя уже там дожидаться своей очереди.

— А есть и такие книги, которые оказываются уже прочитанными. Я слышал об этом. Их покупают, чтобы они были в домашней коллекции, хотя их история уже известна покупателю.

— Но хуже всего быть книгой, которую купили, но так и оставили не прочитанной и год, и два. Вспомнят ли вообще о тебе, неизвестно.

— Какой ужас! — трепещет любовный роман.— Неужели такое бывает?

— А то как же! — отвечает современная проза, готовая всегда рубить правду.— Напокупают сразу несколько книг, а времени читать найти не могут. Вот и ждут книги своей очереди.

— А хорошо бы попасть в большую семью! Где тебя бы читал, то один, то другой. Тут, наверное, не соскучишься!

— А вот интересно, сколько у них уже книг в доме будет и куда тебя поставят. Кто будет твоими соседями в новом доме. Будут ли там родственники — книги моего автора. И сойдемся ли мы во мнении с другими книгами.

— Точно-точно! А еще интересно, по какому принципу там книги стоят! По авторам, жанрам, а может быть по формату или даже цвету!

— Да, каждая книга получает совершенно уникальную семью и дом, тут уж как кому повезет.

Так книги болтали и болтали, а покупатели проходили мило, осматривали полки, проводили рукой по корешкам, искали ту единственную, а может быть сразу несколько историй.

— Ой-ой-ой,— зашелестели книжки, что помладше.— К нам идут, к нам идут! Точно-точно к нам!

— Уважаемые, ведите себя потише, мы должны встречать покупателя с достоинством,— тут же принялись наставлять «молодежь» опытные книги.

Девушка, которая направлялась и этой компании, явно что-то искала, а не просто пришла поглазеть. Она стала внимательно просматривать полки, брала в руки то одну, то другую книгу.

— Да, да, да, выбери меня!

— Нет, меня, смотрите, она взяла меня!

Вскрикивает то одна, то другая книга. Разумеется, были и более благовоспитанные экземпляры, не позволяющие себе подобных выходок и терпеливо ждущие выбора покупателя.

Если бы крикливые книжки были повнимательнее, они бы заметили, что девушка на них даже не глядит, она пробирается дальше, ко второму ряду на полке, к тому, что скрыто от глаз. Там сверкай, не сверкай своей обложкой — никто не увидит. Там шепчи, не шепчи о своем желании обрести дом — никто не заметит. Пока кто-нибудь не начнет разбирать первый ряд специально, чтобы добраться до того, что скрыто, и вытянуть ту самую книгу, которая нужна.

Так оно и случилось, все книги были водворены на место, а совсем неприметный экземпляр, скромно спрятавшийся за своими соседями, покупательницей был извлечен на свет. И ее счастливые глаза говорили всем вокруг, что именно эту книгу она и искала все время.

— Как? — Некоторые книги были явно удивлены ходом событий, если не сказать больше — они были разочарованы.

Более реалистичные натуры спешат их спустить на землю:

— А как вы думали? Цветастая обложка и завлекательная аннотация — это еще не все.

— Да, эта девушка пришла сюда с конкретной целью, вот, ни на что не отвлекаясь, и нашла своего нового «жильца».

— Вот и хорошо,— примирительно, как мудрый дядюшка, сказал классик литературы,— мы можем порадоваться за нашу соседку, которая обрела сегодня свой дом. Настанет и наш черед.

Но не все книги были с ними согласны. Увы, не каждый обладает способностью радоваться за других. Но, тем не менее, некоторые книги искренне были счастливы за соседку. А родственники — книги того же автора — гордились ею.

Однако одна книга, стоящая на самом видном месте никак не унималась:

— Ну как же! Ведь я лучшая в своем роде книга! Ведь меня все хотят прочитать. Да эта замарашка никогда не была на моем месте. Это меня должны были выбрать!

— Угомонись ты,— вздыхает увесистый том,— разве ты не знаешь что все переменчиво? Сегодня ты у всех на виду, а завтра уже никого не интересуешь и никто тебя не застрахует от попадания в самый дольний угол книжного магазина. Вкусы людей меняются. Новинки литературы заставляют потесниться опытные экземпляры. В книжном мире происходит настоящий круговорот, и с этим ничего не поделаешь. Всегда будут популярные авторы и никому неизвестные, будут хорошо продаваемые книги и непризнанные. Однако в одночасье все может поменяться. Но даже если автор не станет классиком, не обретет популярность среди читателей, то он обязательно попадет в руки нужному человеку. Так или иначе, каждая книга найдет своего покупателя. Рано или поздно, но это случится.

Ведь совершенно не важно, что у тебя на корешке, кто рассыпается в комплиментах в твой адрес, на сколько языков тебя переводят и какая яркая у тебя обложка, важно, какие миры ты хранишь у себя внутри…

На какое-то время все притихли, многим понравилась эта мысль. Каждая книга, казалось, старалась заглянуть вглубь себя и оценить свой мир… Но постепенно книги снова зашелестели, стали обсуждать покупателей вокруг. И фантазировать о своем будущем доме. Мимо полок снуют покупатели, кассир неустанно пробивает очередную книгу и вручает ее новому владельцу. Жизнь шумит и бурлит как обычно.

Колокольчик звякнул, сообщая, что очередная книга отправилась в свой новый дом, дверь закрылась и на ней блеснула табличка «Книжный шепот».

Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА

г. Брянск

Родилась 8.11.1949 г. в п. Дубровка Брянской обл. Пишет пьесы, рассказы, сказы, сказки, стихи для детей. Автор пяти книг и ряда статей о брянской литературе. Лауреат всероссийских и международных литературных премий, в том числе всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Член СПР, член Международного союза писателей и мастеров искусств, член Союза писателей Союзного Государства. Наш постоянный автор.

СЛАВИНА СЛАВА

Мальчики второго «А» класса дружно готовились к празднику. Скоро 8 Марта, Международный женский день, и они будут поздравлять девочек: читать стихи, петь песни, дарить им открытки, сделанные своими руками. Для мальчиков и девочек будут конкурсы. Какие? Учительница держала это в тайне, потому что так интереснее.

Всем мальчикам были розданы стихи, которые нужно было выучить. Репетировали каждый день. Костя все время сбивался. Витя еще не выучил ни одной строчки. Не потому, что у него была плохая память. Просто Витя занимался в танцевальной студии, в музыкальной школе, ходил в бассейн… Он даже уроки иногда не успевал сделать. Учительница волновалась, потому что на праздник придут мамы и бабушки. Неожиданно заболел Ваня, а у него было главное стихотворение о том, что мальчики обещают хорошо учиться, примерно себя вести, помогать родителям и никогда не обижать девочек. Все беспокоились — вдруг не придет? Можно, конечно, отдать стихотворение другому, но Ваня был отличник и читал стихи лучше всех в классе, громко и выразительно. Волновались и за Вадима. Он должен был играть на пианино произведение великого композитора, но во время тренировки по борьбе повредил палец. Неужели сорвется номер?.. В общем, подготовка шла полным ходом и хлопот хватало.

Слава выучил свое стихотворение сразу. Старался читать четко, громко. Учительница его похвалила и сказала: «Берите со Славы пример. Он проявил настоящую ответственность, за него нам стыдно не будет». Конечно! Слава ждал праздник с особенным нетерпением. Дело в том, что он любил всех смешить. На уроках это не разрешалось, а вот на празднике — смеши, сколько угодно! Потому что праздник, считал Слава, — когда всем весело. Кроме того, сейчас был случай особый. Слава обязательно хотел рассмешить новенькую девочку Ксению, которая была почти всегда грустной, потому что в классе у нее еще не было друзей.

Наступил долгожданный день. Девочки пришли нарядные, некоторых даже сразу было трудно узнать. Мамы сделали им модные прически, подкрасили губы. На ушах сверкали сережки, а платья были, как у принцесс. Они важничали и старались на мальчишек не обращать внимания. Ксения опаздывала, и Слава забеспокоился. Что если она вообще не придет? Он все поглядывал на дверь и очень обрадовался, когда Ксения вошла в класс с бабушкой. Теперь все были в сборе. И Ваня не подвел, и Вадим вылечил палец. Жалко, что мама Славы не пришла. Она в этот день была сильно занята, у нее было дежурство в больнице. Но Слава уже привык быть самостоятельным.

Родители и девочки сели на приготовленные места, а мальчиков выстроили у доски. Праздник начался.

Слава прочитал свое стихотворение первым. Он не сбился, все рассказал правильно и громко. Слушали его внимательно, аплодировали. За Славой читал Костя. Он рассказывал выразительно, даже громче Славы. Потом шли стихи Глеба и Никиты. Родители и девочки смотрели на них, слушали, хлопали в ладоши, но никто не смеялся, потому что стихи были серьезные. Слава все время поглядывал на Ксению. Ей тоже сделали красивую прическу, в волосах блестела заколка, как будто голубая звезда зацепилась за кудряшки, но глаза ее смотрели, как всегда, грустно. Славе стало как-то скучно. Пока все двенадцать мальчиков расскажут, сколько времени уйдет! Разве это праздник? «Ксения, наверное, думает, что в классе одни зануды и вообще нет веселых ребят. Возьмет и уйдет в класс «Б». Нужно срочно что-то делать! От нетерпения Слава подвигал ногами, даже одной притопнул немного. Этого никто не заметил. Тогда Слава стал делать движения руками, как будто танцует рэп. Дома у него это получалось неплохо, но здесь было мало места, и он задел нечаянно Глеба. Глеб незаметно толкнул в ответ Славу. Ксения посмотрела на обоих. И некоторые родители улыбнулись. Тогда Слава повернулся к Глебу и состроил смешную рожицу, а Глеб показал ему язык. Кто-то засмеялся. Когда Ваня читал свое стихотворение, Слава и Глеб уже толкали друг друга, размахивали руками, Глеб даже показал прием каратэ, но Слава ловко увернулся. Учительница этого не видела, потому что сидела в другом конце класса и следила по бумажке, чтобы вовремя подсказать, если кто-то забудет текст. А Слава и Глеб выясняли отношения молча, чтобы она не заметила… Девочки дружно смеялись. Ваня сбивался, это случилось с ним первый раз в жизни. Он забывал слова, начинал сначала, но на это мало кто обращал внимания. Все наблюдали, чем закончится поединок Славы и Глеба. Наконец, стихи закончились, учительница

посадила мальчиков на свои места и объявила, что начинаются конкурсы. Ваня почему-то заплакал. Мама его утешала, но он лил слезы, как девчонка. Другим детям было не до него, потому что в соревновании нужно было не зевать и показывать свои умения и таланты. Слава участвовал во всех конкурсах для мальчиков. Он первым вызвался чистить картошку, хотя совсем забыл, как это делается. Глебу он, конечно, проиграл. Учительница показывала всем, как Слава вместе с кожурой срезал половину картофелины. Все смеялись, а Слава нисколько не обижался на ребят. Зато весело! Потом было смешно, когда Славе завязывали бант. У него оказались самые густые волосы. Было больно, потому что Никита вязал узел со всей силы, но Слава терпел. Он даже нарочно болтал при этом ногами и выпучивал глаза, чтобы было смешнее. Ксения смеялась так, что Слава понял: праздник удается. Прыгая через скакалку, он зацепился за веревку, упал и сам расхохотался громче всех, хотя больно ударился коленкой. А когда ели яблоко на скорость, Слава откусил такой кусок, что тот не уместился во рту; смеялись и мамы, и бабушки, и все дети. У девочек от смеха растрепались прически, и они забыли, что надо изображать принцесс.

Потом начали показывать номера. Слава еле дождался, пока Вадим доиграет нудное произведение великого композитора, потому что это было совсем не интересно, а главное, не весело. Когда объявили бальный танец в исполнении Вити и Ани и они закружились под музыку, Слава не утерпел и в конце этого номера тихонько прошелся на месте «лунным шагом», потом протопотал что-то вроде чечетки и, пока учительница этого не замечала, исполнил свой коронный номер — великолепную стойку на руках. Кто-то крикнул ему «Браво!» Витя, конечно, обиделся, Аня надулась, потому что аплодисменты достались не им. Зато Слава был на вершине своей славы.

Жалко, что праздник быстро кончился. Девочкам подарили конфеты, мамам и бабушкам приготовленные открытки. У всех было отличное настроение. Ваня тоже потом развеселился. Подумаешь — сбился! На уроке он сто раз расскажет свои стихи и получит пятерки! Это же праздник!

Слава пришел домой и подробно рассказывал маме, как он всех рассмешил, даже самую грустную новенькую девочку Ксению. Теперь она точно не уйдет в другой класс. Он с гордостью сообщил маме, что заслужил от учительницы самую большую похвалу. Она сказала, что таких учеников, как Слава, в ее классе еще не было. А отличник Ваня плакал из-за стихотворения; его утешала мама, а потом учительница, и он чуть не испортил настроение всем.

Слава не понял, почему мама не особенно радовалась его рассказу, а как-то задумывалась. Потом внимательно на него посмотрела и серьезно сказала: «Хорошо. Поговорим об этом завтра. Сегодня уже поздно. Пора спать». Слава знал, что, когда мама так говорит, это не предвещает ничего хорошего. Лежа в кровати, он вспоминал: что он сделал сегодня не так? Он ничего не разбил, ничего не поломал; сделал все уроки, не опоздал в школу… Съел честно всю еду, что мама оставила ему в холодильнике… Мама что-то перепутала. И он решил думать о другом. О том, что завтра, может быть, Ксения захочет сесть рядом со Славой, если его сосед по парте Вадим заболеет и не придет в школу. И уже засыпая, Слава придумал, что возьмет в школу кубик Рубика и покажет Ксении, как он умеет его складывать. Или лучше принести ползуна, который, если посильнее размахнуться, приклеивается к оконному стеклу. Правда, папа не разрешал этого делать дома, но в классе можно попробовать. Если ползун прилипнет, он потихоньку поползет вниз, оставляя на стекле четкий след. Ксении это точно понравится. А лучше всего принести в школу магнитного парашютиста. Его легко запускать, а приземляется он там, где есть металл. На столе у учительницы лежат магниты…

Слава засыпал, ему снилось, как парашютист летает по классу и ищет место приземления.

ВЗЛЕТ

Во втором «А» писали проверочную работу по русскому языку. С этим предметом у Славы были проблемы: он всегда делал какие-нибудь глупые ошибки. Мама расстраивалась, а папа ее утешал и говорил: «Не всем же быть писателями!»

Сегодня Слава очень хотел получить пятерку, потому что приближался мамин праздник — день рождения, и она, как обычно, сказала: «Самый лучший подарок для меня — это твоя учеба».

Работа оказалась совсем легкая. Сначала нужно было списать текст без ошибок, а потом сделать звукобуквенный разбор имени существительного. Легче не бывает. Если очень-очень постараться, то списать можно на «отлично», а разбор он понимал очень хорошо. Учительница однажды даже сказала: «Если бы все разбирали так, как Слава, у меня не болела бы голова».

Слава сосредоточился. Он помнил папин совет: «Главное — не думать ни о чем постороннем, не отвлекаться — и все будет нормально».

Списывать было нетрудно, потому что текст учительница подобрала интересный. Про то, как самолет-истребитель взлетал в небо, потом летел под облаками, оставляя за собой в синем небе ровный, красивый след… Слава старался изо всех сил. Буквы связывались правильно, все крючки и палочки, как крылья у истребителя, имели четкий наклон. Ни одна не перескочила через линию, не было сделано ни единой помарки, потому что Слава перечитывал каждое слово по три раза. Все. Он даже залюбовался своей работой.

«Хорошо бы посмотреть, как этот истребитель взлетает по-настоящему,— подумал Слава.— И какой он вблизи». Папа обещал, что летом они обязательно побывают на авиавыставке. Там разрешают посидеть в кабине и подержать штурвал. Многие мальчишки из класса уже летали на самолетах с родителями, хвастались потом, но Слава не завидовал. Он знал: если папа сказал, значит, так и будет. Главное — дождаться лета. Ничего. Ждать Слава давно научился.

«Дети, пора делать разбор слова, поторопитесь»,— раздался голос учительницы Светланы Александровны. Слава спохватился. Он чуть не забыл про задание! И опять сосредоточился.

Слово оказалось совсем простое — ВЗЛЕТ. Слава старательно написал его с новой строки. Потом раскрыл скобку транскрипции, и, как учила Светлана Александровна, стал быстро потихоньку произносить: «взлет, взлет, взлет…» Интересно! Если проговаривать быстро, первый звук исчезал, оставалось «злет, злет, злет…» Слава любил такие хитрые, интересные слова. Пишется одно, а слышится другое или совсем не слышится, как здесь. Надо же! Самая первая буква, заглавная, а куда-то пропадает! Как в сказке, которую он сам придумал недавно по заданию учительницы про вредные буквы. Их долго искали, но потом все равно нашли. И Слава уверенно написал первый звук — З. Дальше было все понятно: «Л» мягкий, «О» ударный, «Т»… Вот вопрос: в конце Т или Д? Если по правилу, нужно писать Т, потому что в конце слова звонкие оглушаются. Значит, сразу пишем Т. Для порядка Слава все-таки решил проверить и начал опять быстренько произносить слово. Чудеса! Вместо Т он как будто слышал Д: «злед, злед, злед»… Слава запутался и стал думать. Время шло, нужно было торопиться, а от этого сомнение только увеличивалось. Вспомнил, что из правил бывают исключения. «Вот! — догадался Слава, — это исключение». Он произнес слово еще несколько раз, только медленно: «ЗЛЕ — Т, ЗЛЕ — Т…» Теперь ясно слышалось Т. Но все равно этот звук как будто не хотел сливаться с другими. Он был какой-то чужой и нерадостный. Как будто самолет хотел взлететь, а это Т мешало, как тормоз, и самолет с разгона тыкался в землю. Звонкое сочетание ЗЛЕ вдруг обрывалось глухим, твердым, тупым Т. Страшная картина представилась Славе, он даже зажмурился… «Неправильное слово!» — подумал он. Светлана Александровна однажды объясняла, что в русском языке все всегда связано. Писатели подбирают специально такие слова и звуки, которые должны сочетаться друг с другом. Он запомнил, как она сказала: «Звуки перекликаются, аукаются». А тут? Разве Т и Д перекликаются? В голову стали вдруг приходить другие слова: точка, туча, твердый, труд, треск, тара-рам, тащить, тройка, тупой, труп!… Эти слова совсем не подходили к радостной, прекрасной картине: сверкающая на солнце серебристая птица стремительно разгоняется по взлетной полосе и, поднимая ветер, взлетает в высокое небо, под самые облака… А внизу остаются Дома, Дачи, Деревья, Дороги… И все на звонкий Д! На ум приходили: День, Далекий, Даль, Добрый, Дети, Двигатели… А как красиво сочетаются З и Д: «ЗлеД»! На всякий случай сравнил: «ЗлеД — ЗлеТ». И в любимом мамином слове ЗДоровье тоже ЗД! Очень много хороших слов, в которых З и Д, как неразлучные друзья: наеЗДник, ЗвеЗДы, праЗДник, поЗДравление… Слава вдруг понял: он только что сделал открытие. Даже Светлана Александровна, может быть, удивится: звуки, как и люди, умеют дружить. Звонкие составляют радостные слова, а глухие им мешают. Конечно, это еще надо хорошенько проверить…

«Сдаем тетради»,— сказала Светлана Александровна. Слава принял решение и написал в транскрипции твердо и уверенно конечный звук Д. Он не мог допустить, чтобы истребитель тыкался пропеллерами в землю. Его самолет летел высоко, уверенно, звонко!…

Анализируя работы, учительница Славу не ругала, только очень удивилась, что ученик, в котором она не сомневалась, один из класса сделал такую глупую ошибку: в конце слова написал звонкий согласный звук. Она поставила Славе четверку, а те, кто писал по правилу, конечно, получили пятерки.

Мама сначала воскликнула: «О чем ты опять думал»!

Славе почему-то не захотелось сказать правду, и он, опустив голову, промолчал. Мама внимательно рассмотрела работу, чуть-чуть вздохнула, но по-доброму сказала: «Хорошо. Четверка для нас — тоже отличная оценка. Ты молодец, не сделал ни одной помарки. Я вижу, что ты старался. Это главное». И, как всегда, заторопилась на кухню.

Слава разложил в детской комнате свои любимые игрушки.

Начинать игру ему мешала мысль: все-таки мама огорчилась или порадовалась? Было как-то непонятно. Мамины оценки не всегда совпадали со школьными. Слава вспомнил, как она улыбнулась, когда читала его работу, и решил, что все-таки мама не рассердилась. Она же поняла, что он старался. Жаль только: никто не знал, что, благодаря его ошибке, самолет благополучно взлетел над городом с пассажирами на борту и доставил их вовремя в нужную точку Земли. А за штурвалом был он, Слава, ученик второго «А» класса. Он бы рассказал про это маме, но ей, как всегда, когда она хлопотала на кухне, было некогда его слушать. Ну, ничего. Вечером он расскажет эту историю папе. Если только тот не останется на ночное дежурство. Тогда он будет утром долго спать, и придется еще подождать. Слава, конечно, потерпит, ждать он умеет. Папа обязательно поставит за такую работу свою пятерку, потому что он тоже не хочет, чтобы падали самолеты, и поэтому работает конструктором. Конечно, он скажет: «Писатель из тебя не выйдет». Почему он это всегда говорит? Неужели писатели никогда не делали в школе ошибок? А Светлана Александровна однажды сказала, что русский язык очень трудный, его нужно изучать всю жизнь. Но самое лучшее — это читать как можно больше книг. Слава читает больше всех в классе. Папа сам радовался, когда в конце четверти Слава полу-

чил Грамоту как лучший читатель. И вообще он учится всего только во втором классе. Разве можно сказать сразу, кем он станет, когда вырастет?..

Маленький серебристый истребитель выкатился на взлетную полосу игрушечного аэродрома. Вспыхнули бортовые огни, завертелись вертушками пропеллеры. «У-у-у!!!» — загудел басом Слава, посмотрел на приборы, потянул на себя рычаг ускорения, и его самолет взлетел над землей, устремляясь в высокое чистое небо. Внизу оставались поля, леса, города, дороги, и самолет, похожий на прекрасную птицу, нес на крыльях в далекие дали солнце и радость.

ИДЕМ В ЦИРК!

Когда мама объявила, что купила билеты в цирк, Владик, Саша и Слава дружно закричали: «Ура!!!» В цирке всегда интересно. А новая программа называлась «Среди хищников», и в ней должны были выступать львы, тигры, пантеры и еще страшный удав. Конечно, этих зверей мальчишки видели в цирке не раз, но в этот день смотреть представление идет закадычный друг Славы Степа, а с друзьями все всегда интереснее. Кроме того, Степе разрешали в цирке есть попкорн, а Славина мама категорически была против этой еды. Она называла попкорн гадостью, утверждала, что она, эта гадость, вредит здоровью и что ее вообще надо запретить. Теперь Слава надеялся, что Степа угостит их попкорном, а мама запретить этого не сможет, потому что она была культурным человеком и говорила, что людей надо уважать. Теперь братья думали, как бы сделать так, чтобы им досталось побольше угощения, и думали об этом все время. Владик предложил поменять попкорн на игрушку-лизуна. Но Слава сказал, что у Степы их целых три. Тогда Саша вспомнил, что Степа не смог сложить кубик Рубика. Может быть, дать ему кубик на несколько дней, чтобы он потренировался? Но Слава знал, что Степа рубиками не особенно-то интересуется. Когда в классе мальчишки просили кубик у Славы, Степа вообще занимался смартфоном, который ему купили на прошлой неделе.

И тут вдруг обнаружилось, что мама не может пойти в цирк, потому что у нее оказалось дежурство в больнице. Папа тоже, как всегда, будет на работе. С детьми согласилась пойти бабушка. Вот это уже была настоящая удача. Бабушку можно будет убедить насчет попкорна. Она любила внуков и никогда им ни в чем не отказывала. Только чтобы мама не узнала.

Еще по пути к цирку Слава стал рассказывать бабушке о том, что в цирке всегда продается попкорн, и он знает, где это место. Бабушка молчала. Тогда Слава стал говорить, какой попкорн вкусный, полезный и очень сытный, потому что после него совсем не хочется есть. Бабушка слушала внимательно и вдруг спросила: «А мама вам разрешает?» Слава немного смутился, потупил голову, вздохнул, но сказал правду: «Не разрешает». Пришлось на этом разговор закончить.

Когда вошли в здание цирка, Слава робко сказал: «Бабушка, попкорн продают вон там». И показал в сторону, откуда уже шли счастливые дети с пакетами, и по запаху, распространившемуся в фойе, было понятно, что они уже едят. Бабушка сказала: «Пойдем посмотрим, у нас еще много времени». Быстро нашли заветный прилавок. Родители платили деньги, а дети получали от улыбающегося продавца пакеты большие и поменьше. Слава спросил: «Бабушка, сколько стоит самый маленький попкорн?» Бабушка изучила витрину и ответила: «Недорого». «А у тебя есть столько?» Бабушка обманывать не умела и тоже сказала правду: «Есть». При этом она стала в очередь. Слава, предчувствуя счастье, робко пообещал: «Бабушка, мы есть не будем. Принесем домой, и поделим на троих». И добавил с надеждой: «Если мама разрешит». Очередь двигалась слишком медленно, Слава волновался. Он с нетерпением переминался с ноги на ногу, даже подпрыгнул несколько раз — не заканчивается ли попкорн? А бабушка уже заплатила деньги и подавала Славе самый большой пакет, предупредив, что это всем братьям. Подбежал Степан с таким же пакетом. Сравнили, у кого больше. Оказалось, что у Славы, потому что Степан уже съел часть. Слава был счастлив. Бабушка напомнила: «Есть будем только в антракте». Дети дружно закивали головами.

Есть было и некогда, потому что нужно было скорее занимать свои места, чтобы не пропустить начало представления.

Сидели очень удобно. Арена была близко, все отлично видно. Саша и Владик посадили Славу посередине. Нужно было следить, чтобы он потихоньку не ел попкорн. Договорились — в антракте, значит в антракте. Но Слава и не думал обманывать. Наоборот, он получше закрыл пакет, чтобы Владик и Саша не вздумали попробовать. Мама часто говорит, что они не имеют терпения, когда нужно. Вот Слава — другое дело. Вчера купили бутылку газированной воды, и мама отдала ее Славе, потому что он умеет правильно делить. Как братья ни просили, он еще даже не открыл бутылку — берег. Пусть будет полная.

Заиграла музыка, и на арену выскочили клоуны. В зале дружно засмеялись. Клоуны были смешные. У одного красный нос, растопыренные уши, рыжие лохматые волосы и вытаращенные глаза. У другого огромные ботинки, короткие цветастые штаны и огромный желтый бант вместо галстука. Они стали почему-то колошматить друг друга, и Славе показалось, что пакет с попкорном шевельнулся в его руках. Он прижал его к себе и посмотрел на братьев. Надо держать ухо востро! На всякий случай хорошо бы проверить. Он понюхал упаковку. Как приятно пахнет! Потом осторожно приоткрыл пакет и опустил туда нос. Скорее бы антракт! И тут Саша изловчился и сунул в пакет свою руку. Слава отреагировал мгновенно. Он дернул пакет к

себе, и его содержимое покатилось по полу. Слава от неожиданности замер. Не веря своим глазам, он смотрел на то, как попкорн катится под ноги сидящим впереди зрителям куда-то вниз, потому что пол был как горка. У Славы из глаз брызнули слезы. Он сначала терпел, всхлипывал потихоньку, но не выдержал и заревел громко под смех зрителей. Они смеялись, потому что на арене клоуны показывали какой-то смешной номер. В сторону зрителей полетели шары, дети их ловили, стоял шум, и Слава заревел еще громче. Бабушка все поняла. Она забрала пакет с остатками Славиного счастья. Что бабушка говорила, Слава не слышал. Он плакал уже потише, но все равно было видно, что у него случилось какое-то горе, и даже клоуны не могли его развеселить.

Хорошо, что объявили антракт. Слава закричал на Сашу:

— Это все из-за тебя!

Саша оправдывался:

— А зачем ты открывал? Ты сам потихоньку хотел съесть, чтоб нам не досталось!

— Неправда! — говорил Слава, глотая слезы. — Я хотел только проверить, а ты хватал своей рукой!

Бабушка встала и сказала:

— Не спорьте. Всякое бывает. Съешьте, что осталось. Еще не все рассыпалось.

В пакете, действительно, еще что-то было. Всем досталось по десять штучек, по полной горсти. Бабушка предложила:

— Давайте выйдем, посмотрим, что еще продается. Друзья молча выходили следом за бабушкой. Каждый ел из своей горсти и посматривал на других. За прилавками шла бойкая торговля. В очереди они увидели Степу. Оказывается, он уже съел все, что у него было, и стоял с мамой за новой пачкой. Славе почему-то опять захотелось зареветь. Бабушка стояла возле мамы Степы, они о чем-то разговаривали. Наверно, обсуждали программу и приближались к продавцу. Вот мама Степы подала деньги, и у нее в руках оказалось целых две больших упаковки с попкорном. Она подошла к Славе и протянула ему одну со словами:

— Слава, это вам от нас подарок.

Слава робко посмотрел на бабушку.

— Возьми,— сказала она.— В следующий раз подарим мы.

И заторопилась:

— Дети, быстрее, уже был звонок!

Слава прошептал «спасибо» и, еще не веря своему счастью, пробирался к своему месту. Когда уселись, бабушка сказала: «Видишь: не имей сто рублей, а имей настоящих друзей». Слава вспомнил, как учительница на уроке просила объяснить эту пословицу. Теперь он точно знал ее смысл и мог привести отличный пример. Он подумал, что эта пословица самая правильная на свете.

Во втором отделении выступали львы, тигры и удав. Совсем не страшные, а веселые, ловкие и дружные. Было очень интересно.

Марианна БОР-ПАЗДНИКОВА

г. Москва

Современная русская поэтесса, детский писатель. Родилась и выросла на Урале. Член Русского географического общества. Дипломант и лауреат многих российских и международных конкурсов и фестивалей.

Эти истории могли произойти в любом уголке нашей необъятной Родины. Но произошли они там, где празднуется фестиваль крапивы — в старом городке Крапивне, с прилегающими к ней слободами: Казацкой, Пушкарской, Жилой и Московской. Месте дивном своей стариной, красивой природой и тем, что крепко связано оно с именем Льва Николаевича Толстого. Герои историй пока не задумываются о глубинных корнях жизни, а просто приехали на летние каникулы со своими бабушками.

ТОМ СОЙЕР

— Ого! Местный Том Сойер, что ли? — подхихикнул кто-то за Колькиной спиной.

Колька красил забор. Он хотел повернуться и сказать, что Том Сойер красил деревянный забор, а вовсе не железные столбики. Но потом решил не обращать внимания и промолчал. В доме, который день переполох, приезжает его старший двоюродный брат. Поначалу Колька этому известию сильно обрадовался — не видел он его никогда, к тому же брат не просто брат, а настоящий моряк дальних морей и океанов. Но когда выяснилось, что к его приезду грядки должны быть прополоты, в комнате надо навести порядок, а забор срочно покрасить, то в душе у Кольки завозился какой-то нехороший червячок. Почему-то к Колькиному приезду

бабушка так не готовится. Прямо будто министр приезжает, а не моряк, пусть и капитан. А тут еще эта, не знаю кто… «Том Сойер, Том Сойер…» — Колька вздохнул. «Вот вырасту большим, стану десантником, посмотрим, как меня встречать будете». Окончательно расстроенный, Колька докрасил последний столбик и пошел к Таньке.

На качелях качалась кружка с горячим чаем.

— Один человек рад меня видеть,— благодарно подумал Колька и, усевшись на качели, стал попивать чаек, поджидая Таньку.

Но пришла совсем не Танька, а какая-то незнакомая девица и знакомым голосом сказала:

— А кто это сидит на моих качелях и пьет чай из моей чашки? Неужели Том Сойер? — И она снова хихикнула.

Колька не выдержал. Гордо встал с качелей и сказал:

— Я Колька! А когда вырасту, стану десантником, как Конапушка, и тогда вы все узнаете какой я. А качели это мои и Танькины!

— Ах, ты Колька!? Ну, держи пирожок, Колька,— Она протянула ему пирожок.

Кольке очень хотелось его взять, но он решил, что так быстро сдаваться не следует и, поставив чашку на качели, пошел домой. Дома он закрылся в своей комнате и решил, ни за что не будет выходить пока брат не уедет. Или хотя бы подождет, когда бабушка вспомнит, что он, Колька, тоже ее внук.

Потом Колька услышал радостные возгласы бабушки и мужской голос. Он лег на кровать и накрыл ухо подушкой. В комнату осторожно постучали.

— Колька, можно к тебе?

Голос был приятным… Колька побежал открывать дверь. На пороге стоял молодой человек в настоящей морской форме.

— Разрешишь войти?

Колька молча сделал шаг назад.

— Давай знакомиться, брат? — Он протянул ему руку…

… Через пять минут старший брат знал, что Колька, когда вырастет, станет десантником, еще через пять — знал про него все.

— На бабушку не обижайся, Колька, я ведь у нее старший внук, главный… — Он засмеялся совсем необидно, и Колька сразу простил ему все обиды.

За обедом бабушка так нахваливала Кольку своему старшему-главному внуку, что Колька окончательно забыл свои обиды и теперь ему даже понравилось, что его назвали Томом Сойером.

А вечером в гости пришла Танька с бабушкой и своей сестрой Нинкой, назвавшей Кольку Томом Сойером. Колька помирился и с ней. Они пили чай с пирожками, веселились и фотографировались несчетное количество раз. Колька достал голубой берет, и Танькина сестра захотела сфотографироваться в нем. Пока Танька бегала за своим беретом, брат сделал фото Кольки в офицерской фуражке. А потом они сфотографировались вдвоем: Колька в берете десантника, а брат в полной парадной форме.

Теперь у бабушки на самом видном месте в горнице висит фото — «Мои главные внуки»,— говорит она соседкам, и те согласно кивают головами.

ФЕСТИВАЛЬ КРАПИВЫ

Колька со старшим братом выдирали крапиву — бабушка решила насеять цветов вместо буйных ее зарослей. «Сил моих нет бороться с ней, все заполонила»,— жаловалась она внукам. Вот они и выдирали. Колька справлялся только с одиночными крапивами, а брат захватывал сразу штук по шесть и тянул… Колька только головой качал:

— Как с такими справиться? Корнищи-то распустили!

— Это точно! Крепка крапива корнями своими — мы ее здесь вырвем, она в другом месте прорастет… Родственные связи.

Тут Танька прибежала, глаза круглые сделала:

— Что это вы крапиву ничтожите, да еще в такой день!

— Какой такой день?

— Так фестиваль крапивы! Это как день рождения — славить ее будут… Мы с Нинкой идем. Пойдемте с нами.

Кольке с братом стало стыдно, что они в такой день крапиву ничтожат, и брат сказал:

— Так давайте и ее с собой возьмем, раз фестиваль крапивы!

Они взяли крапиву и пошли. Бабушки тоже пошли. Ой! Что они про крапиву узнали! Оказывается, из нее можно полотно ткать и оно крепче, чем изо льна. Таньке, конечно, немного обидно за лен стало. «Никто не знает, что он очень стеснительный,— шепнула она Кольке,— а мы знаем». Колька кивнул головой в знак согласия, но против парусов не поспоришь. Брат рассказал, какие крепкие они должны быть, какие штормы

их треплют в морях и океанах. Танькина бабушка загорелась связать себе из волокон крапивы лечебные носки. А Колькина сказала:

— Вы свяжите, а я посмотрю… Может и старшему внуку свяжу, ему в морях холодно.— Потом подумала и добавила:— Это что же, теперь и не выполоть крапиву? Вон ведь какая она заслуженная.

А Танька прямо как передовой агроном, решила крапиву везде сеять. Собирает теперь ее семена и разбрасывает, да еще наговаривает: «Расти крапивка большая и сильная». Колька подумал-подумал, взял тоже семян да и насыпал у качели, где Танька с бабушкой ее изничтожили и цветочки насажали. Так это они не со зла, не знали еще какая она полезная, хотя суп варили…

СКВОРЦЫ

Поспевали в саду ягоды.

— Варенья наварим, Колька,— мечтала бабушка.— Ты только за скворцами посматривай, гоняй их… Ишь, поналетели — все поклюют. А я пойду, сахару куплю.

Колька старательно их гонял, никуда уйти не мог. Пришла Танька.

— Ой, что это за ягодки синенькие? — спрашивает.

— Не знаю,— говорит Колька,— я их от скворцов охраняю.

— Давай попробуем, если они не поспели, так и скворцы их есть не станут, а значит и охранять не надо.

И они стали пробовать.

— Эта сладкая,— говорит Танька.

— Ага, и у меня сладкая…

— А эта не очень, кисловата еще.

Пробовали, пробовали — никак не могут решить охранять или не надо.

Пришла бабушка, говорит:

— Ой! А где же жимолость?

Глянули Колька с Танькой, а ягод, и правда, нет. Только что весь куст был в сизых веретенцах — и нет!

— Неужто скворцы? — вздыхает бабушка.

Смутились Колька с Танькой.

— Мы хотели проверить, поспели ягодки или нет. Надо ли их охранять.

— Ну, ин вижу — проверили,— улыбнулась бабушка.— Идите теперь к Таньке охраняйте, может, там еще не склевали…

КНИГА

— Ба-аб, а ба-аб… а купи мне книгу,— сказала однажды вечером Танька, когда ложились спать.

— Чего это вдруг? Ты же их не читаешь! — удивилась бабушка.

— А ты купи такую, чтобы читала.

— И какая же она должна быть?

— Мм… — Танька задумалась. Она не знала, какой должна быть книга, чтобы ей захотелось ее прочесть. — Я, пожалуй, посплю, а утром скажу тебе,— решила она. Может приснится что.

Ей снилось, что она ходит по огромному книжному магазину от одного стеллажа к другому. Читает корешки книг, рассматривает рисунки, ничто не привлекает ее внимания. Она садится на пол и плачет. Книги наперебой пытаются утешить ее: читают сказки, стихи, поют песни… одна книга даже станцевала перед ней, раскинув красные листочки, как пышную юбку. Танька не успокаивалась. Она искренне хотела читать, но не могла понять что.

И тогда одна умная книга сказала:

— Я поняла — мы не виноваты в том, что Танька нас не читает! Просто ей кажется, что она все знает. А когда ей захочется узнать больше, чем она знает, она возьмет книгу и прочтет. Потом возьмет вторую, третью… И чем больше книг она прочтет, тем больше будет понимать, как много она не знала.

Утром Танька сказала бабушке:

— Я знаю, какая мне нужна книга.

— Какая же!?

— Мне нужна умная книга!

И они пошли в магазин.

Магдалина ГРОСС

д. Истомино Балахнинского района
Нижегородской области

МУЖИКИ ИЗ ШЕСТОГО «В»

Вовка сидел на Сережиной кровати и говорил утешительным тоном: «Да ладно тебе, Серый, будь мужчиной, в конце концов! Мне вон тоже операцию аппендицита, когда я совсем маленьким был, делали, так я вообще ничего не помню. Один только шрам остался. Хочешь, покажу?»

Он встал, задрал рубаху и уже хотел начать расстегивать ремень, чтобы показать оставшийся от операции небольшой светло-коричневый рубец с правой стороны, как Сережа опять скривил губы и начал всхлипывать.

Вовка оставил ремень в покое, махнул рукой и уселся опять на самый край больничной кровати.

— Ну, Серый,— опять начал уговаривать он,— ну, хорош нюни пускать! Говорю же тебе, это совсем не больно. Все же под наркозом делают…

— Так я, это, наркоза… тоже боюсь,— всхлипнул Сережа, вытирая ладонью глаза, из которых текли слезы.

Вовка, который своей операции даже не помнил, потому что было ему на тот момент всего два с половиной года, на какое-то мгновение замешкался. А потом вновь принялся подыскивать слова для своего, совсем упавшего духом, друга.

— А главное, знаешь,— дрожащим голосом внезапно перебил его Сережа,— в хоккей теперь уже точно не разрешат играть.

— С чего ты это взял? — Вовка еще не потерял надежды уговорить Сергея не бояться предстоящей операции.— Может, через год уже все можно будет.

— Не-е-е-е…— отчаянно затряс тот головой.— Мне уже врач сказал, что придется чем-то другим заниматься. И он заплакал уже в полный голос.

— Так это же хорошо! — Вовка так и подскочил на кровати.— Будешь со мной вместе на баскетбол ходить! Там, знаешь, как здорово? И тренер у нас нормальный, и со взрослыми мы тренируемся. И вообще, знаешь, этот спорт, как его…— Вовка на мгновение задумался, а потом по слогам попытался произнести:— М-ма-ло-т-трам… нет, ма-ло-трав…

— Малотравматичный,— подсказал ему Сережа.

— Во! Малотрамватичный,— кое-как проговорил Вовка.— Так что давай заканчивай слезы лить, а то мне идти надо, математики навалом задали.

— Вовчик,— Сережка уже устал плакать и попытался принять сидячее положение,— а ты после операции придешь?

— Конечно, приду,— заверил друга Вовка,— только ты давай прекращай ныть, как девчонка. Что ты не мужик, что ли? — снова пустил он в ход свою излюбленную фразу.

— Мужик,— вздохнул Сережа, у которого слезы еще не высохли окончательно.

— Ну, вот и не реви,— поднимаясь с койки, опять произнес Вовка.— Пошел я, пока.

— Пока,— вяло отозвался Сережа.

— Ты только приходи еще завтра тоже,— словно вспомнив что-то, крикнул он вслед другу.

Но дверь в палату уже закрылась.

Хоккей, с которым после операции, судя по всему, суждено было расстаться, в общем-то, Сережу и подвел. Получив сильный удар шайбой по колену во время тренировки, он едва удержался на ногах, и тут же, почувствовав сильную боль, широко открыл рот, словно старался заглотить побольше воздуха и этим облегчить свое состояние.

Взрослые парни, присутствовавшие на тренировке юниоров, перескочив через борт площадки, схватили Сережу под мышки и волоком утащили со льда.

Потом его осматривал врач, нажимая попеременно на разные места на коленке, а Сережка то морщился от боли, то начинал вскрикивать. Тренировка в тот день для него закончилась, тренер позвонил родителям, и приехавший отец забрал Сережу домой.

Тогда мальчик еще не знал, что и лед, и всю свою хоккейную команду в сборе он видит в последний раз. Нет, потом он, конечно, будет ходить на игры, переживать за ребят, но все это будет только с трибун. Потому что из игрока он превратится в болельщика.

… Боль в коленке не прекратилась ни на следующий день, ни через два и даже ни через три дня. Сережа уже боялся наступать на ногу, потому что это вызывало нестерпимую боль. Отек не увеличивался, но и не спадал, а тут еще приехавшая из деревни бабушка решила «полечить» любимого внука, приложив к ушибленной коленке грелку.

Сережа, у которого от заботы бабушки и тепла грелки боль стала уменьшаться, поначалу очень обрадо-

вался. Задремав, он даже не услышал, как в комнату вошел врач, сопровождаемый мамой, и тихо подошел к его кровати.

Откинув одеяло, он тот час же нахмурился.

— Кто догадался? — спросил он, кивнув в сторону Сережиной коленки, на которой лежала резиновая грелка.

— Так, это я, милый, и положила,— поторопилась сказать бабушка,— парень-то ведь совсем замаялся с этим своим коленом.

— Тепло ни в коем случае нельзя прикладывать! — нахмурившись еще сильнее, проговорил доктор.— Ведь вы только оказали мальчику медвежью услугу.

— Так…— снова начала бабушка,— в старину-то всегда…

— Нельзя! — строго повторил доктор, перебивая старушку.

Потом он принялся осматривать больную коленку, но Сережка буквально от первых же прикосновений задергался так, как будто его смотрел не врач, а било электрическим током.

— Рентген нужен, причем срочно,— сказал доктор.— Где же вы раньше были?

— Так,— стоявшая рядом мама развела руками,— никто не говорил нам про рентген-то. Мы думали, что все само со временем пройдет.

— Само это не пройдет,— покачал головой доктор, выписывая направление в рентгеновский кабинет. Потом он повторил свое требование:— Ни в коем случае не прикладывать к больному месту тепло,— и ушел.

Вечером нужные снимки были сделаны, благодаря папе, который на свой страх и риск отлучился с работы, оставив автоматизированное производство на молодого напарника.

После рентгена Сережу осматривали врачи уже в больнице, где он услышал незнакомые для себя слова «остеосинтез надколенника по Веберу», которых, конечно же, не понял. В этой же больнице его и оставили, и Сережа думал, что утром его отпустят домой. Но после завтрака к нему снова пришел отец, был он почему-то один, без мамы, и сказал, что без операции дело, судя по всему, не обойдется.

— Не реветь тут! — тот час пробасил он, увидев, что у сына губы расползаются в привычной слезливой гримасе.— Ты без ноги захотел остаться? Ну-ка, выше нос!

— С наркозом сделают,— продолжил он,— ты ничего и не почувствуешь.

Но слово «наркоз» почему-то не утешило, а — наоборот — напугало Сережку еще сильнее. Правда, при отце он больше плакать не решился, зато, когда тот ушел, слезы хлынули из него с такой силой, что пришедшая с ужином санитарка сбегала за медсестрой. После успокаивающего укола поток слез стал потихоньку останавливаться, а потом и вовсе прекратился. Но ужинать Сережа в этот вечер так и не стал.

Потом к нему явился Вовка, увещевательные слова которого тоже не оказали должного воздействия. А через день Сереже сделали операцию, которая, кстати, оказалась не такой страшной, как он себе представлял, и через пару недель выписали домой.

Какое-то время Сережка ходил только на костылях и только по дому. Русский язык и математику он потихонечку проходил с незнакомой ему учительницей, за которой в школе были «закреплены» те ученики, которые по той или иной причине не могли посещать школу. По остальным предметам ему, понимая ситуацию, выставили «четверки» авансом.

О том, чтобы заниматься хоккеем, действительно пришлось забыть, потому что Сережу даже от физкультуры на целый год освободили. Некоторые одноклассники, узнав об этом, в открытую говорили: «Везет тебе, Серега!», но в чем заключалось это «везение» Сережа не понимал. Ему так хотелось побегать, попрыгать, повисеть на шведской стенке и турнике, но вместо этого приходилось каждые три недели ходить к врачам, выполнять их предписания и делать бесконечные рентгены. А это Сережке так надоело, кто бы только знал!

… — Ребята, сегодня бежим восемьсот метров,— объявила учительница физкультуры Алла Сергеевна.— Это два круга вокруг школы.

Алла Сергеевна работала в школе с окончания института и, считалось, что физкультуру преподает она уже давно. Во всяком случае, сколько Вовка с Сережей учились, они видели ее постоянно. Обычно на Алле Сергеевне был надет либо синий спортивный костюм, либо красный, на котором, подобно форме олимпийцев, красовался белый узор, а сзади такими же белыми большими буквами было на английском языке написано слово «Россия».

Когда Вовка был маленьким, он, гуляя на улице, частенько забегал на школьный двор, потому что в самом дальнем его углу стояли качели, на которых он любил покачаться. При этом он воображал себя то летчиком, ведущим огромный серебристый лайнер сквозь густые облака, то космонавтом, который летит на ракете далеко-далеко от земли, и мимо него проносятся кометы и астероиды. Причем чем сильнее он раскачивался, тем выше в его воображении была скорость пролетающих мимо него космических тел.

Качаясь взад-вперед, Вовка иногда видел, как из школы выходила красивая высокая женщина в спортивном костюме, причем выходила не одна, а с ребятами. Они начинали делать разные упражнения или занимались бегом на время по расчерченному голубой краской асфальту, а красивая черноволосая женщина при этом свистела в свисток, как самый заправский судья на матчах по футболу, которые периодически смотрел по телевизору папа.

Позже, когда Вовка стал учиться в школе, он тоже стал выходить на улицу вместе со всеми во время уроков физкультуры. И так же, как все, он бегал, прыгал, лазил по железным лесенкам и ходил по бревну.

С Аллой Сергеевной, как с учителем, он познакомился уже поближе. И хотя Вовка был очень подвижным мальчиком и уроки физкультуры никогда не пропускал, Аллу Сергеевну он недолюбливал. Он даже сам себе не мог ответить на этот вопрос, почему учительницу музыки — некрасивую, но очень добрую Веронику Матвеевну, которая, при всей своей неказистой внешности, обладала мягким приятным голосом — он просто обожал. К симпатичной же Алле Сергеевне, которая вроде бы ничем его ни разу не обидела, он испытывал то ли нелюбовь, то ли неприязнь...

В этот раз, взглянув на девочек, Алла Сергеевна хотела было снизить им количество метров, но потом, подумав про себя, что детям и так приходится много сидеть за партами, решила: «Пускай бегут наравне с мальчиками». Тем более восемьсот метров с любой точки зрения — расстояние не ахти какое большое.

Вовка, которому пробежать указанную дистанцию ничего не стоило — он легко преодолевал куда большее количество кругов вокруг школы,— посмотрел на Сережу. Тот сосредоточенно осматривал дорожку, по которой обычно бегали все ученики, и, видимо, прикидывал, сколько ему потребуется времени, чтобы преодолеть указанное расстояние. На время он уже давно не бегал, поэтому, видимо, растерялся от мысли, что все остальные его с легкостью обгонят.

— На старт! — скомандовала в это время Алла Сергеевна, поднимая правую руку вверх.— Внимание! — И затем, выдержав небольшую паузу, резко опустила руку вниз и при этом громко крикнула:— Марш!

Рванувшиеся с места шестиклассники сначала бежали все вместе, потом мальчики стали потихонечку вырываться вперед. Все, кроме толстого Петьки, который из-за своей комплекции не мог бегать быстро и на всех соревнованиях по бегу неизменно приходил к финишу последним. Когда же речь заходила о состязаниях школьного или городского масштаба, Петьку вообще не брали участвовать, потому что знали, что, благодаря этому увальню, весь класс, а то и вся школа, непременно «завалит» все мероприятие.

Вовка, который поначалу вырвался в передовики, почему-то оглянулся на Сережу и увидел, как тот, не пробежав даже небольшого расстояния, стал отставать. Сбавив скорость, Вовка пропустил вперед не только мальчишек, но даже некоторых девочек.

Когда Сережа догнал его, Вовка понял, что тому пробежать назначенную дистанцию будет очень даже непросто. Вовка побежал рядом и стал подбадривать своего друга:

— Давай, Серый, ты же можешь. Ну, давай, не тормози.

Сережа, который после таких слов вроде бы прибавил в скорости, внезапно резко затормозил и, взглянув на Вовку, сказал каким-то натужным голосом:

— Вован, оставь меня. Ты лучше беги вперед, а то так совсем отстанешь.

Но Вовка, который словно пропустил слова друга мимо ушей, вперед не побежал. Наоборот — он сбавил скорость движения настолько, что со стороны можно было подумать, что он пришел заниматься сюда бегом трусцой, причем исключительно для своего собственного удовольствия, но уж никак не для того, чтобы бежать кросс.

— Давай, Серега,— то и дело повторял он,— ведь ты же раньше бегал, ну не стой, прошу тебя.

— Да я уже давно столько не бегал,— прерывающимся голосом сказал Сережа, и снова повторил:— Ты сам давай беги уже, не жди меня.

Вторично не обратив на произнесенные другом слова ровно никакого внимания, Вовка продолжил тихонечко бежать, неустанно подбадривая Сережку.

В этот момент их обогнали те, кто вышел уже на второй круг. Увидев Вовку, медленно бегущего рядом с Сережей, некоторые удивленно закричали прямо на ходу:

— Вовчик, ты сегодня в отстающие записался? Чего плетешься, как хвост?

— Отстаньте уже,— огрызнулся на них Вовка, а сам, повернувшись к Сереже, продолжал:

— Серый, давай, не обращай на них внимания. Только не останавливайся, встанешь — потом совсем трудно будет с места сдвинуться.

— Давай, Вован! — закричали ему быстроногие одноклассники, среди которых «Вован» сейчас по логике вещей и должен был находиться.— Мы тебя ждать не будем!

— Никто и не просит! — то ли с насмешкой, то ли с ехидцей ответил им Вовка.— Что я вас держу, что ли?

Другие ребята, бежавшие второй круг, увидев Вовку, который чуть ли не шел пешком около семенившего с ним рядом Сережи, ничего не сказали. Внутри они, конечно, радовались, что один из лучших бегунов класса, находится в самом «хвосте», а значит — одним сильным соперником у них уже было меньше.

Сережа очень шумно дышал и даже, как показалось Вовке, стал немного прихрамывать, когда они сделали заход на второй круг. А ведь впереди было еще целых четыреста метров!

Вовка покрутил головой по сторонам, поискав глазами Аллу Сергеевну. Она отошла к полосе препятствий, которая находилась довольно далеко от бегущих кросс ребят, и, судя по всему, разговаривала с кем-то по мобильному телефону.

«Что она не видит, что ли, что Сереге трудно бежать,— подумал Вовка,— ведь она же знает, что у него прошлой зимой операция была. Да и не бегал он уже давно все эти кроссы».

«Что с того,— продолжал он размышлять про себя,— что Серый сейчас опять ходит с нами на физкультуру? Ведь он же действительно здорово отстает от нас хоть в прыжках, хоть в беге. Да во всем отстает, если разобраться. Ведь он целый год не занимался!»

Однако Алла Сергеевна, скорее всего, видевшая их, но даже не прекратившая своего — видимо исключительно важного — разговора, не проявила никакой реакции.

Вскоре их догнал даже толстый Петька, который тяжело дышал и поэтому решил просто пройти шагом небольшой отрезок пути. Он обрадовался, что в компании отстающих он на сей раз был не один, о чем свидетельствовало его довольное лицо.

— Ребята, я с вами,— радостно сообщил он, примкнув к Вовке с Сережей.

Но Вовка, не обращая на Петьку никакого внимания, продолжал фактически бежать на месте рядом со своим другом.

— Вован,— Сережка умоляюще посмотрел на него,— двойку ведь поставят, беги, ты хоть чуть-чуть время нагонишь.

Вовка, насупившись, посмотрел на него и, продолжая трусить рядом, не переставал подгонять:

— Давай, Серый, ну давай, ну хоть как-нибудь, но шевелись.

Они приблизились к углу школы, в то время как с другой стороны здания показался сначала один, затем другой, затем третий бегун, которые закончили бежать кросс самыми первыми.

Постепенно начали подбегать и другие ребята. Петька же, увидев, что теперь даже он будет не последним, внезапно рванул с места и довольно резво для себя преодолел весьма внушительный отрезок пути. Потом, оглянувшись назад, он увидел, что Вовка с Сережей так и ползут вдвоем на почтенном расстоянии, и сообразил, что даже если остаток времени он пройдет самым обычным шагом, они его уже не догонят. Поэтому он неспешно стал двигаться дальше, внутренне радуясь за то, что ему в этом забеге выпал нежданный реванш.

Когда Вовка с Сережкой преодолели финишную черту, весь класс уже стоял группой. Петькино лицо светилось нескрываемой радостью оттого, что в этот раз он не прибежал последним, а на Сережку было просто жалко смотреть. Лицо у него было красным, и было видно, что эти два круга, которые не представляли большого труда даже для девочек, дались ему очень и очень тяжело. Видимо, нога, из-за которой Сережка целый год не ходил на физкультуру, тоже дала о себе знать. Да и неизвестно, одолел бы он вообще эти два круга, если бы не Вовкина поддержка.

А Вовка, помощь которого Сереже уже не требовалась, отошел к турнику и теперь нервно ходил вокруг него, приминая недавно вылезшую из-под земли травку своими кроссовками. Некоторые ребята отвернулись, понимая насколько было несправедливо заставлять одноклассника, который перенес операцию на коленке, бежать наравне с другими. Но вслух никто ничего не произнес.

Алла Сергеевна начала объявлять оценки.

— Филиппов, Смирнов и Сенников,— с довольным видом улыбнулась она прибежавшим первыми мальчикам,— однозначно пять.

Все трое мальчишек, фамилии которых только что прозвучали, на глазах у всех обнялись и дружно выкрикнули: «Ура!» три раза.

Потом Алла Сергеевна назвала еще несколько фамилий, в числе которых прозвучала даже Петькина, который сразу же начал горделиво улыбаться. По данным секундомера, который Алла Сергеевна продолжала держать в руках, они пробежали дистанцию на «четверку».

— Ну, а вы, двое,— обратилась учительница к Сереже с Вовкой,— получаете по «тройке». Вообще-то,— добавила она, прикусив губу и прищуриваясь, по нормативу вы оба укладываетесь только в отметку «два». Но сегодня день такой ясный и солнышко так светит,— она подняла свои глаза на небо, откуда действительно ярко светило солнце,— что уж так и быть, дарю вам по «трояку».

— Кстати, ты,— Алла Сергеевна посмотрела на Вовку,— зря не пробежал кросс, как следует. Оценочка-то за четверть у тебя теперь будет явно не отличная. И чего ради? — явно не понимая Вовкиного поступка, спросила она, пожимая при этом плечами.

Затем она повернулась к девочкам, чтобы объявить им их оценки, чем дала понять Вовке и Сережке, что с ними разговор уже закончен и возвращаться к этой теме она больше не собирается.

Сережа уныло поплелся в школу. Если бы он даже пробежал этот злосчастный кросс на «двойку», у него и так вышло бы три за четверть, но тон Аллы Сергеевны, а главное — осознание того, что Вовка ради него пожертвовал собственной отличной оценкой, заставило его покраснеть. Насмешливое «чего ради?» все продолжало звучать в его ушах и никак не хотело убираться восвояси. Даже не «кого», а «чего», словно он, Сережа, был какой-то вещью, а никак не человеком.

— Вовчик… — начал он, когда Вовка приблизился к нему и пошел с ним вровень,— ну зачем ты это сделал? Ведь теперь тебе физра испортит всю годовую успеваемость. А ты ведь в секцию ходишь. Зачем ты, правда, а? — повторил он, поблескивая повлажневшими глазами.

— Серый,— произнес, остановившись, Вовка,— да оставь ты ее в покое, эту «пятерку»! Чего она тебе далась-то? Ну, подумаешь, ну, успеваемость… главное-то ведь совсем не в ней.

— А в чем же? — поднял глаза Сережа. Сам он в последнее время учился довольно посредственно, поэтому в его воображении Вовкин поступок казался ему чем-то из рода героизма. Привыкший радоваться да-

же четверкам «с вожжами», он никак не мог взять в толк, как можно добровольно согласиться на более низкую оценку, тем более — как совсем недавно произнесла Алла Сергеевна — чего ради? Ради него, и так не блещущего хорошими оценками?

— Глупый ты,— с отеческими нотками в голосе, совсем так же, как иногда говорил ему отец, произнес Вовка. А потом, обняв окончательно опешившего друга за плечи, спросил с решимостью:— Мы, что, разве не мужики с тобой? — совсем так же, как он это когда-то давно спрашивал у Сережки в больнице.

— Ну, м-м-м-мужики,— замявшись, протянул Сережа.

— А мужики,— Вовка высвободил руку,— должны всегда поддерживать друг друга. Запомни.

— Запомнил? — Он легонечко щелкнул друга по лбу.

— Запомнил,— вздохнув, улыбнулся Сережа. Хмурое выражение потихонечку стало исчезать с его лица, хотя он с какой-то виноватой улыбкой так и продолжал смотреть на Вовку.

— Ну, вот и ладно,— удовлетворенно сказал тот, подходя к входу в школу,— ведь самое главное — ты пробежал этот кросс. А остальное,— философски закончил Вовка,— меня интересует,— он помедлил и смешно наморщил нос,— остальное меня интересует… ровно на ноль целых, ноль десятых процента. И, надеюсь, ты это запомнил тоже.

С этими словами Вовка перешагнул школьный порог и направился к раздевалкам.

Антонина МАРКОВА

г. Тюмень

ТОМКА

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

Посвящается моей маме, Бирюковой Тамаре Николаевне, рассказавшей эту правдивую историю

Семилетняя Томка сидела на свежераспиленных лиственничных чурках и отковыривала большим гвоздем янтарную смолу. Каждый добытый кусочек она отправляла в рот, зная, что через несколько минут горькая смола превратится в лиственничную серу, которую можно будет жевать долгое время, заглушая чувство голода.

Шел июль 42-го года. Девочка знала, что где-то далеко идет война, на которой погиб мамин дядя — Федор. Томка слышала от взрослых, что он ушел на фронт добровольцем, как только враги напали на нашу страну, воевал артиллеристом и «пал смертью храбрых». Так было написано в похоронке.

Выполнив наскоро задания матери, девочка обычно уносилась на улицу. Ей приходилось протискиваться между досок забора, огораживающего территорию завода, на задах которого стоял их одинокий дом. Справа от высокого крыльца был небольшой огород, поленница да ветхий навес — вот и вся Томкина вотчина.

В левые окна дома были видны корпуса конюшен, где работал отец. Он иногда брал дочку с собой. И это был настоящий праздник. Томка каталась на мерине-бочковозе, доживающем свою старость. Мерин без натуги катал худющую наездницу, почти не ощущая ее веса. С войной к нему опять вернулись посильные обязанности — возить с реки воду, а иногда — ходить по кругу и вращать водилку, в которой тренировали для фронта молодых коней.

На улице Молотовой жили все Томкины друзья. Они собирались в глубине огромного куста старой, раскидистой черемухи, которую между собой называли штабиком. Здесь ребята рассказывали новости, обсуждали план игры в казаки-разбойники, делились собранными ягодами, щавелем или овощами с огорода.

… Сегодня девочка побежала в штабик, прихватив с собой пару пупырчатых огурцов. Веруська, лучшая Томкина подружка, сидела в черемуховой глубине одна. Она рассказала, что вчера в город снова прибыл эшелон с ранеными, которых разместили в корпусах курорта, где с начала войны был организован эвакогоспиталь.

— Мама сказала, что раненых будут лечить грязями и солевыми ваннами,— важно сообщилаВеруська.— А мы будем ходить к ним с концертами, не маленькие уже. Так что учи песни, Томка!

В конце лета собравшихся у госпитальных ворот маленьких артистов уже встречал немолодой и строгий на вид военврач.

— Вы, ребята, пришли не просто выступать с концертом,— сказал он.— Вы будете помогать солдатам выздоравливать. Ведь хорошее настроение заменяет порой и таблетки, и микстуры. Так что это выступление можно назвать вашим боевым заданием!

Для концерта приготовили большую, светлую комнату, в которую собралось все ходячее население госпиталя. Когда наступила Томкина очередь, сердечко ее испуганно забилось, но она не показала виду и решительно шагнула в палату. Учительница Анна Васильевна заиграла на баяне, девочка начала песню, и через несколько секунд к ней стали присоединяться неуверенные глуховатые голоса раненых. Вскоре все вместе пели про «скромненький синий платочек». Когда песня закончилась, наступила сначала глубокая тишина, а через несколько секунд ее взорвали оглушительные аплодисменты.

Юную исполнительницу попросили подойти. Она приблизилась к раненым, и они стали пожимать девчушке руку, гладить по голове, совать ей кто сухарик, а кто кусочек сахару. Каждому хотелось дотронуться до маленькой артистки, а та от такого внимания и волнения расплакалась.

… Когда в сентябре Томка вошла в свой класс, то увидела на последних партах незнакомых, одинаково одетых ребят.

— Они — эвакуированные,— поспешила сообщить Веруська на переменке,— и живут они в детском доме.

— А где их родители? — полюбопытствовала Томка.

— Мама сказала, что у некоторых родители воюют,— шептала подружка в самое ухо.— А у других — убиты.

— Они, что, видели фрицев? — ужаснулась маленькая слушательница, почувствовав холодок, пробежавший мурашками по спине.

— Не знаю,— ответила Веруська,— давай спросим вон у той девочки с кудрявыми волосами.

После уроков подружки подошли к новенькой, но задать свой вопрос не решились.

— Как тебя зовут, девочка? — спросила смелая Веруська.

— Гутя,— тихо ответила та и опустила глаза.

— Давай мы тебя проводим,— предложила Томка,— а то заблудишься. Вас ведь поселили в общежитие педучилища, верно?

Вскоре девчонки подружились. Они узнали, что новенькая — из Курска, что ее родители ушли на фронт в начале войны, а Гутю вместе с другими детьми эвакуировали в Сибирь, что она чудом спаслась во время бомбежки поезда, спрятавшись в глубокой грязной луже недалеко от железнодорожного полотна.

— Фрица видела только одного,— рассказала однажды Гутя,— это был летчик. Он летел очень низко, строчил из пулемета и смеялся. Мне казалось, что он целится именно в меня. И я с головой нырнула в мутную воду.

… А поздней осенью Гутя тяжело заболела и таяла прямо на глазах. Военврач дал распоряжение поместить больную в женскую палату госпиталя за занавеску. С того дня каждый вечер Томка с друзьями ходили проведывать одноклассницу, а заодно выполняли мелкие поручения раненых — читали новости из газет, стихи и рассказы, писали коротенькие письма под диктовку солдат, пели вместе с ними песни. Но Гутя угасала день ото дня. Подружки почему-то надеялись на новогодний праздник, к которому они усердно готовились. «Вот Гутя обрадуется и пойдет на поправку!» — часто повторяла Веруська.

30 декабря в курортном холле на выступление ребят собрались не только ходячие больные. Персонал медучреждения помог переместиться в большую комнату всем, кто способен был видеть и слышать. В первый ряд поставили большое старинное кресло, неизвестно как попавшее в госпиталь, и усадили туда маленькую пациентку. В этот день Гутя слабо улыбалась и казалась бодрее, чем обычно. Только на щеках полыхал слишком яркий румянец.

Когда концерт подошел к концу, в зале неожиданно появился Дед Мороз с мешком подарков. Только потом выяснилось, что это был военврач, решивший порадовать и маленьких артистов, и своих подопечных. Всем без исключения он вручил почти забытые за войну сладости.

А на следующий день пришла страшная новость — ночью умерла Гутя. Томка не могла поверить, что ее подружка-заводила больше не будет смеяться и шалить вместе с ними, что нельзя будет даже обнять эту непоседливую девочку, которую она полюбила всей душой. Первая большая потеря, коснувшаяся лично ее, Томки, полоснула по сердцу жгучей болью и всколыхнула в нем настоящую, почти взрослую ненависть к фашистам.

... Всю долгую зиму наша героиня вместе с другими ребятами после уроков «работала» в госпитале. Раненые бойцы полюбили ее за доброе сердце и чистый голосок, часто просили спеть новую песню. Томка легко запоминала слова, не стеснялась вплетать свой голосок в хор взрослых.

У них в семье хорошо пели все, а бабушка даже аккомпанировала на маленькой гармонике. Мать иногда подыгрывала ей на старой балалайке. До войны семейные праздники проходили весело, с плясками да наигрышами, а уж когда на несколько голосов заводили пение, то даже соседи приходили их послушать.

Со многими из раненых Томка подружилась, особенно с Петром Степановичем — пожилым украинцем, долго выздоравливающим после тяжелого ранения осколком снаряда. Он тоже симпатизировал маленькой хохотушке.

Однажды Степаныч показал Томке затертую довоенную фотографию, на которой она узнала своего старшего друга в окружении большой семьи. Мужчина назвал по именам старенькую мать, жену, двух дочерей и трех сыновей, а потом добавил сквозь слезы, бережно разглаживая снимок:

— Все они теперь — ангелы. Мои дорогие ангелы!

Позже он рассказал девочке, что всю его семью сожгли немцы вместе с другими жителями большой деревни. Наступая на врагов, стрелковый полк Степаныча оказался неподалеку от родного села, и мужчина за ночь сбегал туда, где когда-то стоял его дом. От деревни остались только ряды черных печных труб.

— Не сразу я узнал свою печь,— вздыхал Степаныч,— а когда подошел поближе, пригляделся, вдруг увидел, что стоят рядом с ней прозрачные тени моих малых деток, а за плечами у них — белые крылья…

А весной Степаныч выписался и уехал, оставив Томке на память вышитый украинским узором поясок.

Писать не обещал, но после войны прислал большую посылку с грецкими орехами, которых до этого маленькая сибирячка никогда не пробовала.

… Пролетел еще один военный год. Весенние сводки 1945-го радовали и больших, и маленьких. Наши гнали фашистов уже за пределами Родины. На уставших, изможденных работой лицах родителей все чаще расцветали улыбки.

В этом году раньше обычного распустилась и старая черемуха, где собирались ребята.

— План на сегодня,— как всегда командирским тоном сказала Веруська,— уборка мусора на территории эвакогоспиталя. Грабли и метлы возьмем из дома,— добавила девочка и направилась к выходу.

Но тут на улице послышался приближающийся гул голосов. Ребята переглянулись и, не сговариваясь, бросились выбираться из штабика.

— «Победа! Победа!» — расслышала Томка и закричала.— Ребята, да это же Победа! Война закончилась!

Людей на улице становилось все больше. Они обнимались, поздравляли друг друга, танцевали прямо на дороге. До самых сумерек то тут, то там вспыхивали звуки гармони и песни.

К вечеру девчонки и мальчишки, возбужденные увиденным и услышанным, не сговариваясь, снова собрались в недрах старой черемухи. Они рассказывали, как дома встретили долгожданное известие.

А Томка вспомнила про дядю Федора, ангелочков Степаныча, подружку Гутю и по-взрослому сказала:

— А нам теперь — за них жить надо! Добывать счастье за всех, кого не пощадила проклятая война!

Людмила ПЕНЬКОВА

г. Тула

РУССКИЙ АЛФАВИТ

Дорогие мальчики и девочки! Сегодня мы с вами не просто поговорим о нашем русском алфавите, алфавите русского языка, мы погордимся им! Узнаем о том, кто является создателями русского алфавита. Алфавит заслуживает того, чтобы мы гордились им, считали его национальным достоянием нашей России, исторической, культурной, интеллектуальной ценностью, самой жизнью русского языка. Во-первых, алфавит дал не только начало русской письменности, но и является началом любого дела для человека, без него мы не смогли бы обойтись ни одного дня.

Дорогие ребята, ответьте, пожалуйста, на мой вопрос: «Что такое алфавит?»

Правильно! Алфавит — это совокупность букв, какой-либо письменности, расположенных в определенном порядке, то есть для каждой буквы установлено свое место. Русский алфавит, или русская азбука является алфавитом русского языка. Алфавит можно сравнить с дружной буквенной семьей. Большая семья и славная! Она состоит из тридцати трех букв. Однако таким наш алфавит был не всегда.

Сейчас я вкратце познакомлю вас с историей создания русского алфавита.

Современный русский алфавит произошел от кириллицы старославянского языка, являющегося церковным языком. Первой славянской азбукой была глаголица, или кириллица. Создателями славянской письменности являются просвещенные братья Кирилл (Константин) и Мефодий. Их еще называют солунскими братьями, так как они были родом из греческого города Салоники, по-славянски Солун. Около 863 г. по просьбе моравского князя Ростислава и по поручению византийского императора Михаила III Кирилл и Мефодий привезли в Великую Моравию первые книги на славянском языке, предназначенные для богослужения и просвещения славян. Братья обучали славян книжному делу и богослужению на славянском языке.

В кириллическом алфавите было сорок три буквы. Основой для двадцати шести кириллических букв послужил греческий алфавит. Часть букв кириллического алфавита отличалась по написанию от букв нашего современного алфавита.

Русская азбука оставалась неизмененной до реформ нашего великого царя Петра I, которые проходили с 1708 по1711 год. Позже в 1917—1918 годах была произведена еще одна крупная реформа письменности, в результате нее появился нынешний русский алфавит, состоящий, как вам известно, из тридцати трех букв.

Дорогие ребята, вы уже знаете все буквы алфавита и то, что у каждой буквы есть свое имя — название. Это замечательно, но, к сожалению, далеко не все правильно произносят буквы. Например, букву, обозначающуюся графическим значком М, необходимо произносить — эМ, и ни в коем случае — не Мэ, как могут

называть ее те, кто не знают правильного произношения буквы эМ. Мэ — это уже блеяние овцы, а не название буквы. Представьте себе, что ваши имена искажают! Неприятно, правда?! Поэтому надо выучить названия букв так, как нам предлагает алфавит. Порядок букв в алфавите тоже нужно знать.

Я познакомлю вас со стихотворением «Алфавит». В нем каждая буква алфавита названа по имени так, как она звучит в родном ей алфавите. Это стихотворение, если вы с ним подружитесь, поможет вам запомнить правильное название букв и не обижать буквы, произнося их с ошибками.

АЛФАВИТ

Первой буква **А** стоит.

Б
Бэ с ней рядышком живет,
Звонким голосом поет!

В
Буква Вэ — на третьем месте.

Г Д Е
Гэ , Дэ, Е « Где?»,— спросят вместе.

Е
Букву Е найдем на елке.

Ж З
Же в журнале, Зэ — в заколке,

И Й К Л
И, Й (И краткое), Ка, эЛь —
Знать все буквы — наша цель.

М Н О
эМ, эН, О — хочу все знать!

П Р С
Пэ, эР , эС — все знать на пять.

Т У Ф Х Ц
Тэ , У, эФ, плюс Ха, плюс Це —
Радость знаний — на лице.

Ч Ш Щ Ъ
Че, Ша, Ща плюс твердый знак Ъ —
Нам без букв нельзя никак!

Ы Ь Э Ю Я
Ы, знак мягкий Ь, Э, Ю, Я —
Буквы — славная семья!

Подружитесь с этим стихотворением! Оно поможет вам не обижать буквы, произнося их с ошибками, и не попасть в неловкое положение, не зная правильного названия букв нашего родного алфавита.

… Следующее стихотворение вам поможет запомнить порядок расположения букв в алфавите. Когда вы выучите его наизусть, оно будет служить вам подсказкой очередности букв в алфавите. Секрет состоит в том, что каждое слово восьми стихотворных строчек начинается с буквы, соответствующей порядку ее места в алфавите. В последних двух строчках стихотворения идет перечисление оставшихся шести букв алфавита.

АЛФАВИТ — БОГАТСТВО

— Алфавит — богатство! Вот! —

Говорил друзьям енот.
Ёлка ждет зимой игрушки.
Й — капризная лягушка.
Муравей нашел очки.
Полосой растут сморчки.
Торт украсить фея хочет.
Царь чудит: шута щекочет.
Твердый знак Ъ, Ы, мягкий знак Ь,
Э, Ю, Я! У букв — порядок! Это так!

Дорогие ребята, сейчас я предлагаю вашему вниманию сказку, главными героями которой являются первоклассник Егор и буква «Б».

СКАЗКА О ТОМ, КАК ЕГОР ПОДРУЖИЛСЯ С БУКВОЙ «Б»

Егору уже исполнилось пять лет, а он никак не хотел изучать буквы. Мама купила сыночку замечательную красочную азбуку, чтобы привлечь его внимание к изучению алфавита, но Егорка всего лишь с удовольствием рассматривал яркие картинки, а знакомиться с буквами и подружиться с ними отказывался. Мама часто рассказывала сыну о значении букв для человека и терпеливо ждала, когда мальчик сам проявит интерес к алфавиту, потому что знала: любое дело приносит радость и успешные результаты только в том случае, если оно совершается с желанием, увлеченно.

Наконец наступил долгожданный час! Егорка подошел к маме с азбукой и сказал, что готов изучать буквы. Мама обрадовалась, и будущий школьник с маминой помощью подружился с буквой «А».

На следующий день Егору предстояло выучить произношение и правописание буквы «Б», но к огромному маминому огорчению ее сын заупрямился и отказался от занятия. Причину своего отказа объяснил так: «Какая некрасивая буква, у нее слишком большой живот, наверное, она много ест и мало двигается, а это, ты сама мне говорила, вредит здоровью!» Мама попыталась переубедить сына. Она горячо объясняла ему, что каждая буква одинаково необходима людям, одинаково важна. Абсолютно каждая буква алфавита участвует в образовании разных слов, обозначающих определенные понятия, действия, состояния, явления, но Егор не прислушался к маминым убеждениям и перешел к букве «Г» — стройной и изящной. Буква «Б», как и все другие буквы алфавита, славилась мудростью, она не обиделась, молча простила мальчика и решила ему в будущем преподнести урок полезный для его жизненного пути.

Время пробежало быстро, Егор пошел в школу, и его стали называть первоклассником. На первом же уроке учительница Екатерина Алексеевна попросила Егора передать родителям просьбу в письменном виде. На тетрадном листочке она написала: «Уважаемые родители, напишите, пожалуйста, на учебнике фамилию и имя вашего сына, то есть подпишите учебник. С уважением Екатерина Алексеевна». Дома Егор, прежде чем отдать маме послание учительницы, решил сам прочитать его содержание. Читал он медленно по слогам. Ува-жае-мые ро-ди-те-ли, на-пи-ши-те, по-жа-луй-ста, на уче-ни-ке фа-ми-лию и имя ва-ше-го сы-на, то есть под-пи-ши-те ученик. Догадались, дорогие друзья, слушатели этой сказки, что буква «Б» специально ушла из текста, чтобы Егор все таки смог понять, что все буквы алфавита нужны и важны. Потеря буквы, может придать слову совсем иной смысл. В нашей сказке слово УЧЕБНИК без буквы «Б» превратилось в слово УЧЕНИК, и это обстоятельство ввело первоклассника Егора в заблуждение. Продолжаем сказку. Егор прочитал слова учителя и несказанно удивился. Он непросто очень удивился, он был в шоке! Первоклассник побежал к маме и с возмущением стал говорить о том, что учительница просит родителей написать на нем самом его имя и фамилию, то есть подписать его! «Мама,— продолжал Егор,— ты на самом деле подпишешь меня?» — «Да,— со всей серьезностью сказала мама,— напишу прямо на лбу крупными буквами, чтоб всем хорошо было видно! Учителя нельзя не слушать!» Немного помолчав, с совсем другой интонацией в голосе, мама произнесла: «Егор, ты попал в затруднительную ситуацию только потому, что отказался знать букву «Б», незаслуженно обидел ее, поэтому она ушла из слова УЧЕБНИК, а без буквы «Б» образовалось слово УЧЕНИК. Учебник и ученик обозначают разные понятия. Мальчик быстро сообразил, что надо делать. Он вежливо попросил у буквы «Б» прощения. Мудрая буква «Б», конечно же, простила ему неуважительное отношение к ней, и они стали друзьями на всю жизнь! Егор сказал букве «Б»: «Благодарю за понимание и доброту!» Без буквы «Б» и слово БЛАГОДАРЮ не смогло бы выразить пожелание блага, то есть добра, потому что звучало бы, как непонятное слово ЛАГОДАРЮ.

Буква «Б» начинает важное для всех людей слово БЛАГО. Оно обозначает все светлое, доброе, радостное.

Мальчик заново перечитал запись учителя и понял, что идти в школу с надписью на лбу ему не придется! Он обрадовался и навсегда запомнил: все буквы из дружной семьи алфавита важны и нужны, в случае потери буквы слово может передать совершенно другую неправильную информацию. Да здравствует каждая буква семьи алфавита! Да здравствует грамотность!

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

СКАЗКИ*

В КОРОЛЕВСТВЕ УТРЕННЕГО СИЯНИЯ

Обретя свободу, беглецы спрятались в лесу. Стемнело.

— Что будем делать, друзья? — спросила Олия.— Идти дальше мы не можем. Очень темно. Утром, обнаружив пропажу, за нами отправят погоню.

— Взойдет луна и в лесу станет светлее. Тогда тронемся в путь. Нам нельзя медлить,— ответил Лак.— Мы должны отправиться в страну Утреннего сияния, к королю Алону. Нужно вернуть ему дочь и попросить помощи. Одним нам с Радживом не справиться.

— Отец любит меня и обязательно вам поможет,— ответила Антия.

Вскоре взошла луна, и все двинулись в путь, стараясь уйти подальше от мрачного замка. Их ноги цеплялись за выступающие коренья деревьев, путались в травах, но беглецы ничего не замечали. Прилетевшая стайка светлячков, освещала лесные окрестности. Утро застало их за пределами страны Болотных лилий. Найдя укромное местечко, путники сделали привал. Осмотревшись, Аленка нашла кустик с ягодами ежевики. «Волшебный прутик, помоги накормить друзей», — прошептала девочка, касаясь темных ягод. Ягоды увеличились и стали размером с яблоко. Сорвав несколько штук, она принесла их и раздала друзьям.

— Алена, ты и на самом деле добрая фея,— удивилась Олия.

Немного отдохнув, Олия, Антия, Лак и маленькая фея продолжили свой трудный путь.

Лес расступился, и впереди раскинулась величественная и необъятная степь.

— Мы в стране Утреннего сияния! Нам осталось пройти совсем немного. Скоро мы войдем в город! — воскликнула счастливая Антия.

Величественный город, словно прекрасное видение, возник перед глазами путников. Стража, склонившись в поклоне, пропустила принцессу и ее друзей через ворота. Антия повела их по узким улочкам во дворец короля Алона.

Королю уже доложили о прибытии дочери. Он ожидал ее на пороге замка.

— Доченька, Антия, ты жива! — воскликнул он, обнимая дочь. Мы искали тебя по всему свету! А ты сама нашлась!

Король не скрывал своих слез.

— Папа, познакомься! Это мои друзья. Это они меня освободили из плена.

По стране разлетелась добрая весть: «Дочь короля спасена!» Люди выходили на площадь и ликовали. А во дворце стояла веселая суматоха. Повара готовили праздничный ужин, прислуга украшала королевскую трапезную, служанки приводили в порядок платья принцессы. Вечером все собрались за богато накрытым столом. Во время ужина Антия поведала отцу о своих мытарствах. Рассказала о том, как она отказалась быть женой Раджива, и он запер ее в Девичью башню. Как затем, в отместку королю Алону, он заставил сестру превратить принцессу в водяную лилию. Как томилась и страдала она в вонючем болоте и как узнала от птиц о судьбе другой пленницы — королеве страны Голубых цветов Олие. Как услышала от одной сплетницы-вороны об освобожденных птицах и о девочке-фее Алене и ее друге Лаке, спешивших на помощь к королеве Олие. И о том, как спасла ее фея, вернув прежний человеческий облик. Отец был потрясен рассказом дочери.

— Нужно наказать злодея и вернуть королеву на трон! — грозно воскликнул он.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА ГОЛУБЫХ ЦВЕТОВ

Собрав войско, верхом на белом коне Алон отправился в страну Голубых цветов. А с ними в походной карете ехали королева Олия, ее подданный Лак и девочка-фея Алена. На подступах к королевству войско остановилось на отдых. Вдруг охрана заметила бегущего к ним человека. Он махал руками, стараясь привлечь к себе внимание.

---

* Окончание. Начало в «Ковчеге» за 2018-й и 2019-й гг.

— Это Нак, мой дворецкий! — воскликнула Олия.

Подбежавший мужчина упал на колени перед своей королевой. Отдышавшись, рассказал, что произошло во дворце:

«Раджив был взбешен, узнав, что Олия сбежала из плена. Он приказал заточить сестру в Девичью башню. У входа в темницу поставил стражников. За беглецами была отправлена погоня. Они облазили все окрестности, но Олии и ее спасителей нигде не было. Тогда он сам приехал в страну Болотных лилий и, когда увидел, что одной лилии не хватает, пришел в ярость. Он приказал избить всех слуг Вассы, а сам умчался, пришпоривая коня, в страну Голубых цветов. Влетев во дворец, приказал немедленно собирать вещи.

Вскоре ему доложили, что на страну идет большое войско короля Алона. Вместе с ним — королева Олия. Бросив все, он вскочил на коня и умчался в неизвестном направлении с горсткой преданных ему людей. А его войско тут же разбежалось. Люди вышли на улицы и охраняют страну и дворец. Все ликуют и ждут королеву!»

— Вот и закончились ваши страдания, дорогая королева! — склонил перед Олией голову Алон. Входите победительницей и занимайте по праву принадлежавший вам трон.

Люди встречали свою правительницу ликованием. Весь путь до дворца был усыпан голубыми цветами, которые так любила королева.

Рядом с королевой шли ее друзья Лак и Аленка… Вдруг из толпы вышел волшебник в длинном синем халате, в желтых тапочках и высоком колпаке, украшенном золотистыми звездочками. Он подошел к Аленке и тихо произнес: «Молодец! Любой человек может стать волшебником, и даже простой прутик в его руках творит чудеса, если в сердце живет любовь и доброта!»

… «Доченька, просыпайся! Пора вставать!» — гладила по головке, пытаясь разбудить Аленку, мама.

Девочка открыла глаза:

— А где Лак? — удивленно спросила она.

— Остался во сне,— улыбаясь, ответила мама.

Еще пребывая во власти сновидений, Аленка внимательно осмотрела комнату. Вот аквариум с плавающими разноцветными рыбками. Напротив кровати — стол, а на нем восседает в длинном синем халате и в желтых тапочках волшебник.

— Волшебничек! — воскликнула Аленка. И ей показалось, что он улыбнулся…

Ольга АНДРЕЕВА

г. Тула

Родилась в г. Туле 17. 11. 1959 г. Окончила механический факультет Тульского политехнического института в 1982 г.. С 1987 г. преподает. Обучала детей лепке. С 1997 г. — учитель в школе изобразительного искусства «Морозко» в г. Москве. Занимается возрождением тульской игрушки. Имеет звание народного мастера России. Член Союза художников России. Наш постоянный автор.

КОЛЬЕ ДЛЯ РУСАЛОЧКИ

Во дворце царя морского
Издан был указ простого
Содержания прямого:
— Я желаю, хоть немного,
На балу увидеть вас!
Это, значит, будет — РАЗ!
— Вы сыщите для девицы,
Для царевны те вещицы,
Чтоб их она сперва,
На пиру без волшебства,
Нам представила, дивя!
Это, значит, будет — ДВА!
— Разыщите музыкантов
И каких других талантов,
Чтоб они нас до зари
Развлекали, как могли!
Это, значит, будет — ТРИ!
Полетели тут гонцы
И коньки, и стригунцы
Во все дальние концы
С приглашеньем к пятнице:
«Прибыть знати во дворец!
Знать дворцовый этикет!

На балу же не скучать!
Всем мазурку изучать!»
Только вот какое горе:
У Русалочки в уборе —
Ярки звезды и ракушки.
— Это просто безделушки!
— В этом ходят ли на бал?!
— Я уже указ отдал,
— Ты, дочурочка, не плачь!
Посмотри, как мчится вскачь
К нам гонец издалека,
Он несет, наверняка,
Драгоценности тебе.
— Глянь, что тащит на себе?!
— Да ведь это ж Одесситка,
На спине — крючок да нитка.
Залилась слезьми опять
Наша девица. Как знать?
— Может бал мне отменить?
— Будем жить и не тужить!
Опечалился Нептун.
Тут плывет к нему болтун,
Рыба рода — шепотун .
— Мне сказали, что шалун,
Дельфиненок-озорун,
Разноцветной палочкой
До моллюсков прикоснулся.
И — о ЧУДО! — отшатнулся.
Что-то вынул из ракушек.
— Звать ко мне моих пеструшек!
— Вы явите мне дельфина,
С тем, что вынул из Мартина.
Это может быть годится
И царевне пригодится!
И пеструшки-хлопотушки,
С тем, что вынул из ракушки,
Дельфиненка озорного
Во дворец царя морского
Привели под ясны очи:
— Молви слово, но короче!
— Что достал ты из Мартина?
— Вот, гляди, кака чудина!
Как краса сия попала
И расти в ракушках стала?
— Мне сказал моллюск — Мартин,
Что Русалочка почин
Привнесла своей слезой.
— Дельфиненок, тут постой!
— Верно понял, что слезинки
Проглотили, как чаинки
Все ракушечки. И вот!
— И, как видишь, без хлопот
Украшенье получилось!
Тут Русалка оживилась:
— Верно, слезки непростые,
Коль жемчужинки такие!
Блеском дивным озаряют
И придворных всех пленяют.
— Красота, глаз не отвезть!
— Для тебя большая честь!
Ты исполнил мой указ,
И веселье наше спас!
— Прикажи своим пеструшкам
Все горошки нанизать,
И получится, как знать,
На той ниточке блистать
Украшенье для девицы,
Чтоб кружилась чаровница,
Ослепляла б лишь она
И пьянила б без вина!
Украшенье получилось.
А на бале, что случилось?
Во дворец царя морского
Гостей прибыло так много!
Что едва в паркетном зале
Поместились и сверкали
Под фагот, валторн и скрипку,
Не скрываю тут улыбку.
Чем же бал был завершен?
Был приказ учрежден:
«Наградить дельфина — Крошу.
Слово я свое не брошу!»
— Не меня ты награди,
А Мартину угоди!
— Будь по-твоему, дельфин.
Здесь один я властелин!
А Русалка на балу —
Но об этом никому?! —
Принца встретила морского,
Иноземца удалого.
Это будет сказ другой.
Не покрыт он сединой.
Ну, а эта сказка вся.
Вся ЗА-КОН-ЧИ-ЛА-СЯ!

КОЛЬЕ ДЛЯ РУСАЛОЧКИ

В одном морском царстве-государстве жил-был царь Нептун со своей красавицей дочерью Русалочкой.

Множество морских обитателей им прислуживали — это и скаты, и рыбки всех мастей, и медузы. Ворота дворца охраняли бравые морские коньки и ежи.

И вот однажды решил Нептун в своем дворце устроить бал, о котором он слыхал от своих друзей-дельфинов.

— Вы слыхали будет бал! — перешептывались рыбки.

— Бал? А что это? — спросила зевающая медуза.

— Наверное, какой-то заморский гость,— проворчал коралл.

— Нет! Нет ! Это — музыка, веселье и ТАНЦЫ! — проговорила рыбка-бабочка, проплывавшая мимо ко-

ралла.

— Я это видела, когда жила в аквариуме у людей. Ах! Как это красиво!

Все в нарядных платьях, и у всех дорогие украшения,— вторила большая камбала, греющаяся на песочке.

— А у меня нет никаких украшений!— печально произнесла Русалочка, и залилась горючими слезами.

— Как же я смогу появиться у себя на балу? — всхлипывая продолжала Русалочка.

— Не плачь, доченька! Я царь или не царь! Будут у тебя самые лучшие украшения!

И издал Нептун указ:

Я — владыка морской приказываю всем! Всем! Всем моим подданным! Найти и принести во дворец самые дорогие украшения для моей любимой дочери! Украшения от вас! Награда — от меня!

И помчались гонцы во все концы искать украшения для Морской Царевны.

День прошел.

Принесли улитки странные вещицы: крючки, леску, монетки и цветные стеклышки.

— Что это? Разве можно в этом прийти на бал! Какие-то стекляшки!? — сквозь слезы произнесла Русалочка и зарыдала еще громче.

Прошел второй день.

Во дворец приползли морские звезды и принесли кусочки кораллов.

— Они издеваются надо мной. Выгони их прочь, отец!

— Вон! Вон! Бестолковые звезды!

А Русалочка все продолжала плакать. Слезы капали на раковинки, которые устилали пол во дворцовой зале.

На третий день приплыли к Нептуну дельфины. Во рту они держали какие-то цветные палочки.

— Дозволь, владыка, слово молвить!

— А вы драгоценности принесли?

— Пока нет! Но сейчас что-то ты увидишь.

— О чем они говорят, отец?

— Дорогая, Русалочка, ты так долго плакала, а твои слезы капали на ракушки. Они их спрятали в своих раковинках.

— А вчера нам приснилось, что у них внутри появилось непонятное твердое и странное, и они нас попросили открыть раковинки и достать то, что у них внутри оказалось.

— И в этом я пойду на бал? — испугано произнесла царевна.

— Не беспокойся, Русалочка, давай посмотрим, что они нам достанут.

Дотронулись дельфины цветными палочками до раковинок. Створки открылись, осветив ярким, золотым светом всю царскую залу, и внутри каждой ракушки лежало по большой, блестящей, белой жемчужине.

Ах! Какая красота! — вытирая слезы произнесла царская дочка.

— Ты собери их на леску, которую принесли улитки, и будет у тебя чудесное, жемчужное ожерелье.

— Просите, чего только пожелаете. Вы выполнили мой приказ.

— А нам ничего не надо. Лучше спроси у ракушек. Это у них такое чудо появилось.

— Чего вы хотите, раковинки, говорите?

— Подари нам перламутровые створки, чтоб нам легче было жемчужинки выращивать.

— Будь по-вашему! И балу быть!

И в назначенный день во дворце состоялся бал. Гостей прибыло видимо-невидимо!

Ах, как там весело звучала музыка ! Ах, как блистали наряды! И какой же прелестный был бал!

Русалочка на празднике встретила заморского принца, но это уже совсем другая история, а эта за-кон-чилась!

Рагим МУСАЕВ

г. Тула

Писатель, драматург. Член Академии российской литературы, Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь». Родился в г. Богородицке Тульской обл. 6.11.1977 г. Окончил Юридический институт МВД РФ, Московский университет им. С. Ю. Витте. Нач. отдела анализа и контроля СУ УМВД России по Тульской обл., подполковник юстиции. В России и ряде стран — более двадцати постановок в театрах и множество публикаций в журналах. Лауреат международных и российских литературных конкурсов. Победитель Всероссийского конкурса на лучшее произведение о работе следователя («Журналистика и литературная публицистика», 2011 г.). Лауреат литературных премий. Постоянный автор нашего альманаха.

Предлагаемая пьеса поставлена в Тульском государственном театре кукол и Луганском академическом театре кукол. Кроме того в 2019 году она поставлена как выпускная квалификационная работа на курсе Н. П. Наумова Российского государственного института сценических искусств (г. Санкт Петербург).

ИДУЩАЯ К МОРЮ

Сказка для театра кукол
по мотивам преданий народов Севера

Действующие лица:

Герои:
Мать
Сын
Она,
Хозяйка белой вежи
Женщина
Просительница
Внук
Чакли

Тени:
Мать-Бабушка
Отец-Дедушка
Просители и больные
Рыбы

ДЕЙСТВИЕ I.

Явление 1.
Море озаряется северным сиянием.
На фоне цветных всполохов появляются две рыбы.
Черная Рыба нападает на Рыбу Белую. Белая старается увернуться,
но Черная все же настигает ее и пытается проглотить.
Черная Рыба оборачивается чудовищем,
Белая Рыба оборачивается ребенком и кричит: «Мама! Мама!»
Крик переходит в детский плач.
Затемнение.

Явление 2.
Мать, Сын.
Детский плач продолжается.

Сцена освещается, и мы видим внутреннее пространство вежи[1].
Горит очаг, на заднем плане плачет ребенок, на переднем просыпается Мать.
Приснившийся кошмар отпустил ее, но плач ребенка…
Это же плачет ее ребенок!

Мать *(вставая)*. Что? Сынок… Сынок, что случилось? Не плачь.

Мать подходит к сыну.

Хочешь оленьего молока? Оно придает силы.

Идет за молоком. Возвращается.
Начинает поить ребенка, приподнимая его голову.

Ах! Как ты горяч! Ты болен… Духи, за что? Ведь рядом нет шамана. Кто тебя вылечит? Не плачь, сынок… Не надо. Духов этим не задобришь.

Мать берет Сына в руки. Он обессилен.
Теперь он скорее не плачет, а скулит от боли, не реагируя на Мать.

Хочешь пить? А что хочешь?.. Что делать… Что мне делать? О, духи! Вы уже забрали мужа, хотите забрать и сына? За что? Что мне делать одной? Возьмите мою жизнь, но дайте жить моему сыночку!

Явление 3.
Те же и чакли.
Внезапно вежа озаряется призрачным светом.
Появляется и тут же пропадает чаклик[2].
Не успев пропасть в одном месте, он тут же появляется в другом и вновь исчезает.
Число чакликов увеличивается, пока они не заполняют всю вежу.

Мать. Кто это?
Чакли. Это кто? Это кто? Кто? Кто? Кто?
Мать. Что вам нужно?
Чакли. Нужно вам… Нужно вам… Что нужно вам?
Мать. Я вас не звала.
Чакли. Звала… Звала… Звала…

Эхом раздаются слова Матери: «Возьмите мою жизнь, но дайте жить моему сыночку!»

Мать. Теперь ясно.
Чакли. Ясно теперь? Ясно теперь?
Мать. Пришли за мною?
Чакли. Пришли. Пришли. Пришли.
Мать. Хорошо. Но обещайте, что он будет жить!
Чакли. Будет! Он будет! Будет жить!
Мать. Я готова. Идем.

Чакли тянут через сцену толстую нить.
Ее конец протягивают Матери. Второго конца мы не видим.
Мать бросает взгляд на сына. Тот давно перестал плакать.

Мать. Сынок…
Чакли. Идем! Готова! Идем! Идем!
Мать. Сынок…
Чакли. Идем! Идем! Идем!

Мать выходит вперед, принимает от чаклика нить и делает шаг.
Вежа за ней растворяется в темноте.

---

[1] Вежа — жилище жителей Лапландии, напоминающее ненецкий чум.
[2] Чакли — северные тролли.

Явление 4.

Мать, Мать-Бабушка.
Мать идет в неизвестность, держась за нить, которую перед ней несет чаклик.
Вдалеке начинает брезжить свет. Внезапно на пути возникает силуэт.
Это Мать Матери — Бабушка мальчика.

Мать-Бабушка. Дочка? Ты здесь? Но как?
Мать. Мама? Не знаю…
Мать-Бабушка. Ведь ты не умерла?
Чакли *(эхом)*. Ты не умерла! Умерла ты!
Мать. А здесь только те, кто…
Чакли *(эхом)*. Те! Те! Только те!
Мать-Бабушка. Или те, кто вечно…
Чакли *(эхом)*. Или те! Те! Те!
Мать. Сын. Он очень болен.
Мать-Бабушка. Да. Болен… Иди прямо. И будь готова.
Мать. К чему?
Мать-Бабушка. Ко всему.
Чакли *(эхом)*. Иди! Ко всему! Готова! Ты готова!

Тень Матери-Бабушки растворяется.
Путь продолжается.

Явление 5.

Мать, Отец-Дедушка.

Мать. Отец!
Отец-Дедушка. Все знаю. Внук…
Мать. Да, сын. Откуда знаешь?
Чакли *(эхом)*. Оттуда! Отсюда!
Отец-Дедушка. Цыц вы! У тебя в руке нить судьбы. От детей к родителям, от тебя ко мне. Все знаю.
Чакли *(эхом)*. Нить судьбы! Нить судьбы!
Мать. Нить судьбы? И куда она тянется?
Отец-Дедушка. К морю. Все судьбы ведут к морю.
Чакли *(эхом)*. К морю! Идут к морю! Все к морю!
Отец-Дедушка. У моря все нити сходятся, все судьбы решаются: здесь они зарождаются, сюда возвращаются, здесь исчезают. Вечная морская битва.
Чакли *(эхом)*. К морю! Все к морю!
Мать. К морю… А мне что делать?
Отец-Дедушка. Иди прямо и ничего не бойся.
Чакли *(эхом)*. Бойся! Бойся! Бойся!
Отец-Дедушка. Цыц, нечисть! Иди прямо, дочка.

Тень Отца-Дедушки растворяется.
Путь продолжается.

Явление 6.

Мать и Она.
Мать выходит к берегу моря.

На берегу светящаяся вежа: шкуры белых оленей укреплены на оленьих костях.
Мать шла на этот свет. Перед вежей возникает фигура в балахоне.

Мать. Мир тебе. Мой сын. Он очень болен. Что мне делать?

Фигура покачивается, но не реагирует.
Внезапно с лица фигуры откидывается капюшон, и мы видим голову чакли.
Он стоит на плечах своего собрата (или двоих собратьев).

Чаклики, довольные шуткой, с хохотом рассыпаются.
Полог белой вежи откидывается.
Внутри возникает белая фигура Хозяйки белой вежи.
Лицо женщины скрывает капюшон.
Она сидит за призрачной прялкой и сучит нить,
которую вездесущие чаклики тянут в неизвестном направлении.
Нить в руке у Матери ведет к этой прялке.

Мать. Ты кто? И что здесь…
Она. А поздороваться? Ты ко мне пришла.
Мать. Ой… Мир тебе…

Мать плачет.

Она. Ты что, укушенная? То дерзишь, то рыдаешь.
Мать. Сын очень болен.
Она. Болен сын, а ты своей жизнью разбрасываешься?
Мать. Разбрасываюсь?
Чакли *(хохоча и издеваясь повторяют фразу Матери)*. «Возьмите мою жизнь, но дайте жить моему сыночку!»
Мать. Зачем мне жить, если его не будет?
Она. Зачем жить? *(хохочет)* Точно, укушенная!

Вместе с ней хохочут и чакли.

Она *(останавливая хохот чакли)*. Тише! Ты понимаешь, что такое жизнь?
Мать. Да.
Она. Смешная ты! Я согласна!
Мать. На что?
Она. Беру твою жизнь. От мелких подарков не отказываются! Все, иди.
Мать. А сын?
Она. Сама поможешь. Кому он еще нужен. Возьми *(протягивает пояс)*.
Мать. Я помню этот узор… Это… пояс мужа.
Она. Большой шаман был.
Мать. Он погиб на охоте.
Она. Каждой рыбе своя волна, каждому человеку свое дело. Его дело было лечить, а не стрелять. А людям без него плохо. Болеют. Умирают. Будешь вместо мужа?
Мать. … Лечить? Да.
Она. А понимаешь, как это? Теперь твоя жизнь — не твоя. Готова?
Мать. Да. Только не умею…

Сзади, над морем, возникают зеленые всполохи света.

Северное сияние?
Она. Так его люди называют. Это судьбы сошлись у моря.
Мать. Зачем?
Она. Для решающей битвы добра и зла.
Мать. Сияние — это битва?
Она. Ежедневная битва. Пока побеждает добро, вспышки зеленые. Но стоит появиться красным всполохам…
Мать. Что? Что тогда?
Она. Смотри и запоминай.

На фоне северного сияния Она начинает обрядовый танец передачи знаний.
К танцу присоединяются диковинные рыбы, чакли, а затем и Мать.
Она надевает на Мать пояс погибшего мужа.

Она. Шаман все уметь должен, и никому не делать зла. Но запомни: увидишь меня у головы больного — лечи. Увидишь в ногах — уходи.
Мать. Запомнила. Мне к сыну надо… Спасибо за подарок!
Она. Смешная! Взвоешь ты от этого подарка. И наказ мой забудешь!
Мать. Не забуду! Не забуду!
Она. Укушенная! Ха-ха-ха!

Затемнение.

Явление 7.
Мать спит в своей веже.
Раздается детский плач.

Мать *(вставая)*. Что? Сынок… Сынок, что случилось? Не плачь.

Мать подходит к сыну.

Хочешь оленьего молока? Оно придает силы.

Идет за молоком. Возвращается.
Начинает поить ребенка, приподнимая его голову.

Ах! Как ты горяч! Ты болен… Духи, за что? Ведь рядом нет шамана. Кто тебя вылечит?

По веже быстро пробегает чаклик.

Нет… Не может быть. Это сон. Только сон.

Мать видит на себе пояс мужа.

Не сон… Не сон! Сынок, я знаю, что делать. Духи, вас призываю! Я готова.

Мать начинает шаманский обрядовый танец вокруг сына.
На заднем плане возникают красные отблески северного сияния.
К концу танца сияние становится зеленым, сын садится и смотрит на мать.

Сын. Мама, что ты делаешь?
Мать. Получилось! Сынок, как ты меня напугал…
Сын. Напугал? Разве у меня вместо пальцев выросли когти?
Мать. Нет. Просто я очень люблю тебя.
Сын. И я тебя люблю. А еще пить хочу. И есть тоже.
Мать. Сынок… Моя жизнь для тебя!

Мать смеется и прижимает Сына к себе.

Явление 8.
Появляются тени просителей.

Проситель 1. Мир тебе! Дочь третий день в горячке. Помоги!
Проситель 2. Мой муж очень болен. На охоте его покусал медведь.
Проситель 3. Мой отец… Ему трудно дышать! Помоги!

Мать оставляет сына. Она готова начать шаманский танец.
На заднем плане начинается борьба зеленых и красных всполохов северного сияния.

Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ II.

Явление 1.
Вежа шаманки.
Из темноты возникают чакли, тянущие нить судьбы.
Идет время. Преображается интерьер вежи.
Актеры меняют старый ржавый котелок на медный блестящий,
вместо одной сушеной рыбины вешают целую связку,
укладывают на пол теплые шкуры.

Явление 2.

Мать, Сын.
Прошли годы. Мать постарела.
Подросший сын проверяет лук, собираясь на охоту.

Мать. Сынок, ты меня пугаешь…
Сын. Пугаю? Разве у меня когти вместо пальцев и я не способен держать лук?
Мать. Нет. Просто я очень люблю тебя.
Сын. И я тебя люблю. А еще я хочу есть.
Мать. Но дома вдоволь еды… Тебе мало?
Сын. Ее приносят тебе.
Мать. Люди благодарны за лечение.
Сын. Благодарны тебе. А я? Я сам хочу уметь…
Мать. Сам… Каждой рыбе своя волна, каждому человеку свое дело.
Сын. Да! Твое дело лечить, мое — стрелять. У каждого своя жизнь.
Мать. Ты — моя жизнь!
Сын. Мужчина должен добывать еду сам.
Мать. Будь осторожен! Мой мужчина…

Сын уходит на охоту.

Явление 3.

Появляются тени просителей.

Мать. Что вам?
Проситель 1. Мир тебе! У матери сильный жар, помоги!
Проситель 2. Не знаю, что делать… Сын молчит и никого не узнает.
Проситель 3. Моя жена… Она рожает! Помоги!

Начинается шаманский танец.
Он прерывается теневыми сценами, показывающими ложе то одного больного, то другого.
Пациенты жестами указывают больной орган.
И каждый раз тень Хозяйки белой вежи возникает у головы пациента.
На заднем плане идет борьба зеленых и красных всполохов.
В последнем случае Хозяйка возникает у ног больного. Шаманка отступает.
Побеждают красные.

Явление 4.

Расстроенная шаманка заканчивает танец и без сил падает на шкуру в своей веже.
Появляется просительница. Ее лицо скрыто накидкой.

Женщина. Мир тебе!
Мать. И тебе мир. Садись.
Женщина. Слухом о силе твоей земля полнится.
Мать. Помогаю, чем могу.
Женщина. Можешь! Нет шаманки сильнее тебя.
Мать. Какая нужда у тебя?
Женщина. Мужа себе хочу.
Мать. Семья — хорошо. Только здесь шаман не помощник.
Женщина. Как сказать… Хочу чужого мужа к себе приворожить.
Мать. Уходи.
Женщина. Не можешь? Так и скажи.
Мать. Уходи.
Женщина. Не можешь! Иначе себе бы давно приворожила! А ты все одна.
Мать. У меня сын.
Женщина. Сын — вольная птица. Оперится и улетит. А ты одна.
Мать. Лучше одной быть, чем с черным сердцем жить.
Женщина. Сама в это веришь?

Мать. Верю.
Женщина. Загляни в себя. Ты же почти старуха.

Женщина отбрасывает от лица накидку.
Мать видит в Женщине себя, только состарившуюся.

Мать. У-хо-ди.

Женщина начинает хохотать.
Затемнение.

Явление 5.
Шаманка спит в своей веже.
Мать, Сын.

Сын. Мама! Мама…
Мать. Что? Это ты, сынок? Я уснула.
Сын. Мама, я поговорить хотел.
Мать. Говори.
Сын. Мама, я ухожу. Я так решил.
Мать. Да… Ты уже взрослый.
Сын. Мама, да, я взрослый. И я мужчина. Я хочу свою семью, и я могу ее прокормить.
Мать. Да. Просто я очень люблю тебя.
Сын. И я тебя люблю.
Мать. Не делай никому зла.
Сын. Да, мама.
Мать. Каждой рыбе своя волна, каждому человеку свое дело. Мое дело лечить, твое — стрелять.
Сын. Каждый сам хозяин своей судьбы.
Мать. Будь осторожен, хозяин! Мужчина…

Сын уходит.

Явление 6.
Мать осталась одна.

Мать. Ну, где же вы, люди? Я знаю, что делать. Я иду к вам. Теперь я готова.

Начинается шаманский танец.
Мелькают больные. Каждый раз тень Хозяйки белой вежи возникает у головы пациента.
На заднем плане идет борьба зеленых и красных всполохов.
Внезапно танец останавливается.

Явление 7.
Появляется просительница.
В ее руках ребенок.

Просительница. Мир тебе! Мой сын... Он очень болен. Муж ушел на охоту. Что мне делать? Помоги!
Мать. Сын — это хорошо. Дай его разглядеть.

Просительница кладет сына на шкуру.
Ребенок удивительно похож на сына шаманки.

Посмотри на меня, сынок. Где болит?

Ребенок не реагирует. Он без сознания.

Просительница. Он молчит… Все время молчит…
Мать. Как ты горяч…

Явление 8.

Появляется Она и направляется к ногам ребенка.
Мать в ужасе. В этот момент Ее фигура рассыпается. Это шутка чакликов.
Мать немного успокаивается. Теперь уже появляется Она.
Она идет … к ногам ребенка.

Мать. Как там… Увидишь у головы больного,— лечи. Увидишь в ногах — не помню. Забыла… Сынок, ты будешь здоров.

Мать отмахивается от Нее и начинает танец.
Мальчику становится лучше.

Ребенок *(приходя в себя)*. Мама… Кто эта тетя?
Просительница. Это хорошая тетя. Сынок, как ты меня напугал…
Ребенок. Напугал? Разве у меня вместо пальцев выросли когти?
Просительница. Нет. Просто я очень люблю тебя.
Сын. И я тебя люблю. А еще пить хочу. И есть тоже.

Женщины смеются.

Явление 9.

Входит Сын.

Просительница. А вот и наш папа, сынок!
Мать. Сынок!
Сын. Мама! Это мой сын. Твой внук.
Мать. Это моя жизнь!
Чакли *(эхом)*. Жизнь! Жизнь! Жизнь!

Мать протягивает руки к внуку,
но внезапно появившиеся чакли оттесняют ее от ребенка.
Сын и его семья пропадают.
Начинается фантасмагория, в результате которой
шаманка попадает на уже знакомую нам дорогу.

Явление 10.

Шаманку встречают тени родителей.

Мать-Бабушка. Дочка! Ты пришла.
Чакли *(эхом)*. Пришла! Пришла!
Мать. Я ведь не умерла?
Чакли *(эхом)*. Пришла! Пришла!
Мать. Отец!
Отец-Дедушка. Все знаю. Правнук…
Мать-Бабушка. Но что теперь будет! Ты нарушила запрет...
Чакли *(эхом)*. Будет! Будет! Будет!
Отец-Дедушка. Цыц, мелочь! Все правильно, дочка. Иди прямо.
Мать-Бабушка. Не бойся. Ты всегда шла прямо.
Чакли *(эхом)*. Не бойся! Не бойся! Не бойся!
Мать. Прямо.

Путь продолжается.

Явление 11.

У белой вежи Шаманку встречает Она.
Ее руки все так же прядут нить.

Она. Это ты, стукнутая?
Мать. Мир тебе.
Она. Наказ мой забыла. А ведь обещала...
Мать. Не забыла… Я…
Она. Может ты решила, что ты — это я?
Мать. А ты кто?
Она. До сих пор не догадалась? *(смеется)* Я та, кто стережет жизни.
Мать. Ты стережешь жизни людей?
Она. Я Смерть. Видишь эту нить? Иди за мною.

Она вводит шаманку в комнату со свечами.
Там толстая нить разделяется на пучок более мелких,
каждая из которых подходит к низу стола, на котором горят свечи.

Вот они. Жизни. Загораются. Светят! Греют… Сгорают.
Мать. А где моя свеча?
Она. Вот эта.
Мать. Маленькая… Другие гораздо больше!
Она. Воск оплавится, и фитиль жизни погаснет. Лишь белый дым легкой рыбкой поплывет туда, в сторону моря. У доброго человека рыба белая, у злого черная. Там, над морем, они станут частью вечной битвы добра и зла. Больше белых рыб — сияние зеленое, больше черных…
Мать. Красное… Неужели это все?
Она. Все. Хотя… Разрешаю. Отрежь кусок у любой свечи и приставь к своей.
Мать. Отрезать?
Она. Да! И останешься с внуком. Много добра ты принесла людям. Режь. Разрешаю.

Она наконец откидывает капюшон.
Постаревшая Шаманка видит себя в молодости.

Мать. Отрезать чужую жизнь?

Возникает северное сияние. Оно красного цвета.
Вокруг появляются тени пациентов.

Она. Да. Вот свеча твоего первого больного. Там свеча охотника, что схватился с медведем. Это свеча твоего сына.
Мать. А эти, незажженные?
Она. Твои правнуки. Вот нож.
Чакли *(подавая нож)*. Нож! Нож! Нож!
Мать. А если ничего не резать… Какой рыбой обернется моя душа?

Появляются чакли.

Чакли. Белой! Белой! Белой!

Появляются тени родителей.

Отец-Дедушка. Цыц, мелочь! Иди прямо, дочка.
Мать-Бабушка. Не бойся. Ты всегда шла прямо.
Мать. Всю жизнь я шла к этому морю. Я пришла.

На заднем плане появляются зеленые всполохи северного сияния.
Занавес.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА..... 4

Наставления святого Макария Великого……. 5

Уроки преподобного Сергия Радонежского…… 6

Русские писатели о культуре и нравственности..... 8

Александр Сергеевич Пушкин..... 8

Лев Николаевич Толстой..... 9

Михаил Юрьевич Лермонтов..... 10

К 500-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ…… 12

Валерий ХОДУЛИН. Из цикла «Мой тульский кремль» …… 13

Валерий САВОСТЬЯНОВ. «Кремль — богатырь»……... 13

Яков ШАФРАН. «Наш кремль» (песня)……..... 14

ПРОЗА……... 16

Ляман БАГИРОВА. «Свободный»…….. 17

Сергей КРЕСТЬЯНКИН. «Гармонь»……... 18

Валерий МАСЛОВ. Притчи…….. 22

Аркадий МАР. «Этюд Скрябина»…… 25

Евгений СКОБЛОВ. «Талисман»……. 28

Михаил СМИРНОВ. «О время, погоди…»……. 29

Людмила АЛТУНИНА. «Там, где реки детства» (миниатюры)……... 33

Евгений ВАРЛАМОВ. «Петух»……... 38

Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ

«Обелиск». ……..... 39

«Снегири»……. 41

Павел ПОДЗОРОВ. Рассказы. Фантастика……. 44

Вячеслав МИХАЙЛОВ. «Улица Демонстрации, улица Революции»…….. 50

Галина СОЛОНОВА. «Левый»……... 52

Владимир ГЕРАСИМОВ. «Черныш»…….. 55

Виктор АФОНИЧЕВ. «Счет»……... 59

Олег СЕВРЮКОВ.

«Золотая пыльца». «Мотылек и одеяло»……. 70

«Туман и солнце»…… 71

Игорь КАРЛОВ. «Предчувствие осени»……... 72

Олеся МАМАТКУЛОВА. «Сочельник»…….. 73

Наталия ЛАЗАРЕВА. «Придет серенький волчок»…… 74

Нина ГАВРИКОВА. «Загадка родного дома»…… 79

Тамара ХАРИТОНОВА. «Один день из жизни насекомых». Экофэнтези…….. 82

Ольга КАРАГОДИНА. «Незабудки России»…….. 90

Николай МАКАРОВ. «Хирургия»……... 90

Галина КЛИНКОВА. «Какие б судьба ни плела кружева...»…… 92

Рудольф АРТАМОНОВ. «Таблетка»……... 94

ПОЭЗИЯ..... 97

Галина ЗЕЛЕНКИНА

«Я живу из себя»……... 98

«Уставшие струны гитары»……..... 98

«Странница»…….. 98
«Ты, душа моя»……. 98
«Прошу прощенья»…….. 98
«Я вас прощаю»……..... 99
Галина ЛЯЛИНА
«Не потому ль кричали птицы?»……... 99
«Мне бы в лето взять абонемент…»……... 99
«Вы видели предутренний рассвет…»……... 99
«Я верю — не одни мы во Вселенной»…….. 99
«Где ты, радость?»…… 100
Наталья АРТЕМОВА
«Вдруг задохнешься от нежности…»……. 100
«Я, внучка непришедшего солдата…»……... 100
«Разве они не поэтами были?..»…….. 100
Николай ТИМОХИН
«Ты — моя любимая столица…»…… 101
«Дорога, длинная дорога…»……... 101
«Вся твоя красота — это тайна…»……. 101
«Вновь до утра мне не уснуть…»……... 101
«Мне фонари в глаза пускают свет…»……... 101
Эдуард ГЕОРГИЕВСКИЙ
«В Белоусовском парке»…….. 102
«Весна»…….. 102
Яков ШАФРАН. Цикл стихов «Березовая Русь»
«Серые тени и серые будни…»……... 102
«Время ненастное, небо туманное…»…… 102
«Бледнеет небосвод, сереет роща…»……. 103
«Проста березовая роща…»…… 103
«Прижмусь к березе — славно, благодать!..»…… 103
«Уж в роще темно, догорает тоскливо…»……. 103
«Кто счастье ищет неустанно…»…… 103
«Речка, косогорье…»……... 103
Виктория ТКАЧ
«Облако, похожее на льва…»…….. 104
«Искусство жить» 104
«Чуть громче голоса из Ветхого Завета…»……... 104
«Пора! Пора…»…… 104
Олеся МАМАТКУЛОВА. Из цикла «Верую»
«Яблочный Спас»……..... 104
«Пасха»…….. 105
«Благая весть!»…… 105
Ольга БОРИСОВА
«Забытый дом»……. 105
«Куда отправляются люди»……. 105
«Небо»……... 105
«Осенний город»…….. 106
Нина ПОПОВА
«Выбираю совесть, а не страх…»……... 106
«Лес»…….. 106
«Березы»…… 106
«Осень»…….. 106

«Потерпи немного, подожди…»……. 107
Анастасия ДЕМИДОВА
«Майский дождь»……. 107
«Две души»……... 107
«Улыбка солнца из-за туч серьезных»……... 107
«Не губите старые дома»……. 107
Сергей НИКУЛОВ
«Зажигает месяц свечи…»……... 108
«Камень»……... 108
«Уходит день за окоем…»……... 108
«Я проеду снова сотни километров…»…….. 108
Елизавета ВЕСИНА (БАРАНОВА)
«Мне достаточно края земли…»……. 109
«Оранжевым, желтым, зеленым…»…… 109
Любовь САМОЙЛЕНКО
«Яснополянский пруд»……. 109
«Люблю я Россию»……. 109
«Преддверье строки»…… 110
Вячеслав АЛТУНИН
«Я не помню, в какую дату»…… 110
«Затоскует душа»…….. 110
«В глуши»…….. 110
«Ворон»…….. 110
«Осенние зеркала»…… 111
«Рыданье зимнего дождя»…… 111
Сергей ЖИГАЛИН
«Иван Бунин. Ефремов — Париж»……. 111
«Вокруг России мир кружится»…….. 111
«ДПИ»…… 111
Виктор МЫЗНИКОВ
«Памяти Алеши Матвиенко»……... 112
«Разволновалось Баренцево море…»…….. 112
Владимир ГЕРАСИМОВ
«Мы рождены все в сорок пятом»……... 112
«Я тебя с той войны еще жду»…… 113
«Берегу твой кисет, треугольник солдатский…»…….. 113
«Нас так мало осталось»…….. 113
Наталья ШЕСТАКОВА
«Перед Рождеством»……..... 113
«В мире музыки»……... 114
Анфиса ТРЕТЬЯКОВА
«Любовь»……... 114
«Все пройдет»……... 114
«Невезучие»……... 114
Елена ХАФИЗОВА
«Борисъ и Глебъ»…… 115
Валерий АКИМОВ. Цикл стихов «На это дали право мне они!»
«Фронтовики»……... 116
«Великой юбилейною порой»……. 116
«В разведке — всю войну. И уцелел…»……... 116
«Горечь»……. 117

Вадимир ТРУСОВ
«По натуре гуманитарий…»…… 117
«Все дороги, что мною пройдены…»…… 117
Сергей ФИЛИППОВ
«Городок сибирский…»…….... 118
«Малыш сидит, уткнувшись в гаджет…»…….. 118
Любовь БОНДАРЕНКО
«Тоска по родине!»……... 118
«Зимушка явилась»……... 118
Анна МИКАЕВА
«День»…… 119
«Как коротко лето в России»……... 119
Сергей ОДИНОКОВ
«Ёлочка»…… 119
Евгений ВАРЛАМОВ
«Осенний плен»…… 120
«Шагает май»…… 120
«На покосе»……..... 120
Ирина ТАТАРНИКОВА
«Пионы»…… 121
«Мы тянемся к тому, что жизнь имеет…»…… 121
Ирина КОНОВАЛОВА
«Светлое Христово Воскресение»…….. 121
«Две старости — одна любовь»…….. 121
Эдуард ДЭЛЮЖ
«Пером по венам»…… 122
«Золотые раны»…… 122
Антонина МАРКОВА
«В доме сонном»……... 122
«Умирающая деревня»…… 123
Лариса ЛЕБЕДЕВА
«Закат»……... 123
«Береза»…… 123
«Их сегодня осталось так мало»…….. 123
Юлия КОЛОБКОВА
«Мечты о детстве»…… 123
«Заросла лопухами деревня»……... 124
Светлана ЛЮКШИНА
«И, словно жемчуг драгоценный…»……... 124
Людмила ПЕНЬКОВА
«Что женщине нужно для счастья земного?»…… 124
Натали СИЛАЕВА
«Мы искали друг друга долго…»…… 125
«Это светлое чувство — любовь…»……... 125
Ольга ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ
«Без дна колодец горизонта»……... 125
«Танец»…….. 125
Сергей НОСОВ. Из подборки стихов «И все-таки распустится любовь»
«Я в зеркало волшебное…»…… 126
«Радость в платьице синем…»…… 126

Тамара САМОХИНА
«Изумрудный мир»……... 126
Ольга ПРИСТУПЕНКО
«Разыгрались степные просторы…»……... 127
Валентина ВОЛЧКОВА
«Он шел, не сгибаясь, не кланяясь пулям…»…… 127
Юлия ВОЕВОДИНА
«Городская молитва»…… 128
Станислав ВОРОНЦОВ
«Знакомо. Знакомо…»…….. 128

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ…….. 130
Геннадий МАРКИН. «Равнина русской словесности»…….. 131
Валерий МАСЛОВ. «Автор «Легенды о мастере Тычке»……. 133
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. «На все копыта кованы»……. 136
Магдалина ГРОСС. «Родник добрых знаний»……... 145
Ольга АРТЕМОВА. «Из одного полка»…….. 148
Елена ГАДЕНОВА. «Вячеслав Иванович Боть — эпоха одного человека»……... 152
Сергей НОСОВ. «Что существует, а что нет?»……. 153

ПУБЛИЦИСТИКА..... 157
Алексей ЯШИН. «История и политкорректность»…… 158
Анна КАРЛОВА. «Отец Николай Касаткин — апостол Японии и его миссия»…. 161
Ирина МАЦНЕВА. «Рубеж воинской доблести»……... 163
Людмила АЛТУНИНА. «В стране снежного барса»……. 168
Елена ГАДЕНОВА. «Весенняя песня солнца»……... 170
Татьяна РОГОЖИНА. «Шкатулка путешествий»…….. 172
Ирина НИКОЛЬСКАЯ. «Очисти душу свою...»……. 175
Василий ТАРАКАНОВ. «Зарисовка из провинциальной жизни»…… 176

РОССИЙСКОЕ РОДОСЛОВИЕ……... 180
Сергей ЛЕБЕДЕВ. «Идет война народная…»……. 181
Евгений ТРЕЩЕВ. «Огонь родных очагов»……... 185
Евгений ШЕПЕЛЕНКО. «Деревня Саламатовка — малая родина моих предков» 188

О ДЕТЯХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ..... 195
Кира КРЕСТЬЯНКИНА. «Книжный шепот»……. 196
Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА
«Славина слава»…… 198
«Взлет»……... 199
«Идем в цирк!»…….. 201
Марианна БОР-ПАЗДНИКОВА
«Том Сойер»…….. 202
«Фестиваль крапивы»……... 203
«Скворцы»……. 204
«Книга»…….. 204
Магдалина ГРОСС. «Мужики из шестого «В»……... 205
Антонина МАРКОВА. «Томка»……... 209

Людмила ПЕНЬКОВА.
«Русский алфавит»…… 211
«Алфавит»……. 212
«Алфавит — богатство»……... 212
«Сказка о том, как Егор подружился с буквой “Б”»…… 213
Ольга БОРИСОВА
«В Королевстве Утреннего Сияния»……... 214
«Освобождение Королевства Голубых Цветов»……... 214
Ольга АНДРЕЕВА
«Колье для Русалочки» (стихи)……... 215
«Колье для Русалочки» (проза)……... 216
Рагим МУСАЕВ. «Идущая к морю»…… 218

УЧРЕДИТЕЛЬ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

АЛЬМАНАХ «КОВЧЕГ» С 2020 Г. ВЫХОДИТ ПОД ЭГИДОЙ
АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ЯКОВ ШАФРАН — главный редактор и составитель
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА — зав. отделом публицистики и литературоведения
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН — зав. отделом прозы
НИКОЛАЙ ТИМОХИН — зав. отделом поэзии
АЛЕКСЕЙ ЯШИН (от «Приокских зорь»)
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ

АЛЬМАНАХ ОСНОВАН В 2011 ГОДУ
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ГОД

12 +
В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», альманах предназначен для людей старше 12 лет.

(произведения раздела «О детях и для детей» читаются детям младше 12-ти лет взрослыми людьми)

В макете обложки образцом явилось фото автора Ирсен:
http://fotki.yandex.ru/users/tvoi-druzia/view/405071/?page=1

В иллюстрациях использованы гравюры Юлиуса фон Карольсфельда из «Библии в картинках» («Die Bibel in Bildern»). Изданно в Лейпциге в 1852—60 гг. (из Интернета):
стр. 3 — «Нагорная проповедь». Графика. Гравюра.
стр. 11 — Реконструкция Тульского кремля на XVI век.
стр. 15 — «Иисус и грешница». Графика. Гравюра.
стр. 96 — «Иисус Христос благословляет детей». Графика. Гравюра.
стр. 129 — «Крещение Иисуса Христа». Графика. Гравюра.
стр. 156 — «Проповедь Павла в Афинах». Гравюра.
стр. 179 — «Вознесение». Графика. Гравюра.
А также:
стр. 194 — «Мадонна в облаках». Агостино Карраччи. Графика. 1582 г. (из Интернета).

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

КОВЧЕГ

ВЫПУСК 10

Произведения, опубликованные в альманахе, даны преимущественно в авторской редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакторы: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран
Корректоры: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка, изготовление оригинал-макета
и дизайн обложки: Я. Н. Шафран
Оформление: В. В. Радько, Я. Н. Шафран
Составление: Я. Н. Шафран

Издатель — всероссийский ордена Г. Р. Державина
литературно-художественный и публицистический журнал
«Приокские зори»

Контакты гл. редактора: e-mail: bonyans@yandex.ru тел. 8-953-443-14-69

Альманах выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров

Дата выхода в свет 01.07.2020 г.
Формат 60x84 1/8. Усл.-печ. л. 27,44
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 129

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Полиграфинвест»
300028, Тульская область, Тула, Сурикова 20
Тел.: (4872) 71-02-92

ISBN 978-5-6044594-0-9

9 785604 459409